Российская ассоциация политической науки
Russian Political Science Association

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА • ЕЖЕГОДНИК • 2020–2021

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ • ЕЖЕГОДНИК • 2020–2021

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА • ЕЖЕГОДНИК • 2020–2021

Москва – Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 32
ББК 66
М74

Главный редактор
А. И. Соловьев

Редколлегия:
О. В. Гаман-Голутвина, В. А. Гуторов, Б. Г. Капустин, О. Ю. Малинова, А. И. Никитин, Ю. С. Пивоваров, С. В. Патрушев, А. К. Сорокин, Л. А. Фадеева, К. Г. Холодковский, А. И. Щербинин

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор М. М. Мчедлова
доктор политических наук, профессор Л. Н Тимофеева

М74 **Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021** / Российская Ассоциация политической науки ; [под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Соловьева, А. И. Щербинина]. – Москва ; Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – 438 с.

ISBN 978-5-907442-46-7

В очередном Ежегоднике РАПН представлены статьи, освещающие широкий круг проблем, демонстрирующих различные грани публичной политики, разворачивающейся в пространстве национального государства и мировой политики: вопросы методологического характера, цифровизации государственного управления, борьбы с пандемией, взаимоотношений РФ с Евросоюзом и КНР, а также иные актуальные проблемы современного политического развития.

Для политологов и всех интересующихся проблемами публичной политики.

УДК 32
ББК 66

© Российская Ассоциация политической науки, 2021
© Томский государственный университет, 2021
ISBN 978-5-907442-46-7
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Раздел 1. Публичная политика
в ареале национального государства

Сморгунов Л. В. Три стратегии политики цифровизации: государственное управление и трансформационный потенциал цифровых технологий 9

Соловьев А. И. Правящие режимы и политические квази системы. Методологические аспекты 34

Глухова А. В. Либеральная демократия versus авторитарный популизм: новые арены соперничества политических систем 51

Заславский С. Е. Партийная система России в электоральном цикле 2021 года: конфигурация и линии конкуренции 78

Михайлова О. В. Оценка эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении: возможности и вызовы 88

Осколков П. В. Модели этнополитики: попытка типологизации 103

Полунов А. Ю. Роль этнических факторов в формировании общероссийской гражданской идентичности 121

Данилова Е. А. Формирование стратегии национального брендинга РФ в области обороны и обеспечения национальной безопасности: акторы, технологии, практики 132

Бирюков С. В. Трансформация либерального право-популистского дискурсов в условиях ситуации пандемии короновируса: выбор национальных элит 143

Алейников А. В., Мальцева Д. А. Конфликтная политизация риск-рефлексий в условиях коронакризиса 171

Шаповалов Л. В., Брод А. С. Формирование и регистрация партийных списков: российский и зарубежный опыт 190

Schcerbinin A., Schcerbinina N., Sentsov A. Siberian Frontier as history, model and guideline for the future 213

Раздел 2. Публичное пространство мировой политики: концепты, практики, перспективы

Гаман-Голутвина О. В., Церович М. А. Доминантные траектории сотрудничества ЕС и КНР 227

Бахлова О. В., Бахлов И. В. Вызовы и возможности союзного государства Белоруссии и России в повестке политического сообщества 243

Шиловский Р. С. Протестный потенциал российской и белорусской молодежи в цифровом пространстве в период пандемии коронавируса (на основе сетевого анализа) 271

Рудась А. В. Политические риски российско-польских отношений в контексте украинского кризиса 283

Зудин А. Ю., Луцкая А. А. Бизнес и государство в Германии: как изменилась модель взаимодействия? Консультации без «посторонних» 303

Казаринова Д. Б. Эволюция понятия «культурная война» в западной политической мысли 333

Калачева Е. С. Спичрайтеры Белого Дома: малоизученные аспекты политической деятельности 350

Рогожина К.А. Научная дипломатия как объект исследований в современной политической науке 373

Силакова И. В. Количественная и качественная динамика репрезентации темы научной дипломатии в социальных медиа на протяжении периода 2011–2021 гг. 399

Раздел 3. Тридцать лет отечественной регионалистики

Дахин А. В. Отечественная политическая регионалистика в контексте становления единой системы публичной власти в России: транзит концепций и практик 411

Сведения об авторах 435

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публичная политика всегда была верхушкой айсберга, под которой скрывались сложные переплетения союзнических и конкурентных отношений, тайных замыслов и переговоров элитарных групп, а также иных политических конструкций. Однако именно публичная сфера оставалась и остается ареной важнейших взаимоотношений власти и общества, тех конфликтов и поисков консенсуса, в которых проявляются коммуникации институтов государства и гражданских сообществ. В этом смысле даже стартующая эпоха цифровизации не способна изменить эту природу публичной политики.

Понятно, однако, что нынешние времена демонстрируют весьма сложную комбинацию унаследованных и вновь возникающих конфликтов и отношений самых разнообразных политических акторов. Под их воздействием стремительно меняются и очертания их публичных коммуникаций, усугубляющих и без того высокую неопределенность как внутри государственного, так и мирополитического процесса. Многоликие политические практики конкурирующих акторов, правящих режимов, международных и региональных игроков, стремящихся завоевать новые, более перспективные позиции, добиться преимуществ в получении общественных благ и ресурсов, создают для политологов крайне интересные области исследования. Тем более что целый ряд традиционных теоретических моделей и базовых категорий испытывают риски той теоретической усталости, которая не позволяет добиваться необходимых релевантных результатов.

С полным пониманием складывающей ситуации, как в области публичной политики, так и динамики познавательных конструкций, авторы очередного Ежегодника РАПН предлагают собственные версии интерпретации целого ряда актуальных

проблем политической науки. Тематические интересы ученых разделились по двум группам проблем, касающихся изучения различных граней публичной политики в контексте национального государства, а также мировой политики. Разнообразие представленных в книге сюжетов показывает не только широту исследовательского поля, но и – как, впрочем, вполне традиционно – определенную противоречивость воззрений авторов, предлагающих собственные интерпретации сложносоставных и информационно открытых политических связей и отношений.

Насколько удачными оказались результаты этой теоретической рефлексии – судить тебе, читатель. Составители и редакторы этого сборника надеются лишь на то, что знакомство с этими материалами окажется полезным и интересным занятием для всех, кто интересуется политическими проблемами современного мира.

А. И. Соловьев

РАЗДЕЛ 1

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В АРЕАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Л. В. СМОРГУНОВ

ТРИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

Аннотация. Цифровые технологии обладают трансформационным потенциалом. Однако это проявляется не напрямую, а в системе социотехнических ассамбляжей, возникающих в процессе современной цифровизации государственного управления. Неотъемлемые технологические возможности новых ИКТ ведут к следующим изменениям в государственном управлении: горизонтализация, детерриториализация и виртуализация. Как эти изменения влияют на государственное управление? В современных схемах административных реформ под флагом цифровизации три упомянутых выше процесса выражаются в децентрализации, создании сетей и бесконтактном взаимодействии. Тем не менее, эти изменения в государственном управлении можно рассматривать двояко. Одни подходы касаются влияния независимых (цифровых технологий) на зависимые (результаты реформ) переменные. Другие позволяет рассмотреть происходящие изменения в перспективе проектирования социотехнических ассамбляжей. Используя методологию конструктивизма для анализа цифровых трансформаций в различных странах-пионерах цифровизации (Сингапур, Эстония и Финляндия), исследование демонстрирует различные стратегии создания объединений в государственном управлении – технократический, культурный и рыночный подходы. Эти три стратегии подчиняются различным принципам организации общественного координационного пространства в совокупности – юзабилити, интерпретативной оценке (ценность) и коммодификации.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Ключевые слова: социотехнические ассамбляжи, государственное управление, административная реформа, цифровизация, технократический подход, рыночный подход, культурный подход

Введение

Трансформация государственного управления в эпоху четвертой промышленной революции[1] позволяет улучшить управление, делая его более прозрачным, ответственным, инклюзивным и гибким. В значительной степени это связано с реконфигурацией сетевых конструкций и с новыми сетевыми эффектами, возникающими в результате платформенной организации его функционирования. Порталы электронного правительства становятся «узкими» для развития технологий, предоставляя новые возможности для государственного управления и политики, не только по форме, но и по содержанию. В то же время набирает силу движение за «электронное правительство 4.0», ломающее старые привычные формы взаимодействия между государством и обществом.

Некоторые исследователи говорят, что необходимо отказаться от прилагательного «электронный» при описании структуры и деятельности государственных органов и говорить либо просто о «правительстве 4.0», либо сосредоточиться на его новых механизмах и культуре взаимодействия с гражданами, используя термин «правительство, ориентированное на граждан»[2]. Этот переход связан с технологической и политической основами современных структур координации взаимодействия[3]. В частности, следует отметить, что понятие «платформа»[4] характеризует не только важ-

[1] *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Penguin, NY, 2017.

[2] *Eriksson K., Vogt H.* 'On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship' // European Journal of Social Theory. 2013. Vol. 16, No. 2.

[3] *Parker G., Van Alstyne M., Choudary S.* Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and – How to Make Them Work for You. New York; London: W. W. Norton & Company, 2016.

[4] *Dais A., Nikolaidou M., Alexopoulou N., Anagnostopoulos D.* Introducing a public agency networking platform towards supporting connected governance // Electronic Government / eds. by M. Wimmer et al. Berlin: Springer, 2008; *Gillespie T.* The

ность открытых и нейтральных средств коммуникации, но и публичной основы для формирования политических сетей.

Внедрение платформенных сетей в экономику и политику, основанных на цифровых технологиях, поставило под сомнение традиционные формы управления системой, связанные с централизацией, использованием репрезентации, обратной связи и поддержанием равновесия с окружающей средой. Ответом на проблему стал широкий спектр решений, обеспечивающих управляемость: от анархистских (без Левиафана) до неолиберальных (контроль), республиканских (господство) и фукодианских (дисциплина, подчинение). В связи с этим остается открытым вопрос о том, как использование платформ повлияет на управляемость. Однако очевидно, что платформы не являются нейтральным средством организации государственного управления. В процессе трансформации электронного правительства из порталов в платформы проявилась политическая природа возможных вариантов использования государства как платформы[1]. Узкий технологический подход к платформам позволил только повысить эффективность предоставления услуг. В более широкой интерпретации говорилось об изменении государственной политики, которая стала характеризоваться такими чертами, как ориентация на включение граждан, сотрудничество основных заинтересованных сторон в выработке государственных решений и дискурсивная практика определения повестки дня. Кроме того, «сотрудничество может теперь привести к новой роли государства: государство, которое скорее поз-

---

politics of 'platforms // New Media & Society. 2010. Vol. 12, No. 3; *O'Reilly T.* Government as a platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010; *Knox C.* Public administrators' use of social media platforms: overcoming the legitimacy dilemma? // Administration and Society. 2016. Vol. 48, No. 4.

[1] *Gberevbie D. E., Ayo Ch. K., Iyoha F. O., Duruji M. M., Abasilim U. D.* Electronic governance platform: towards overcoming the challenges of non-inclusion of citizens in public policy formulation and implementation in Nigeria // International Journal of Electronic Governance. 2018. Vol. 10, No. 1; *Castelnovo W., Sorrentino M.* The digital government imperative: a contextaware perspective // Public Management Review. 2018. Vol. 20, No. 5.

воляет расширяет возможности для социального создания ценностей своими гражданами»[1].

Идея государства как платформы, выдвинутая Тимом О'Рейли[2], получила международную поддержку. Во многих странах она приобрела черты практической идеи и была принята как основа соответствующих административных реформ. Эта идея получила поддержку в России. Причастность России к использованию электронных технологий иногда описывается как способность системы повышать уровень управления посредством контроля, что приводит к непреднамеренному цифровому авторитаризму[3]. Следует отметить, что снижение свобод, наблюдаемое в ряде значительных стран с либеральными демократиями за последние 14 лет, как было зафиксировано Freedom House в 2020 г.[4], имеет разительную корреляцию с ростом использования цифровых технологий в политических целях в этих странах. Хотя этот вопрос требует дополнительного изучения, прежде чем можно будет сделать твердые выводы, можно предположить, что снижение демократических последствий не является решающим фактором.

Что касается платформ, то, на наш взгляд, часто их использование основано на технологическом оптимизме и не учитывает сложную структуру государственного управления. Платформа, конечно же, является технологически продвинутым инструментом и базой для использования больших данных с рядом приложений. Однако платформа – это не только технология, но и удобная основа для представления государства как базы гражданской активности. В этом отношении идея государства как платформы не может

---

[1] *Al-Ani A.* Government as a platform: services, participation and policies // Digital Transformation in Journalism and News Media / eds. by M. Friedrichsen et al. Media Business and Innovation, Springer, Cham, 2017. P. 188.

[2] *O'Reilly T.* Government as a platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010; O'Reilly T. What's the Future and Why It's up to Us. London: Penguin Random House, 2017.

[3] *Morgus R.* The spread of Russia's digital authoritarianism // Artificial Intelligence, China, Russia, and the Global Order / ed. by N. D. Wright. Air University Press, Maxwell Air Force Base, AL, 2019.

[4] Freedom in the World 2020. A Leaderless Struggle for Democracy. Washington, DC: Freedom House, 2020.

быть эффективно реализована вне социальных и политических контекстов. Эта статья обращает внимание на идею платформы, как в технологическом, так и в социально-политическом смысле; описывает использование новых технологий в процессе внедрения электронного правительства; раскрывает основное содержание технологического взгляда на идею государства как платформы; описывает некоторые области критики технократического использования этой концепции. Также рассматриваются рыночная и культурологическая стратегия цифровизации публичного пространства и управления. В основе этих тем для обсуждения используются международная литература и источники данных.

Платформенное государственное управление

В настоящее время функционирование электронного правительства лишь частично организовано в интернет-порталах, то есть сложных электронных средствах, обеспечивающих реализацию ряда государственных функций и услуг для граждан. Интернет-порталы обеспечивают поиск и сбор информации, взаимодействие граждан и организаций с органами государственной власти, мероприятия для граждан и организаций, оказание государственных услуг. Интернет-платформы представляют собой более сложные электронные инструменты, которые предоставляют не только услуги, но и участие граждан в выборе государственных услуг и влияют на процесс принятия решений[1]. Если использовать прямое значение концепции платформы как набора ИКТ 2.0, ориентированного на использование системы веб-приложений на одном сервере для интерактивности и личного участия, современное государственное управление включает такие технологии под лозунгом развития «способности сотрудничать». В этом смысле электронные платформы являются открытым и техническим средством гармонизации взаимоотношений в системе государственного управления. В целом внимание обращается на такие характеристи-

[1] *O'Reilly T.* Government as a platform // Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice / eds. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif: O'Reilly Media, 2010.

ки электронных платформ, как свободная структура политических возможностей для участия, популистская направленность политики открытости, эгалитарное участие, стимулирование инноваций, сотрудничество, которые являются результатами технологической доступности для человеческих отношений взаимности.

Электронное правительство теперь обладает характеристиками, которые способствуют развитию демократии в самом широком смысле этого слова, включая участие граждан почти в повседневной деятельности государства и в предоставлении общественных услуг. В связи с этим электронное правительство становится основой сетевого взаимодействия граждан, гражданского общества и бизнес-ассоциаций с государством в различных сферах общественной деятельности. На данном этапе это важно оценить электронное участие граждан через различные сайты такого электронного правительства. Как правильно пишут Кей Эриксон и Генри Фогт, «движение электронного правительства» не только изменило управление, но и решительно повлияло на нашу политическую идентичность. Новые электронные каналы создают привлекательную среду для нового типа взаимодействия между правительством и гражданами. Новые цифровые формы политики и управления включают сетевые входы для организации всей правительственной информации и государственных услуг в соответствии с потребностями и интересами определенных слоев населения. Этот подход «одного окна» основан на концепции самообслуживания с требованием от пользователей стать более активными и самоуправляемыми[1]. Есть три основных области изучения управления на основе платформ. Один из них направлен на формирование особой экологии взаимодействия между платформами и человеческими агентами в системе государственного управления[2]. Аффордансы – относительная

[1] *Eriksson K., Vogt H.* On self-service democracy: configurations of individualizing governance and self-directed citizenship // European Journal of Social Theory. 2013. Vol. 16, No. 2.

[2] *Van Dijk J., Ziegler M., Nooijer de L., Reichart G.-J., Xuan Ch., Ducassou E., Bernasconi S., Lourens L.* A saltier glacial Mediterranean outflow // Paleoceanography and paleoclimatology. 2018. Vol. 33, No. 2.

характеристика зарождающейся техноэкологии. Второе направление указывает на значительную роль алгоритмов и искусственного интеллекта в процессах управления платформами[1]. Рассматривая алгоритмы как специфическую систему норм, исследователи обращают внимание на координирующую функцию алгоритмического управления. Соответственно, различные формы аффордансов рассматриваются ими как свойства структуры и архитектуры алгоритмического управления. Третье направление исследований включает роль компаний, производящих технологии цифрового правительства, в области политики цифровизации правительства. Хотя тема аффордансов подчинена политической роли информационных компаний, возможность демократического или авторитарного структурного содержания алгоритмов и интерфейсов имеет особое значение. При описании платформ и возможностей мы будем следовать некоторой комплексной стратегии исследования, подчеркивая, что доступность в системах совместного управления определяется всеми тремя условиями цифрового управления – техноэкологией, алгоритмами и политиками цифровизации.

Платформы – это технические и информационные условия для повышения самоорганизации сообществ, формируемых в сети. Однако их качество определяется определенными условиями, связанными с ориентацией алгоритмов на обеспечение взаимодействия в форме сотрудничества, то есть возможности технологии как посредника, а не как простого проводника. Различие между проводниками и посредниками, проведенное Бруно Латуром по отношению к вещам-посредникам[2], состоит в том, что проводники представляют собой простые структуры для передачи информации между агентами действия, в то время как посредники имеют свои собственные политики для связывающих агентов.

Акторно-сетевая теория Бруно Латура отличается от теории ассамбляжей Деланда[3]. Ассамбляж – это термин, введенный фи-

[1] *Gillespie T.* The politics of ‘platforms // New Media & Society. 2010. Vol. 12, No. 3.

[2] *Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory., New York: Cambridge University Press, 2005.

[3] *DeLanda M.* Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

лософами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в 1970–1980-х гг. и сейчас становится все более распространенным применительно к взаимодействию социальных и технических объектов. В самом общем смысле ассамбляж понимается как совокупность элементов принципиально разной природы, объединенных совместным функционированием[1]. Однако то, что их объединяет, – это поиск включения вещей (включая технологии) в процесс взаимодействия с людьми. ДеЛанда предлагает два критерия ассамбляжей. Первый – это наличие обратной причинности. Ассамбляж способен влиять на свои части, определять формы их существования. Второй критерий, тесно связанный с первым, – это суррогатная причинность. Ассамбляж состоит из множества предметов, но ни один предмет не должен быть незаменимым, по крайней мере, в определенном диапазоне структурной организации. Организм состоит из миллиардов частиц, но каждая из них, несмотря на своеобразную историю существования, не незаменима. Существующий ассамбляж является историческим образованием, каждая из частиц которого необходима, но недостаточна для обеспечения постоянной статики объекта[2].

Технократическая стратегия политики цифровизации

Уровни радикальной критики непреднамеренного цифрового авторитаризма, как правило, основаны на новых тенденциях, проявляющихся в развитии информационных технологий, а также в политике и обществе в этом столетии. Этот «авторитаризм» не предполагает реформирования административной системы и обычно сопровождается чрезмерным технологическим оптимизмом, тенденциями централизации в управлении, внедрением технологий, наблюдением и усилением алгоритмической управляемости. Алгоритмическая управляемость основана на предпосылке разработки алгоритма для решения четко определенных проблем. Как и большинство компьютерных ученых и програм-

[1] *Deleuze G., Parnet C.* Dialogues II. London; New York: Continuum, 2006.

[2] *Ukhin M. S.* Assamblage Recombining: Postcapitalist technology Optics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2020. No. 1.

мистов, технологические оптимисты верят, что алгоритмы на самом базовом уровне представляют собой набор инструкций, используемых для решения четко определенной проблемы. Алгоритмы обычно выражают вычислительное решение в терминах логических условий (информации о проблеме) и управляющих структур (стратегии решения проблемы), что приводит к следующему определению: алгоритмы равны логике управлению[1]. Следовательно, их понимание открытости общества переменам и неопределенности в его развитии сводится к поиску границ разнообразия, т.е. к информации. В этом процессе нет ориентации на обсуждение и общение. Конечно, многие из этих тенденций проявились уже в конце прошлого века, но их важность стала очевидной только недавно. Эти проявления также лежат в основе тенденции критики идеи государства как платформы.

Инициатива Сингапура «Smart Nation» (2014 г.) является прекрасным примером этой технократической тенденции использования цифровых технологий. Используя тематические исследования умного дома и движения «учиться кодировать» в сингапурском контексте, Эзра Хо подчеркивает пределы таких «умных» вмешательств, поскольку они находятся в неолиберальной логике развития государства, что способствует авторитарной консолидации в Сингапуре[2]. Как заявил премьер-министр Ли Сянь Лун, открывая «Smart Nation» 24 ноября 2014 г., «забегая вперед, мы должны стремиться стать выдающимся городом в мире. Замечательное место для жизни, работы и развлечений людей, где процветает человеческий дух. Наше видение заключается в том, чтобы Сингапур был умной нацией – страной, в которой люди живут осмысленной и полноценной жизнью, органично реализуемой с помощью технологий, предлагающей захватывающие возможности для всех. Мы должны видеть это в нашей повседневной жизни, где сети датчиков и интеллектуальных устройств позволяют нам жить устойчиво и комфортно. Мы

[1] *Introna L.* Algorithms, governance, and governmentality: on governing academic writing // Science, Technology, & Human Values. 2016. Vol. 41, No. 1.

[2] *Ho E.* Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban Studies. 2017. Vol. 54 (13).

должны увидеть это в наших сообществах, где технологии позволят большему количеству людей более легко и интенсивно связываться друг с другом. Мы должны увидеть это в нашем будущем, где мы сможем создать для себя возможности, превосходящие то, что мы могли себе представить»[1].

История Сингапура претерпела две успешные трансформации в ответ на призывы к цифровым технологиям. В 1981 г. был создан Национальный компьютерный совет (NCB), чтобы возглавить эти усилия, обнародовав первый план Сингапура в области ИКТ, «Национальный план ИТ» в 1986 г.[2] С помощью национальной компьютеризации с 1980-х до начала 1990-х гг. Сингапур стал региональным центром разработки компьютерного программного обеспечения и услуг. С ростом телекоммуникационной отрасли с середины 1990-х до начала 2010-х гг. Сингапур стал центром сети цифровых услуг.

Основной платформой для организации государственного управления в Сингапуре является Core Operations Development Environment and eXchange (CODEX). Это позволяет правительству предоставлять гражданам более качественные цифровые услуги быстрее и с меньшими затратами. В соответствии с основными направлениями реформы платформа включает следующее: (1) архитектура государственных данных для общих стандартов и форматов данных, которая лучше обеспечивает беспрепятственный обмен данными между агентствами; (2) систематический перенос менее чувствительных государственных систем и данных в коммерческое облако, что позволяет использовать передовые возможности частного сектора для разработки цифровых услуг; (3) технологический стек правительства Сингапура (SGTS), состоящий из набора общих программных компонентов и инфраструктуры, позволяющих более эффективно и целенаправленно создавать цифровые приложения.

Платформа основана на системе больших данных, которая используется многократно используемыми цифровыми компо-

[1] Prime Minister Lee Hsien Long. Smart Nation launch. 24 November, 2014.

[2] *Ho E.* Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban Studies. 2017. Vol. 54 (13).

нентами, включая машиночитаемые потоки данных, промежуточное ПО и микросервисы. По мере развития, как рассматривают реформаторы, эта система будет совместно использоваться агентствами, чтобы все участники могли задействовать эти ресурсы и сосредоточить свое время и энергию на создании продуктов, которые лучше служат общественным интересам. Три важных компонента поддерживают работу платформы. Это хостинговые платформы, которые гарантируют, что агенты используют коммерческие облачные ресурсы самым безопасным способом. Это – программные услуги для быстрой разработки, развертывания, мониторинга и оценки. Третий важный компонент – лаборатория микросервисов, которая позволяет агентствам использовать ряд приложений, таких как, например, аутентификация пользователя. Все системы обеспечиваются условиями кибербезопасности и стандартизации.

Платформа в целом, как считается, нацелена на создание преимуществ для цифровых компонентов, используемых в электронном виде, включая машиночитаемые потоки данных, промежуточное программное обеспечение и микросервисы, которые будут совместно использоваться агентствами, чтобы разработчики могли подключиться к этим ресурсам и сосредоточить свои время и силы на создание продуктов, которые лучше служат обществу; принятие общих инструментов и стандартов в правительстве и поставщиками уменьшит количество ошибок и повысит качество, надежность и безопасность услуг; правительство может использовать возможности коммерческого облака в плане масштабируемости и надежности, а также программные услуги и инструменты; это помогает государственному и частному секторам работать вместе для разработки более ориентированных на пользователя услуг для граждан[1].

В самом автономном правительстве были внесены существенные изменения, связанные с централизацией управления умной нацией. В результате в мае 2017 г. была создана группа «Умная нация и цифровое правительство» (SNDGG). Созданная

[1] См.: URL: https://www.smartnation.gov.sg/what-issmart-nation/initiatives/Strategic-National-Projects/codex.

при канцелярии премьер-министра, SNDGG была зонтичным учреждением, в котором размещались различные подразделения и агентства, участвующие в инициативе Smart Nation. В их число входили недавно созданное Управление Smart Nation и цифрового правительства (SNDGO) и Государственное технологическое агентство Сингапура (GovTech). В то время как SNDGO было, по существу, поручено сформулировать различные политические инициативы Smart Nation, GovTech реализовало эти инициативы. SNDGO объединил сотрудников из офиса программы Smart Nation, Управления цифрового правительства Министерства финансов и Департамента государственной технологической политики Министерства связи и информации[1].

Инициативы «Smart Nation» привели к определенным успехам в сферах эффективности государственного управления, организации транспортной системы, жилищного строительства и развития здравоохранения. Однако, сфокусированная на технологических инициативах, стимулируемых государством, эта программа также выявила ряд противоречий и ограничений, которые исследователи просто связывают с технократической тенденцией в ее реализации и развитии. Эти цифровые инициативы вызывают слабую общественную реакцию, в целом инертное отношение к умной нации. Активная централизующая роль правительства в регулировании цифровизации привела к тому, что последнее не было сосредоточено на инициативе пользователей, на том, что составляет центр цифрового правительства и цифровых услуг – на предоставлении услуг, мотивированных гражданами. В основном, «Отдавая должное городу-государству за скорость его развития… республика ограничивает плюрализм, который напрямую влияет на инициативы э-управления»[2]. Тенденции централизации в правительстве, связанные с управлением

[1] Prime Minister's Office Singapore "Formation of The Smart Nation and Digital Government Group in the Prime Minister's Office" // Press Release. Singapore: Prime Minister's Office Singapore, 2017. URL: http://www.pmo.gov.sg/newsroom/formation-smart-nation-and-digital-government-group-primeminister%E2%80%99s-office.

[2] *Sriramesh K., Rivera-Sanchez M.* E-government in a corporatist, communitarian society: the case of Singapore // New media & society. 2006. Vol. 8 (5). P. 707–730. DOI: 10.1177/1461444806065661.

политикой цифровизации, оттолкнули частный сектор от активного участия и ослабили тенденцию к многостороннему подходу к управлению сетью[1]. Более того, следует отметить, что вся программа осуществляется без учета социального и политического контекста Сингапура. «Такие разработки, – как пишут Лили Конг и Орландо Вудс[2], – избегают интеграции с ранее существовавшими городскими формами и отделены от социальной, политической и культурной среды, в которой технологии, которые они возвещают, будут встроены. Таким образом, такие лаборатории разрабатывают технологии в социально-пространственном вакууме, в результате чего основное внимание уделяется технологиям, а не контексту, в котором они применяются». В центре государственной политики находится идея повышения способности населения использовать (удобство использования) цифровые платформы, а не их адаптация к меняющимся ценностно-качественным характеристикам граждан. В этом случае цифровизация выступает как внешняя необходимость, а не желание. Как отметил один из участников социального опроса, «все необходимо. Все, что мне нужно. *Но нам нужно думать дальше, чтобы найти баланс между необходимостью и желанием иметь*. Итак, когда вы взвешиваете, взвешиваете, взвешиваете, так или иначе, большинство вещей, которые вам нужны, – это необходимость. Без этого не обойтись»[3].

Рыночная стратегия политики цифровизации

В ходе административных реформ, основанных на идеологии нового государственного менеджмента (НГМ), идеи электронизации управления не всегда были центральными. В движении за реализацию НГМ дискуссия была связана с двумя ориентация-

[1] *Tan W.* The Big Read: Speed Bumps Hinder Singapore's Smart Nation Drive // TODAYonline. April 14, 2017. P. 25. URL: http://m.todayonline.com/singapore/big-read-speed-bumps-hinder-singapores-smart-nation-drive.

[2] *Kong L., Woods O.* The ideological alignment of smart urbanism in Singapore: Critical reflections on a political paradox // Urban Studies. 2018. Vol. 55 (4). P. 685.

[3] *Ho E.* Smart subjects for a Smart Nation? Governing (smart)mentalities in Singapore // Urban Studies. 2017. Vol. 54 (13).

ми: является ли оно инструментом решения задач реформы, или оно требует реформирования государственного управления в целом. Для сторонников практического применения электронного правительства все это было лишь дополнительным концептуальным и практическим средством для НГМ и реформ, основанных на нем. Некоторые авторитетные эксперты говорят, что НГМ мало повлиял на интерес к новым информационным технологиям. Только его фактическая смерть как влиятельной идеологии позволила говорить о переходе к эпохе цифрового управления (digital-era management)[1].

Программа по представлению государства как платформы фокусируется в первую очередь на идеологии НГМ с ее центральным принципом «сделать правительство эффективным и дешевым». В значительной степени это означает, что с помощью электронного правительства можно более эффективно и с меньшими затратами предоставлять общественные услуги гражданам и предприятиям. Неслучайно основной задачей внедрения электронного правительства во многих странах было быстрое использование государственных порталов для предоставления наиболее значительного количества услуг. В целом эта задача оказалась выполнимой, а возможные услуги с использованием Интернета оказались качественными, дешевыми и быстрыми. Однако, естественно, в этом процессе были сложности и проблемы. Оказалось, что потребительский подход к электронному правительству страдает множеством недостатков, как и идеология НГМ. В целом, никто особо не оспаривал осуществимость электронных услуг, и было сказано, что этого акцента недостаточно при рассмотрении возможностей новых ИКТ и Интернета. Среди этих критиков особенно много было тех, кто рассматривал функции правительства по предоставлению услуг и его отношения с гражданами через социально-политическую призму. Эндрю Чедвик и Кристофер Мэй указывают на ограниченный характер отношения правительства и граждан, когда последние

[1] *Dunleavy P., Margetta H., Bastow S., Tinkler J.* New public management is dead – long live digital-era governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2017. Vol. 16, No. 3.

действуют как «клиенты» государства. ИКТ улучшат предоставление услуг с более точным адресным общением с гражданами и более быстрым ответом [на них], но демократическая возможность такого общения обычно игнорируется. В центре управленческой модели лежит предпосылка о том, что изменения носят дополнительный характер[1].

Цифровизация в Финляндии широко отражена во всех моделях реформы нового государственного управления (НГМ), которые включают модель рынка, модель гибкого правительства, модель дерегулирования правительства, модель участия, модель государства и модель электронного управления. Модель рынка, как считалось, предусматривает, что допущения модели частного сектора являются лучшими способами управления государственным сектором, где цифровые инструменты повышают эффективность[2]. В 1990-е гг. Финляндия активно участвовала в проникновении Интернета и занимала лидирующие позиции по этому показателю в мире. В начале 2000-х гг. и в последующие годы, когда на повестке дня стоял вопрос об электронных услугах, Финляндия одной из первых выделила это направление как самостоятельное и активно начала оцифровывать госуслуги. В 2015 г. был принят Национальный план действий, который стимулировал этот процесс в направлении рыночной ориентации внедрения цифровых технологий: «Четкие структуры и процессы в дополнение к ориентации на клиента являются целью крупных реформ»[3]. Кроме того, задача заключалась в том, чтобы вовлечь молодых людей в цифровое участие; в этой связи стали исполь-

---

[1] *Chadwick A., May C.* Interaction between States and Citizens in the Age of the internet: 'e-Government' in the United States, Britain, and the European Union // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. 2003. Vol. 16, No. 2.

[2] *Osifo O. C.* Examining digital government and public service provision : the case of Finland // 2018 41st International Convention on Information and Communication Technology. Electronics and Microelectronics (MIPRO). Opatija, 2018. URL: https://doi.org/10.23919/MIPRO.2018.8400242.

[3] Finland. Open Government Action Plan 2015–2017. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2001/01/OGP_Action_Plan_Finland-2015_2017.pdf.

зоваться различные электронные способы участия в принятии решений и голосовании. Финляндия является лидером в области цифровых технологий, занимая 1-е место из 28 государств-членов ЕС с результатом 72,3 балла в Индексе цифровой экономики и общества (DESI) 2020 г. Судя по данным, предшествующим пандемии, ее ведущие показатели обусловлены высокими показателями в области цифровых технологий предоставления услуг, интеграция цифровых технологий благодаря активному сотрудничеству между государственным и частным секторами и активным стартапам. Ее человеческий капитал является одним из его сильнейших конкурентных преимуществ, поскольку 76% населения имеют базовые или выше базовых цифровых навыков, что значительно выше среднего показателя по ЕС (58%)[1].

Однако цифровые государственные услуги все же находились в центре административных преобразований. В связи с этим Финляндия предприняла шаги по реализации трех основных условий для современного рыночного производственного процесса и предоставления цифровых государственных услуг. Во-первых, значительная часть государственных услуг в области здравоохранения, налогов, открытия бизнеса и контроля, жилья, страхования и т. д. подверглась цифровизации и стала доступной практически для всех граждан страны. В области цифровых государственных услуг Финляндия занимает 4-е место среди стран ЕС, что намного выше среднего показателя по ЕС. Это в первую очередь благодаря большому количеству пользователей электронного правительства. Взаимодействие между государственными органами и общественностью в режиме онлайн является высоким: 94% финских интернет-пользователей получают услуги электронного правительства, что на 2 процентных пункта больше, чем в прошлом году. Страна показывает хорошие результаты также в отношении доступности предварительно заполненных форм, заполнения онлайн-сервисов и открытых данных. Финляндия значительно расширила масштабы предостав-

[1] Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 3.

ления цифровых услуг предприятиям с показателем, который вырос на 6 процентных пунктов по сравнению с прошлым годом[1]. Хотя здесь есть определенные проблемы (7% граждан в 2018 г. испытывали трудности с доступом к цифровым сервисам), однако по цифровому оборудованию Финляндия вышла на одно из первых мест в мире. Во-вторых, большое место в цифровизации заняли вопросы внутренней правительственной совместимости, цифровой коммуникации между различными ведомствами и министерствами. Этот процесс также рассматривался с точки зрения снижения административных расходов и повышения общей эффективности государственного управления. В-третьих, новая совместная экономика, повышающая уровень соучастия в предоставлении государственных услуг и сотрудничества бизнеса и государства в развитии экономики страны.

Все эти процессы поддерживаются пятью крупными цифровыми порталами[2]:

Suomi.fi. Веб-сервис для граждан, организаций и компаний. Веб-сервис Suomi.fi – это общенациональный сервис для граждан, предпринимателей и чиновников. Он объединяет информацию и услуги, связанные с государственными услугами для граждан и предприятий, по одному адресу. Он предоставляет, например, официальные электронные услуги, формы и информацию о муниципальных услугах.

Demokratia.fi. Портал электронного участия. Demokratia.fi – это портал, который собирает информацию с различных сайтов, связанных с демократией, и новости в области принятия политических решений. Таким образом, сайт облегчает гражданам поиск лучших каналов для участия и влияния, а также повышает прозрачность и взаимодействие с правительством.

Paikkatietoikkuna.fi. Портал геоданных. Paikkatietoikkuna – это национальный портал, представляющий пространственные данные, созданные и используемые в финском обществе. Он осно-

[1] Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 12.

[2] Digital Economy and Society Index (DESI) 2020. Finland: European Commission, 2021. P. 21–22.

ван на программном обеспечении с открытым исходным кодом и предлагает возможность через окно карты просматривать десятки уровней карт, созданных различными организациями, по разным темам, таким как рельеф, почва и землепользование, а также транспортная сеть.

Opendata.fi. Открытые данные и инструменты взаимодействия. Opendata.fi – это сервис для обмена открытыми данными и развития взаимодействия организаций государственного управления. Opendata.fi доступен для всех, кто хочет пользоваться открытыми общедоступными информационными ресурсами. Компаниям и гражданам разрешено хранить открытые данные в сервисе. Сервис содержит метаданные открытых наборов данных, а также инструменты взаимодействия, описания и рекомендации.

Рынок труда Финляндия. Job Market Finland (Työmarkkinatori) – это онлайн-сервис для рынка труда. Он объединяет работу и компетентность, а также государственных и частных субъектов. Это подразделение платформ службы занятости, помогающее заполнить вакансии и позволяющее найти возможности трудоустройства. Он также предоставляет услуги и информацию о жизненных ситуациях.

Финская система организации цифрового государственного управления включает три уровня организации внедрения цифровых технологий в публичное пространство, предоставления цифровых услуг и взаимодействия с хозяйствующими субъектами. Он включает в себя политический уровень разработки целей политики и программных регуляторов, исполнительный уровень реализации программы или управления государственной политикой цифровизации, а также операционный уровень, предназначенный для конкретных проектов и управления ими. На каждом уровне есть свои акторы, а также процедуры и механизмы взаимодействия. Уровни взаимосвязаны общими принципами нового государственного управления и его трансформации за счет цифровизации и ориентации менеджмента на мобильное и многоканальное взаимодействие между государством, бизнес-структурами и гражданами.

Гибкое управление выступает здесь как основная модель системы, построенной на цифровизации. В то же время, если мы

возьмем за основу идеологические установки этого менеджмента, то мы четко увидим ориентацию на маркетизацию и экономизацию взаимодействий. Основным документом для понимания методологий Agile и принципов управления проектами Agile является Agile Manifesto[1]. В манифесте признается, что процессы и инструменты разработки программного обеспечения имеют определенную ценность. В нем четко указано, что наибольшая ценность существует в людях и взаимодействиях: «люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов», «рабочее программное обеспечение важнее исчерпывающей документации», «сотрудничество с клиентами важнее переговоров по контракту» и «реагирование на изменения важнее выполнения плана». В то же время ценностная оценка этих условий, факторы взаимодействия определяются скорее рынком, о чем свидетельствует понимание основного взаимодействия как отношений между покупателем и продавцом, потребителем и производителем. Очевидно, что успех проекта в целом должен определяться удовлетворенностью клиента и ценностью, которую проект приносит ему: «Наш главный приоритет – удовлетворить клиента за счет своевременной и непрерывной поставки ценного программного обеспечения»[2]. Неслучайно управление портфелем и экономическая модель альянсов лежат в основе управления проектами по внедрению цифровизации в государственном управлении[3].

Для Финляндии характерно широкое сотрудничество во взаимодействии центрального и местного уровней в процессе цифровизации государственного управления. Например, хорошо известны усилия по цифровизации городского управления в таких городах, как Тампере[4]. Платформы, такие как Koklaamo – платформа совместного творчества, в которой участвуют местные жители, нацелена на предоставление конкретных решений для

[1] См.: URL: https://agilemanifesto.org/.

[2] См.: URL: https: // agilemanifesto.org/principles.html).

[3] *Teemu L.* Digitalizing Finland: Governance of Government ICT Projects. Acta Universitatis Ouluensis. C Technics, 2019.

[4] *Haveri A., Anttiroiko A.-V.* Urban platforms as a mode of governance. International Review of Administrative Sciences, 2021.

конкретного района города Тампере; Demola – транснациональная инновационная платформа, первоначально созданная в Тампере, которая сопоставляет инновационный потенциал студентов с потребностями местного бизнеса; и, наконец, Helsinki Region Infoshare (HRI) – платформа данных с ее бесплатным общерегиональным каталогом открытых данных, созданная городами столичного региона Хельсинки, служит развитию городского управления.

Тем не менее, здесь также отмечается маркетизация развития городских платформ: «Фактически, правдоподобный способ концептуализации управления платформой – это рассматривать ее как гибрид в том смысле, что ее правила и внутреннее управление создателя платформы основаны на иерархии; его ориентация на открытый доступ и объединение больших масс пользователей с помощью функций поиска партнеров приближают его к рыночному механизму; и связи между создателем платформы, производителями и экосистемой в целом напоминают сетевую логику. Что касается основных форм управления, кажется, что платформы можно охарактеризовать как рыночные сети или сетевые рынки»[1].

Культурная стратегия политики цифровизации

Если в предыдущих подходах к цифровизации публичного пространства и государственного управления в Сингапуре и Финляндии четко просматривались технократические и рыночные идеологические установки, которые составляют основу политики цифровизации и определяют сетевое пространство взаимодействия, то в Эстонии этот процесс, хотя и принимает некоторые характерные черты внедрения ИКТ в публичную сферу, однако приобретает ярко выраженный характер приверженности элит и общества национальному контексту. В этом отношении «мы рассматриваем использование технологий как социально

[1] *Haveri A., Anttiroiko A.-V.* Urban platforms as a mode of governance. International Review of Administrative Sciences, 2021. P. 16.

сконструированные: человеческие действия формируют технологию»[1].

Действия человека в этом смысле заключались в том, что Эстония начала использовать цифровизацию как значимый фактор национальной идентичности в новых условиях. Цифровизация рассматривается как многообещающая модель для объединения традиций и перспектив; более того, это трактуется как долговременная тенденция, родственная национальному характеру. Он сочетает в себе природу и культуру эстонского народа, и новая идентичность начинает восприниматься как «эко-цифровая»[2]. Неслучайно эстонский язык изображается в таком единстве. Как выразился автор бестселлеров Вальдур Микита, «настоящий эстонец держит в одной руке Skype, а в другой – небольшой грибной нож»[3]. Это также заметно в дизайне цифровых платформ, где обязательно присутствует естественный компонент в единстве с цифровой перспективой. В этом смысле культурные ценности цифровизации начинают выходить на первый план по сравнению с ее технологическими и экономическими моментами. «Хотя реализация проекта в основном была сосредоточена на целях, связанных с бизнесом, способы, которыми идеи «виртуального государства» и «виртуального гражданства» были концептуализированы в национальных политических документах и доведены до различных аудиторий, флиртуют с концепциями и риторически дскутируют свою государственность, гражданство и территориальность. Эта концепция, направленная на привлечение 10 миллионов электронных жителей или «электронных эстонцев», которые «расширили бы в цифровом виде» страну, в которой в настоящее время проживает 1,3 миллиона человек, подразумевает потенциальную напряженность между коммерче-

[1] *Souto-Otero M., Beneito-Montagut R.* From governing through data to governmentality through data: Artefacts, strategies and the digital turn // European Educational Research Journal. 2016. Vol. 15 (1). P. 15.

[2] *Annus E.* A Post-Soviet Eco-Digital Nation? Metonymic Processes of Nation-Building and Estonia's High-Tech Dreams in the 2010s // East European Politics and Societies and Cultures. 2020. Vol. XX, No. X.

[3] *Mikita V., Kerge R.* Intervjuu: Eesti märk peaks olema // Igav liiv ja tühi väli. Eesti Loodus. 2017. No. 3. P. 46.

ской логикой национального брендинга и политическими и культурными факторами логического обоснования национального государства»[1]. Такую ориентацию на цифровизацию можно объяснить пятью ее нарративами, которые используются в легитимации национальной стратегии цифровизации: свежая перспектива; радикальное, реформирующее и меняющее отношение к делу; северный темперамент и окружающая среда; естественный ресурсный самозавод; европейское общество[2].

В Эстонии есть несколько программ в области внедрения ИКТ в публичное пространство. Ориентируясь на формирование эстонского электронного общества, уже в начале 1990-х гг. была принята финансируемая государством *программа «Прыжок тигра»*, которая была направлена на обеспечение эстонских школ современными компьютерами и доступом в Интернет. Этот проект, конечно, затронул не только эстонские школы, но и распространился на важные культурные и технологические составляющие всего эстонского общества. В связи с общей тенденцией реформирования государственного управления под флагом нового государственного менеджмента и использования ИКТ для эффективного управления Эстония предприняла ряд прорывных шагов в области электронизации: (1) в 2001 г. была разработана *технологическая платформа X-Road* для интеграции систем общественной информации; она создала основу национальной цифровой инфраструктуры и стала значимой для дальнейшего развития государственных и частных электронных услуг в различных сферах жизни общества; (2) в 2002 г. была создана *национальная система удостоверений личности* (98% эстонцев имеют ID-карту; электронные подписи экономят 2% ВВП ежегодно); (3) в 2005 г. *система онлайн-голосования* начинает использоваться на муниципальных выборах, а в 2007 г. на

[1] *Tammpuu P., Masso A.* Welcome to the virtual state': Estonian e-residency and the digitalised state as a commodity // European Journal of Cultural Studies. 2018. Vol. 21 (5).

[2] *Papp-Váry Á. F.* A Successful Example of Complex Country Branding: The 'E-Estonia' Positioning Concept and Its Relation to the Presidency of the Council of the EU. Acta Univ. Sapientiae // European and Regional Studies. 2018. Vol. 14.

парламентских выборах; (4) в 2013 г. Министерство экономики и коммуникаций предложило национальную стратегию развития ИКТ *«Цифровая повестка 2020 для Эстонии»*; (5) в 2014 г. правительство Эстонии разработало *Посольства виртуальных данных* – проект с целью обеспечения функционирования публичных сервисов на базе единого государственного облака и обеспечения безопасности на базе удаленных серверов в случае кибератак или иных чрезвычайных ситуаций; (6) в целях привлечения иностранных предпринимателей и инвестиций, начиная с 2013 г. начинает развиваться *система электронного гражданства*, что активно используется с 2014 г. в форме программы «10 миллионов эстонцев к 2025 году»; (7) в 2017 г. была принята *дорожная карта бесшовных услуг*, направленная на проактивную государственную службу, реагирующую на жизненные события с минимальной бюрократией; (8) *Правительственная стратегия ИИ* (2019) был выдвинута в качестве подробного стратегического плана по продвижению внедрения решений ИИ в государственном и частном секторах; (9) в 2020 году стала работать *проактивная система ухода за детьми*, соответственно, когда ребенок рождается, соответствующая регистрационная запись активирует все следующие услуги, и семья автоматически получает все льготы, на которые она имеют право[1].

Интересны конструктивные принципы политики цифровизации, которые лежат в ее основе в Эстонии и которые подчеркивают ориентацию политики идентичности на созидание / конструирование, а не на заимствование. Во-первых, явно наблюдается ориентация на использование новейших технологических разработок, ограничение их сроком не более 13 лет. Во-вторых, мы можем проследить стимулирование создания, а не покупки технологий, которые образуют систему стартапов в технологическом развитии. В-третьих, есть тенденция к децентрализации политики цифровизации, включая государство и бизнес в этот процесс. В-четвертых, система политики цифровизации ориен-

[1] *Margetts H., Naumann A.* Government as a Platform: What Can Estonia Show the World? 2017. URL: https://www.politics.ox.ac.uk/publications/government-as-a-platformwhat-can-estonia-show-the-world.html (Accessed 12 May, 2018).

тирована на функциональную совместимость и безопасность, опираясь на плюрализм источников информации и различных баз данных. Пятое, учет ответственности государственных структур за развитие информационной инфраструктуры, исходя из специфики ее формирования, с учетом контекста. Связь цифровизации с национальным и глобальным контекстом позволила добавить к исторической Эстонии современную электронную: «В начале 2000-х годов возникла еще одна идея изменить название страны: Эстония должна стать E-stonia! Отправной точкой было то, что правительство осознало, что в Эстонии есть только леса, лесная промышленность и некоторое машиностроение, но последнее не слишком конкурентоспособно. Поэтому они определили новые области, включая электронику и информационные технологии, как возможный выход»[1].

Заключение

Цифровые технологии, как показывает история их использования в различных странах, обладают трансформационным потенциалом в том смысле, что они используются не только как средство повышения эффективности, но и формируют новые отношения. Они действуют не только как передатчики усилий, но как посредники в новом конструировании социальных условий. Это воплощение проявляется не напрямую, а в системе социотехнических ассамбляжей, возникающих в процессе современной цифровизации публичного пространства. Технологические возможности, присущие новым технологиям, приводят к важным изменениям в государственном управлении, вызывая горизонтализацию отношений, детерриториализацию коммуникации и использования, а также виртуализацию коммуникации и предоставления услуг. В современных схемах административных реформ под флагом цифровизации три процесса выражаются в различных направлениях и конструкциях, выражающихся в

[1] *Papp-Váry Á. F.* A Successful Example of Complex Country Branding: The ‘E-Estonia’ Positioning Concept and Its Relation to the Presidency of the Council of the EU // Acta Univ. Sapientiae, European and Regional Studies. 2018. Vol. 14. P. 97.

децентрализации, создании широких сетей управления и бесконтактном взаимодействии, которое порождает сотрудничество и взаимность. Однако эти изменения в государственном управлении и публичном пространстве можно рассматривать по-разному. Кто-то учитывает влияние независимых (цифровых технологий) на зависимые (результаты реформ) переменные, т.е. подчиняет свою деятельность цифровизации. Кто-то позволяет нам рассматривать происходящие изменения в перспективе создания особых социотехнических комплексов, подчиняющихся логике социальных ценностей и их революционной трансформации. Как показало исследование политики цифровизации и ее разработок в трех странах-пионерах цифровизации (Сингапуре, Финляндии и Эстонии), различные стратегии и конструкции для создания ассамбляжей в публичном пространстве и государственном управлении – технократических, рыночных и культурных – по-разному подчеркивают роль и значение цифровых технологий. Эти три стратегии подчиняются разным принципам организации общественного координационного пространства в совокупности – юзабилити для технократического подхода, коммодификации для рыночной ориентации и интерпретативной оценки национальных ценностей в культурной ориентации дизайна.

А. И. СОЛОВЬЕВ

ПРАВЯЩИЕ РЕЖИМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КВАЗИ СИСТЕМЫ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Исходя из социально и политически диверсифицированного пространства власти в современном национальном государстве, в статье доказывается неизбежное формирование в рамках правящего режима так называемых политических квазисистем, которые формируются ключевыми неформальными коалициями правящего класса и занимают ведущее место в механизме формирования правительственной политики. В этом контексте раскрываются факторы и условия, способствующие появлению таких политических игроков, последствия их фактического участия в распределении общественных благ и ресурсов, обозначается мультиплицирующий эффект их влияния на другие сферы общественной жизни и морально-этический климат общества. Обозначаются перспективы функционирования таких квазиполитичеких систем, условия противоборства их активности со стороны общества.
Ключевые слова: политическая власть, государство, правящий режим, принятие политических решений, квазиполитические системы, гражданское общество

В своем практическом измерении современное национальное государство представляет собой сочетание полномочий официальных институтов власти с различными формами влияния иных центров, занимающих доминирующее положение в различных социальных и территориальных локациях. В качестве доминирующих акторов здесь могут вступать не только внутренние игроки, но даже внешние структуры (зарубежные державы, международные неправительственные организации и даже теневые транснациональные структуры), обладающие собственными интересами на территории национального государства и использующие как формальные, так и неформальные способы давления на оппонентов.

Точно также, как динамика «социального поля», которое «находится в постоянном движении», в результате чего у него «меняется качество и характер взаимосвязей, возникают новые и исчезают старые «центры»[1], так и в государстве существует не однозначный приоритет высших центров власти, а подвижная конфигурация арен и площадок с действующими на них официальными и локальными игроками, обладающими различными возможностями в деле продвижения своих интересов. В конечном счете, все эти сложные взаимодействия демонстрируют различные формы коммуникаций усилий данных игроков, выражающиеся то в сочетании их управленческих усилий, то в выявлении преимуществ официальных органов власти, а то и в патовой ситуации, в рамках которой конкуренты не могут определить сильнейшую сторону. Иначе говоря, государственная власть представляет собой ни что иное, как некую контономинацию различных социальных арен и площадок с разрозненными формами влияния и доминирования (властвования и управления, контроля и регулирования), осуществляемыми различными политическими игроками. В силу этого доминирование или острая конкуренция сторон, монопольное положение тех или иных акторов или же их заинтересованность в сотрудничестве – все это конкретные и ограниченные по времени формы проявления отношений разных категорий властвующих и подвластных, управляющих и управляемых. В этом смысле общая конфигурация политического пространства пронизана конфликтами различных игроков, чья острота смягчается установлением приоритетов со стороны тех или иных сил. Однако такая политическая монополия нередко обладает хрупким, неустойчивым характером, предопределяя неизбежную смену лидерства.

Складывающаяся в государстве сложно составная конструкция поля политики не только сохраняет позиции (кросс-)локальных и даже внешних структур и сообществ (стремящихся извне оказывать давление на различные политические центры в тех сферах,

[1] *Горюнов А. В.* Современная модель социальных изменений. Опыт экспликации // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 3–12. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-2/Goryunov.pdf

где они занимают господствующее положение), которые не только превращают достижение властного консенсуса в обществе в постоянную проблему правящей элиты, но и способны трансформировать даже общегражданский статус государства.

Однако сложное переплетение формальных полномочий и неформальных возможностей разноликих политических акторов (каждый из которых стремится управлять поведением граждан на доступных им пространствах национального государства), в конечном счете, неизбежно обусловливает эффективность действий основного оператора государственной власти – правящего режима.

С одной стороны, основные преимущества этого актора состоят в наличии иерархической, субординированной вертикали власти, позволяющей ему не только легализовывать принятые решения, но и применять меры централизованного воздействия, императивной координации (включая средства принудительного регулирования) и контроля общественных отношений. С другой стороны, его ведущая роль в разработке и реализации целей государственной политики неразрывно связана с наличием особой политико-административной арены – зоны разработки ключевых правительственных решений. Решений, которые наряду с повседневным целеполаганием, оказывают влияние на важнейшие траектории общественного развития, отношения государства и общества[1].

Данная зона принятия ключевых государственных решений представляет собой особый политический рынок, где действуют специфические отношения спроса-предложения, временные договоренности и правила разработки правительственной повестки, соответствующие нормы и обязанности внутренних и внешних исполнителей и т.д. По сути, это особый сегмент политического рынка, где позиции ключевых игроков распределяются в зависимости от их политического веса, ресурсной оснащенности и эффективности применяемых активов. Важно и то, что такое

[1] *Zahariadis N.* Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts, and controversies // Handbook of Public Policy Agenda Setting Edited by N. Zahariadis. Department of International Studies, Rhodes College, USA Edward Elgar Publishing, 2016.

пространство лишь частично регулируется законодательными средствами.

За счет контроля над производством ключевых общественных целей правящий режим создает реальный формат функционирования политической системы и применения ее принципов, влияет на финансово-экономическую и технологическую архитектуру государственного устройства, а также определяет привилегированные группы, обладающие преимуществами в получении общественных благ и ресурсов (что самым непосредственным образом сказывается и на характере социальной стратификации общества).

Следует, однако, иметь ввиду, что механизм принятия государственных решений по своей природе является принципиально открытой (требующей своего достраивания и дополнения активностью наиболее влиятельных инвесторов) конструкцией, где преимуществом обладают фактически доминирующие игроки, чьи позиции невозможно игнорировать при решении столь важных вопросов. Естественным образом слабые акторы, которые обладают лишь формальными или символическими ресурсами, вытесняются на периферию этого процесса и не оказывают должного воздействия на разработку целей. Такое положение показывает, что правящий режим опирается не на общество (принципы отношения к которому формируются политической системой), а лишь на тех акторов, которые оказывают реальное влияние на разработку целей (нередко подчиняющих себе даже деятельность публичных институтов). Под давлением этих политических сил правящий режим, собственно, и становится тем местоположением силы, которое возвышает его над другими центрами политического влияния.

В рамках политической конструкции принятия ключевых государственных решений сообщество граждан в силу слабой организованности, недостаточной активности и ограниченной ресурсной оснащенности (отражающей и его собственно политические компетенции) не способно преодолеть административные барьеры («стеклянные стены», «вето-пространства»), экранирующие все легальные формы его давления. А следовательно,

обычные граждане и их объединения не только не могут превратиться в устойчивого участника разработки государственных решений, но и оказываются неспособными контролировать постановку целей, влияющих на распределение основных общественных благ и ресурсов. Что, собственно, и определяет политическую «полусуверенность» общества (Э. Шатшнайдер).

Конечно, такое положение не избавляет правящий режим от определенной зависимости от общества, заставляя его выстраивать отношения с гражданским населением, сохраняющие формальные права граждан в вопросах самоорганизации или влияния на Центры власти. Однако эти незначительные возможности полностью компенсируются сохранением за правящими кругами (значительно лучше использующего возможности республиканского строя, нежели рядовые граждане) не только инициативы, но и решающих прав, как в вопросах целеполагания, так и организации активности массового актора. Так что, требование развития делиберативных механизмов при обсуждении государственных решений (их альтернатив и возможностей) даже в условиях демократии является достаточно ограниченной, а подчас даже условной нормой, мистифицирующей массовое сознание.

Одним словом, правящими режимами достигнуто четкое понимание пределов реальных прав населения в деле распределения ресурсов. И такая ситуация не меняется ни под влиянием протестов, ни стремлений общественности «демократизировать демократию». А вот у правящего режима такое положение открывает дополнительные возможности для продвижения определенных корпоративных и частных интересов.

Поскольку наиболее влиятельными игроками в такой ситуации являются те, кто способен постоянно преодолевать административно-правовые барьеры в целях контроля и влияния на публичные институты, то уместно вспомнить, что в 1970-е гг. на Западе появились исследования, продемонстрировавшие приоритет неформальных структур над институтами государственной власти в деле формирования государственной политики. Эти изыскания убедительно объясняли факты складывания в ряде западных стран в 1930-е гг. властных конструкций («политиче-

ских машин»), которые на местных территориях практически замещали функции правящего режима[1]. При этом основными «скрепами» таких субсистем, их «организационным цементом» оказывались различные проявления неформальных связей и отношений, которые (порождая многочисленные факты коррупции, рейдерства и т.д.) в комбинации с использованием статусных инструментов обеспечивали их устойчивость по отношению к официальным властям.

В историческом измерении такого рода факты отражали неудовлетворенность правящего меньшинства институциональными возможностями для усиления своего влияния и обретения благ и ресурсов. Впрочем, строго говоря, неформальная (сетевая) активность правящих кругов может стать не только рассадником злокачественных проявлений внутреннего сепаратизма элит, но и – за счет усиления пластичности институтов власти по отношению к актуальным вызовам – источником мощного общественного развития, не исключая даже формирование «альтруистических» целей и отношений[2]. Тем не менее, практика показала партикулярно-групповые приоритеты сетевых коалиций, в силу чего данные формы активности правящих слоев породили широкое распространение в науке метафорики («стационарного» бандита, «глубинного» и «второго» государства), иллюстрирующей сетевую колонизацию публичных институтов, установление неформальными ассоциациями контроля над публичными институтами, изменяющим их управленческий функционал.

Коротко говоря, использование сетевого капитала правящего класса в основном демонстрируют «коррумпированные, эксплуататорские и неравные обмены»[3] при производстве государственных решений. Что в решающей степени обусловлено ис-

---

[1] *Scott J.* Corruption, Mashine Politics, and Political Change // The American Political Science Review. No. 63 (4).

[2] *Sik E., Wellman B.* Network capital in capitalist // Communist and post-communist countries / Wellman (ed.). Networks the Global Village. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

[3] *Sik E., Wellman B.* Network capital in capitalist // Communist and post-communist countries / Wellman (ed.). Networks the Global Village. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

пользованием правящей элитой своей «шаговой» доступности к центрам *фактического* распределения ресурсов.

В рамках республиканского строя логика эволюции правящих режимов показала неуклонное расширение активности латентных ассоциаций крупных владельцев и контролеров общественных благ, по мере влияния которых неизбежно образуются «переплетенные институты» (контролирующих разработку целей государственной политики) и «узлы решений» (выносящих разработку целей за пределы официальной иерархии и создающих привилегированные каналы распределения общественных ресурсов), которые «противостоят государственному управлению»[1]. В логическом пределе сетевая колонизация публичных институтов власти способствует образованию «второго ядра» государственного управления и формированию «параллельного государства», чья активность уже не может быть отнесена к активности гражданского антрепренера.

Иначе говоря, логика развития республиканского правления показывает, что «дезагрегированные политические институты», формирующиеся под влиянием «самоорганизующихся инициатив» и «субполитик» «сетевых сообществ со специфическими интересами»[2], постоянно провоцируют возникновение «параллельных подсистем» власти[3], которые используют разнообразные институциональные пустоты (где отсутствует применение правовых инструментов и гражданского контроля) в зонах ответственности правящего режима, что, в свою очередь, неизбежно увеличивает дополнительные возможности правящих кругов в удовлетворении своих интересов. Эти «параллельные» системы власти – в Центре или на местах – не закрепляются правовым образом и базируются исключительно на фактическом домини-

---

[1] *Silke A., Kreisi H.* The Network Approach In Theories of the Policy Process / ed. by P. A. Sabatier. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2007. P. 129-154.

[2] *Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н.* Фронтир сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 89.

[3] *Baumgartner F., Bryan D., Mortensen B.* Punctuated Equilibrium Theory: Explaning Stability and Change in Public Policymaking In Theories of the Policy Process / ed. by C. M. Weible, P. A.Sabatier. N.Y.; L.: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. P. 70.

ровании и неформальном господстве сетевых сегментов правящего меньшинства (вовлекающего в свои ряды как статусных, так и нестатусных лиц). Напротив, со временем такие (прежде всего, складывающиеся на высших уровнях власти) образования подстраивают под свое фактическое господство и государственное законодательство, даже пытаются соединить основы своего доминирования с международными нормами (хотя в ряде случаев отказываясь от его приоритетов), демократическими принципами Конституции и общими источниками права.

В этом смысле вторая половина XX в. и первые десятилетия века нынешнего показывают, что во многих – особенно авторитарных и переходных – государствах неуклонно укрепляется влияние неформальных ассоциаций элитарного слоя, не удовлетворенных институциональными возможностями политического господства. Это не только позволяет контролирующим правящие режимы политическим силам качественно наращивать свои активы, но и меняет внутреннюю конфигурацию политических систем. Проще говоря, те сегменты правящего класса, которые доминировали в механизмах принятия решений, за счет неформального давления на своих партнеров и оппонентов образуют ныне устойчивые квазиполитические образования, сохраняющее автономность по отношению к публичным институтам, а также существенную независимость от формально-правовых ограничений своих действий. И поскольку основные причины возникновения таких квазиполитических конструкций связаны с желанием контролирующих их элитарных групп подчинить себе основные рычаги распределения и перераспределения ресурсов и сохранить свои доминирующие позиции, то подобные конструкции неизбежно множатся, распространяясь на все пространство национального государства. В этом смысле на политическом пространстве государства с разным успехом складываются и действуют многоликие – территориальные, отраслевые и иные локальные – квазисистемы, находящиеся под контролем соответствующих сетевых ассоциаций. Как справедливо пишет А. Леденева, их активность, если и способна показывать некую эффективность «в краткосрочной перспективе и на выборочной

основе», то «их долгосрочный эффект направлен на создание связи между реальными и формальными центрами сил, которые в конечном итоге подрывают как прочность институтов, так и их способность к управлению»[1]. При этом в рамках правящего режима эта межсетевая конкуренция подогревает борьбу элитарных группировок, претендующих на формирование центральной квазисистемы, способной не только контролировать официальные институты власти и механизмы принятия решений, но и претендовать на символическое олицетворение государства, осуществление его общегражданской миссии.

К основным причинам, провоцирующим возникновение, условно говоря, основнойой политической квази системы внутри правящего режима, можно отнести следующие факторы:

– кумулятивный эффект власти, отражающий стремление ее официальных и неофициальных носителей – вне зависимости от правовых ограничений – к усилению полномочий в части контроля за разработкой целей государственной политики и распределением ресурсов;

– наличие закрытого от общества механизма принятия ключевых государственных решений, формирующегося за счет игнорирования формальных прав граждан (на участие в управлении) и ориентации на участие ключевых, ресурсно оснащенных политических инвесторов;

– наличие внутри правящего режима особого «политического рынка, характеризующегося междоусобицами кланов и кластеров клиентских списков»[2], а также конкуренцией иных (образующихся по типу кокусов) «встроенных автономий», преодолевающих за счет неформальных коммуникаций административные и правовые барьеры публичных институтов;

– преимущество сетевых коалиций правящего класса над статусными акторами и их функционально-ролевыми зависимостя-

[1] *Ledeneva A. V.* Can Russia Modernise ? Sistema, Pover Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013. P. 23.

[2] *Khlevnyk O.* Master of the House: Stalin and His Inner Circle. Newhaven, CT: Yale Univers. Press, 2009; *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.

ми как в силу своей большей внутренней сплоченности (по сравнению с формальными нормами статусных сообществ чиновничества), так и наличия более высокой мотивации при решении крупных государственных проблем (по сравнению с рутинизированной активностью госбюрократии);

– наличие структурного конфликта между запросами претендентов на высшие властные диспозиции и механизмами отбора в правящую элиту, демонстрирующие узость формальных возможностей для продвижения интересов представителей истеблишмента;

– наличие у правящего меньшинства более релевантных компетенций и умений для использования в своих интересах институционально-нормативных пустот в организации государственной власти (преодоления фрактальности), а также установления (административного, информационного, цифрового) контроля за гражданскими структурами и их дистанцировании от реальных рычагов распределения и перераспределения общественных ресурсов;

– внутренне размежевание правящего меньшинства на корпус управленцев, решающих задачи повседневного управления и поддержания коммуникации с обществом (неразрывно связанных с наличием определенной ответственности перед населением), а также ту часть истеблишмента, которая способна править (распределять ключевые ресурсы) без применения публичных механизмов (административно-законодательных ограничений) и какой-либо подотчетности перед гражданскими структурами;

– низкая эффективность представительных механизмов для продвижения интересов гражданского населения (обусловливающих перманентную недопредставленность его потребностей и отрицательно сказывающихся на механизмах их публичной презентации в рамках состязательной и конкурентной политики), его недостаточная организованность и компетентность в отстаивании своих позиций и потребностей.

Впрочем, даже при наличии указанных факторов и предпосылок образование квазисистем, отнюдь, не гарантировано. Чаще всего их формирование осуществляется по мере снижения роли

публичных механизмов взаимодействия государства и общества, качественного сокращения гражданско-правового контроля (особенно в сфере хозяйственно-распорядительной деятельности правительства), усиления контроля за электоральными процессами и медиасферой (что позволяет создавать необходимое информационное прикрытие для различных политических проектов властей). Существенным значением обладает и качественное изменение механизмов кадрового рекрутинга в госслужбе (в частности, замещение правил профессионального отбора системными практиками кооптации и ротации управляющих на различных уровнях госаппарата).

В этом смысле возникновение политических квазисистем является результатом разрешения противоречий (между институциональными и неформальными способами использования власти), складывающимся под доминирующим влиянием сетевых коалиций, использующих свои активы для формирования устойчивой конфигурации деловых коммуникаций, способствующих нужному им (соответствующим бенефициарам) распределению ресурсов. Возникая в рамках институционального дизайна, такие квази системы формируют особый сетевой ландшафт, демонстрирующий приоритет неформальных отношений политических инвесторов и органов власти. Такие коммуникации и связанное с ними распространение блата, кумовства, коррупции и иных негативных явлений, маргинализируют всю конструкцию государственного управления, делая ее его еще более неприступной для участия граждан.

Поскольку самым существенным следствием функционирования доминирующей квази системы является поддержание качественной асимметрии в распределении ресурсов, то можно утверждать, что, в конечном счете, связанная с нею элитарная группа (и аффилированные с нею бенефициары) и является *социальной* и одновременно *политической* основой правящего режима. Иначе говоря, это не лоялисты или те слои населения, которых властям удается убедить в правомерности и продуктивности проводимого курса, а узкая социальная группа, концентрирующая у себя материально-финансовые «последствия» такого типа правления.

Будучи ядром правящих режимов, доминирующая квазисистема обусловливает два типа доказательств продуктивности политики правящего политического режима. Первая разновидность таких аргументов и доводов состоит в виде создания гарантий безопасности и ресурсных преимуществ для основных фигур этого сетевого сообщества и соответствующих привилегированных социальных групп. По сути, используемые властями аргументы отражают форму «ответственного правления» перед этими «сливками общества» (как метко подмечено в общественном мнении: законы придумывают те, на кого они не распространяются) и направлены на охранительно-стабилизационные гарантии существования этой части истеблишмента. Например, в современном российском обществе многие аналитики относят к этой социальной группе тех, кого в просторечии именуют новой «аристократией» или «российским дворянством» (верхняя часть которого благодетельствует в т.н. «форбс-мире»), породившей тенденции складывания в стране оснований сословного общества.

Другой тип политики доказательств правящего режима направлен на основное гражданское население. В результате информационного воздействия «аргументов» властей в обществе складываются группы лоялистов, нейтрально настроенных граждан и несогласных, чьи протесты создают тот или иной уровень напряженности в государстве, что ставит под вопрос устойчивость как правящего режима, так и его доминирующей квази системы. В зависимости от складывающихся условий правящие режимы используют политику умиротворения, увещевания или же жесткого давления на несогласных. В последнем случае такие практики нередко сопровождают частичные репрессии по отношению к активистам, гражданским лидерам и их родственникам (включая увольнение с работы, отъем собственности, лишение свободы, возбуждение произвольных уголовных дел и т.д.), а, подчас, даже к людям, гипотетически склонным к оспариванию государственных решений. При этом отдельные режимы демонстрируют показательное публичное наказание «несогласных» в форме их физического устранения.

Информационно-символическое давление на массовое сознание, демонстрирующее превосходство власть предержащих,

неразрывно связано с агрессивной пропагандой, распространением лжи, демагогии и тиражированием фейков в целях «очернения» оппонентов и убеждения «собственных граждан в правильности своей позиции и необходимости следовать обозначенному… курсу»[1]. В этом контексте уместно сослаться на идеи А. Грамши, который в свое время прямо говорил о способности правящей элиты не только добиваться своих интересов, но при этом и столь же эффективно добиваться сохранять поддержку своей политики со стороны населения.

В настоящее время ученые убедительно показывают, в чем состоят особенности таких «контрриторических стратегий» властей, постоянно обеспечивающих при помощи разнообразных символических приемов «успешное» объяснение обществу неизбежность и продуктивность принимаемых властями решений, достигая, таким образом, если не согласия, то нейтралитета основной части населения[2]. При этом власти практически затрудняют любые парламентские, журналистские и общественные расследования злоупотреблений чиновников и представителей неформальных коалиций в захвате общественного богатства. Понятно, однако, что выполняя определенные тактические задачи по сохранению существующего порядка, такая линия правящего режима не только разрушает общественную солидарность и морально-политическую атмосферу социума, но и вытесняет из этической среды аппарата управления принципы гражданской ответственности, способствуя насаждению там патрон-клиентской нормативистики.

По мере укрепления своих позиций квази системы стремятся не только к усилению влияния на перераспределение ресурсов, контролю за финансовыми потоками, образованию страховочных фондов, а также повышению управляемости официальными институтами за счет навязывания им собственной повестки, до-

[1] *Распопова С. С., Богдан Е. Н.* Фейковые новости. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 21.

[2] *Ibarra P. R., Kitsuse J. I.* Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / ed. by G. Miller, J. A. Holstein. Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.

говорных целей, изменения кадровой политики государственных учреждений. Перетаскивая на себя важнейшие функции по принятию решений и распределению ресурсов, они последовательно расширяют и ту часть «одноразовой элиты» (в виде депутатов центральных и региональных парламентов, лишенным социальной ответственности официальным «идеологам» и др.), которым оставляют «привилегию» защищать перед населением проводимую квази системой политику.

Более того, обретая все большее влияние на правящий режим, доминирующая квази система пытается распространять свои подходы и принципы и на иные общественные арены и отношения, а в логическом пределе – на все социально-политическое пространство в государстве. В данном случае речь идет о попытках задать профиль служебной деятельности не только публичным институтам, но и структурам общественного самоуправления, всем формам гражданской ассоциаций и даже сотрудничающих с государством внешним стейкхолдерам. Одним словом, эти относительно изолированные квази систем стремятся (под воздействием экзогенных и эндогенных шоков) распространять свое влияние и на другие, связанные с ними политические подсистемы. В конечном счете, можно даже утверждать, что их задача системы состоит в перестройке гражданского менталитета, навязывании людям в качестве приоритетов не официальных норм, а договорных, неформальных отношений, убивающих как всеобщность правовых инструментов в обществе, так и гражданской природы государства как такового.

Главный принцип, который навязывается людям – «каждый за себя», а результативность этого будет определяться тем, насколько человек может приспособиться или встроиться в доминирующую систему неформальных связей. Как справедливо пишет А.Леденева, наиболее опасным для общества следствием активности таких квази систем становится растление общества, стремление теневых властей приучить людей к неформальным связям даже там и тогда, «где ресурсы доступны»[1]. Понятно, что

[1] *Ledeneva A. V.* Can Russia Modernise ? Sistema, Pover Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013. P. 23.

такая политика ведет к тому, что вместо положительного репутационного эффекта деятельности официальных властей в государстве начинает поощряться формирование автономных конструкций и неформальных связей, усугубляющих эффекты распыления общественной власти, а по сути ведущих к разрушению общеполитического консенсуса и распаду социального целого.

Понятно и то, что привилегированные получатели общественных ресурсов будут стараться вытеснять все формы неподконтрольных им проявлений состязательной политики за рамки публичного поля, способствовать деполитизации общественной жизни в целом. Чаще всего такие усилия проявляются в усилении административно-правовых и силовых ограничений общественно-политической активности населения, в давлении на бизнес-структуры, гражданские организации, большие и малые предприятия и организации, которые фактически зависят от сложившейся в обществе «политической машины, толкающей работодателей к тому, чтобы давить на своих сотрудников держаться вне политики»[1]. Весьма распространенным примером в этом смысле можно считать создание властями разнообразных партий-спойлеров, ГОНГОв и Квонгов, а также повсеместное применение технологий латерального таргентинга и астротурфинга, выстраивающих искусственную конструкцию взаимоотношений государства и общества. Политика стабилизации положения квази систем неизбежно сопрягается и с избирательным правоприменением, усилением политического контроля за судебной системой (охраняющих доходы и личную безопасность привилегированных групп), а также за медиа дискурсом, требующим постоянного обновления информационно-символической политики властей для формулировки доказательств и аргументов в пользу проводимого курса.

Что же общество может противопоставить таким политическим трансформациям, учитывая, что глубинные источники изменений государственного управления и правящего режима свя-

[1] *Хоун Дж.* Смелость Навального вряд ли изменит укрепленную власть Путина. URL: https://www.inopressa.ru/article/26jan2021/foreignpolicy/nochange.html (дата обращения: 26.01.2021).

заны с неодолимой мотивацией тех сегментов правящего класса (и аффилированных с ними групп), которых уже не удовлетворяют возможности республиканского правления и связанных с ними форм общественной ответственности или административной субординации на пути обретения благ и ресурсов ? Очевидно и то, что важнейшим механизмом, встраивания этих группировок в тело правящего режима, становится коррупционная активность государственных чиновников (стремительно преодолевающая границу частных нарушений со стороны конкретных лиц и превращающаяся коррупцию в институциональный феномен, в целом разрушающий гражданский функционал публичных институтов)[1]. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что эти формы служебных злоупотреблений со временем неизбежно дополняются трансформацией институционального дизайна, призванной снизить транзакционные издержки в цепочках неформальных коммуникаций для оптимизации данной логистики распределения общественных ресурсов.

Представляется, что, в конечном счете, шансы на «успех» такой линии квази системы зависят как от, условно говоря, генетической потребности человека к приспособлению к доминирующим условиям жизни (органически связанной с этологическими механизмами его самовыживания и потому качественно ограничивающими силу его морально-этических максим), так и от интенсивности давления средовых факторов, в данном случае правящего режима. Понятно, однако, что формирование социокультурных и антропогенных препятствий влиянию квази системы затрагивает поистине исторические циклы эволюции гражданства и власти в конкретном обществе.

Но в любом случае подкрепить и усилить роль таких животворных для человека параметров его перспективного развития могут только определенные формы организации государственной власти, политического порядка. И в этом смысле мир не придумал ничего, кроме последовательного укрепления демо-

[1] *Скоробогатова А. В.* Системный подход к борьбе с коррупцией: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2018.

кратических механизмов в отношениях власти и общества. Так что, без этих хорошо известных – требующих, однако, от правящих кругов решимости утвердить данные порядки – институциональных трансформаций в государствах с иными настроениями правящего меньшинства будет возникать и нарастать *отчуждение* граждан от общегражданских принципов совместной жизни, снижаться доверие к публичным институтам. Более того, лишение населения принадлежащих им ресурсов (перераспределяемых в пользу привилегированных групп) будет иметь и существенные морально-этические последствия, разлагающие весь общественный организм. Впрочем, нельзя не видеть и того, что режимы, «которые не отвечают на протесты» общества или же «отвечают масштабными репрессиями», неизбежно сталкиваются с «очень длинными циклами протестов», что создает дополнительное напряжение для квази систем[1].

Так что, ответ на вопрос – справятся ли современные государства с разлагающими власть и гражданское сообщество нормами квази системного правления – является исторически открытым. А те переходные и авторитарные государства, которые сегодня многие аналитики определяют как формы «современного средневековья» с их локально-вотчинными принципами организацией власти и совместной жизни, скорей всего, будут решать эту проблему достаточно долго.

[1] *Тэрроу С.* Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 11.

А. В. ГЛУХОВА

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ VERSUS АВТОРИТАРНЫЙ ПОПУЛИЗМ: НОВЫЕ АРЕНЫ СОПЕРНИЧЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье исследуется проблема рождения нового типа политических систем, элиминирующих прежнее разделение на демократию и авторитаризм в их классическом понимании. Обращается внимание на причины и последствия дисфункций демократических институтов, открывающих дорогу «новому авторитаризму», «авторитарному популизму», «авторитарным гегемониям» и «коммерческим диктатурам». Новым полем соперничества, испытывающим политические системы на прочность, становится эпидемиологическая арена, связанная с безопасностью и сохранением жизни, а также с системной нестабильностью мирового порядка. Отмечено значение совокупности взаимодействий государства, общества и системы здравоохранения, определяющих идеальные социально-политические конфигурации успеха либо неудачи в борьбе с пандемией.
Ключевые слова: либеральная демократия, авторитарный популизм, космополитизм, коммунитаризм, историческая метафорика, патерналистский порядок, коронавирус, состязание политических систем.

Одной из наиболее привлекательных тем современного общественно-политического дискурса, объединяющих научный интерес социологов, политологов, философов, является проблема создания новых систем власти, новых форм и методов управления социальными явлениями. В их числе как исторически древние и, казалось бы, отжившие свой век территориальные организации систем власти (империи), так и современные формы национальных государств, испытывающих существенное и неоднозначное воздействие глобализационных и интеграционных процессов. Категория «государство» в последние годы заметно потеснила в научном и общественно-политическом дискурсе род-

ственные (хотя и не синонимичные) понятия «политическая система», «политический режим»; в научный дискурс вернулась традиционная трактовка государства как высшей формы политической организации общества[1]. Системный подход, возникший в 1960-х гг. как ответ на вызов, брошенный государству другими субъектами публичной политики, оказался на некоторое время периферийным политологическому мейнстриму, в том числе и по причине сложности и трудоемкости его использования.

Однако сегодня системный подход возвращается в фокус внимания исследователей по причинам как внутринаучного, так и практически – политического свойства. Солидарным становится мнение ученых о том, что происходит рождение нового типа политических систем, которые чисто внешне выглядят как демократические, но при этом становятся всё более авторитарными по своей внутренней сути. Этот новый тип политических систем элиминирует прежнее разделение на демократию и авторитаризм в их классическом понимании, и с этой точки зрения, видимо, действительно знаменует «конец истории» (в трактовке Ф. Фукуямы) как период их открытого исторического соперничества. На смену последнему приходит новое противостояние, условно обозначаемое как конфликт Будущего и Прошлого[2]. В серьезных научных исследованиях все чаще всплывают образы средневековых практик, которые по-прежнему соблазняют своей кажущейся простотой и надежностью довольно заметные массы людей как внизу, так и на самом верху общественной пирамиды[3].

---

[1] *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Дело, 2019. 504 с.; Политика и управление государством // Новые вызовы и векторы развития: сборник статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М.: Аспект Пресс, 2019. 366 с.; Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И. С. Семененко (отв. ред.), В. В. Лапкина, В. И. Пантина. М.: Весь Мир, 2020. 384 с.

[2] *Владислав Иноземцев.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss

[3] *Владислав Иноземцев.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss

Подобрать адекватное определение для новых политических феноменов непросто, поскольку они обладают уникальными свойствами политической мимикрии, активно используя наличествующие демократические институты и процедуры, риторические приемы демократического дискурса и даже его понятийный вокабуляр. Однако сложившееся в политической науке определение таких систем как «гибридных» все больше утрачивает определенность. Гораздо более релевантным представляется маркировать их как «новый авторитаризм» или «авторитарный популизм», «информационные автократии», «авторитарные гегемонии», «коммерческие диктатуры» и т.д., и эти квалификации обретают все более прочное место в зарубежной и отечественной политической науке[1].

Дисфункции демократических систем: причины и последствия

Вторая половина XX в. была отмечена устойчивым ростом привлекательности демократической идеи повсюду в мире, не исключая и «социалистический мир», гордившийся собственной моделью «социалистической демократии», как образцом подлинного народовластия. Идеологическое противостояние, характерное для периода «холодной войны», имело своим стержнем ценностное состязание либерально-демократического и советского политического проекта. Однако со временем на передний план вышли не столько ценности, сколько сопутствующее им экономическое преуспевание. Бурный восстановительный рост, продемонстрированный послевоенными экономиками западных стран, убедительно доказывал пре-

[1] *Крастев И.* Парадоксы нового авторитаризма // Pro et contra. 2011. № 3–4 (52). С. 96–105; *Gdula M.* Nowy autorytarizm. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2018. 112 S.; *Глухова А. В.* Новый авторитаризм в XXI веке: мировые тенденции и российский case study // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития: сб. ст. / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 56–75; *Mounk Y., Foa R. S.* The End of the Democratic Century: Autocracy's Global Ascendance // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97, No. 3 (May-June). P. 130–139; Book C., Huke N., Tiedemann N., Tietje O. (Hrsg.) Autoritärer Populismus. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2020. 189 S.; *Schäfer A., Zürn M.* Die demokratische Regression. Die politischen Ursachen des autoritären Populismus. Berlin: Suhrkamp, 2021. 247 S.

имущества рыночных механизмов над механизмами государственного планирования и распределения, авторитарно-бюрократическими методами хозяйствования. Распад СССР как символ его поражения в «холодной войне» также способствовал консолидации сторонников и адептов демократии повсюду в мире.

Однако сегодня состояние либеральной демократии встречает другие, менее оптимистичные оценки: «демократическая регрессия», «кризис демократии», «демократия в опасности» и т.д.[1] По данным международного исследовательского проекта «Varieties of Democracy», реализуемого в рамках V-Dem Institute (университет Гетеборга)[2], в 2020 г. только 17 стран находились в процессе демократизации (всего 4% населения мира). Между тем третья волна авторитаризма охватила 25 стран, в которых проживает треть (33%) мирового населения. Серьезность сегодняшней ситуации становится еще более очевидной, если принять во внимание тот факт, что экономически сильные страны G-20, такие как Индия, Бразилия или США, также затронула третья авторитарная волна. «Эта третья волна привела к беспрецедентному краху 36 демократических правительственных систем и стоила для более 700 миллионов людей доступа к демократическим институтам, – указывает немецкая исследовательница Ванесса Боезе. – Следует также отметить, что только 22% тех стран, которые пережили процессы автократизации с 1900 г., смогли предотвратить крах своих демократических институтов. Иными словами, как только начнутся серьезные процессы автократизации, «умрут» более трех четвертей (78%) всех пострадавших тий»[3].Возникает вопрос: станут ли нынешние трудности всего

[1] *Schäfer A., Zürn M.* Die demokratische Regression. Die politischen Ursachen des autoritären Populismus. Berlin: Suhrkamp, 2021. 247 S.; *Merkel W.* Neue Krisen. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert – Essay // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert

[2] См.: URL: https://www.v-dem.net/e n/data/data/v-dem-dataset/

[3] *Vanessa A. Boese.* Demokratie in Gefahr? // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-

лишь этапом (пусть и весьма опасным) на пути трансформации демократических систем под воздействием новых вызовов или же впору говорить о конце демократического века и глобальном подъеме авторитаризма? Ответ на эти вопросы предполагает учет некой совокупности факторов, способных не просто объяснить уже оформившиеся тренды, но и попытаться обозначить их возможные последствия.

Размышляя над причинами демократической гегемонии в послевоенном мире, нельзя не учитывать ее экономический аспект. Доверие к демократическим институтам и поддержка процедур демократии чаще всего опираются на прочный фундамент растущих доходов широких слоев населения, совершенствование его жизненных стандартов. При всех политических преимуществах демократии, при которой власть не может вольно обращаться со своими гражданами, карать и миловать их по своему усмотрению, материальный аспект ее деятельности остается доминирующим в сознании граждан. Поэтому замедление роста доходов основной массы населения на фоне кричащей роскоши узкого круга преуспевающих сограждан выступает одной из наиболее удобных мишеней, используемых популистами в их яростной критике либеральных оснований демократии. По данным Я. Мунка и Р. Стефано Фоа, все больше граждан западных стран начинают с равнодушием относиться к тому, является ли их государство демократическим. «В то время как две трети американцев старше 65 лет говорят, что для них факт проживания в демократическом государстве имеет первостепенное значение, в возрастной категории до 35 лет такой позиции не придерживается даже треть респондентов. Увеличивающееся меньшинство, открыто заявляющее о готовности жить в авторитарном государстве, становится все более многочисленным: с 1995 по 2017 г. число французов, немцев и итальянцев, готовых видеть у власти военных, утроилось»[1]. Причина столь опасного ментального сдвига кроется в гигантском разрыве в уровне доходов

---

demokratie-2021/335433/wissenschaft-morali-sierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert

[1] *Мунк Я., Фоа Р. С.* Конец демократического века и глобальный подъем авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. № 120. С. 132.

населения большинства стран мира, стабильно увеличивавшемся на всем протяжении послевоенных десятилетий[1].

Тревогу за судьбу демократических систем в развитых странах мира усиливают электоральные итоги последних лет, демонстрирующие заметно усилившиеся позиции популистских сил, отчетливое недовольство населения партиями истеблишмента, забывшими, по его мнению, свои обязательства перед избирателями. В свою очередь, экономические успехи авторитарных правительств в Китае, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке привлекают к себе внимание и воспринимаются значительной частью экономически ущемленных групп как альтернативная экономическая и политическая модель, заслуживающая доверия[2].

Экономический потенциал демократических государств имел, помимо прочего, и отчетливое геополитическое измерение в виде преобладания на мировой арене ряда политически устойчивых и экономически развитых демократий, объединенных в военно-политические альянсы. Однако по мере стремительного увеличения вклада авторитарных государств в мировую экономику (с 12% мирового дохода в 1990 г. до 33% во втором десятилетии XXI в.) баланс геополитических сил также начинает меняться. Всего за четверть века «либеральные демократии перешли из состояния небывалой экономической мощи в состояние небывалой экономической уязвимости»[3], что стало причиной не только внешнеполитических обострений, но и возникшей внутриполитической напряженности.

---

[1] См.: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016. 592 с.

[2] Если в конце XIX в. Великобритания и США как наиболее сильные демократии западного мира производили основную часть общемирового ВВП, а во второй половине XX в. границы демократического мира и поддерживающая его структура государственных союзов, возглавляемая США, расширились за счет Японии и Германии, то сегодня – впервые за столетие – на долю этого альянса приходится меньше половины мировой экономики. По прогнозам Международного валютного фонда, через десять лет он будет производить лишь треть мирового ВВП. См.: *Мунк Я., Фоа Р. С.* Конец демократического века и глобальный подъем авторитаризма // Неприкосновенный запас. 2018. № 120. С. 132.

[3] *Vanessa A. Boese.* Demokratie in Gefahr? // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert

Сильная экономика, признаваемая сегодня главным ресурсом во внутри- и внешнеполитической деятельности любого государства, выполняет не только важную стабилизационную функцию, но и предоставляет широкие возможности для культурного влияния на другие страны в форме «мягкой силы». Возможности политического доминирования, включения других стран в глобальную экономическую систему (Евросоюз, ВТО) или исключение из нее также определялись сочетанием экономической мощи и культурного престижа. Страны, осуществлявшие в конце 1980-х гг. демократический транзит, рассчитывали на союз с Западом как условие экономических и военных выгод; бывшие колонии копировали политические системы прежних метрополий.

Резюмируя, следует признать, что демократия в минувшем веке имела под собой прочную экономическую основу, позволявшую ей распространять демократические ценности и идеалы по всему миру. Напротив, экономический спад, характерный для нынешнего этапа развития, порождает негативные импульсы, отражающиеся в политической и культурной сферах.

Первые признаки серьезных сбоев в функционировании политических систем стабильных западных демократий («регрессии демократии»)[1] обнаружились уже на исходе первого десятилетия XXI в., после финансового кризиса 2008 г., о чем открыто заявил в своей нашумевшей книге английский политический социолог К. Крауч. Характерными признаками так называемой «постдемократии» он назвал возрастание политического влияния глобальных финансовых кампаний, резкое усиление роли медийной политики и повышение влияния экспертов за счет партийных элит[2]. Другим ярким признаком проблем демократии стала неспособность политических систем эффективно противостоять манипулированию со стороны «ветократии», т.е. тех сил и узких ресурсно обеспеченных групп, которые оказались чужеродными по отношению к сложившимся ранее балансам интересов.

---

[1] *Schäfer A., Zürn M.* Die demokratische Regression. Die politischen Ursachen des autoritären Populismus. Berlin: Suhrkamp, 2021. 247 S.

[2] *Крауч К.* Постдемократия. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

В свою очередь, в широких слоях населения возникли серьезные сомнения в представленности собственных интересов в демократических институтах. Как следует из результатов недавних опросов, граждане многих предположительно устойчивых демократий в Северной Америке и Западной Европе стали сильнее сомневаться в своих политических лидерах. «Они стали циничнее по отношению к ценности демократии как политической системы, реже верят, что могут повлиять на государственную политику, и с большей готовностью поддержат авторитарную альтернативу, – отмечает болгарский интеллектуал И.Крастев. – Исследование показало также, что «молодое поколение меньше верит в ценность демократии» и «с меньшей вероятностью будет политически активно»[1]. Для многих в Европе демократия стала синонимом политического бессилия граждан, а Брюссель – олицетворением «безграничной власти рынков и губительной силы глобализации»[2].

Сложившаяся ситуация действительно во многом стала следствием стремительного развития в последнее тридцатилетие глобализационных процессов, что повлекло за собой серьезные политические и социокультурные последствия. Не получив политического оформления, глобализация привела к резкому социальному размежеванию между «победителями» и «побежденными», маркированными не только материальными, но и социокультурными, и моральными показателями[3]. Ответной реакцией стало пробуждение новых идентичностей «исключенных групп», составивших так называемое «встревоженное большинство», вытесненное на обочину общества и озабоченное сохранением своего статуса и уровня жизни. Обеспечив экономический подъем и рост среднеобеспеченных слоев населения во многих странах за пределами развитого мира, глобализация привела к ослаб-

[1] *Крастев И.* После Европы / пер. с англ. А. Никитиной; под ред. А. Смирнова, Я.Охонько. М.: Дело, 2018. С. 82.

[2] Там же. С. 86.

[3] Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. 2020. URL: https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/ (accessed: 02.05.2020).

лению экономических и политических оснований среднего класса в самом центре послевоенной Европы и США[1]. Общественные настроения, характеризовавшиеся демократическими устремлениями, сменились «демократическим замешательством».

Регрессию партийно-парламентских систем в ведущих странах Запада не следует считать случайной: она является закономерным следствием кризиса системы представительства, результатом недоверия избирателей к этаблированным партиям, а также производным от экспансии в политическую сферу новых информационно-коммуникационных технологий, позволяющих оказывать сильное воздействие на сознание граждан, бороться за контроль над повесткой дня. Все эти процессы представляют собой серьезный вызов для будущего демократии, хотя считать их проявлением ее кризиса пока еще рано. По мнению исследователя демократических транзитов В. Меркеля, вызовы демократии следует отличать от причин кризисов. Внешние вызовы, подобные неолиберальной глобализации финансовых рынков, супранационализации политических решений, растущему социально-экономическому неравенству, или внутренние вызовы типа упадка народных партий и снижения роли парламентов лишь тогда станут кризисными явлениями, если политическая система не сможет развить функциональные и нормативные эквиваленты, способные компенсировать эти возникшие дисфункциональности и нормативный дефицит[2].

Вместе с тем процесс демократической регрессии уже стал признанным фактом, в силу снижения и качества демократии, и количества демократических стран[3]. Возникла новая линия по-

---

[1] *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 111–122.

[2] *Merkel W.* Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 – 42/2016). 2016. URL: http://www.bpb.de/apuz/234695/krise-der-demokratie-anmerkungen-zu-einem-schwierigen-begriff (accessed 30.05.2017).

[3] *Merkel W., Neue Krisen*. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert – Essay // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert

литического конфликта, которая, начиная с 1980-х годов, все больше сближалась с традиционной лево-правой линией противоборства труда и капитала, породив в результате мощный кумулятивный эффект. По мнению немецких авторов В. Меркеля и М. Цюрна, эта новая линия конфликта проходит между космополитизмом, представленным «либеральными глобалистами», и коммунитаризмом, который сегодня в публичном политическом споре представляют в основном авторитарно-популистские партии[1].

Возможность укрепления популистских партий стала производной от недостатков существующих политических систем. В числе последних – слабый учет в принимаемых решениях политических установок граждан с низким образованием и низким доходом. Кроме того, ослабление парламентов произошло за счет передачи их компетенций в так называемые немажоритарные институты – центральные банки, конституционные суды или международные организации. Их сотрудники не избираются гражданами и не подотчетны им. Отсюда острое чувство неприятия у многих сторонников популистских партий, которые не находят отклика своим интересам в политической системе. Иными словами, демократический дефицит играет решающую роль в тех социальных механизмах, с помощью которых глобализация привела к росту авторитарного популизма[2].

Еще один важный элемент, существенно ослабевший в последнее десятилетие – это иерархичность системы организации управления обществом. «Характерная для современного периода «сетевизация» общества, сопровождаемая широким распределением механизмов влияния и, соответственно, снижением индивидуальной ответственности, имеет двоякие последствия, – утверждает Г. Явлинский. – С одной стороны, традиционные лидеры, претендовавшие на ведущие роли в вертикально организованном обществе, утрачивают возможности в прежних объе-

[1] Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn. 2020. URL: https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/ (accessed: 02.05.2020).

[2] *Schäfer A., Zürn M.* Die demokratische Regression. Die politischen Ursachen des autoritären Populismus. Berlin: Suhrkamp, 2021. S. 84.

мах влиять на общественные настроения и политические решения. С другой стороны, на роль лидеров (часто стихийных или «народных») выдвигаются совершенно случайные люди, неожиданно оказавшиеся в узловых точках различных сетевых взаимодействий»[1].

В результате в политических системах резко увеличивается количество случайных результатов, не связанных с реальным соотношением интересов общественно значимых групп. Появляются бóльшие возможности для маргинальных акторов и нерациональных действий, для труднообъяснимых, а порой и странных политических решений, неожиданно получающих поддержку и шанс на реализацию. «Сетевизация», трактуемая оптимистами как инструмент демократизации управления, в реальности зачастую ведет к его хаотизации и иррационализации, к росту случайных движений, чьи цели не имеют отношения к общественным интересам.

Авторитарный популизм как контр-демократический вызов

Серьезным вызовом либерально-демократическим политическим системам во втором десятилетии XXI в. стал прорыв в публичную политику авторитарно популистских партий и движений. «Поворот к популизму» в разных странах (Венгрии, Польше, Великобритании, США) происходил по-разному, но существуют и общие черты, а также объединяющие их последствия[2]. Очевидно, что благодаря росту популистских настроений в политику вернулся конфронтационный стиль, поляризация и персонификация, практикуемая политическими лидерами, подчер-

[1] *Явлинский Г.* О политических системах новой эпохи. URL: https://echo.msk.ru/blog/yavlinsky_g/

[2] См.: *Глухова А. В.* Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68; *Вайнштейн Г. И.* Современный популизм как объект политологического анализа // Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89; *Глухова А. В.* Правый популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. С. 33–61.

кивающими свою избранность и сильную политическую волю. Опасность персонифицированной политики заключается в том, что она подрывает доверие к политическим институтам и серьезно ослабляет их. Классическое для институциональной политики деление на левых и правых сменяется конфликтом между интернационалистами и нативистами, способствуя формированию опасного расхождения между демократией и либерализмом. Масштабное исследование В. Меркеля и М. Цюрна подтверждают природу доминантного размежевания по линии «космополитизм / коммунитаризм», характерного сегодня для западных демократий[1].

Феномену популизма в последнее время уделяется повышенное внимание исследователей. В их ряду – профессор политической теории Я.-В. Мюллер, одним из первых выделивший типологические признаки истинного популизма, в числе которых главным является уверенность его представителей в том, что только они олицетворяют подлинный, настоящий, всегда гомогенно мыслимый народ. «Популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме. Решающий вопрос нашего времени заключается в том, смогут ли популисты развиться в направлении признания плюрализма или же они будут и дальше пытаться дискредитировать политические институты, которые не выражают постулируемую ими «народную волю»; смогут ли этаблированные партии воспринять легитимные пожелания избирателей популистских партий, не превратившись сами в популистов»[2]. Иными словами, решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов, что крайне опасно для

[1] *Merkel W., Neue Krisen*. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert – Essay // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert

[2] *Müller J.-W.* Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ 40 – 42/2016). URL: http://www.bpb. de/ apuz/ 234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all (accessed: 08.07.2020).

либеральной демократии. Они претендуют на выражение народной воли, которую сами же и формируют.

Создаваемое популистами «новое большинство» воспринимает выборы не как предпочтение и поддержку определенной политики, отличной от других ее вариантов, но как «акт восстания» против привилегированного меньшинства и тех, кому оно покровительствует, как своеобразную «политическую революцию». В странах Европы предметом атаки выступает союз космополитических элит и разного рода меньшинств, включая мигрантов[1].

Девальвацию этаблированной политики особенно наглядно демонстрируют направления и действия популистских политиков, пришедших к власти при поддержке населения. Главным объектом их политических атак становится институциональная подсистема, и прежде всего – принцип разделения властей. Правительства В. Орбана в Венгрии и Я. Качиньского в Польше поспешили взять под свой контроль конституционные суды и ограничить независимость центральных банков, затруднить условия деятельности организаций гражданского общества и независимых медиа. В Венгрии эти политические изменения получили конституционное закрепление в виде принципа сверхбольшинства, от имени которого может приниматься любой закон[2]. Несмотря на протесты образованного городского населения, противодействия откровенно антиконституционным действиям властей со стороны значимого большинства венгров и поляков не последовало.

Второе направление нападок популистов – это реализация воли большинства, трактуемой как безоговорочная победа над

---

[1] В США бывший президент Д. Трамп возглавлял поход против этаблированных элит, именуемых «вашингтонским болотом».

[2] Конституция Венгрии (вступила в силу с 01.01.2012) // Конституции мира: [сайт]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=298 (дата обращения: 20.04.2020). С 2019 г. Венгрия больше не классифицируется как демократия по схеме RoW и, таким образом, является первым самодержавным государством-членом Европейского Союза (см.: *Vanessa A. Boese.* Demokratie in Gefahr? // Zustand der Demokratie. Aus Politik und Zeitgeschichte. 25.06.2021. URL: https://www.bpb.de/apuz/zustand-der-demokratie-2021/335433/wissenschaft-moralisierung-und-die-demokratie-im-21-jahrhundert)

меньшинством (меньшинствами). Под ударом оказывается главная ценность и преимущество либеральной демократии, а именно защита не только права собственности и претензии политического большинства на управление, но и прав меньшинств, гарантии того, что проигравшие на выборах сегодня имеют шанс вернуться и принять участие в борьбе за власть завтра, в рамках новой электоральной кампании. Несмотря на то, что большую часть человеческой истории споры решались не путем мирного обсуждения и упорядоченного процесса передачи власти, а по праву сильнейшего, сегодня окончательный триумф победителей невозможен: они вынуждены учитывать также и интересы меньшинства, как того требует демократическое политическое устройство и либеральная этика. Игнорируя эту традицию, популистские партии в своей риторике требуют полной и безоговорочной победы, что становится привлекательным для части избирателей, обеспечивая им успех[1]. Нарратив ПОБЕДЫ становится основным идеолого-легитимационным фактором, обосновывающим и закрепляющим их претензии на политическое доминирование.

Третье направление атаки популистов – это трактовка политики как рационального согласования интересов. Достоинство демократической системы всегда было в том, что она являлась институциональной матрицей, построенной на четком соблюдении либерального принципа разделения властей в целях контроля над ними, и системой представлений о неизбежности и необходимости компромиссов. Ее сила заключалась в четком осознании рамок допустимого и запретного в политике, более или менее устойчивых ограничителей, за которые нельзя выйти, не рискуя оказаться аутсайдером. Признание мажоритарного принципа принятия решений не отменяло необходимости в защите прав меньшинств и в ограничении возможностей для большинства, особенно когда оно становится абсолютным. Смысл и предназначение таких систем несовместимы с радика-

[1] Бывший американский президент Д. Трамп часто сетовал на то, что «Америка не побеждает»; в России прошлые победы активно экстраполируются в сегодняшний день.

лизацией политических конфликтов, восприятием их как бескомпромиссной «последней битвы» «своих» и «чужих»: демократические политические институты в таком случае стали бы дисфункциональными и бессмысленными. Отсюда популистский поворот можно рассматривать как реванш более узких и локальных, но культурно более глубоких идентичностей внутри отдельных стран – членов Евросоюза, в результате которого все больше размывается деление на левых и правых, а европейская политика движется в сторону более закрытого и менее либерального понимания политического сообщества. «Встревоженное большинство», которому есть что терять и которое поэтому живет в постоянном страхе[1], стало главной действующей силой, трансформирующей европейский политический процесс.

Таким образом, популистские партии представляют собой фактически конституционные движения, дающие избирателям ощущение победы и безграничные возможности для большинства – не только политического, но и этнического, и религиозного[2]. Популистские технологии не являются всего лишь инструментом борьбы за власть в рамках существующей конституционной системы, но есть орудие нападения на нее. Популистские лидеры обвиняют либеральные идеи и институты в ослаблении национальной воли и подрыве национального единства, отвергают компромиссы, трактуемые как слабость. Эти партии и поддерживающее их «встревоженное большинство» пытаются подорвать изнутри принципы и институты конституционного либерализма, т.е. разрушить фундамент, на котором основан Евросоюз, угрожая выживанию европейского проекта. При этом, придя к власти, эти политические силы плохо управляют и не берут на себя ответственность за последствия своих действий.

Извне крестовый поход против западного либерального проекта инициируют соперничающие государства (Турция, Россия), пытаясь противопоставить либеральной демократии авторитар-

[1] *Дуткевич П., Казаринова Д.* Страх как политика // Политические исследования. 2017. № 4. С. 8–21.

[2] Конституция Венгрии (вступила в силу с 01.01.2012) // Конституции мира: [сайт]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=298 (дата обращения: 20.04.2020).

но-популистский имперский проект, идеологически легитимированный апелляциями к истории и практически поддерживаемый посредством популистских приемов и методов.

Поворотным пунктом в новейшей истории Турции стало утро 16 июля 2016 г. – неудавшаяся попытка военного переворота. После выборов 24 июня 2018 г. автократизация достигла своего трансформационного пика: наряду с нелиберальными конституционными изменениями исполнительная власть получила широкие правительственные возможности, даже после отмены чрезвычайного положения. Таким образом, в течение нескольких лет «демократическая консолидация» стала «демократической рецессией», которая быстро прошла стадию «демократического разрыва» и превратилась в «полный авторитарный порядок»[1] (с принятием новой Конституции). Авторитарная трансформация происходила на правительственном уровне, но реально она закрепилась и в повседневной жизни турецкого общества, поскольку без риторики «демократии для граждан» авторитарный проект вряд ли мог бы претендовать на выражение явной воли большинства. По мнению турецкого политолога Т. Йлдица, общественное пространство попало под властный контроль не только в силу авторитарного давления на гражданское общество, но и потому, что «гражданские деятели сами перешли к пропаганде авторитарных идеалов и лишают демократические силы возможности артикуляции там, где формируется столь жизненно важная для демократий критика действий правительства»[2].

Авторитарно-популистский стиль турецкого лидера Т. Р. Эрдогана отличает историческая метафорика, использование исторического нарратива в целях обоснования своих амбициозный притязаний. Легитимация осуществляется через последовательную работу над мифом, которая всегда присутствует

[1] См.: *Taylan Özgür Yildiz*. Die Metaphorik des Neuen Autoritarismus. Eine Fallstudie zur Erneuerung politischer Verkörperungsmythen // Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. P. 253–279.

[2] *Taylan Özgür Yildiz*. Die Metaphorik des Neuen Autoritarismus. Eine Fallstudie zur Erneuerung politischer Verkörperungsmythen // Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. P. 253–279.

там, где проходят процессы символической коммуникации. Благодаря мифологизации дискурса суверенитета авторитарные проекты современности наполняются культурными энергиями. При этом две культурно прочные метафоры обретают центральную коммуникативную роль: это метафора политики как совместного «домашнего» существования, и метафора пастора, т.е. форматирование политических субъектных позиций посредством конструкции семейных ролей (в логике М.Фуко). Миф олицетворения переживает свою манифестацию в ключевых моментах, в которых метафоры дома превращаются в пасторальную власть и с нею объединяются[1].

Поворотным пунктом для российской политической системы стала конституционная реформа 2020 г. После внесения в Конституцию РФ серии поправок (сформулированных в виде единого «Закона о Поправке»[2]) институциональный дизайн политической системы стал более определенным, но гораздо менее демократичным. Несмотря на видимое перераспределение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти (Государственная Дума отныне наделена полномочиями утверждать не только кандидатуру председателя правительства, но и части министров, за исключением силовых), сверхполномочия президента в части роспуска парламента или отставки правительства еще больше укрепились[3].

---

[1] Имеются многочисленные примеры возрастания связующей силы авторитарных мифов олицетворения и их метафорической коммуникации, что и демонстрирует Турция как выраженный случай нового авторитаризма. Президентство Д. Трампа также вряд ли можно объяснить, если не принимать в расчет принципы домашнего руководства. США не пережили авторитарного изменения политического режима в транзитологическом смысле слова, но они столкнулись с таким стилем правления, который не случайно продвигал на высшие государственные посты членов президентской семьи. Дальнейшие примеры типа усиления роли «Европы отечеств» или конфликты с евангелическими кабинетами в Бразилии доказывают новую глобальную и вариативно богатую притягательную силу обещаний *патерналистского порядка*.

[2] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ.

[3] Отныне председатель правительства может быть отправлен в отставку при сохранении кабинета министров; возможны и произвольные отставки отдель-

В ходе конституционных преобразований произошло изменение статуса Конституционного суда: его состав сократился с 19 до 11 членов, назначаемых лично президентом, включая его председателя[1]. Подчинение президенту всех силовых структур – ФСБ, МВД, МО, прокуратуры, а также МИДа завершает логику дальнейшей концентрации верховной власти. Глава государства, получив два десятка новых конституционных полномочий, еще выше встает над другими ветвями власти, а новые полномочия парламента получают забюрократизированные Госдума и Совет Федерации, ставшие «административным приложением властного механизма»[2].

Нормативно-правовая подсистема призвана обеспечивать важнейшую функцию Конституции – быть основным законом прямого действия во всей совокупности его статей, укреплять единство правового поля и следование политических акторов единым правилам игры. Между тем внесенные в текст Конституции РФ поправки усиливают противоречие между преамбулой, первыми незыблемыми главами («Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина») и новой конфигурацией государственной власти. Это привело к созданию «избыточно сложной и недостаточно цельной конструкции, которая едва ли полностью снимет противоречия, провоцировавшие споры о Конституции 1993 г.», – считает О. Ю. Малинова[3].

Зримым отражением этих противоречий стала имплементация принятых поправок в законодательство РФ, резко ограничивающее и стигматизирующее деятельность независимых СМИ, пра-

---

ных министров. Статус правительства как главного распорядительного органа в системе государственной власти становится еще слабее.

[1] Ст. 125 п. 1 Конституции Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2020. 64 с.

[2] *Румянцев О. Г.* Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (2). С. 6–12. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-2-6-12

[3] *Малинова О. Ю.* Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 35.

возащитников, гражданских активистов; категориальная криминализация некоторых организаций как «иностранных агентов», «нежелательных организаций», «экстремистских организаций» и т.д.[1] Идеологическим обрамлением этого тренда становится риторика «осажденной крепости», метафорика героического олицетворения[2] и т.д.

В. Иноземцев, характеризуя подобные системы, использует понятие «коммерциализированные диктатуры», подчеркивая свойственный им патримониализм и масштабную коррупцию[3]. Носители власти на разных уровнях таких систем составляют самый состоятельный класс общества. Люди воспринимаются ими не как источник развития социума, а как средство увеличения своих капиталов; всё в обществе – от должностей до правосудия и силовых структур – становится продажным и продающимся. В таких государствах нет доминирующей идеологии; престижное потребление государства по своим масштабам приближено к временам абсолютных монархий; личная преданность правителю становится, как и прежде, единственной основой карьерного роста. «Такие «коммерческие диктатуры» могут принимать самые разные формы, от гротескных ливийской Джамахирии или чавистской Венесуэлы до относительно респекта-

[1] По словам председателя ЦИР РФ Э. Памфиловой, за 5 лет было введено более 50 новых ограничений для избирательного права. URL: https://echo.msk.ru/programs/tuz/2881978-echo/ (дата обращения: 5.08.2021). В канун парламентских выборов 2021 года было лишено пассивного избирательного права около 9 млн россиян. См.: «Новые лишенцы»: за что граждан России массово поражают в праве быть избранными на выборах в 2021 г. // Доклад Движения в защиту прав избирателей «Голос». URL: https://www.golosinfo.org/ articles/145272/

[2] В интервью британской газете «Файнэншл Таймс» бывший помощник президента В. Сурков сравнил В. Путина с императором Октавианом Августом: «Октавиан пришел к власти, когда люди боялись бороться. Он создал государство нового типа. Это больше не была республика. Он сохранил формальные институты республики – был сенат, был трибунал. Но все отчитывались перед одним человеком и подчинялись ему. Путин сделал то же самое. Он не отменял демократию, а совместил принципы демократии с монархическим архетипом российского правления, в котором есть и свобода, и порядок» (FT. 18.06.2021).

[3] *Иноземцев В.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss

бельных России или Турции, но их цель одна — превращение власти в средство личного обогащения правителя и его свиты», – считает автор[1].

Коммерциализированные государства по-разному выстраивают свои отношения с населением, но практически всегда допускают существование формальных демократических процедур. «Они предполагают сословное сознание и избирательность имплементации правовых норм и решений; поддерживают глобальную инфраструктуру обеспечения безопасности награбленных активов; с легкостью расстаются с собственными гражданами, не готовыми стать винтиками новой системы»[2]. На вопрос о том, смогут ли эти новые «восходящие звезды» стать реальными оппонентами развитого мира, автор дает отрицательный ответ. «В долгосрочной перспективе ни у одного такого государства, если они не откажутся от своей нынешней политической формы, нет шансов на превращение в развитое, внутренне свободное и демократическое общество, что, однако, вовсе не означает, что они не смогут просуществовать в их нынешнем или лишь незначительно модифицированном виде еще многие десятилетия»[3].

Коронавирус и гонка систем

Конец 2019 г. неожиданно открыл новое поле для соревнования систем – эпидемиологическую арену. Последняя напрямую

---

[1] *Иноземцев В.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss

[2] *Иноземцев В.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss

[3] *Иноземцев В.* Будущее порядка. Угрожает ли демократии новое Средневековье. 24 апреля 2019 г. URL: https://snob.ru/entry/176085?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=rss. См. также: *Иноземцев В.* Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М.: Альпина Паблишер, 2019. 404 с.; *Гельман В.* Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2021. 359 с.

связана с безопасностью и сохранением жизни, а также системной нестабильностью мирового порядка[1].

Достоверность статистики, предоставленной отдельными государствами, еще нуждается в проверке, однако появились первые теории, в которых названы переменные и критерии, имеющие отношение к оценке эффективности и легитимности действий государств в условиях пандемии COVID-19. Такие теории опираются на системные исследования политических режимов, процессов трансформации, а также уровня и характера государственного вмешательства. Для анализа политических последствий борьбы с пандемией они также становятся значимыми.

В. Меркель выделяет шесть переменных, определяющих успех или неудачу в борьбе с коронавирусом. Эти переменные связаны с тремя подсистемами, а именно с государством, обществом и системой здравоохранения[2].

Переменными, определяющими *качество государственного управления*, являются:

– характер политического режима (демократический или автократический);

– государственный потенциал (наличие либо отсутствие ресурсов и процедур действий государства);

– качество государственного управления (ориентировано на общее благо или частный интерес);

– государственное обучение (способность извлекать уроки из прошлых эпидемических кризисов).

Как показал предварительный анализ, данные борьбы с пандемией, как и в случае с показателями экономического развития, не позволяют обнаружить систематические различия в успехе между демократическими и автократическими системами[3].

---

[1] См.: *Chebankova E., Dutkewicz P.* Covid-19 Pandemic and the World Order // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 8–24.

[2] *Wolfgang Merkel.* Das Virus und der Wettlauf der Systeme // FH. 2020. № 5. S. 18.

[3] Китай, если верить официальной статистике КНР, справился с пандемией не хуже, чем демократические государства, подобные Южной Корее или Германии.

С другой стороны, очевидны б*о*льшие человеческие потери в государствах, где находившиеся у власти лидеры – популисты (Д. Трамп в США[1], Ж. Болсонару в Бразилии[2], Н. Моди в Индии, В. Путин в России[3]) поначалу игнорировали этот серьезный эпидемический вызов, что не замедлило сказаться на быстром росте смертельных исходов. Вместе с тем сказанное не опровергает того факта, что характер политического режима сам по себе ничего не говорит об успехе или неудаче в преодолении эпидемического кризиса.

Гораздо более важным показателем, чем политический режим, является степень государственности, а именно потенциал и воля государства, государственное обучение и государственные действия, имеющие решающее значение для успеха в борьбе с пандемией. Государственный потенциал предполагает государство, обладающее рациональной и мощной, не слишком коррумпированной бюрократией. Высокоразвитые демократии имеют такие администрации; менее развитые демократии от Индии до *electoral democracies* в Латинской Америке – нет. «Общая государственная воля означает демократически-плюралистическую

[1] В ходе предвыборных теледебатов модератор задавал кандидатам в президенты США вопрос: «Какова Ваша стратегия по выводу страны на следующем этапе борьбы с коронавирусной инфекцией?». Д. Трамп трижды использовал заведомо ложную информацию. В частности, несмотря на начало третьей волны распространения болезни, он утверждал, что распространение коронавирусной инфекции уже шло на спад. Трамп многократно прибегал к формулировкам, создававшим некоторую «размытость» информации из-за отсутствия подтверждающих фактов и невозможности ее верификации (См.: Fact-Checking the First 2020 Presidential Debate // The New York Times. 24.10.2020. URL: https://www.nytimes.com/live/2020/09/29/us/debate-fact-check (accessed 16.04.2021)).

[2] Верховный суд Бразилии санкционировал расследование против президента страны Жаира Болсонару, которого подозревают в игнорировании предполагаемых нарушений со стороны его правительства при закупке индийской вакцины от COVID-19. Пресс-служба Жаира Болсонару отказалась комментировать начало расследования против президента. Сам Болсонару ранее назвал намерение начать расследование против него по этому делу «идиотской» попыткой свергнуть его правительство (См.: Коммерсантъ. 04.07.2021. URL: https://news.mail.ru/incident/46984992/?frommail=1).

[3] Россия поднялась на четвертое место по числу случаев заражения коронавирусом с начала пандемии, следует из данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (См.: https://www.m24.ru/articles/medicina/14072021/158347).

систему, которая не переопределяет игру правительства и оппозиции, но, тем не менее, обладает устойчивым элитарным консенсусом по поводу конституционного распределения власти, – подчеркивает В.Меркель. – Демократическое противостояние правительства и оппозиции слишком сильно отодвинулось на второй план во многих европейских демократиях в период пандемии COVID-19»[1]. Автор констатирует широкое самоотречение оппозиции: она освободилась от своей демократической функции, почти не критиковала правительство, неадекватно контролировала и не вносила альтернативы в дискуссию. «Временами Федеральный конституционный суд и федерализм были более эффективными хранителями Конституции, чем оппозиция»[2]. Подобные же опасения разделяются и другими авторами, указывающими на возрастание влияния исполнительной ветви власти, сложности в проведении избирательных кампаний, особенно для маленьких партий, потерю влияния местных советов или коммунальных собраний и т.д.[3]

Что касается обучаемости, то политическая теория исходит из того, что демократии более обучаемы, чем автократические режимы. Механизм обратной связи на свободных выборах заставляет их учиться под страхом наказания со стороны избирателей. Однако во времена популизма этот демократический «закон» извращается, а государственное обучение иногда переходит в авторитарное правление[4]. Тем самым кризис выявляет разные модели обучения, как демократические, так и автократические. В демократиях нет единой государственной воли, особенно в

---

[1] *Wolfgang Merkel.* Das Virus und der Wettlauf der Systeme // Frankfurter Hefte. 2020. № 5. S. 18.

[2] Ebenda.

[3] *Norbert Kersting.* COVID-19-Pandemie und politische Institutionen. Lokale Politik und Wahlen // Politische Vierteljahresschrift. 2021. Vol. 62. P. 325–339. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11615-021-00302-5

[4] Например, Д. Трамп пытался объявить власть президента тотальной, но это было отвергнуто оппозицией, губернаторами и общественными структурами США. В свою очередь, в Венгрии более двух третей венгерского парламента поддержали самовластное желание премьер-министра В. Орбана править на неопределенный срок с помощью указов.

федеративных системах. Вместе с тем федерализм может быть даже преимуществом, поскольку различные стратегии могут быть адаптированы на региональном уровне и привнести в процесс обучения разнообразный опыт.

При всей важности государственных переменных, одни они не решают проблему. *Не менее значимой представляется общественная структура*, от которой зависит эффективность государственного действия. Общество должно следовать государственным решениям, но эта готовность может быть проявлена по-разному: в авторитарных системах – с открытыми жесткими репрессиями по отношению к подданным, в демократиях – с вескими доводами по отношению к гражданам. Но и в развитых демократиях общества принципиально различаются. Индивидуализированным обществам Запада противостоят коллективно ориентированные конфуцианские общества Востока, имеющие высокую социальную сплоченность, например, в Восточной Азии. Общее и семейное благополучие здесь стоят выше отдельного индивида. Общества Сингапура и Гонконга (полуавторитарные), Южной Кореи и Тайваня (демократические) следуют этой схеме. Запад менее однороден: скандинавские общества более ориентированы на общее благо, имеют более высокую социальную сплоченность, чем гипериндивидуализированное американское общество. *Чем выше социальная сплоченность, тем сильнее доверительное следование, тем лучше страна переживает кризис*.

Состояние *третьей подсистемы – здравоохранения* – чрезвычайно важно: здесь необходимо различать хорошо финансируемые государственные и недофинансированные (приватизированные) системы здравоохранения. *Система здравоохранения* с оперативной медицинской помощью решает все остальные проблемы. Если она в значительной степени публична и хорошо финансируется, как в Скандинавии и Германии, то и возможности лечения более широкие и эгалитарные: умирает меньшее количество инфицированных людей, болезнь не носит классового характера. Если здравоохранение сильно приватизировано, а его общественная часть критически недофинансирована, как в США,

умирает больше зараженных людей, преимущественно бедных и афроамериканцев. В демократиях система здравоохранения является показателем гуманности общества, и кризис, вызванный COVID-19, это подтверждает[1].

Таким образом, совокупность взаимодействий государства, общества и системы здравоохранения определяет идеальные социально-политические конфигурации того, как скоро страны справляются с пандемией. Слабая государственность, сильно фрагментированная и поляризованная система принятия решений, гипериндивидуализированное общество и недофинансируемые публичные системы здравоохранения являют собой идеальный тип неудачи. К этой структуре оказались очень близки США. И, напротив, эффективное государство, ответственная система принятия решений, достаточная социальная сплоченность, распространенное понимание общего блага и хорошо финансируемая система здравоохранения – это, наоборот, формула успеха. Этой конфигурации следуют такие разные демократии, как Южная Корея, Тайвань, Швеция, Дания, Австрия и Германия. Нормативные и экономические последствия COVID-19 станут известны только после окончания острой фазы кризиса, но политические просматриваются уже сейчас: действия демократических правительств (особенно в либеральных демократиях) вызывали значительно меньше нарушений фундаментальных прав человека, чем действия самодержавных правительств[2].

---

[1] Системы здравоохранения в Италии и Испании, подвергшиеся неолиберальной экономии, оказались неготовыми к надлежащему уходу за больными в ситуации эпидемического кризиса, чем и объясняются высокие показатели смертности. Россия, где политика властей в отношении коронавируса также была непоследовательной, оказалась в числе лидеров как по количеству зараженных (4-е место в мире после США, Индии и Бразилии), так и по числу умерших от ковида (третье место в мире). Процесс вакцинирования населения осуществляется крайне медленно в силу недоверия последнего к рекомендациям и действиям государства (Коммерсантъ. 20.07.2021).

[2] В частности, в Турции журналисты были арестованы и заключены в тюрьму за то, что они высказались о пандемии в новостных СМИ или социальных сетях. В Индии стали известны издевательства над журналистами, сообщавшими о COVID-19.

Современные социально-экономические и политические процессы адресовали множество вопросов системам управления, часть из которых пока остается без ответа. Очевидно, что дальнейшее развитие этих процессов способно коренным образом изменить системные основания политики.

При формальном сохранении прежних институтов в лице парламентов, судов, партий и т.д. могут возникать новые, принципиально иные политические конфигурации власти, точная система идентификации которых пока не выработана. С другой стороны, есть основания полагать, что в институтах старых и новых демократий будет найдено достаточно внутренней силы, чтобы обуздать разрушительную энергию персоналистской воли, поставив ее под надежный контроль гражданских структур. «Изгнание» Д. Трампа служит для этого обнадеживающим примером[1]. Однако утверждать, что демократические системы с честью выдержали один из самых трудных экзаменов в своей истории, пока рано. Очевидно, что демократический дефицит, по крайней мере, частично, является причиной дифференцирующих политических установок, выступающих латентными структурными элементами новых политических конфликтов.

До тех пор, пока будет существовать дефицит политического представительства, игнорироваться интересы широких слоев населения, отсутствовать их полноценная коммуникация с властью, у авторитарных популистов есть все шансы воспользоваться очередным кризисом – миграционным, эпидемиологиче-

[1] В структуре госдолга США (почти $ 29 трлн) ЧЕТВЕРТЬ (т.е. $ 7?8 трлн) были аккумулированы за четыре года президентства Д. Трампа. Это стало третьим самым большим ростом дефицита бюджета при одном президенте в истории – после А. Линкольна, на правление которого пришлась гражданская война, и Дж. Буша-мл, который начал войну в Ираке. Рекордный рост госдолга при Трампе объясняется тем, что за счет дефицита бюджета 45-й президент финансировал свои предвыборные обещания – в частности, снижение налогов на богатых. На президентство Д. Трампа пришлось начало пандемии, во время которой Конгресс выделил несколько триллионов долларов в виде помощи гражданам, бизнесу и экономике, но половина роста дефицита бюджета пришлась на три года президентства Трампа до начала пандемии (См.: *Орлова К.* Как США дошли до такого кризиса // Эхо Москвы. 13.10.2021).

ским, климатическим – как открывающимся окном возможностей для патерналистских соблазнов. Вместе с тем их ставка на метафорическую символизацию своих проектов постепенно теряет популярность вместе с поколениями, для которых эти символы и ценности имеют значение.

Оппоненты свободного мира не только плохо управляют, но и не в состоянии предложить миру что-то новое, табуируя саму идею Будущего, упразднить которое невозможно.

С. Е. ЗАСЛАВСКИЙ

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ 2021 ГОДА: КОНФИГУРАЦИЯ И ЛИНИИ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. В статье анализируются основные институциональные факторы и траектории партийно-политической конкуренции на выборах депутатов Государственной Думы 8 созыва. На основе данных электоральной статистики оцениваются состояние и тенденции развития партийной системы России.
Ключевые слова: выборы, избирательная кампания, политические партии России, парламентские выборы, партийная система России

Избирательная кампания по выборам депутатов Государственной Думы 8-го созыва в политико-правовом отношении имела ряд примечательных особенностей. Прежде всего, это были первые общие федеральные выборы, проводимые после одобрения на общероссийском голосовании в 2020 г. изменений в Конституцию Российской Федерации, существенно расширивших объем контрольных и кадровых полномочий Государственной Думы. Усиление места и значимости выборной палаты парламента в политической системе страны обусловило повышенную активность партий и кандидатов в борьбе за депутатские мандаты. Кроме того, сохранение угрозы распространения коронавирусной инфекции послужило причиной принятия ЦИК России решения о проведении голосования в течение не одного, а трех дней 17–19 сентября. Наконец, на выборах 2021 г. в семи субъектах Российской Федерации (Курской обл., Мурманской обл., Нижегородской, Ростовской обл., Ярославской обл., г. Москве и г. Севастополе) выборы в экспериментальном режиме проводились с использованием дистанционного электронного голосования в сети Интернет. Сочетание этих ключевых факто-

ров предопределили особый формат и динамизм предвыборной кампании.

К выборам 2021 г. дали знать и отложенные политические эффекты проведенного в 2012–2013 гг. реформирования законодательства о политических партиях. Резкое сокращение в 80 раз требований к минимально необходимой численности политических партий (с 40 тыс. членов до 500 членов) и снятие требований к численности их региональных отделений предельно упростили точку входа на политический рынок и вызвали в 2012–2013 гг. бум создания новых политических партий (к 2013 году их число увеличилось с 4 в 2011 г. до более чем 70). Очевидно, что такое предложение новых проектов значительно превысило спрос на политическом рынке: к 2014 г. рост числа партий прекратился, и с 2015 г. наблюдался обратный процесс уменьшения численности партий.

Такое уменьшение являлось естественным конкурентным процессом, поскольку созданные в 2012–2020 гг. политическим партиям пришлось, с одной стороны, конкурировать с уже состоявшимися партийными брендами, а с другой – в поисках собственной политической ниши конкурировать друг с другом за поддержку избирателей. Многие громко заявленные на этапе создания партийные проекты не получили развития и были свернуты уже в первые год-два так и не приняв активного участия в выборах. Часть политических партий, созданных в расчете на освоение определенной ниши в политическом спектре, либо не нашли своего избирателя и также ушли с политической сцены (например, женские, аграрные партии, экзотические партии вроде Пиратской партии или партии «Против всех») либо, уступив в конкурентной борьбе с более сильными соперниками, претендующими на ту же востребованную нишу, оказались вытеснены на дальнюю периферию политической сцены (ряд партий экологической направленности, партий ветеранов, пенсионеров, предпринимателей) и пройдя через серию неудачных предвыборных стартов, так и не смогли набрать необходимый по закону ценз участия в выборах. Наконец, ряд партий, созданных в 2012–2013 гг. политтехнологами в расчете на ожидаемую востребо-

ванность в качестве инструментов для выдвижения кандидатов на будущих выборах, так и не дождались своего перспективного инвестора, оставшись по сути политическими неликвидами.

Между тем, постоянное поддержание партийного механизма в дееспособном состоянии, выполнение требований о ежеквартальной финансовой отчетности, ведение организационно-хозяйственной деятельности на практике является достаточно трудозатратным делом. Поэтому многие партии, будучи, согласно знаменитому веберовскому выражению, «предприятиями по производству политики» были сначала законсервированы, а затем и вовсе ликвидированы по причине их нерентабельности.

Важно отметить, что в российском законодательстве довольно либеральный порядок создания политических партий (не менее 500 членов партии не менее чем в половине субъектов федерации) сочетался с обязательностью их участия в выборах, при этом устанавливались минимальные, вполне исполнимые стандарты участия партий в выборах. Партии, не участвующие в выборах в течение 7 лет, подлежали ликвидации. И если парламентские выборы 2016 г. проходили в начальной фазе падения бума партстроительства, то в 2019–2021 гг. партии, созданные в 2012–2014 гг., либо подтвердили статус участием в выборах, либо подверглись ликвидации в добровольном или судебном порядке. Таким образом, в 2019–2021 гг. партии фактически прошли необходимый этап конкуренции за выживание, за сохранение в качестве самостоятельных политических единиц.

Важно, что сокращение политических партий сочеталось с появлением в 2020 г. 4 новых партий, 3 из которых («Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива»), дебютировав в Единый день голосования 2020 г., смогли провести партсписки в региональные парламенты. Кроме того, в 2021 г. три партии («Справедливая Россия», «Зеленая альтернатива» и «Патриоты России») объединились в одну партию на базе «Справедливой России».

По состоянию на начало избирательной кампании в июне 2021 г. в России насчитывалось 32 партии, обладающие правом участия в выборах (в ходе избирательной кампании их число

сократилось до 30). В плане ресурсных возможностей политические партии России в зависимости от результатов участия в предыдущих избирательных кампаниях различного уровня условно можно расположить в модели игровых лиг, различающихся объемом льгот и преференций, установленных законодательством в связи с участием в предыдущих выборах.

«Высшую игровую лигу» образуют парламентские партии, федеральные списки кандидатов которых допущены к распределению мандатов по общефедеральному округу на предыдущих выборах в Госдуму. Будучи парламентскими партиями федерального уровня, они повсеместно освобождены от сбора подписей на выборах всех уровней.

В отличие от партий «высшей лиги», участие непарламентских партий «первой лиги» в общественно-политической жизни на общегосударственном уровне не столь значимо, однако главным критерием принадлежности партий к первой лиге является освобождение их наряду с парламентскими партиями от сбора подписей при проведении выборов депутатов Государственной Думы. Структура партий первой лиги неоднородна: в ней условно можно выделить минимум три «дивизиона» отличные по своим юридически значимым структурно-функциональным характеристикам.

Первый дивизион образуют партии, набравшие три и более процента голосов на выборах в Госдуму. Не имея представительства в парламенте, в избирательном процессе партии пользуются теми же преференциями, что и парламентские партии (по факту данная статусная позиция уже 10 лет не занята ни одной из партий). Второй дивизион образуют политические партии, имеющие помимо представительства в региональных парламентах по одному депутату-одномандатнику Госдумы. Хотя само по себе наличие представителя в депутатском корпусе нижней палаты парламента формально не приносит партии никаких преференций, сам факт такого представительства значительно повышает ее политическую узнаваемость. Третий дивизион первой лиги образуют все иные партии, сумевшие провести своих представителей по партийным спискам в региональные парламенты. В от-

личие от партий первого дивизиона, партии второго и третьего дивизиона на региональных и местных выборах освобождаются от сбора подписей не повсеместно, а лишь в тех субъектах Федерации, где им удалось провести списки кандидатов в региональные парламенты.

Во второй лиге партии находятся партии, не прошедшие по партспискам ни один в региональный парламент и не освобожденные от сбора подписей в Госдуму, но получившие благодаря своим электоральным показателям право на участие в выборах без сбора подписей в конкретном регионе. К ним, в частности, относятся партии, набравшие 3 и более процентов на выборах по партийным списками в региональный парламент либо получившие на выборах 0,5 и более процентов от общего числа избирателей, либо прошедшие в парламент как минимум в одном из муниципальных образований субъектов Российской Федерации. Наконец, третью игровую лигу образуют партии, которые не достигли успеха даже на региональном и местном уровне. Эту статусную позицию изначально занимают все только что созданные партии, а также фактически законсервированные партийные проекты, которые, однако, формально выполняют необходимые требования по участию в выборах, подтверждая минимум требований, сохраняясь в партийной системе страны.

В целом картина политического участия партий демонстрирует существенный уровень их политической активности: из 30 политических партий 23 приняли участие в выборах, что составило свыше 75% от общего числа. Из них 14 партий приняли участие на выборах депутатов Государственной Думы, 10 партий на выборах 9 глав субъектов Российской Федерации, 18 партий на выборах 39 региональных парламентов, 20 партий на выборах в органы местного самоуправления. В целом уровень конкуренции на выборах на выборах по одномандатным округам в Госдуму составлял порядка 9 кандидатов, на выборах по партийным спискам в региональные парламенты – порядка 7, а по одномандатным округам – 5.

Старт кампании по выборам депутатов Государственной Думы второго созыва в целом подтвердил предположение, что пар-

тии высшей и первой лиги составят большинство коллективных участников выборов. Из 15 политических партий, проведших предвыборные съезды и выдвинувших федеральные списки кандидатов, 4 являлись парламентскими партиями, а 10 имели представительство в законодательных собраниях регионов.

Именно эти 14 партий высшей и первой лиги, имевшие возможность участия в выборах депутатов Госдумы без сбора подписей, ожидаемо образовали основное ядро коллективных участников выборов, задав параметры партийно-политической конфигурации. Партии «второй» и «третьей» лиги в большинстве своем даже не предприняли попыток участия в федеральных выборах . Единственной партией, не относящейся к высшей и первой лигам, выдвинувшей списки кандидатов, стал Российский общенародный союз, не сумевший, однако, собрать необходимые для регистрации 200 тыс. подписей.

Предвыборный расклад партийно-политических сил на старте предвыборной кампании предопределял ряд качественных характеристик современно российской партийной системы, наиболее важными из которых стало:

– очевидное политическое лидерство одной политической партии, неоднократно подтвержденное по итогам федеральных, региональных и местных выборных кампаний;

– сложившаяся многоуровневая структура партийной системы, де-факто выстроенная по системе игровых лиг, неформально объединяющие имеющих разный статус и ресурсную базу.

– сохраняющаяся внутривидовая конкуренция между политическими партиями со схожими партийными брендами, претендующими на одну и ту же нишу и воздействующими на одни электоральные группы.

– участие в предвыборной кампании партий-дебютантов, показавших успешный результат на региональных парламентских выборах в единый день голосования в сентябре 2020 г.

В плане динамики партийно-политической системы основными сюжетными интригами предвыборной кампании 2021 г. выступали:

1) возможность удержания «Единой Россией» квалификационного большинства в Госдуме (лидирующая роль партии была очевидной и по факту никем из оппонентов не оспаривалась);

2) общее число политических партий, которые по итогам кампании смогут преодолеть пятипроцентный заградительный барьер и пройти в Государственную Думу по партийным спискам;

3) вопрос о том, кто из парламентских политических партий и какое место займет на выборах в Госдуму по итогам выборов;

4) какие партии смогут провести своих кандидатов в региональные парламенты.

Соответственно, основные линии межпартийной партийной конкуренции на предстоящих парламентских выборах развернулись сразу по нескольким направлениям, из которых наиболее важными были:

1) конкуренция за статус и ресурсы;

2) конкуренция за ведущие ролевые позиции по итогам выборов;

3) конкуренция за доминирование в своей нише партийно-политического спектра;

4) конкуренция за общественно-политическую повестку и нишевые группы избирателей.

Основной линией политической конкуренции выступала конкуренция за статус и ресурсы, где основную сюжетную интригу задавало стремление политических партий занять более выгодные позиции, переместившись из одной условной лиги в другую или на более высокие рейтинговые позиции внутри нее. Соответственно, все 4 парламентские партии стремились к удержанию своего статуса позиции и сохранению связанных с этим ресурсных преимуществ. Для партий первой лиги программой максимум было преодоление пятипроцентного барьера и получение статуса парламентской партии, программой минимум – проведение одного или нескольких кандидатов в Государственную Думу по одномандатным округам. Непарламентскими партиями «первой лиги» наряду с состязанием за большой приз (прохождение в Госдуму) также разыгрывалось и не менее дра-

матичное состязание за т.н. малый приз – преодоление трехпроцентного барьера, дающего право на получение государственного финансирования и возможность участия на выборах без сбора подписей на выборах всех уровней (по факту этот результат не был достигнут ни одной из партий, ближе всего к нему подошла Партия пенсионеров, набрав 2,45% голосов).

Конкуренция за ведущие ролевые позиции в ходе выборной кампании выражалась, прежде всего, в борьбе за позицию партии парламентского большинства и позицию ведущей оппозиционной партии. И если в вопросе о том, какая партия займет первое место по итогам выборов в Госдуму, социологические опросы и прогнозы были единодушны, то вопрос о том, какая из существующих парламентских партий займет второе место и станет ведущей оппозиционной силой, составлял одну из ключевых интриг предвыборной кампании (напомним, что по итогам выборов 2016 года показатели КПРФ и ЛДПР по единому округу были достаточно близки (13,34 и 13,14%) и на старте кампании вопрос о лидерстве между ними не был ясен). В дальнейшем, ввиду очевидного лидерства рейтингов КПРФ среди оппозиционных партий, фокус интриги сместился на вопрос о занятии третьего места ЛДПР или «Справедливой Россией». Данная интрига сохранялась вплоть до установления результатов выборов и не получила однозначного завершения: «Справедливая Россия», незначительно уступив ЛДПР третье место в проценте голосов по единому округу (7,46 и 7,55%), опередила ее по числу мандатов, полученных по списку и одномандатным округам (27 и 21 соответственно). Достаточно скромный результат ЛДПР, получившей на 18 мандатов меньше, чем на прошлых выборах 2016 г., стал одной из неожиданностей текущей кампании.

В конкуренции за основную повестку в текущем выборном цикле в наибольшей степени также участвовали две партии: повестка поддержки политического курса, которую выражала «Единая Россия», и протестная оппозиционная повестка, которую аккумулировала КПРФ. В этих условиях остальные партии позиционировали себя либо как оппозиционные партии с отлич-

ной повесткой, либо как партии, разделяющие нынешний политический курс, пусть и с определенными оговорками.

Большое значение имела конкуренция между партиями за лидерство в шести политико-идеологических нишах: праволиберальной, правоцентристской, левоцентристской, коммунистической, национально-патриотической. И если в отношении центристских, национально-патриотических и коммунистических партий очевидное лидерство на старте кампании по факту имели четыре парламентские партии, то в отношении либеральных и экологических партий соперничество осуществляется исключительно между непарламентскими партиями «(Зеленой Альтернативой» и Российской экологической партией «Зеленые», партиями «Новые люди», Яблоко и Партией Роста).

В течение кампании осуществлялось активное соревнование между политическими партиями по выявлению и аккумулированию новых запросов, трансформации их в положения предвыборных программ, в поиске социальных групп со сформированным общим интересом. Поскольку новые формы голосования, включая дистанционное электронное голосование в семи регионах, голосование в течение трех дней, выездное голосование для отдельных групп избирателей, система «Мобильный избиратель», позволяющая голосовать по месту нахождения, создали новые технологические возможности для легальной мобилизации партиями и кандидатами своих сторонников, предвыборные штабы партии активно осваивали новые «окна возможностей». Так, КПРФ активно призывала своих сторонников воздержаться от голосования в первые два дня голосования, а в регионах применения ДЭГ отдать предпочтение традиционным, проверенным формам голосования.

По итогам выборов «Единая Россия» смогла сохранить конституционное большинство, получив 324 мандата (по единому округу 49,82%), КПРФ занять второе место (18,93%) получив 57 мандатов, а ЛДПР и Справедливая Россия фактически поделили между собой третье и четвертое места. Прошедшая в парламент пятая партия «Новые люди» получила 13 мандатов, набрав 5,32% голосов. Три партии («Партия Роста», «Гражданская платформа» и «Родина») смогли провести по одному депу-

тату в одномандатных округах. Таким образом, в парламенте оказались представлены в общей сложности 8 партий, еще 5 депутатов являются внепартийными самовыдвиженцами. Расширение партийно-политического состава свидетельствует об актуальном запросе в обществе на обновление, так и об открытости политической системы для новых партийных проектов.

В свою очередь, система неформальных лиг в очередной раз продемонстрировала динамизм и наличие работающих электоральных лифтов: так, созданная в марте 2020 г. партия «Новые люди» уже в сентябре 2020 г. смогла по итогам региональных выборов пройти в «первую лигу», потом, по итогам парламентских выборов в «высшую лигу» парламентских партий. На выборах в Законодательное собрание Еврейской автономной области Партия прямой демократии, смогла преодолеть пятипроцентный барьер и, таким образом, общее число партий, освобожденных от сбора подписей на будущих выборах в Госдуму, увеличилось с 14 до 15 партий. А сумевшая провести одного депутата в Госдуму Партия Роста увеличила тем самым свой политический вес среди партий «первой лиги».

По итогам выборов существенно расширилась география партийно-политического представительства. Прирост представленных в региональных парламентах партий в основном происходил за счет двух партий: «Новые люди» (в 20 регионах) и Партия Пенсионеров (в 17 регионах, в т.ч. в 16 по партспискам). В трех регионах по спискам смогли пройти «Коммунисты России» (Алтайский край, Амурская обл., Омская обл.) и «Яблоко» (Карелия, Псковская обл., г. Санкт-Петербург), в одном – «Родина» (Тамбовская обл.), Российская партия «Зеленые» (Красноярский край) и Партия прямой демократии (Еврейская АО). Всего в региональных парламентах представительство получили 11 из 18 участвовавших в региональных парламентских выборах, среднее число партий в парламентах превысило 5. По итогам выборов перестали быть четырехпартийными свыше двух десятков субъектов Российской Федерации. Таким образом, тренд на повышение конкурентности и политического многообразия затронул все уровни выборов и имеет устойчивый и долгосрочный характер.

О. В. МИХАЙЛОВА

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье ставится проблема оценки эффективности сетевого взаимодействия в государственном управлении с учетом неформальной и горизонтальной природы сетевых структур, различий в ожиданиях их ключевых участников. Автор обращает внимание на объективные сложности выработки универсальных критериев эффективности и методов ее оценки, рассматривает существующие в современной науке подходы, акцентируя сложности их применения, полагая, что оценка носит многосторонний и ситуативный характер.
Ключевые слова: политическая сеть, сетевая структура, оценка эффективности сетей, государственное управление

В практике современного государственного управления сетевые альянсы разнообразной конфигурации и функциональной направленности действуют на всех этапах принятия решения: они выступают в качестве эффективных лоббистов, способных продвинуть в политическую повестку дня интересующий их набор проблем, альтернатив и конкретных решений, а также партнером государства в реализации политики и оказании социальных услуг. Однако сетевые коалиции могут нести в себе и угрозу в случае утраты институционального и общественного контроля за их активностью, что превращает их в фактор постепенного разрушения политической системы.

Независимо от сферы активности и мотивации участников сеть представляет собой относительно устойчивые схемы скоординированных действий и ресурсных обменов, включающих государственных и негосударственных акторов разных уровней, взаимодействующих на всех этапах принятия решений посред-

ством вертикальных и горизонтальных механизмов в целях, связанных с одним или нескольким аспектами государственной политики.

Типичным сетевым образованием на этапе формирования политической повестки являются коалиции поддержки, объединяющие участников, разделяющих единую систему ценностей, и заинтересованных в трансляции своих интересов в процесс принятия решений в одном из сегментов государственной политики[1]. Как правило, число активных коалиций в каждой конкретной политической системе не велико и ограничено типичным для нее идеологическим спектром (в демократических системах) либо внутриэлитарной фрагментацией (в недемократических системах), отражающей непубличные противоречия в правящем классе в отношении приоритетов и направлений государственной политики. В обоих случаях отношения между коалициями поддержки складываются на конкурентной основе, они стремятся приблизиться к центрам принятия решения и оказывать приоритетное влияние на ключевых политических персон, транслируя не столько конкретные стратегии, сколько ценностные приоритеты, которые должны быть заложены в их основу.

В политических системах с высоким уровнем вовлеченности бизнеса и некоммерческих организаций в государственное управление целенаправленно создаются имплементационные сети в целях повышения качества реализации решений по регулированию конкретных сфер деятельности и оказанию социальных услуг гражданам. Благодаря активации этих сетей производится более точная настройка управленческих решений под запросы и ожидания граждан, что снижает вероятность образования управленческих изъянов и провалов. В отличие от коалиций поддержки, деятельность имплементационных сетей преимущественно публична. В закрытых для общественности системах принятия решений также возможно формирование сетей, напо-

[1] См., например: *Sabatier P., Jenkins-Smith H.* The Advocacy Coalition Framework: Assessment, Revisions and Implications for Scholars and Practitioners // Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach / eds. by P. Sabatier, H. Jenkins-Smith. Boulder, CO: Westview Press, 1993. P. 211–235.

минающих по внешним признакам имплементационные структуры, они действуют публично, декларируя предоставление общественно значимых услуг гражданам, однако при этом официальные цели маскируют распределительные потоки, организованные латентными сетевыми структурами для получения легального доступа к ресурсам.

Независимо от целевой направленности и конфигурации сетевого альянса часто закономерно возникает вопрос об эффективности горизонтальной координации и неформальных, «джентельменских соглашений», для реализации участниками своих интересов и достижения государством поставленных управленческих задач, о возможности по некоторому набору индикаторов оценить движение действующих в политической системе сетевых коалиций в правильном направлении.

С позиций общества эффективность сетевых структур должна обеспечиваться государством, что становится возможным при условии соответствия его таким требованиям, как:

1) упорядоченность и устойчивость основных институтов;

2) ориентация на изменения;

3) наличие в достаточном объеме ресурсов, обеспечивающих гибкость институциональной системы государства;

4) высокий управленческий потенциал государственных и негосударственных акторов.

С позиций самих сетевых структур ответ на вопрос об их эффективности не столь очевиден, так как они по своей природе являются недемократическими образованиями, их интересы могут не совпадать с интересами общества, а в крайних ситуациях им противоречить. Соответственно представления об эффективности у общества и сетей неизбежно будут вступать в противоречие, разрешать которое в каждый конкретный момент времени необходимо государству, балансирующему между необходимостью выполнять свои функции и выступать медиатором в межсетевой конкуренции.

В современной научной литературе наблюдается объяснимый дефицит работ по оценке эффективности сетей в государственном управлении. С одной стороны, в науке сформировалось без-

условно позитивное отношение к сетям, поддерживающие уверенность в их эффективности, так как сетевая парадигма развивалась преимущественно в демократическом ключе, опираясь на опыт стран, чьи правительства успешно использовали сетевые инструменты и технологии для преодоления проблем государственного управления в кризисных или крайне сложных условиях. Научную поддержку такой аттестации сетей дополнительно оказали отдельные положения теории игр, основанные на утверждении, что кооперация позволяет участникам достичь более предпочтительных, чем конкуренция, результатов. Вера в эффективность сетевых альянсов смогла снизить остроту дискуссий о возможных последствиях недемократичности сетей для государственного управления, об их организационных возможностях решать нелегальные задачи не менее эффективно, чем легальные[1].

С другой стороны, постановка вопроса об оценке эффективности сетей, требует понимания исследователем возможностей и вызовов, связанных с поиском ответа, основанного на анализе эмпирических данных о весьма специфическом объекте изучения. Сети принимают разнообразные конфигурации и имеют непредсказуемые границы. Так, очень закрытые сети с высокими барьерами вхождения, основанные на самоорганизации ограниченного числа участников, отличаются стабильностью и предсказуемостью границ. Однако их деятельность намеренно протекает преимущественно в латентной политической сфере, их участники предпочитают не афишировать свои контакты, поэтому идентифицировать их можно только по оставляемым ими следам в политическом пространстве.

В противоположность им более формализованные альянсы, например, имплементационные сети, более чувствительны к имеющемуся репертуару исследовательских методов. Имея чет-

[1] См., например: *Milward H. B., Raab J.* Dark Networks as Organizational Problems: Elements of a Theory // International Public Management Journal. 2006. No. 9. P. 333–360; *Скоробогатова А. В.* Институциональная коррупция в государственном управлении: модели и практики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 86–100.

кие границы благодаря наличию ведущей организации, представляющей интересы государства, и принципал-агентским контактам они действуют в публичном пространстве, их участники не скрывают неформальных контактов с другими, что позволяет не только их идентифицировать, но и оценивать качество сложившихся связей для оказания на них при необходимости управленческого воздействия. Однако для таких сетей обостряется проблема внутренней фрагментации, разной интенсивности и плотности неравномерных контактов между разнотипными участниками, усложняющей оценку их эффективности. Более того, в любой многоакторной сети участники группируются во внутрисетевые сообщества, имеющие свой ритм активности в политическом поле, что определяется их ресурсными возможностями и степенью заинтересованности в конкретном аспекте государственной политики, а также удовлетворенностью качеством сетевого взаимодействия. Соответственно, для проявления всей сетевой структуры необходимо, буквально, выхватывать в разные моменты времени эти сообщества.

Для оценки эффективности помимо определения границ сети серьезную сложность представляет включенность в нее разнотипных участников (государственных и негосударственных), каждый из которых не может ни установить, ни навязать свой план по достижению определенных параметров цели, единолично осуществлять мониторинг и контроль за предпринимаемыми действиями, определять динамику взаимодействий и их правила. Для внутрисетевого взаимодействия существенные затруднения для участников вызывает необходимость понять и принять друг друга, примирить позиции и сблизить ожидания от скоординированного действия и ресурсных обменов.

Активность сети в политико-управленческом поле основана на скоординированном коллективном действии ее участников, вовлеченных в ресурсные обмены на основе доверительных и принципал-агентских отношений, целенаправленно и длительно формируемых при достаточно высоких транзакционных издержках. По этой причине традиционные методы оценки эффективности, привычные участникам вне сетевого простран-

ства, могут только ограниченно использоваться для получения объективной информации о качестве совместных усилий по достижению целей.

К традиционным методам в данном случае относится, прежде всего, оценка затраченных на достижение цели ресурсов. Для сетевого взаимодействия этот показатель сложно адекватно применить, так как оно отнюдь не всегда предполагает обмен материальными ресурсами и достижение материальных результатов. Даже в достижение исчисляемой цели вкладываются многие участники различными типами ресурсов, ценность которых не приводится к общему знаменателю. В отдельных ситуациях участники сети осознанно идут на значительные ресурсные инвестиции, неоптимальное распределение затрат для получения важного для них внеэкономического результата. И конечно, нельзя забывать о том, что сетевые отношения строятся не на конкуренции, а на сотрудничестве, что в целом снижает значение любых рыночных механизмов оценки эффективности.

Другой традиционный метод оценки эффективности, имеющий ограничения по применению, – ориентация на достижение цели. Каждый из участников сетевого альянса вступает в него со своими официально декларируемыми или скрываемыми от других задачами, что делает невозможным четкое определение общей цели сети, которая, как правило, формулируется очень размыто и, по сути, обозначает направленность партнерства. Кроме того, в ходе сетевого взаимодействия и ведения межсетевой конкуренции цели участников корректируются благодаря получению более точной информации и/или большего объема знаний, достижению консенсуса с другими акторами, улучшению позиций внутри сети по отношению к другим участникам, из-за возникающих политических или иных ограничений.

На сегодняшний день сохраняет авторитетные позиции в науке модель оценки эффективности сетей, предложенная К. Прованом и Г. Милвордом[1]. Авторы выдели три уровня

[1] *Provan K. G., Milward H. B.* Do Networks Really Work? A Framework for Evaluating Public Sector Organizational Networks // Pubic Administration Review. 2001. Vol. 61. P. 414–423.

оценки – участника, сети, сообщества, каждый из которых связан со своими конституантами (принципалами, агентами и клиентами). Эта модель используется другими авторами для построения своих рассуждений о возможностях измерения эффективности сетей.

Оценка эффективности сетевого взаимодействия *на уровне участника* связана с определением степени его удовлетворенности производительностью совместного с другими коллективного действия – действительно ли срабатывает синергетических эффект, и он достигает реализации своего интереса только в партнёрстве, а не единолично. Например, в имплементационных сетях степень удовлетворенности некоммерческого участника, оказывающего социальные услуги, возрастает благодаря получению финансовых ресурсов на осуществление своих проектов. Государственный участник, обеспечивающий доступ НКО к материальным ресурсам, оценивает уровень удовлетворенности сетевым взаимодействием, соотнося свои возможности по обеспечению определенного качества социальных услуг самостоятельно и в кооперации с негосударственными акторами. Для участников коалиции поддержки важным индикатором удовлетворенности может стать достижение общего понимания проблемы и направлений ее решения с минимальными для себя уступками и получением доступа к процессу принятия решений. Свою специфику имеет оценка эффективности для участников противодействующих и утилитарных сетей[1], которым важно помимо получения доступа к ценным ресурсам, сохранить в своей формально нелегальной деятельности легальный статус или остаться невидимыми для воздействия государства.

Вместе с тем, эффективность сетевого взаимодействия нельзя свести к сумме удовлетворенностей всех его участников. С одной стороны, действительно, чем большее число сетевых акторов позитивно оценивают сложившуюся схему ресурсных обменов и скоординированных действий, тем жизнеспособнее сеть,

[1] Подробнее про типы сетей см.: *Михайлова О. В.* Сетевые альянсы как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 137–155.

так как растет мотивация ее участников воспроизводить эту схему, поддерживая ее ресурсами и уплотняя контакты. С другой стороны, нельзя игнорировать наличия внутрисетевых противоречий, связанных с конфликтными и оппортунистскими стратегиями отдельных участников, для которых получение «бесплатных» преференций или рост недоверия в сети являются целью, достижение которой повышает степень удовлетворенности сетевым взаимодействием. В этой ситуации успех сети будет определяться неудачей одного или нескольких участников по реализации своих планов. Проблема нейтрализации участников-«хищников» остро стоит для вновь образующихся или больших по численности сетей, которым своейственны неплотные и прерывающиеся контакты.

При оценке эффективности уровень участника тесно связан *с уровнем сети*. Иначе говоря, помимо производительности на оценку участниками эффективности совместной деятельности влияет их удовлетворенность качеством сети как жизнеспособной межорганизационной целостности, функционирующей по определенным правилам и в соответствии с установленными процедурами, сокращающими транзакционные издержки и повышающими вероятность реализации их интересов. Например, в имплементационных сетях для государства важно присутствие в сети участника-администратора, курирующего движение ресурсов, согласующего направления их расходования, осуществляющего мониторинг результатов деятельности и оценку их соответствия установленным параметрам. По отношению к другим участникам администратор может выбирать разные модели поведения, предоставляя им большую или меньшую степень свободы в принятии решений, что предопределит их готовность для дальнейшего бесконфликтного сотрудничества.

Другим важным индикатором эффективности на уровне сети является наличие режима подотчетности участников, который обеспечивается несколькими способами. Во-первых, любая сеть выполняет оперативную функцию по обмену информацией, благодаря чему все участники обладают актуальными и необходимыми данными для принятия решений о ресурсных обменах и

скоординированных действиях. Это становится возможным в том числе благодаря организации внутри сети коммуникационных площадок, на которых участники помимо согласования позиций по ключевым вопросам, оценивают поведение друг друга, его соответствие установленным нормам и ожиданиям.

Во-вторых, сеть нуждается в разработке и применении санкций к участникам, нарушающим сложившийся режим и внутрисетевой порядок. Конечно, к участникам невозможно применить санкции в традиционным смысле, они преимущественно сводятся к исключению из сети, лишению доступа к ресурсам, но имеют негативные долгосрочные последствия, так как наносят ущерб репутации участника, снижая вероятность его включения в другие сетевые альянсы. Однако в случае, если государство является инициатором создания сети для реализации политики с целью оказания социальных услуг гражданам или установлению новых правил взаимодействия в определенной сфере (например, внедрение новых экологических требований), то при нарушении установленных им нормативных требований к поведению участников, оно может применить в отношении нарушителей установленные законом традиционные санкции (штрафы). Наиболее жесткие санкции накладываются на участников утилитарных латентных структур, которые в случае утраты доверия со стороны сетевых центров выводятся из латентной зоны, и их ранее легальная деятельность признается незаконной, наносящей значительный ущерб государственным или общественным интересам, а их представителя становятся фигурантами уголовных дел.

Еще одним важным индикатором эффективности на уровне сети является демократичность процесса принятия внутрикоалиционных решений. На первый взгляд это звучит немного удивительно, так как по своей природе сети имеют мало общего со сложившейся моделью представительной демократии, их критикуют за непрозрачность деятельности и высокую степень свободы от общественного контроля (особенно если речь идет о коалициях поддержки и подобным им сетевых альянсах). Однако сами участники сетей крайне требовательны к соблюдению демократических процедур при организации кооперативной дея-

тельности, предполагающей инвестирование их ресурсов. В данном случае, конечно, не выборность имеет значение, а право высказывать свою позицию по важным для участника вопросам, оспаривать принимаемые решения, ставить под сомнение их целесообразность и своевременность. Участниками оценивается количество выносимых на обсуждение вопросов (чем их больше, тем выше удовлетворенность качеством процесса принятия решения); используемые (при наличие) в сети механизмы согласования позиций (голосование, публичные дискуссии, неформальные встречи); возможность реально повлиять на принятие решений (высказываемые позиции носят рекомендательный характер или участник может наложить вето на решение).

Представляется, что наивысшая степень демократичности принятия решений достигается в самых недемократических сетях – «железных треугольниках» и политических сообществах. Их отличает небольшое количество статусных, равных друг другу участников, безоговорочно доверяющих, сдерживающих друг друга и располагающих значимым объемом ценных ресурсов, разделяющих общее понимание целей скоординированных действий. В сетях с большим количеством участников, различающихся по объему ресурсам, своим интересам и видению стратегии совместных действий по достижению целей, обеспечить приемлемый для них уровень демократичности становится возможным благодаря фрагментации сети, выделению в ее структуре субсетевых сообществ, каждое из которых прицельно сосредоточено на своем аспекте конкретного решения. Это позволяет сформироваться сетевым центрам, координирующим активность ограниченного числа участников, предотвращая таким образом полифонию мнений и расширяя возможности по ведению дискуссий и оказанию влияния на процесс принятия решений. Практики совместного обсуждения тех или иных решений сведены к нулю в эго-сети, какой является, например, внутриэлитарный клан, основанный на патрон-клиентских отношениях, где все действия участников подчинены воле его лидера.

В то же время, говоря о различных аспектах организации внутрисетевого взаимодействия, важно отметить, что они имеют

разную ценность для участников: если для одних приоритетом является возможность влиять на процесс принятия решений, вторые готовы пренебречь демократичностью в пользу получения доступа к ресурсам, третьи не принимают установленные в сети правила взаимодействия даже в обмен на доступ к принятию решений или к ценным ресурсам. Это составляет большую проблему сетевого взаимодействия – принять во внимание приоритеты ценных для коалиции акторов, определить степень их чувствительности к различным нормативным и процедурным аспектам кооперативного действия. По этой причине для повышения эффективности сети как межорганизационной целостности необходимо создание координирующих центров, с одной стороны, конструирующих взаимозависимости между участниками, исходя из их приоритетов, с другой – ограждающих сеть от поглощения ее участниками, способными перенастроить ее на решение принципиально других задач, и от сбоев и упадка, вызванными снижением эффективности. Это также означает, что для поддержания жизнеспособности сети необходимо ориентироваться не только на интересы ее участников, но и располагать инструментами исключения участников из альянса, если возникают опасения относительно искренности его намерений.

В целом, жизнеспособные, устойчивые и эффективные сети имеют небольшое количество участников, состав которых определяется не одномоментно, а на протяжении некоторого времени. Так, отслеживание притока/оттока участников многое может сказать о сетевой коалиции. Рост числа участников необходим на этапе становления сети, так как они привносят в нее новые разнообразные ресурсы в большом объеме. На этом этапе внутрисетевые нормы и процедуры пластичны, подвижны, отзывчивы к запросам участников. По мере достижения сетью стадии зрелости количество участников неизбежно сокращается. В ней остаются не просто участники, чьим интересам сеть соответствует, но готовые следовать установленным нормам и процедурам, а также принимаемые другими акторами. К этому моменту не только определяется набор участников, но и за ними закрепляются определенные роли внутри сети: немногочисленные цен-

тральные акторы и многочисленные периферийные участники, связи с которыми достаточно слабы, поэтому они со временем с высокой долей вероятности будут постепенно исключаться из сети за счет повышения барьеров вхождения или прекращения контактов с ними со стороны более влиятельных сетевых игроков. Таким образом, к моменту достижения зрелости сеть обретает оптимальное количество участников, их приток/отток останавливается, косвенно свидетельствуя об эффективности альянса.

Однако достижение оптимального количества участников является необходимым, но недостаточным условием эффективности сети. Важный вклад в повышение ее уровня вносит плотность и разнообразие связей между ними. На этапе формирования сети между многочисленными участниками формируются прерывистые непостоянные контакты, нацеленные больше на проверку партнеров, чем на ресурсные обмены. Только по прошествии времени участники понимают, какой именно вид конфигурации, тип связей, с какими акторами и по каким аспектам обеспечивает ожидаемое ими стратегическое преимущество. К достижению этапа зрелости между оставшимися в сети участниками складываются прочные, надежные связи, особенно между располагающими комплементарными ресурсами и оказывающими сопряженные услуги. Эффективная сеть представляет собой структуру, в которой большинство участников связаны друг с другом через два или три типа программ или вида услуг, объединены общим информационным полем и отношениями доверия.

Самый широкий уровень оценки эффективности сети – *уровень сообщества*, на котором принципиальное значение приобретает вклад сети в решение проблем конкретного сообщества, не имеющего географических границ или иной специализированной привязки, но объединяющего людей, ожидающих получения выгоды от функционирования сети. Составляющие сообщество принципалы ждут от сетевого альянса конкретных результатов, по качеству которых они судят о дальнейшей необходимости поддерживать его ресурсами. К такими принципалам

относятся местные власти, средства массовой информации, академическое сообщество и общественные активисты, занимающиеся мониторингом деятельности сетей в разных сферах. Именно на уровне сообщества осуществляется институциональный и общественной контроль за активностью сетей, первостепенное значение приобретает их легитимность.

С формальных позиций легитимными признаются сети, получающие ресурсную поддержку официальных властей, готовых выступить не только в качестве донора, но и участника. Это верно для альянсов, формирующихся на этапе реализации политики, когда государство использует стратегические возможности сетевой управленческой модели, одновременно обостряя проблему подотчетности перед сообществом, так как на одной чаше весов оказываются позитивные эффекты от сетевой кооперации с негосударственными акторами, на другой – неизбежное тяготения сетей к закрытости и изоляции, к доминированию неформальный контактов над формализованными процедурами, к узкогрупповому целеполаганию. Таким образом, легитимность сетей для сообщества неразрывна связана со способностью государства выбрать оптимальную стратегию поведения внутри сети или в отношении сети, так как опираясь на модель «власти без иерархии», оно утрачивает контроль за многими управленческими процессами, протекающими теперь помимо него. В итоге полагаясь на сети, государство оказывается в более зависимом, чем негосударственные участники, положении: если негосударственные участники напрямую не подотчетны обществу за свои действия в сети, то государство как участник принимает всю полноту ответственности и за свои управленческие ошибки, и за нарушение соглашений другими участниками. Проявление им политической и управленческой слабости в отношении негосударственных акторов превратит имплементационную сеть, нацеленную на повышение качества выполнения государством своих функций, в перераспределительный альянс, действующий под прикрытием официальных властей.

На рассматриваемом уровне необходимо обратить внимание еще и на неформальную легитимность сети – степень, в которой

сообщество поддерживает формирование тех или иных сетевых альянсов, насколько оно считает правомерной, справедливой и эффективной сеть. В этом аспекте наиболее очевидно проявляются противоречия между уровнями оценки эффективности: железный треугольник можно признать весьма эффективной сетевой структурой с высокими показателями удовлетворенности участников и качества внутрисетевой координации действий, но при несовпадении с интересами сообщества их деятельность будет восприниматься как нежелательная, что переведет ее на нелегальное положение в политической системе. Й. Рааб и Б. Милворд, например, предложили бинарную типологию сетей на основе характера их деятельности: «светлые сети», действующие в соответствии с правилами политической системы, и в противоположность им «темные сети», находящиеся вне правовой системы и подвергающиеся преследованию[1].

К темным сетям следует отнести, прежде всего, утилитарные сети, предсказуемо нелегитимные в глазах и общества, и государства, нацеленные на использование ресурсов политической системы в своих партикуляристских целях. Они включают в свой состав представителей государства, но на нелегальной основе, и его стратегия внутрисетевого поведения не будет совпадать с официальным статусом. Необходимость постоянно маскироваться, избегать институционального и общественного контроля, с одной стороны, негативно сказывается на удовлетворенности участников (уровень сообщества), с другой – компенсируется доступом к ценным ресурсам (уровень участника), внутрисетевой сплоченностью (уровень сети).

Как представляется, оценка эффективности сетей в государственном управлении является не столько научной, сколько практической задачей, решение которой возлагается на плечи

[1] *Raab J., Milward H. B.* Dark Networks as Problems // Journal of Public Administration Research and Theory. 2003. No. 13. P. 413–440; *Milward H. B., Raab J.* Dark Networks as Organizational Problems: Elements of a Theory // International Public Management Journal. 2006. No 9. P. 333–360; *Bakker R., Raab J., Milward H.* A Preliminary Theory of dark Network Resilience // Journal of Policy Analysis and Management. 2012. Vol. 31, No. 1. P. 33–62.

государства и его институтов. Это связано, прежде всего, с тем, что независимо от своей конфигурации и целевой направленности сетевые альянсы непосредственно влияют на качество его функционирования и взаимоотношений с обществом, что требует поиска баланса в обеспечении сетевой эффективности на каждом из уровней оценки. Status quo, отношение государства к сетям, его готовность и способность контролировать процесс сетеобразования в пространстве публичной политики и не «раствориться» в них, определяется приоритетами действующего режима власти, выбором им публичных или непубличных площадок взаимодействия, отношением к роли общественных структур в процессе принятия решений, располагаемыми ресурсами и даже положением в международной системе координат. Иначе говоря, сети могут использоваться режимом и как распределительный механизм, помогающий легальным образом выводить из государственного управления общественные ресурсы, и как механизм регулирования и оказания услуг, задавая, тем самым, различный набор критериев эффективности, слабо улавливаемых академическими исследователями не на уровне отдельных кейсов, а в политическом поле в целом.

П. В. ОСКОЛКОВ

МОДЕЛИ ЭТНОПОЛИТИКИ: ПОПЫТКА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространённые модели этнополитики, проводимой государством в отношении этнических меньшинств. Предлагается типологизировать их на основании показателей инклюзивности / эксклюзивности (понимаемой как стремление интегрировать меньшинства в политический процесс или, напротив, ограничить возможности политического участия) и территориальности / нетерриториальности. Таким образом, выделяются нетерриториальные интеграционные модели мультикультурализма, «плавильного котла», культурной и корпоративной автономии, а также территориальная модель политической автономии. Среди эксклюзивных моделей автор выделяет нетерриторальные модели этнической чистки и нетерриториальной сегрегации, а также территориальную сегрегацию и депортацию. На примерах европейских, азиатских, африканских и американских политий рассмотрены особенности и возможные риски каждой из моделей. Особое внимание автор уделяет этнической политике в отношении так называемых «коренных малочисленных народов».

Ключевые слова: этнополитика, ассимиляция, мультикультурализм, культурная автономия, этническая чистка, сегрегация, депортация

Одно из ключевых понятий этнополитологии, непосредственно связанных с проблемами любого государства, – это этнополитика. *Этнополитика* – комплекс мер, направленных на регулирование межэтнических отношений, и в целом политика в отношении этничности. Это могут быть как государственные меры, так и «политика в этнической сфере», осуществляемая самими этническими группами. Таким образом, для этнополитики характерны как отношения горизонтального уровня «субъект – субъект» (отношения между этносами и между этнофорами), так и

вертикального «субъект – объект» (субъект-государство определённым образом воздействует на объекты-этнические группы).

Государство может проводить этнополитику по отношению к титульному этносу (тому, по этнониму которого государство названо; в случае его присутствия) и по отношению к этническим меньшинствам. Особенно актуален этот вопрос для полиэтничных государств (т.е. тех, где доля титульного этноса составляет меньше 90–95%), коих в мире абсолютное большинство. При этом очевидно, что этнополитика может быть как *проактивной*, т.е. упреждающей, направленной на предотвращение этнополитических конфликтов и обеспечение мирного и успешного сосуществования этносов, так и *ретроактивной* – исключительно реагирующей на те или иные уже возникшие этнополитические вызовы. В свою очередь, этнические меньшинства могут и не заявлять о себе как о таковых – либо в условиях отсутствия этнических структур и релевантной идентичности, в значительной степени ассимилированной принимающим обществом (как это случилось, к примеру, с многими этническими группами, составившими белое население США), либо не желая признавать себя меньшинством из статусных соображений. В таком случае вопрос о наличии и номенклатуре этнических меньшинств перестаёт быть демографическим и приобретает исключительно политическую окраску. В отношении как автохтонных (имеющих гипотетическую возможность трактовать территорию государства как область собственного этногенеза), так и аллохтонных (диаспоральных, иммиграционных) меньшинств государство может проводить различные этнополитические стратегии. Они могут быть направлены либо на интеграцию этих меньшинств в единую гражданскую или этническую нацию, либо на исключение из их этой нации, при этом подобные меры могут быть как основаны на территориальном принципе, так и обходиться без него.

Среди моделей этнополитики, направленных на интеграцию меньшинств, наиболее распространены модели *ассимиляции, мультикультурализма, «плавильного котла»* и предоставления *культурной и корпоративной автономии* (нетерриториальные), а также различные варианты *политической территориальной ав-*

тономии (территориальные). Основные стратегии, направленные на исключение меньшинств из «тела» нации, – это *сегрегация* (как территориальная, так и нетерриториальная), *депортация* (территорительная) и *этническая чистка* (как правило, но не обязательно, нетерриториальная). В последние годы всё чаще мы слышим о моделях этноплюрализма и «ведущей культуры» (*Leitkultur*), однако они пока что остаются мало распространёнными. Сами же представители меньшинства также могут выбирать одну из возможных стратегий адаптивного поведения (по К. Додду): *Flight* (геттоизация), *Fight* (националистическая, этноцентристская борьба), *Filter* (либо полный отказ от «новой культуры», либо её полное принятие), *Flex* (гибкая ассимиляция)[1].

Ассимиляция подразумевает добровольное либо принудительное усваивание представителями этнических меньшинств культуры и мировоззрения принимающего, титульного этноса. При этом собственная этничность либо предаётся забвению, либо остаётся в редуцированном виде, проявляясь лишь в культурно-фольклорной сфере. Подобная модель интеграции традиционно применялась, к примеру, во Франции. Модель *«плавильного котла»* предполагает интеграцию элементов различных этничностей в одну «супер-этничность», сочетающую черты гражданской и этнической идентичности. При этом этнические меньшинства теряют существенную часть своей этнической специфики, которая замещается общими гражданскими / этническими характеристиками получившегося конгломерата. Подобная модель традиционно приписывается США и некоторым другим иммигрантским государствам (т.н. «странам переселенческого капитализма»).

Модель *мультикультурализма,* несмотря на то, что ряд ведущих европейских политиков заявили о «провале» данной стратегии, по-прежнему выступает одним из конституирующих элементов современного либерального дискурса. У. Кимлика определил мультикультурализм как «политику признания граждан-

[1] *Dodd C.* Dynamics of Intercultural Communication. Boston: McGraw-Hill, 1998. 289 p.

ских прав и культурной идентичности этнических меньшинств»[1]. Содержание этой политики – «интеграция различных этнических и расовых групп в единое сообщество при сохранении и официальной поддержке их культурной самобытности»[2]. Ч. Кукатас разделял мультикультурализм на «мягкий» и «жёсткий», что более целесообразно перефразировать как пассивный (предполагающий отсутствие ассимиляционных мер со стороны государства) и активный (предполагающий некую специализированную государственную политику мультикультурной интеграции)[3].

В случае любой из указанных трактовок необходимо разделять *мультикультурность как статичную характеристику*, присущую в той или иной степени большинству современных обществ, и *мультикультурализм как динамическую политику государства и общественных групп*. Некоторые исследователи обозначают эту дихотомию как «демографический» мультикультурализм (т.е. само наличие множества этнокультурных групп в единой политии) и «политический» мультикультурализм (некая политическая программа)[4]. Возникнув в 1960-х гг. как один из возможных ответов на вызов необходимости управления поликультурным обществом в Канаде, мультикультурализм за короткое время трансформировался в один из наиболее действенных политических мифов, задействующихся либеральной демократией. (Под «политическим мифом» мы имеем в виду не что-то нереальное, а элемент дискурса, имеющий определённые характеристики).

Тем не менее, как отмечает А. В. Веретевская, в странах Западной Европы широко декларировавшийся мультикультурализм никогда не представлял собой стратегию, направленную на

---

[1] Цит. по: *Тэвдой-Бурмули А. И.* Мультикультурализм: между панацеей и проклятием // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 15.

[2] *Тишков В. А., Шабаев Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 236.

[3] *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма. InLiberty. URL: http://old.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylizma

[4] *Citrin J., Levy M., Wright M.* Multicultural Policy and Political Support in European Democracies // Comparative Political Studies. 2014. Vol. 47, No. 11. P. 1532.

открытие политической системы для иммигрантских групп[1], ограничиваясь отдельными уступками общественной и культурной гетерогенности и не решая главную проблему мультикультурных обществ – проблему равноправного политического участия. Можно сказать, таким образом, что мультикультурализм сам по себе является порождением популистской стратегии ряда правительств, желающих путём зримой гетерогенизации удовлетворить общественный запрос на интеграцию мигрантов, при этом не создавая никаких системных и институциональных рамок для интеграции во всех сферах общественной деятельности. При этом мультикультурализм в его современном виде представляет собой следствие того, что В. А. Тишков называет «принципом группизма»[2] (который критикует и Р. Брубейкер): в представлении идеологов доминирующей ныне формы мультикультурализма, этничность и этнокультура ограничиваются конкретными группами, которым и необходимо предоставлять соответствующие преференции, и не могут выходить за пределы этих групп, что на практике ведёт к инкапсулированию и геттоизации общин.

Отсюда вытекает и одно из явных противоречий мультикультурализма: либеральный принцип индивидуальных прав личности вступает в противоречие с принципом прав социокультурных групп[3]. Логически, мультикультурализм приводит к тому, что В. С. Малахов именует «культурализацией социального»: социальные проблемы трактуются сквозь призму этнокультурной инаковости, «конфликты интересов истолковываются (…) как конфликты происхождения»[4], что ни в коей мере не способствует их решению, а часто и усугубляет их. С. Бенхабиб счита-

---

[1] *Веретевская А. В.* Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 56.

[2] *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 248.

[3] *Тэвдой-Бурмули А. И.* Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 88.

[4] *Малахов В. С.* Понаехали тут… Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 158.

ет, что подобная аберрация может вести «к подчинению моральной автономии личности движениям, выступающим за коллективную идентичность»[1], что явно не входит в намерения либеральных политиков, выступающих за мультикультурные идеалы. Тем не менее, сложно отрицать, что мультикультурализм, несмотря на отдельные недостатки, стал одним из возможных и наиболее распространённым способом регулирования этнополитических рисков.

Частью государственного этнополитического менеджмента может быть предоставление этническим меньшинствам *территориальной либо экстерриториальной автономии*. Идеи этнической автономии, как принято считать, берут начало в XIX в. в Австро-Венгерской империи: национально-культурная автономия была одним из главных «программных пунктов» австромарксизма»; во многом она пересекается с ранее рассмотренной концепцией мультикультурализма. В 20-е годы XX столетия широкая культурная автономия была предоставлена, в частности, евреям, немцам и шведам в Эстонии.

Почему мы в одном случае говорим об этнической региональной / территориальной автономии, в другом о культурной, в третьем – о политической? Этническая автономия может иметь разную природу. *Культурная автономия этноса* подразумевает определённое самоуправление лишь в сфере этнической культуры. К примеру, в России действуют 16 федеральных национально-культурных автономий (действующих на территории всей РФ и включающих в себя региональные подразделения) и 6 региональных национально-культурных автономий (действующих только в одном каком-либо регионе). Культурная автономия лужичан (сорбов, вендов) в Германии осуществляется в пределах Лужицкой поселенческой области (в соответствии с законодательством ФРГ, имеющей статус «традиционного районного поселения»). Эта область не имеет статуса отдельной административно-территориальной единицы и распо-

[1] *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 63.

лагается частично на территориях федеральных земель Бранденбург и Нижняя Саксония.

Политическая этническая автономия не ограничивается культурными аспектами и подразумевает создание таких институтов самоуправления, которые обладают полномочиями в самых разных сферах, от сбора налогов и утверждения бюджета до парламентского представительства и управления органами судебного надзора. Политическая автономия этнического меньшинства может быть территориальной (тогда за органами этнического самоуправления закрепляется определённая территория, и полномочия этих органов распространяются на всё население данной территории, независимо от этнической принадлежности) и экстерриториальной / корпоративной (тогда самоуправление не привязано к территории; полномочия органов распространяются на всю территорию страны, но затрагивают только членов данной этнической общности). Примеры политической территориальной автономии этноса – Гагаузия в Молдове, Страна Басков, Каталония и Галисия в Испании.

Далеко не всегда этнотерриториальная автономия ведёт к федерализму – есть множество примеров унитарных государств с этническими автономиями в их составе. В таком случае речь идёт о *децентрализации* или *деволюции*[1]. Специалисты Пермского государственного научно-исследовательского университета создали целую базу данных так называемых «этнических региональных автономий» (ЭРА). Под ЭРА они понимают «такую административно-территориальную единицу субнационального уровня, которая в рамках приоритета национального государства обладает некоторой степенью политического самоуправления и имеет особый статус (…), если такие преференции более или

[1] Спорным остаётся вопрос о синонимичности данных понятий. Ряд авторов считают, что деволюция, в отличие от децентрализации, непременно подразумевает создание регионального парламента и наделения региона, таким образом, (ограниченными) законодательными полномочиями. См.: *Молчаков Н. Ю.* Доктринальные подходы к определению деволюции в британском государствоведении // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. II. М.: РУДН, 2020. С. 293.

менее конвенционально связываются с определённой этнической группой»[1].

Предельная форма этнической политической территориальной автономии – это выделение этнических субъектов федерации. *Федерализация* страны на этнической основе и создание, таким образом, этнической федерации – достаточно радикальный путь этнополитического менеджмента. Способность этнофедерализма предотвратить либо разрешить этнополитические конфликты зависит от множества условий и различается даже в рамках одного региона.

К примеру, в Эфиопии этнофедерализм в известной степени способствовал деактуализации межэтнических противоречий (конфликт, с новой силой разгоревшийся в северном штате Тиграй в 2020 г., может опровергнуть этот тезис; тем не менее, мы склонны считать, что причиной реэскалации стало открывшееся окно политических возможностей, а не недостатки собственно эфиопского федерализма[2]).

В Нигерии, напротив, этнофедерализация началась с выделения трёх субъектов федерации для трёх основных этносов (хауса, игбо и йоруба), но не завершилась до сих пор (сейчас в стране 36 штатов) и не привела к деэскалации конфликта (во многом из-за того, что его природа не сугубо этническая, а этноконфессиональная и клановая). И.М. Бусыгина называет нигерийский федерализм «ползучим»[3], так как на данный момент неясно, когда остановится процесс федерализации, фактически слабо контролируемый Абуджей. Примером относительно успешной этнической федерации является Индия, где в 28 штатах и 8 союзных

---

[1] *Сулимов К. А.* Динамика субъектности этнических региональных автономий и поддержание баланса в межнациональных отношениях // Политическая наука. 2017. № 4. С. 207; *Панов П. В.* Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2016. № 4. С. 127–152.

[2] См. подробнее: *Лошкарев И. Д.* Конфликт в Тиграе: от современности к Средневековью? // Российский совет по международным делам. 2021. 16 июля. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-v-tigrae-ot-sovremennosti-k-srednevekovyu/.

[3] *Бусыгина И. М.* Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 178.

территориях проживают более 2000 (по некоторым подсчётам) этнических групп.

Дробление территории на районы, населённые преимущественно представителями того или иного этноса (особенно в тех странах, где этнические группы расселены неконцентрированно, дисперсно), часто называется *кантонизацией.* Эта стратегия может сочетаться с федеративным, так и с унитарным государственным устройством: в *кантонах*, где преобладает тот или иной этнос, устанавливаются особые права представителей этого этноса в сфере образования, культуры, как правило – в базовых политических и финансовых вопросах. Таким образом, кантонизация – «средний путь» между автономией территориальной и автономией культурно-политической. При этом далеко не всё, что называется «кантоном», является результатом процесса кантонизации: так, кантоны Швейцарии – полноценные субъекты федерации, а кантоны, существовавшие в автономных республиках РСФСР в 1920–1941 гг., фактически были аналогом современных районов. И наоборот – «de facto кантоны» могут называться совсем по-иному.

Кантонизация сочетается с федерализмом, к примеру, в России. Наряду с этническими субъектами федерации (республиками, автономными округами и автономной областью), в РФ существует 11 национальных районов, являющихся одновременно административно-территориальными единицами и муниципальными образованиями: Баунтовский эвенкийский в Бурятии, Калевальский, Олонецкий и Пряжинский в Карелии, пять эвенкийских, эвенских и долганских улусов в Якутии, а также два немецких национальных района – в Алтайском крае и в Омской области (ряд других районов фактически также являются национальными, но официально не признаются таковыми).

Классический пример кантонизации – Босния и Герцеговина, которая в результате гражданской войны, по Дейтонскому соглашению 1995 г., стала федерацией, состоящей из трёх энтитетов – Республики Сербской (населённой сербами), Федерации Боснии и Герцеговины (своеобразная «федерация в федерации»,

населённая хорватами и бошняками[1]), и округа Брчко (который формально входит одновременно в оба других энтитета, в силу невозможности разделить его по этническому принципу, но ими не контролируется). Республика Сербская как энтитет БиГ управляется унитарно и централизованно, а Федерация Боснии и Герцеговины разделена на кантоны – хорватские и бошняцкие, которые невозможно выделить в гомогенную хорватскую или бошняцкую территорию из-за их неконцентрированного расположения.

Концепции территориальной и экстерриториальной автономии вписываются в концепцию сообщественной, или консоциативной, демократии Аренда Лейпхарта. Данная теория – один из самых широко обсуждаемых способов управления так называемыми многосоставными обществами, то есть обществами, состоящими из нескольких сегментов – не обязательно этнических, но и религиозно-мировоззренческих, и социально-классовых. В качестве примеров сообщественной демократии Лейпхарт рассматривал как полиэтничные Бельгию и Швейцарию, так и более гомогенные Нидерланды и Австрию. В качестве способов осуществления такой модели нидерландский автор упоминал широкую автономию сегментов, право вето меньшинств, правительство большой коалиции и пропорциональное распределение мест в законодательных и прочих управленческих органах[2].

Однако если подобная модель «сработала» в упомянутых четырёх странах (приняв при этом разные формы – федерализации в Швейцарии и Бельгии, культурной автономии в Австрии, «системы опор», или пилларизации, в Нидерландах), то в нескольких других государствах, пытавшихся взять её на вооружение, «что-то пошло не так». В Ливане молодёжь в последние годы

[1] Также встречаются такие варианты этого этнонима, как «босняки», «босанцы» и «муслимане». Избирая написание «бошняки», мы исходим из того, что в официальных документах самой Боснии и Герцеговины преимущественно употребляется слово *bošnjaci / бошњаци*. Вариант «боснийцы» не совсем корректен, так как указывает, прежде всего, на жителей Боснии, независимо от этнической принадлежности.

[2] *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

резко выступает против модели конфессионализма (распределения ключевых государственных постов в соответствии с религиозной принадлежностью), в Малайзии установилось однопартийное правление (правда, правящая партия возникла из «большой коалиции»), от греческого Кипра фактически отделилась Турецкая республика Северного Кипра. Во-первых, любой рецепт не универсален; во-вторых, сам А. Лейпхарт признавал существующие ограничения применимости его модели – субъекты должны быть относительно равновесны, относительно немногочисленны (хотя и больше двух, иначе раскол слишком значим), и само общество должно быть небольшим. Не последнюю роль играет и экономическая ситуация в стране. Кроме того, субъекты должны быть внутренне (!) гомогенны: к примеру, в Нигерии консоциация неосуществима, так как внутри сегмента йоруба (как и остальных) присутствует множество субэтнических групп; также нет и внутригруппового конфессионального единства.

Рассмотренные выше модели действий государства – это виды экстерриториальной (не привязанной к территории) и территориальной этнополитики, направленной на интеграцию (инклюзию, включение) этнических меньшинств. Этнополитика, направленная на эксклюзию, исключение этнических меньшинств из национального сообщества, включает в себя сегрегацию, депортацию и этнические чистки.

Сегрегация подразумевает максимально возможное отделение представителей этнического либо расового меньшинства от «титульного» этнического сообщества. Она может быть как экстерриториальной («законы Джима Кроу», действовавшие во многих южных штатах США до 1960-х гг. и подразумевавшие раздельные школы, церкви, предприятия и даже места в общественном транспорте для белых и для чернокожих), так и территориальной (выделение особых мест проживания для представителей иных этноса либо расы, за пределами которых на их существование накладывались жёсткие ограничения; примеры – «черта оседлости» в отношении евреев Российской империи, бантустаны в Южно-Африканской Республике времён апартеида). К элементам экстерриториальной сегрегации относится государственная

и бытовая дискриминация (ограничения в приёме на работу, обслуживании, проживании). Часто этническое меньшинство прибегает к добровольной сегрегации – замкнутому проживанию в этнических кварталах, иначе называемому геттоизацией. В качестве примеров геттоизации часто приводят коммуну Моленбек в Брюссельском столичном регионе (Бельгия), где четверть населения составляют иностранцы, преимущественно турки и марокканцы, или коммуну Сен-Дени в регионе Иль-де-Франс (Франция), где иностранцев около 40%. Однако геттоизация никогда не является частью государственной этнополитики; как правило, государство, наоборот, пытается ей противостоять, так как в подобных неформальных этнических анклавах государственный контроль малоосуществим.

Депортация предполагает принудительное перемещение, выселение представителей миноритарной этничности либо за пределы государства, либо за пределы определённого региона. Депортации практиковало руководство СССР в отношении «репрессированных народов» – чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, турков-месхетинцев, а также имевших свою государственность за пределами СССР немцев, корейцев и ингерманландских финнов. Кроме этих народов, депортациям в Советском Союзе подверглись эстонцы, латыши, литовцы, армяне, азербайджанцы, понтийские греки. Волюнтаристский подход к этнополитике унаследовали и некоторые постсоветские республики: к примеру, власти Туркменистана систематически депортировали этнических узбеков с территории приграничного Дашогузского велаята. Депортацией часто называется и интернирование (помещение в специализированные лагеря) этнических японцев в США в годы Второй мировой войны. Печальную известность получила т.н. «Дорога слёз» – серия депортаций индейских этнических групп («пяти цивилизованных племён» – чероки, чикасо, чокто, семинолов и маскогов) с территорий традиционного проживания на земли современной Оклахомы, проведённая в 1830-е гг. американским правительством.

Наиболее жёсткая форма эксклюзивной этнополитики – это *этническая чистка*. Она, опять же, может иметь как территори-

альный характер (если проводится в пределах одного или нескольких конкретных регионов), так и экстерриториальный; но чаще всего чистке подвергаются этнофоры независимо от региона проживания. Чистка, как правило, подразумевает физическое истребление или ограничение воспроизводства (в таком случае речь идёт о биологической чистке, в том числе принудительной стерилизации).

Майкл Манн рассматривает все стратегии (государственные и негосударственные) в отношении иноэтнических групп сквозь призму применяемого насилия и этнических чисток. Он типологизирует эти стратегии по двум переменным – типы насилия (отсутствующее, институциональное принуждение, подавление с помощью государственного аппарата, подавление, сопровождающееся насилием, массовая гибель людей без намерения их убивать, запланированное массовое убийство) и типы чистки (отсутствующая, частичная и тотальная)[1]. Подобная типология, хотя и представляет определённую ценность, способна запутать исследователя в силу изначально спорной посылки об априорной склонности государства к насилию по отношению к меньшинствам.

При этом необходимо понимать, что в одном и том же государстве по отношению к различным этническим группам могут применяться разные этнополитические стратегии: так, если в США по отношению к большинству мигрантов из Европы (преимущественно протестантского вероисповедания) изначально применялась (часто неосознанно, в силу отсутствия конкурентоспособных альтернатив) модель «плавильного котла», то по отношению к коренным американцам, то есть индейским этносам, применялись модели сегрегации и депортации.

В настоящее время статус индейских этнических общин в Северной Америке претерпел определённые изменения, но до сих пор является практически уникальным. Ещё до образования США европейские колонисты заключали с так называемыми

[1] *Манн М.* Тёмная сторона демократии: объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим, 2016. С. 59.

«индейскими» племенами (этническими группами) договоры, либо соглашения. Как правило, в договорах речь шла о продаже части территории, с сохранением (резервированием) определённых земель для проживания племени (при этом те «племена», которые не находились с европейцами в состоянии войны и / или в договорных отношениях, сейчас зачастую имеют проблемы с признанием, так как для него отсутствует документальная база). Оттуда и происходит термин «резервация», который не универсален. В штате Нью-Мексико близкий, хотя и не полный, эквивалент резерваций именуется «пуэбло», в Калифорнии – «ранчерия», в части штатов – «родина» (*homeland)*, но в большинстве штатов индейские территории именуются «территориями наций». Они фактически уравнены в правах с штатами, хотя одновременно могут пересекать их границы; как правило, имеют собственную законодательную, исполнительную и судебную власть, системы образования и правоохранительных органов. Законы штатов на территорию резерваций не распространяются.

Чтобы «племенная нация» (*tribal nation*) получила причитающиеся ей права самоуправления (а также, что немаловажно, налоговые льготы на игорный бизнес, который является существенным источником дохода большинства Наций), она должна быть признана на федеральном уровне либо, по крайней мере, на уровне штата (в таком случае объём полномочий намного меньше). Сейчас в США признано на федеральном уровне 332 индейских Нации, проживающие в 314 резервациях. Существующие на данный момент Нации были признаны либо Конгрессом, либо Бюро по делам индейцев (*Bureau of Indian Affairs*), либо органами власти штата. Основные критерии признания группы в качестве Нации:

1) идентификация группы правительственными органами, учёными или другими племенами как индейцев «с исторических времён и до настоящего времени на постоянной основе»;

2) проживание группы на территории, идентифицируемой как индейская;

3) приём в группу осуществляется по критериям, «приемлемым для министерства внутренних дел»;

4) члены группы не принадлежат к другим племенам[1].

Критерии членства в общине определяются самими общинами и часто подразумевают наличие «Сертификата о степени наличия индейской крови» (CDIB), который выдаёт Бюро по делам индейцев. Правительство США придерживается правила «четверти крови» (*blood quantum*) – чтобы считаться индейцем, достаточно иметь «одну четвёртую» индейской крови, то есть индейского дедушку или индейскую бабушку. Такой биолого-примордиалистский подход критикуется многими учёными и общественными деятелями, которые резонно замечают, что проследить смешанные браки или случайные связи на протяжении нескольких поколений очень сложно, соответственно, открывается простор для всевозможных манипуляций. Правила самих общин различаются: некоторые требуют, чтобы «стопроцентным» индейцем был один из родителей, большинство согласно с правилом «четверти», кому-то достаточно 1/8 либо 1/16. Некоторые общины, включая такие крупные и известные, как чероки и семинолы, требуют подвердить наличие хотя бы одного предка (вне зависимости от его удалённости во времени), который был членом племени.

В Канаде статус индейских этносов регулируется так называемым «Индейским актом» (*Indian Act*). Данные этнические группы официально именуются Первыми Нациями (*First Nations*), резервации (*reserves*) им предоставлялись с конца XIX в., и границы их неоднократно изменялись. В провинции Саскачеван действует Канадский университет Первых Наций (при Университете Реджайны). «Лига ирокезов» (Хауденосауни, *haudenosaunee*), объединяющая шесть ирокезских «наций», распределённых по территории нескольких штатов США и канадских провинций, с начала XX века выпускает собственные паспорта, которые периодически служат проездным и идентификационным документом. Самая большая индейская резервация США – «Нация Навахо» – занимает части территорий штатов

[1] *Wilkins D.* American Indian Politics and the American Political System. Lanham: Rowman & Littlefield, 2007. P. 19.

Юта, Аризона и Нью-Мексико, её общая площадь – 67 000 км^2. Правопорядок обеспечивает «Полиция Нации Навахо», образование – «Дине Колледж» (дине – второй этноним навахо) в населённом пункте Цейле.

В целом «коренные этносы» (в советском и российском дискурсе – «коренные народы»; в отличие от просто автохтонных этносов, которые дискурсивно могут использовать посылку о своём этногенезе на данной территории) – это особая группа этносов, которых отличают, в том числе, «тесная привязанность к местам исторических поселений и природным ресурсам этих территорий, наличие традиционного общественно-полити-ческого уклада, производство, ориентированное в основном на натуральное хозяйство»[1]. Всемирный банк, к примеру, добавляет к этим признакам лингво-культурную идентичность и уязвимость / бедность. В 1968 г. была зарегистрирована Международная рабочая группа по делам коренных народов (IWGIA).

Однако ко всем понятиям необходимо подходить критически; С. В. Соколовский[2], вслед за Арджуном Аппадураи, справедливо обращает внимание на «мистическое» и не поддающееся операционализации понятие «особой связи коренных народов с землёй проживания» (либо же «тесной привязанности к местам исторических поселений», что суть то же самое). Указанные учёные полагают, что такое словоупотребление в целом остаётся не прояснённым (и не может быть прояснено!) и несёт на себе печать «колониальной» риторики, «колониального» восприятия «туземцев» (*natives*) как *a priori* иррациональной в своих мотивациях группы; «подспудно звучит идея *универсальности* западного, или европейского, человека и частичности, *партикулярности* (курсив автора. – *П. О.*), неуниверсальности остальных, не умеющих приспосабливаться к контрастным природным услови-

[1] *Тураев В. А.* Этнополитология. М.: Логос, 2004. С. 131.

[2] *Соколовский С. В.* Корни и крона (мистика и метафизика в конструировании статуса «коренных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 7.

ям»[1]. Тем не менее, в мировой антропологии, а также в правовой практике, закрепилось именно такое восприятие «коренных народов».

Компактно проживающие группы коренных меньшинств, отличающиеся по своей системе управления и экономическому укладу от большинства населения (и преимущественно не интегрированные в это большинство), существуют не только на американском континенте. К примеру, в России существует особая группа «коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (сокращённо «КМНС»). Согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», к таковым можно отнести народы / этносы, численность которых не превышает 50 тысяч человек и которые сохраняют приверженность традиционным сферам хозяйствования (преимущественно промысловым). Представители КМНС имеют право, в том числе, на более ранний выход на пенсию, «преимущественное пользование биоресурсами в ареале обитания»[2], а также обладают преимущественным правом на прохождение альтернативной службы по призыву. В Финляндии, Швеции и Норвегии действуют «саамские парламенты» – фактически экстерриториальные органы общинного самоуправления этнической группы саамов, также в большинстве сохраняющих традиционный экономический уклад и причисляемых к КМНС. Саамский парламент действовал в 2008–2018 гг. и в России, на Кольском полуострове, выполняя представительные и координационные функции; в 2018 г. он самораспустился, т.к. функции парламента фактически взяло на себя «Саамское собрание» – Сāмь Соббар[3].

Таким образом, основные виды «вертикальной» этнополитики, которую государство может проводить в отношении этниче-

---

[1] *Соколовский С. В.* Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 15.

[2] Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

[3] В Мурманске саамы распустили свой парламент после 10 лет работы // ТАСС. 03.12.2018. URL: https://tass.ru/obschestvo/5863415.

ских меньшинств, мы предлагаем типологизировать по двум основаниям – инклюзивность и территориальность. Предварительно выделенные типы представлены в таблице.

Основные виды этнополитики в отношении меньшинств (составлено автором)

	Отсутствие территориального фактора	Наличие территориального фактора
Инклюзивная направленность	Ассимиляция; мультикультурализм; «плавильный котёл»; культурная автономия; экстерриториальная (корпоративная) политическая автономия	Территориальная политическая автономия (децентрализация / деволюция, кантонизация, федерализация)
Эксклюзивная направленность	Экстерриториальная сегрегация; этническая чистка	Территориальная сегрегация; депортация

А. Ю. ПОЛУНОВ

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение этнического и гражданского факторов в процессе формирования общероссийской национальной идентичности – разделяемых большинством населения ценностей, общих представлений о прошлом и желаемом будущем. В статье отмечается значительная роль этнического начала в жизни современных россиян, которое сочетается и активно взаимодействует с различными формами гражданского самосознания. Особенностью современного этнического самосознания является его сложный характер, допускающий возможность множественных, амбивалентных и меняющихся идентичностей. Отмечаются тревожные явления в межэтнической среде, угрожающие общероссийскому единству и касающиеся проблем исторической памяти, наличие слабо контролируемых миграционных потоков, неравномерности этнодемографического развития.
Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, этническое самосознание, нациестроительство, этнодемографическое развитие, перепись населения, миграция, историческая память

Вопрос о содержании, особенностях и перспективах развития общероссийской гражданской идентичности занимает одно из главных мест в современных общественных дискуссиях и идеологической политике правительства. Без обеспечения прочной духовной основы в виде разделяемых большинством населения ценностей, общих представлений о прошлом и желаемом будущем невозможно устойчивое существование и успешное развитие общества. По справедливому замечанию В. А. Тишкова, «национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институ-

ты»[1]. Осознаваемое членами национального сообщества «единство как солидарность и лояльность в политике и гражданстве» является базовой ценностью любого государства, его укрепление представляет собой важнейшее направление деятельности политических и интеллектуальных элит[2].

Формирование современной гражданской идентичности в России началось сравнительно недавно, после распада СССР, и практически сразу столкнулось с серьезными препятствиями. К их числу относилось отсутствие прочной идейной базы для становления новой формы самосознания, обстановка идеологического вакуума, возникшая после крушения постулатов, на которых базировалась прежняя, советская идентичность[3]. Многие из проблем, обозначившихся в начале 1990-х гг., сохраняют свою актуальность по сей день. До сих пор не выработан общенациональный исторический нарратив, не прояснены многие концептуальные вопросы, связанные с определением перспектив развития страны и ее места в мире. Как отмечает И. С. Семененко, речь идет о формировании инклюзивных идентичностей, которые соответствовали бы как культурным традициям России, так и потребностям, связанным с вызовами модернизации[4]. В данном контексте особое значение обретает вопрос о соотношении общероссийского гражданского единства с культурным своеобразием различных этноконфессиональных групп, входящих в состав Российской Федерации. Проблема эта представляется

---

[1] *Тишков В. А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 66.

[2] *Савинов Л. В.* Этнополитика и нациестроительство в современной России: воззрения и конституционно-правовые аспекты // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 66.

[3] О проблемах, связанных с формированием гражданской нации в постсоветской России см: *Breslauer G., Dale C.* Boris Yel'tsin and the Invention of a Russian Nation-State // Post-Soviet Affairs. 1997. Vol. 13, No. 4. P. 303–332; *Shevel O.* Russian Nation-building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? // Europe-Asia Studies. Vol. 63, No. 2 (March 2011). P. 179–202; *Goode P.* Russia's Ministry of Ambivalence: The Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35, No. 2. P. 140–160.

[4] *Semenenko I.* Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67, No. 2. P. 306.

особенно острой с учетом полиэтнического состава страны, в которой, согласно данным переписи населения 2010 г., проживает 145 народов (193 вместе с входящими в их состав подгруппами). Ситуация осложняется унаследованной от советской эпохи высокой степенью политизации этничности, ее территориальной привязкой (у значительной части этнических групп имеются свои территориальные автономии). Представляется важным в связи с этим рассмотреть при опоре на социологические материалы последних лет вопрос о роли гражданского и этнического факторов в процессе формирования общероссийского единства, соотношении этих двух идентичностей.

Касаясь этнического начала, необходимо отметить, что в жизни россиян оно играет чрезвычайно большую роль. По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), количество людей, постоянно помнящих о своей национальности, выросло с 60% в 2015 г. до 80% в 2018 г.[1] Согласно исследованию, проведенному в 2014 г. Институтом этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), 90% респондентов заявило, что в ходе предстоящей переписи населения обязательно укажет свою национальную принадлежность[2]. Развитие и усиление этнического самосознания выразилось и в таком факте, как неуклонный рост фиксируемых в ходе переписей населения этнических общностей. Если в 1989 г. было учтено 128 народов, то в 2002 г. зафиксировали уже 182 народа (в том числе 40 подгрупп), а в 2010 г. – 193 народа (в том числе 48 подгрупп)[3]. На расширении состава учитываемых народов настаивали прежде всего представители сравнительно небольших сообществ, ранее включавшихся в состав более крупных этнических групп. Учитывая унаследованную от СССР

[1] Межнациональные отношения в России. Как оцениваются шансы, возможности людей разных национальностей получить работу, реализоваться. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14157 (дата обращения: 09.08.2021).

[2] *Степанов В. В.* О конфликтном восприятии культурных различий // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / под ред. В. В. Степанова, А. В. Черных. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 22.

[3] *Богоявленский Д. Д.* Этнический состав населения и владение языками // Этническое и религиозное многообразие в России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 23–24.

традицию политизации этничности, ее территориальную «привязку», многие эксперты видят в увеличении этнического разнообразия опасность для общероссийского единства. Некоторые рассматривают этническую идентичность как антипод гражданской и делают вывод об их несовместимости. В этой ситуации привлекают внимание явления и процессы, развитие которых предположительно даст возможность не только купировать политизацию этничности, но и сгладить все резкие проявления этнокультурной идентичности.

Следует отметить, что подобных явлений в современной общественной и духовной жизни достаточно много. Одновременно с активизацией этнического самосознания происходит его усложнение, нарастание его «многослойности», способствующее стиранию рамок между четко выраженными и резко отделенными друг от друга формами идентичности. Люди одновременно стремятся вписать себя в то или иное сообщество и расширить имеющуюся у них свободу выбора. Так, по данным опроса ИЭА РАН, примерно половина респондентов допустили, что у человека может быть две и более национальностей. Около трети заявили, что этническая принадлежность может меняться в течение жизни. По подсчетам В. В. Степанова, если при проведении очередной переписи в опросные листы будут внесены не одна, а две строки для указания национальности, то примерно 15% выберут двойственное этническое самоопределение[1]. Подобная ситуация отражает достаточно высокий уровень межэтнического взаимодействия, сложившийся еще в СССР. Так, доля национально-смешанных семей (домохозяйств) составила в 2010 г. 12%. Количество состоявших в межнациональном браке было особенно велико у евреев (25%), молдаван (20%), армян (13%). Значительная часть россиян указала, что имеют два родных язы-

[1] *Степанов В. В.* Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие в России. С. 67–68; *Его же.* Измерение культурного многообразия России и переписи населения // Измерение этнокультурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 152–153.

ка (от 11% до 19% в разных регионах), причем среди молодежи этот показатель составил от 18% до 35%[1].

Допуская возможность существования двойственной и меняющейся этнической идентичности, россияне, как правило, понимают эту идентичность не столько как нечто врожденное, опирающееся на кровнородственные связи, сколько как результат причастности к той или иной культуре. По данным Института социологии РАН (2015), при ответе на вопрос «что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности» ¾ опрошенных указали язык (76% русских и 68% людей другой национальности), 2/3 – культуру (64% и 60% соответственно). Русским, согласно данным опроса, следует считать прежде всего тех, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры (49% русских и 37% людей другой национальности). Определение «русскости» по происхождению и крови, а также по родному (изначальному) языку набрало заметно меньшее количество ответов (соответственно 39% и 38%, 37% и 26%)[2]. Подобная трактовка этнической принадлежности говорит о том, что не только гражданская нация, но и этническая группа рассматривается большинством россиян как относительно открытое сообщество, к которому могут примкнуть люди разного происхождения при условии овладения языком и культурой данной группы[3].

Поиск явлений, свидетельствующих о возможности купировать чрезмерные проявления политизированной этничности, побудил некоторых исследователей обратить внимание на примечательный феномен – «лавинообразный», по выражению

---

[1] *Степанов В. В.* Этнокультурное многообразие. С. 68–69; *Его же.* О конфликтном восприятии. С. 16.

[2] *Рыжова С. В.* Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие. С. 129, 131.

[3] При этом следует отметить, что русские большинством респондентов все-таки понимаются как общность этническая, а не гражданская, т.е. их не «растворяют» в сообществе россиян. Считать русскими всех, «кто честно трудится во благо России» согласились только 30% русских и 26% представителей других национальностей, считать таковыми всех граждан России – соответственно 7% и 16%. О дискуссиях относительно соотношения понятий «российский» и русский» см.: *Malakhov V.* Will We Fulfill a “Russian Project” in Rossiia? // Russian Social Sciences Review. 2012. Vol. 53, No. 1. P. 15–-17.

Д. Д. Богоявленского, рост количества лиц, не указывающих свою национальность в ходе переписей населения. Если в 1979 г. таковых было всего 316, то в 1989 г. – 15 513, в 2002 г. – 1 460 751, а в 2010 г. – 5 629 429 чел. Последнее число составило почти 4% населения России. Люди с неуказанной национальностью стали вторым по численности «квазинародом» после русских[1]. По мнению ряда исследователей, это явление могло свидетельствовать об ослаблении этнического самосознания у части населения России и ее вытеснении общероссийской гражданской идентичностью (тем более, что большинство не указавших национальностей оказалось сконцентрировано в крупных городах, где гражданское самосознание действительно выражено в большей степени)[2]. Дополнительный анализ, однако, позволил установить, что отсутствие данных о национальности в большинстве случаев (3,6 млн в 2010 г.) было результатом несовершенства механизма переписи. Счетчики часто не получали данные путем личного опроса, а брали их из административных документов, где национальность не указывается. Но при анализе вопроса о соотношении гражданской и этнической идентичности при формировании общероссийского единства важно даже не это. Дело в том, что тезис о противоположности этих двух форм самосознания, конкурентном характере их взаимоотношений в последнее время все чаще ставится под сомнение.

Необходимость корректировки данного тезиса подтверждается в первую очередь материалами социологических опросов. Хотя у ряда народов, прежде всего у так называемых титульных национальностей (т.е. давших название республикам в составе России), этническая идентичность выражена сильнее, чем у русских, это далеко не всегда препятствует развитию общероссийского самосознания. В республиках, обладающих значительным

[1] *Богоявленский Д. Д.* Указ. соч. С. 29–30.

[2] По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) (2015-2018) и опроса ВЦИОМ 2019 г., единство со всеми гражданами России чаще ощущают жители больших городов, более образованные и квалифицированные. См.: *Дробижева Л. М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 46–47.

экономическим и демографическим потенциалом – Башкортостане, Татарстане, Чувашии – гражданская идентичность находится по данным социологических опросов на том же уровне, что и по России в целом. Согласно исследованию ВЦИОМ (2019), в целом по стране подобная идентичность была выражена примерно одинаково у русских и у представителей других национальностей[1]. Общероссийское гражданское самосознание не вытесняет этнического многообразия: люди, ощущающие связь со всеми гражданами России, не видят в то же время ничего плохого в полиэтническом характере страны[2]. По данным опросов Института социологии РАН 2015–2017 гг., 83% носителей гражданского самосознания согласились с тем, что «государство должно поддерживать культуру всех народов страны». 51% лиц указанной категории считают, что «Россия – общий дом для всех народов» (против 44% среди тех, кто не ощущает связи со всеми россиянами)[3]. В целом, как полагает В. В. Степанов, «за последние годы пришло общественное понимание того, что общероссийское самосознание не исключает принадлежности к какой-либо этнической группе и малой родине». Сочетание этнической и гражданской идентичности, по мнению исследователя, достигается благодаря тому, что первая занимает более приватную (персонализированную) часть самосознания россиян, а вторая – его внешнюю, публичную сторону[4].

---

[1] Уровень гражданской идентичности, т.е. доля людей, ощущавших единство со всеми гражданами России, составляла по данным РМЭЗ 79% опрошенных, по данным ВЦИОМ (2019) – 91% (*Дробижева Л. М.* Российская идентичность. С. 43, 45).

[2] Согласно данным ФОМ, число людей, считающих, что полиэтнический состав России – скорее благо, чем зло, в целом выросло за 2002–2018 гг. с 41% до 50%. См.: Межнациональные отношения в России. Как оцениваются шансы, возможности людей разных национальностей получить работу, реализоваться. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14157 (дата обращения: 09.08.2021).

[3] *Дробижева Л. М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие. С. 115–116.

[4] *Степанов В. В.* О конфликтном восприятии культурных различий. С. 22; *Его же.* Измерение культурного многообразия. С. 143.

Касаясь более широкого круга проблем, связанных с вопросом о соотношении разных форм самосознания в процессе нациестроительства, необходимо отметить, что наука в последние десятилетия пересматривает представление о существовании двух резко отличающихся друг от друга типов наций – гражданской и этнической. На самом деле, как указывает В.А. Тишков, в самосознании почти каждой нации присутствуют «как "чисто гражданские", так и аскриптивные (культурно предписанные) и даже примордиальные (извечные, врожденные) компоненты». Правильнее, по мнению ученого, говорить не о противостоянии гражданского и этнического начал, а о сочетании их в той или иной пропорции, причем пропорция эта может меняться по мере развития сообщества[1]. Западные исследователи отмечают, что проведение различий между двумя типами наций – это скорее аналитический инструмент, применяемый этнополитологами в ходе исследований, или способ охарактеризовать стратегии элит в процессе нациестроительства, нежели описание того, что существует в реальности[2]. В целом, как подчеркивает Л. В. Савинов, «антиномия этнического партикуляризма и гражданского универсализма как базовый смысл любой этнополитики не является фатальной и неразрешимой»[3], и материалы социологических исследований подтверждают этот вывод. Вместе с тем в сфере межэтнических отношений имеют место и тревожные явления, которые могут представлять серьезную угрозу общероссийскому гражданскому единству.

Важнейшей из этих угроз – помимо столкновений между этническими группами вокруг проблем исторической памяти, отражающих непроработанность общенационального исторического нарратива[4] – следует считать наличие слабо контролируемых

[1] *Тишков В. А.* Российский народ. С. 75–76.
[2] *Shevel O.* Op. cit. P. 180; *Goode P.* Op. cit. P. 142.
[3] *Савинов Л. В.* Указ. соч. С. 61.
[4] К числу столкновений такого рода относится конфликт 2018 г. между основными этническими общинами Кабардино-Балкарии по поводу празднования юбилея Канжальской битвы XVIII в. (победы кабардинцев над войсками крымского хана). Широкий резонанс вызвали также дискуссии по поводу памятников Ермаку в Тобольске и русским воинам времен Кавказской войны в Адлере (2020).

миграционных потоков, неравномерность этнодемографического развития. Существенный дисбаланс возник в стратегически важном регионе – на Северном Кавказе, прежде всего, вследствие процессов, развернувшихся здесь в 1990-е гг. Многие республики региона фактически стали моноэтническими. Так, доля русских в составе населения Чечни снизилась за 1989–2010 гг. с 25% до 1,9%, в Ингушетии с 12,5% до 0,8%, в Дагестане за 1989–2015 гг. с 9,2% до 3%. Значительным был также отток русских из Тувы (их доля уменьшилась с 32% до 16,3%), ряда регионов Севера, в частности, Чукотки[1]. Формирование моноэтничности и, прежде всего, сокращение численности русского населения представляет особую опасность на Северном Кавказе в силу особого характера развития данного региона. Как подчеркивает В. А. Тишков, присутствие здесь русских – «это условие модернизации, гражданской и межэтнической стабильности. Если это присутствие и влияние будут сокращаться, тогда обострятся межэтнические и межреспубликанские трения между собственно северокавказскими народами»[2].

Достаточно тревожным симптомом является стагнация или сокращение численности в 1989–2010 гг. ряда крупных народов России: русских (с 119 866 тыс. чел до 111 017 тыс. чел.), татар (с 5 522 тыс. до 5 311 тыс.), чувашей (с 1 772 тыс. до 1 435 тыс.), мордвы (с 1 072 тыс. до 744 тыс.) и др. Наблюдается «старение» этих этнических групп. Значительно уменьшилось количество удмуртов, марийцев, коми, а также немцев, евреев, греков, молдаван (в последних четырех случаях – в результате эмиграции). Если говорить об этносах, увеличивших свою численность, то это, прежде всего, народы Северного Кавказа, якуты, тувинцы, буряты, башкиры (правда, по мнению специалистов, в ряде случаев речь может идти не о реальном росте численности, а о при-

[1] *Степанов В. В.* Этнокультурное многообразие. С. 77–78.

[2] Самое важное – это чтобы большинство граждан на вопрос «Кто мы?» отвечало: «Прежде всего, я россиянин». Интервью с В. А. Тишковым (16 марта 2015 г.) // Российская Федерация сегодня. URL: https://www.pnp.ru/russia-today/samoe-vazhnoe-eto-chtoby-bolshinstvo-grazhdan-na-vopros-kto-my-otvechalo-prezhde-vsego-ya-rossiyanin.html (дата обращения: 09.08.2021).

писках и манипуляциях в ходе переписи). Но особенно заметны изменения в количестве народов, представляющих государства постсоветского пространства – армян (с 532 тыс. чел. до 1 182 тыс. чел.), азербайджанцев (с 336 тыс. до 603 тыс.), узбеков (с 127 тыс. до 290 тыс.), таджиков (с 38 тыс. до 200 тыс.), киргизов (с 42 тыс. до 103 тыс.)[1]. В абсолютном и особенно относительном значении эти цифры невелики, но привлекают внимание темпы роста. Кроме того, говоря о выходцах из Центральной Азии, можно предположить, что значительная часть их на момент переписи относилась к числу нелегальных трудовых мигрантов и не была учтена переписчиками.

Необходимо отметить, что адаптация трудовых мигрантов, их интеграция в принимающее общество является в настоящее время серьезной проблемой в силу их выраженной этнокультурной, этноконфессиональной, языковой специфики, непохожести на большинство окружающего населения. Особенно сложная ситуация складывается в крупных городах, являющихся основными центрами притяжения для мигрантов. У представителей принимающего общества сохраняется настороженное, а то и негативное отношение к мигрантам. С их притоком, согласно проведенному в 2018 г. исследованию ВЦИОМ, продолжают связывать различные негативные явления – рост преступности (51% опрошенных), обострение конкуренции на рынке труда (49%), в целом негативное влияние на экономику (43%). При этом к культурно близким мигрантам отношение терпимое. Значительная часть россиян не возражают против приезжих из Белоруссии, Украины, Германии, Казахстана (в двух последних случаях, видимо, имеются в виду местные русские), но выступают за ограничение въезда из Таджикистана, Узбекистана, Китая[2].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в целом распространенность этнической самоидентификации среди россиян не яв-

[1] *Богоявленский Д. Д.* Указ. соч. С. 30–36; *Степанов В. В.* Этнокультурное многообразие. С. 81.

[2] Иммиграция в Россию: благо или вред? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-blago-ili-vred (дата обращения: 09.08.2021).

ляется препятствием для утверждения гражданской идентичности. Как эмпирические исследования, так и результаты теоретических наработок позволяют к настоящему времени утверждать, что этнические и гражданские начала далеко не всегда противостоят друг другу в процессе нациестроительства. Вместе с тем отдельные особенности современного этносоциального развития действительно создают проблемы на пути укрепления общероссийского гражданского единства. Разработка и реализация эффективной этнополитики, совместная деятельность государства и структур гражданского общества в этой сфере должны способствовать решению этих проблем.

Е. А. ДАНИЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА РФ В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АКТОРЫ, ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИКИ

Аннотация. В условиях нарастания глобальной конкуренции и усиления военных и информационных угроз национальной безопасности России существенно актуализируется потребность в реализации стратегии национального брендинга для эффективного позиционирования РФ в общемировом пространстве. Запрос на применение инновационных технологий брендинга, тренды цифровизации обуславливают перевод значительного объема брендинг-коммуникаций в онлайн-формат. Работа с молодежью, военно-патриотическое воспитание, продвижение бренда армии и высокотехнологичных разработок ОПК будут способствовать повышению эффективности национального брендинга России во внутреннем и внешнем аспектах.
Ключевые слова: национальный брендинг, позиционирование, глобальная конкуренция, угрозы безопасности, информационные войны, армия, оборонно-промышленный комплекс, инновации

Бурный рост глобальной конкуренции существенно повышает технологическую составляющую национального брендинга в части конструирования устойчивого убедительного стереотипического образа государства на мировой арене в воображении значимых для продвижения стратегических национальных интересов целевых аудиторий. Национальный бренд представляет собой символический конструкт, формирующий стойкий набор ассоциаций с государством и выделяющий его среди конкурентов. Национальный брендинг реализуется с учетом исторического прошлого, текущей внутри- и внешнеполитической конъюнктуры и направлен на реализацию перспективных стратегических национальных интересов государства.

Геополитическое и информационное противостояние со странами Запада служит наполнением современной внешнеполитической конъюнктуры, обусловленной столкновением интересов России и Запада в различных регионах мира, в том числе на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке. Разворачивающаяся информационная война против России, антироссийская риторика вновь пришедшего к власти президента США Дж. Байдена и аналогичный тренд со стороны большинства стран ЕС, обвинения со стороны Запада по делу об имевшем место, по мнению стран ЕС и США, отравлении оппозиционера А. Навального, раскачивание внутрироссийской политической ситуации, результировавшееся в нарастание оппозиционных настроений, особенно среди молодежи, усиливающаяся нестабильность на постсоветском пространстве (военный конфликт в Нагорном Карабахе, усиление разногласий с Украиной, протесты в Беларуси) – все эти вызовы, адресованные российской элите, требуют ответа и дополнительно актуализируют проблему поиска ценностной идеи стратегии национального брендинга для укрепления как внутриполитической стабильности, так международного веса.

Одновременно нарастает глобальное информационное противостояние. В то время как информационные войны становятся неотъемлемой частью современной геополитической практики, вопрос отражения информационных атак глобальных оппонентов требует эффективного ответа. Западные СМИ искажают и негативизируют образ России, что требует существенной корректировки через выстраивание коммуникационной стратегии, нивелирующей данные установки в общественном сознании зарубежной аудитории. «России в настоящее время достаточно сложно реализовываться в международном коммуникационном пространстве вследствие активных дискредитирующих информационных кампаний, развязанных западными странами»[1], а «внешнеполитический

[1] *Агуреева К. А.* Политический имидж России в европейских странах // Научно-практические исследования. 2020. № 12-6 (35). С. 12–16.

имидж России на данный момент испытывает беспрецедентное информационное давление»[1].

По мнению И. В. Радикова, на смену открытым выражениям военной мощи приходит создание мирового информационного пространства, в котором зарождается иная война, информационная[2]. Наблюдается значительное смещение центра тяжести от применения открытых и силовых методов вооруженной борьбы к активному использованию невоенных мер, преимущественно латентного характера, при этом усилия концентрируются не на природно-географических театрах военных действий, а в информационно-психологической сфере, где происходит ожесточенное сражение образов и символов, созданных средствами массовой информации[3].

Вместе с тем, анализ современной геополитической конъюнктуры указывает на параллельное существование двух видов угроз: и военных, и информационных угроз безопасности. По мнению А. А. Ковалева и В. Л. Мрочко, «с одной стороны, мировое сообщество через значительную эскалацию внутригосударственных и международных противостояний осуществило возврат к форме силового разрешения конфликтов и противоречий, а с другой – построило еще одно измерение для выяснения отношений на международном поле – глобальное информационное пространство»[4]. Пересечение этих осей актуализирует проблему конструирования убедительного образа России и задает потенциальное направление его развития – в области обеспечения национальной безопасности.

---

[1] *Сагалаева С. С., Харичкин И. К.* Отражение внешнеполитического имиджа России в СМИ Великобритании // Огарёв-Online. 2019. № 4 (125). С. 1–7.

[2] *Радиков И. В.* Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5, ч. 1. С. 150–153.

[3] *Ленев Ю. А., Вещагин А. В., Шишков А. И.* Современные тенденции использования имиджа вооруженных сил РФ в качестве информационно-психологического компонента ресурсной системы обеспечения военной безопасности государства // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 146–155.

[4] *Ковалев А. А., Мрочко В. Л.* Геополитический имидж военного статуса России // Власть. 2017. Т. 25, № 2. С. 64–68.

Наблюдается усиление трендов милитаризации во всем мире. «Согласно докладу информационно-аналитического центра Jane's, мировые расходы на оборону в 2020 г. составили 1,93 трлн долл., что на 1,9% больше, чем в 2019 г. Наращивают военный бюджет США, НАТО (на 2021 г. согласован в размере 1,61 млрд евро, что на 5% больше показателей 2020 г.), европейские страны, Китай (второе место в мире после США, за последние десять лет военный бюджет Китая показал рост на 85%)»[1]. Соединенные Штаты Америки, Китай, Индия, Россия и Саудовская Аравия вошли в первую пятерку стран с крупнейшими военными расходами в мире (62% общего объема военных затрат в мире). Россия по итогам 2019 г. занимала четвертую позицию: военные траты увеличились на 4,5% и составили 65,1 млрд долл. При этом военный бюджет США его в 11 раз и составил 732 млрд долл., Китая – в 4 раза, 261 млрд долл., Индии – 71,1 млрд долл. и Саудовской Аравии – 61,9 млрд долл.[2] По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), по итогам 2020 года Россия сохранила четвертое место в рейтинге, первая тройка осталась неизменной, на пятом месте Великобритания. При этом отмечается, что Россия уверенно занимает второе место в мире после США, согласно рейтингу военной мощи Global Firepower, что подтверждает тезис об эффективности российского ОПК[3].

Сравнительный анализ международного брендинга вооружений указывает на пристальное внимание глобальных игроков, включая США, НАТО, вооруженных сил ЕС и отдельных стран в плоскости

---

[1] Параметры оборонных бюджетов России, Китая, США и НАТО // РИА «Новости» [сайт]. 28 января 2021 г. URL: https://ria.ru/20210128/oboronka-1594973029.html (дата обращения: 09.06.2021).

[2] Россия вошла в пятерку стран мира с наибольшими затратами на оборону // Российская газета [сайт]. 27 апреля 2020 г. URL: https://rg.ru/2020/04/27/rossiia-voshla-v-piaterku-stran-mira-s-naibolshimi-zatratami-na-oboronu.html (дата обращения: 09.06.2021).

[3] Мировые тенденции милитаризации: Россия вошла в пятерку лидеров по военным расходам // Sputnik – Узбекистан [сайт]. 27 апреля 2021 г. URL: https://uz.sputniknews.ru/20210427/mirovye-tendentsii-militarizatsii-rossiya-voshla-v-pyaterku-liderov-po-voennym-rasxodam-18509366.html (дата обращения: 10.06.2021).

общеевропейской безопасности, таких как Германия, Швеция, к этому вопросу и отдельные успешные коммуникационные практики в этой части, что требует от России систематизации «зеркальных» усилий по формированию стратегии национального брендинга вооружений и оборонной отрасли. Современные глобальные вызовы и угрозы актуализируют задачу обеспечения национальной безопасности РФ. В условиях нарастания международных милитаристских интенций «Россия нуждается в сохранении высокого статуса обороноспособности в национальной системе сдержек и противовесов. Тема инновационного развития российской оборонной промышленности имеет большую актуальность и в связи с ее ролью катализатора инновационных преобразований в других отраслях экономики за счет развития технологий двойного назначения. Диффузия инноваций из ОПК в различные отрасли экономики и промышленности способствует их укреплению и развитию»[1], а следовательно, влияет на усиление положения России на мировой арене.

«Определение центров сосредоточения инновационных компетенций и ключевых акторов оборонно-промышленного комплекса, разработка убедительной национальной коммуникационной стратегии России будут способствовать росту международного авторитета и глобального престижа страны. Национальный брендинг инноваций ОПК обеспечит России солидную репутацию сильного международного игрока и укрепление патриотизма населения страны в целях консолидации нации перед лицом глобальных вызовов и угроз. При этом смягчению геополитического напряжения будут служить развитие интернационального антитеррористического сотрудничества, международного научно-образовательного и производственного взаимодействия в области гражданского применения ОПК, проведение международных тематических конференций и выставок, развитие экономического сотрудничества в области торговли оружием и технологиями»[2].

---

[1] *Данилова Е. А., Щербинин А. И.* Позиционирование инновационной политики в российской оборонной отрасли в контексте формирования стратегии национального брендинга // Власть. 2015. № 8. С. 39–43.

[2] *Данилова Е. А.* Сравнительный анализ международного брендинга вооруженных сил и Российский национальный брендинг инноваций в оборонно-

Необходима системная коммуникационная стратегия национального брендинга как технологии формирования убедительного образа России в восприятии внутренних и внешних целевых аудиторий в целях утверждения геополитической субъектности и обеспечения социально-политической стабильности за счет консолидации нации на базе единой ценностной идеи поддержания национальной безопасности и обеспечения обороноспособности. При этом, «исходя из понимания природы внешнеполитического имиджа, необходимо добиваться не столько позитивного, сколько эффективного имиджа России в информационно-политическом пространстве, чтобы обеспечить и защитить конкурентные преимущества страны в условиях обострения геополитической конкуренции»[1].

Центральная инициирующая роль в реализации стратегии национального брендинга должна принадлежать государству как основному бенефициару и ресурсодержателю. Также в развитии данной стратегии в области национальной безопасности ее сореализаторами могут выступать ключевые субъекты ОПК, принимающие участие в политике инноваций и обеспечивающие выпуск инновационных продуктов и технологий. СМИ выступают значимым актором с технологической точки зрения, так как коммуникация в современных условиях становится ключевым элементом политики. При этом необходимо придерживаться системного подхода и использовать широкий охват информационных каналов с учетом целевых аудиторий, на которые они направлены. «Развитие ИКТ, а так же усложнение структуры СМИ и возрастание роли средств коммуникации в рамках формирования общественного мнения предполагают использование внешнеполитического имиджа России как одного из ведущих компонентов ведения успешной внешней политики страны на

промышленном комплексе как ответ на глобальные вызовы современности // Власть. 2017. № 7. С. 92–107.

[1] *Балынская Н. Р., Зиновьева Е. Г., Волков С. Ю., Шкурко Н. С.* Позитивный образ России: как проблема и политическая технология имиджирования в мировом информационном пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 6 (63). С. 1527.

международной арене»[1]; информационные ресурсы создают репутацию страны[2]. Исследователи выделяют «следующие приемы презентации и актуализации образа российского государства: 1) организация важного для всего общества или значимой его части событий и привязка к «круглой» дате (например, празднование 70-летия победы во Второй Мировой войне); 2) работа с отечественными и зарубежными СМИ, в том числе привлечение авторитетных публичных персон, сочетание новостей с общественно важной проблематикой, подготовка и распространение пресс-релизов, проведение пресс-конференций и брифингов; 3) привлечение лидеров мнений»[3]. При этом важно противодействовать и нивелировать негативную стереотипизацию образа России, отражать информационные атаки и одновременно осуществлять реформирование социально-политической сферы, повышать уровень жизни населения, развивать экономику и промышленность, что будет способствовать укреплению идентичности национального бренда и его эффективному восприятию.

Повышение значимости СМИ в современном политического пространства связано с их цифровизацией и переходом в качественно новый формат – цифровое пространство, что позволило расширить аудиторию влияния, вовлекая в цифровое медийное пространство новые социальные группы и субкультуры, а также усилить степень влияния на соинформеров и пользователей[4]. Цифровая дипломатия в эту новую эру глобальной коммуника-

---

[1] *Захарова Е. А.* О влиянии имиджа главы государства на формирование имиджа страны на примере имиджа Президента РФ В. В. Путина // Вестник современных исследований. 2018. № 4.2 (19). С. 130.

[2] *Кузина С. И., Голобородько А. Ю., Керимов О. Ю., Джанаев К. И.* Механизмы формирования позитивного образа российского государства в общественном сознании граждан // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9 (112). С. 141–144.

[3] *Городнина О. С., Дворникова Е. В.* К вопросу о конструировании образа России // Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своём и родном: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции / под общ. ред. В. П. Степанова, С. М. Губаненковой. Орел, 2019. С. 219–227.

[4] *Балынская Н. Р., Зиновьева Е. Г., Волков С. Ю., Шкурко Н. С.* Там же. С. 1532–1533.

ции является моделью влияния через отношения внутри социальных сетей, а национальный брендинг стал новым трендом публичной дипломатии. Выстраивание национального бренда на глобальном коммуникационном ландшафте без активного использования социальных сетей, при всех возможных издержках, в настоящее время бесперспективно[1]. В целом, появление новых каналов и форматов коммуникаций обуславливают необходимость их активного применения в стратегии национального брендинга. Требуется разработка стратегии освоения пространства социальных медиа для работы с молодежью, реализации программы военно-патриотического воспитания. Так, «на сегодняшний день есть отдельные успехи в обновлении сайта Министерства обороны РФ, где появились актуальные разделы, с помощью которых необходимую информацию об армии стало находить проще и быстрее для информирования общественности с 2014 года активно используются современные коммуникационные площадки: социальные сети, форумы, блоги»[2].

Исследователи указывают на возрастающую роль имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в системе обеспечения военной безопасности, что говорит о его востребованности в качестве эффективного ресурса высшего военно-политического руководства государства, отмечая следующие направления:

1) положительная динамика формирования позитивного имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах военной безопасности;

2) растущая активность использования имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах военного строительства;

3) активное применение имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах стратегического сдерживания.

---

[1] *Кротова А. Н.* Публичная дипломатия и национальный брендинг // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2020. С. 226–228.

[2] *Кисляков Е. А.* Инновационные технологии улучшения имиджа вооружённых сил РФ // Youth world politic. 2016. № 2. С. 27–37.

В качестве прикладных технологий формирования имиджа вооруженных сил отмечаются активизация военно-патриотической работы в школах, создание и продвижение идеи возрождения военно-патриотических клубов и обществ (например, движение «Юнармия»), активизация проверок боевой готовности и широкое освещение их в СМИ, проведение армейских игр и конкурсов (в частности, армейские международные игры «АрМИ», которые проводятся с 2015 года и постоянно расширяют число участников, совершенствование военной науки и военного образования, проведение совместных форумов, конференций и круглых столов (в частности, международный военно-технический форум «Армия»)[1]. «Торговая марка «Армия России» представлена в военторгах, эмблемы доступны широкой публике, а словосочетание «вежливые люди» в медийном пространстве прочно срослось с военным ведомством, где брендом стали сами военнослужащие»[2].

Армия выступает еще одним значимым актором в составе стратегии национального брендинга России в области обороны и обеспечения национальной безопасности, и сама армия как институт нуждается в брендинге. Необходимость формирования позитивного имиджа армии в качестве приоритетной задачи современных государств З.Ю. Надточий объясняет следующими факторами: расширение кредита доверия правительству за счет уверенности общества в безопасности, обеспечения формирования и стимулирование развития контрактной службы благодаря социальному престижу службы в армии, ключевая роль армии в определении авторитета страны на международной арене[3]. К технологиям создания положительного образа российской армии относятся пресс-конференции для иностранных и оппозици-

[1] *Ленев Ю. А., Вещагин А. В., Шишков А. И.* Там же. С. 146–155.

[2] *Надточий З. Ю.* Формирование позитивного имиджа вооруженных сил: зарубежный опыт и российская специфика // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3 (20). С. 147–150.

[3] *Надточий З. Ю.* Позитивный имидж вооруженных сил как стратегическая задача современного государства // Государство и общество в современной политике: сборник научных статей материалов 6-й Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2019. С. 120–124.

онных изданий, продвижение патриотических сайтов, спонсорство рок-фестивалей, ролики на популярных видеохостингах, уведомление общества об успешных спецоперациях, организация развлекательных мероприятий (например, введенный министром обороны Сергеем Шойгу танковый биатлон)[1].

Армия в современных условиях выступает сильным и самостоятельным политическим брендом, оказывающим влияние на расклад геополитических сил в мире и поддержание национальной идеи внутри страны. По мнению Е. В. Вороновой, «армия России как политический бренд берется заполнить возникший 20 лет назад ценностный вакуум, связав происшедшие перемены с вековыми традициями»[2]. «Проект "Армия России" – это патриотизм, ответ на санкции, внешнее эстетическое выражение подрываемых консервативных ценностей. Защита национального суверенитета возможна только при активном взаимодействии власти и армии, но особый профессионализм заключается в том, чтобы выполнить приказ без реального применения силы, а только демонстрируя ее мощь»[3]. Наряду с развитием технических и инновационных характеристик вооружений, значимым становится искусство репрезентации армии, вооруженных сил и ОПК в целом, возможности их позиционирования за счет современных коммуникационно-технологических средств и нужных каналов. Важно применять инструменты «мягкой силы», образами которой архетипы страны-объединительницы, страны-освободительницы, которая стремится занять достойное место в мировом сообществе, повысить уровень и качество жизни своих граждан[4].

---

[1] *Надточий З. Ю.* Формирование позитивного имиджа вооруженных сил: зарубежный опыт и российская специфика // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3 (20). С. 147–150.

[2] *Воронова Е. В.* Информационные аспекты брендинга армии России // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 24–27.

[3] *Надточий З. Ю.* Армия России как политический бренд // Власть. 2015. № 8. С. 133–137.

[4] *Кузина С. И.* Механизмы формирования имиджа государства в контексте публичной дипломатии // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. М., 2019. С. 217.

Существенную роль в реализации национального брендинга играет на исторический миф[1]. В этом смысле во внутренней политике необходима системная реализация активной политики памяти с опорой на ключевые исторические события, в том числе в области обороны и безопасности (одним из шагов ее реализации является широкое празднование Дня Победы, проведение парадов Победы, шествий «Бессмертного полка»), а во внешней среде – активное противодействие фальсификации истории, сохранение исторической правды, недопущение нивелирования роли России как правопреемницы СССР в значимых исторических событиях, закрепление ее роли победительницы и освободительницы. В современных условиях участие России в урегулировании военно-политических конфликтов, например, ввод миротворцев в Нагорный Карабах, борьба с террористическими группировками в Сирии закрепляют за Россией статус глобального миротворца и способствуют усилению ее международного веса.

Одновременная реализация продуманной политики инноваций в оборонной отрасли, инновационное развитие ОПК, выпуск высокотехнологичных продуктов и технологий, активное включение ключевых инновационных субъектов отрасли в стратегию национального брендинга с целью репрезентации их возможностей и достижений будет определять ее эффективность. Разработанная и системно реализованная в ответ на глобальные военные и информационные вызовы современности стратегия национального брендинга РФ в области национальной обороны и безопасности, будет способствовать укреплению международного престижа России, расширению ее влияния на состав глобальной международной повестке, увеличению кредита доверия населения к власти, развития национальной идеи в духе активации глобальной субъектности в рамках формирования многополярного мира.

[1] *Лескова Е. Д., Бляхер Л. Е.* Исторический миф как составляющая брендинга территории // Ученые заметки ТОГУ. 2020. Т. 11, № 2. С. 117–121.

С. В. БИРЮКОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРАВО-ПОПУЛИСТСКОГО ДИСКУРСОВ В УСЛОВИЯХ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА: ВЫБОР НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Аннотация. Статья посвящена трансформациям публичного порядка, вызванным пандемией COVID-19, а также рассмотрению тех форм, которые он может принять. Пандемия COVID-19 радикально изменила глобальную повестку, одновременно содействуя фрагментации и консолидации того, что принято называть «глобальным публичным пространством». Ключевым проявлением новой ситуации, по мнению автора, стало утверждение особой дисциплинарной власти, в свое время идентифицированной и описанной М. Фуко, возможности которой выходят далеко за рамки принимаемых в связи с пандемией карантинных мер. Как полагает автор статьи, изучение данного феномена только начинается и требует качественно новой и более комплексной методологии. Автором сделан вывод о том, что в настоящий момент происходит трансформация понятия «порядка» в контексте трансформаций (нео)либерального дискурса.
Ключевые слова: пандемия, COVID-19, политический дискурс, публичный порядок, либерализм, правый популизм, консерватизм, публичный контроль

Вызов пандемии короновируса: исходная ситуация

Пандемия короновируса, стремительно распространившаяся по миру, вызвала к жизни и другие парадоксы. Наряду с социальными шоками и связанной с ними фрустрацией, произошел подлинный скачок («взрыв») претензий различных социальных групп на переустройство мира в соответствии с собственным видением и сценариями (антиглобалистких, так и неоглобалистских). При этом каждый из конкурирующих сторон считают

свои убеждения единственно верными, продвигая собственные представления о наилучшей форме публичного порядка, призванного обеспечить обществу безопасность.

Национальные правительства очевидно усилили свою власть в ситуации возникшего к ним «вынужденного доверия» со стороны даже тех граждан, которые ранее предпочитали автономное от государства существование. При этом последовательная «деглобализация» в современных условиях является иллюзией, поскольку масштабность пандемической проблемы и порожденного ею вызова существующим властно-управленческим институтам слишком масштабна. Можно вспомнить ситуацию, связанную с падением Римской империи, которое некоторые историки связывают с изменением климата и серией разрушительных эпидемий, однако современный (пусть и кризисный) мировой порядок гораздо сложнее по своей структуре. Едва ли возможно и возвращение к ситуации 1930-х гг., когда сочетание роста национализма и финансового кризиса 1929 г. привели к восстановлению таможенных барьеров и к распаду глобализованной экономики, которая была создана после Первой мировой войны; однако послевоенное развитие естественным образом (вос)создало глобальную систему, основанную на еще более тесных взаимосвязях между государствами[1].

Тем более, что в складывающейся ситуации предполагаемая «деглобализация» прежде всего наносит удар по бедным и слаборазвитым странам, не обладающих социально-экономическим, производственно-организационным и научно-медицинским потенциалом, достаточным для эффективного противодействия пандемии и преодоления ее последствий. Тем характернее в подобной ситуации озвученный президентом США Дж. Байденом призыв отказаться от патентных ограничений, дабы сделать возможным производство вакцины против COVID-19 в отстающих в плане социально-экономического развития странах, а также звучавшие в преддверии саммита «Большой семерки» рассужде-

[1] *Wyplosz Ch.* Le spectre de la démondialisation. URL: https://www.letemps.ch/opinions/spectre-demondialisation.

ния об ответственности мирового сообщества за содействие вакцинации слаборазвитым и «проблемным» государствам.

«Поворотный» характер современной общемировой ситуации не вызывает сомнений. За время развернувшегося кризиса случались моменты, когда ЕС в своем обнаружившемся бессилии начинал напоминать последние десятилетия существования Священной Римской Империи, когда люди, живущие на территории империи, постепенно перестали осознавать, что они все еще являются ее частью. Во многих странах порожденный коронавирусом кризис действительно снизил энтузиазм граждан по отношению к ЕС, но в то же время заставил сами европейские государства осознать свою зависимость от ЕС как системы властно-управленческих институтов.

Столкнувшись с политической проблемой «COVID-19», европейские лидеры оказались перед необходимостью принятия стратегического решения: отныне они могли либо продолжить бороться за сохранение глобализованного мира с открытыми границами, либо начать работать над переходом к модели, основанной на умеренной деглобализации. В конечном счете, им придется одновременно делать и то, и другое – вопрос лишь в соотношении трендов и в скорости следования последним. При этом Брюссель в качестве столицы ЕС останется последним бастионом в защите глобализации и в то же время попытается использовать стремление немалой части граждан ЕС к деглобализации для усиления собственной власти и содействия большей интеграции в определенных областях.

При этом коронfвирус, хотя и дал стимул государствам к использованию стратегии «опоры на свои собственные силы», одновременно показала бесперспективность экономического национализма, выдержанного в духе XIX в. Ранее привлекательное для многих видение Европы как условного сообщества малых и средних европейских национальных государств больше не видится конструктивным выбором, поскольку территориальный национализм обнаруживает свою слабость с учетом масштабов современных вызовов. Коронавирус научил европейцев: если они хотят сохранить свою безопасность, они не могут терпеть

мир, где большинство лекарств или масок производится за пределами Европы. По мере того, как мир становится все более протекционистским, эффективный протекционизм в Европе может быть реализован только на континентальном уровне.

В острой фазе вызванного пандемией кризиса мы видели, что национальные мотивы имели приоритет над общими интересами. Когда Италия попросила своих союзников о столь необходимых ей в разгар пандемии медицинских материалах, ни одна страна ЕС не ответила на ее просьбу. Германия изначально запретила экспорт медицинских масок и другого защитного снаряжения, а Франция конфисковала все маски для лица собственного производства. В результате Европейская комиссия оказалась вынуждена вмешаться и регулировать экспорт медицинского оборудования. Но в то время как возвращение к национальному государству было неизбежной реакцией на такую массовую угрозу здоровью, в мире без державы-гегемона, разделенном благодаря соперничеству между США и Китаем, более консолидированная Европа и ее центр Брюссель, наделенный чрезвычайными полномочиями, представляются некоторым едва ли не единственным реалистичным решением с учетом необходимости урегулирования следующей фазы кризиса.

Естественным образом в современных условиях пересматриваются правила взаимоотношений граждан и государства, а также самих граждан друг с другом. В ситуации кризиса современное государство, ранее уже освободившееся от целого ряда социальных и культурных обязательств, частично возвращается на свое место в качестве гаранта безопасности и публичного порядка – однако при этом остается неясным, готово ли оно в полной мере взять на себя прежние социально-экономические обязательства, или же его активность ограничится усилением административного контроля с целью поддержания социальных мер, а также осуществлением мероприятий, связанным со всеобщей вакцинацией против COVID-19 и иных модификаций этого вируса.

При этом, что характерно, в ситуации пандемии очень мало говорится о необходимости самоорганизации граждан, проявле-

нии собственно гражданского самосознания, но гораздо чаще речь идет о необходимости лояльности граждан по отношению к государству и к предпринимаемым им в ситуации возникшей угрозы мерам. И насколько далеко зайдет ревизия либерального и консервативного подходов к обеспечению публичного порядка – равно как и ревизия связанных с обоими публично-политических дискурсов – можно только предполагать.

Стремясь обобщить происходящие изменения, болгарский политолог Иван Крастев, выделяет семь общественно-политических парадоксов, порожденных пандемией коронавируса[1] – который, по мнению исследователя, выступает как «великий уравниватель» и «синхронизатор мира» (с точки зрения сходности условий существования людей в различных странах), и при этом «расщепляет» окружающий мир и отдельные общества внутри них самих.

Первый парадокс COVID-19 заключается в том, что последний раскрывает темные стороны глобализации как процесса – но в то же время выступает безусловным агентом последней, особенно активно проявляясь в местах, которые, по словам историка Фрэнка Сноудена, «густо населены и контактируют друг с другом через быстрые авиасообщения, через движение туристов, беженцев, бизнесменов и др., содействуя переплетению сетей всех возможных видов». Ни один из предшествовавших ему вирусов не мог объединить мир столь быстро и успешно, формируя чувство общности у людей, проживающих в заметно отличающихся друг от друга обществах и странах.

Второй парадокс связанного с распространением короновируса кризиса заключается в том, что он ускорил тенденцию к деглобализации, вызванную финансовым кризисом 2008/2009 годов, и в то же время четко обозначил возможности и пределы ренационализации как процесса. Рассуждая о пост-коронном мире, Гидеон Рахман пишет: «Трудно поверить, что крупные, развитые

[1] *Krastev I.* Sieben Corona-Paradoxien – es ist nicht leicht zu begreifen, was das Virus mit unserer Welt gemacht hat, während wir in unserem Zuhause festsassen. URL: https://www.nzz.ch/meinung/sieben-corona-paradoxien-was-das-virus-mit-uns-gemacht-hat-ld.1557102.

страны будут продолжать принимать ситуацию, когда им придется импортировать большую часть своего жизненно важного медицинского оборудования»; тем самым, производственно-технологическая кооперация в этой сфере становится неизбежной.

Сегодня образ сильного государства выглядит соблазнительным, хранящего все ресурсы, необходимые обществу в кризис. В то же время, масштабы «кризисного вызова» таковы, что своим активным распространением он неизбежно свидетельствует о большом значении международного сотрудничества. Так, в отличие от крупных миграционных движений, вирусы не вызывают проявлений насильственного национализма. И, в отличие от землетрясений или цунами, пандемии – это глобальное дело.

Таким образом, по заключению И. Крастева, пандемия – это кризис, который позволяет человечеству по-новому ощутить свою взаимозависимость и единение. Она гарантирует, что люди во все большей возлагают свои надежды на науку и рациональность. В то время как проявления управленческого хаоса и политической неопределенности рождает не столько сама пандемия, сколько неспособность мировых политических лидеров мобилизовать общество и сформулировать коллективный ответ на связанный с нею вызов.

Третий парадокс COVID-19, по мнению автора упомянутой статьи, заключается в том, что страх перед вирусом на ранних стадиях пандемии вызвал состояние национального единства, которого многие общества не знали в течение многих лет. При этом с течением времени пандемия не только усилит политические, экономические и социальные расколы, которые ранее проявлялись практически во всех обществах – поскольку постепенное исчерпание страха перед COVID-19 неизбежно актуализирует прежние споры и противоречия. И главный связанный с этим парадокс, по мнению Крастева, заключается в том, что страны, которые либо особенно эффективно боролись с вирусом, либо имели счастье быть им относительно пощаженными, придут к ситуации, когда общественное мнение будет особенно критично настроено в отношении национальных правительств за прово-

дившуюся ими «политику ограничений» в период связанных с пандемией карантинных мероприятий.

Четвертый из рассматриваемых парадоксов, как полагает Крастев, заключается в том, что COVID-19 дал современной демократии своеобразный тайм – аут – по крайней мере, в Европе, где во многих государствах было провозглашено чрезвычайное положение – но при этом все же сдержал стремление людей к еще более авторитарному правительству, которое могло бы прийти к власти на современной «популистской волне». Тот факт, что гражданские права и свободы были на время ограничены, привел скорее к неприятию, нежели к популяризации авторитарных подходов и практик. На ранних этапах кризиса люди охотно передавали своим правительствам исключительные полномочия, однако подобная их «щедрость» последовательно уменьшалась по мере того, как нарастающие экономические проблемы замещали собой проблемы собственно здравоохранения. Масштабнейшая угроза здоровью и жизни людей, связанная с распространением COVID-19, грозила и грозит превратиться в экономическую катастрофу, что сегодня весьма затрудняет прогнозирование социально-политических последствий кризиса.

Пятый парадокс, связанный с последними событиями, согласно Крастеву, заключается в том, что пандемия обнаружила ощутимые проблемы с эффективностью ЕС в ситуации кризиса – поскольку реакция на нее и эффективность противодействия ей может стать более важной для будущего Союза, нежели что-либо еще в его истории. В случае неадекватной и несвоевременной реакции на пандемию ЕС рискует не только территориальным распадом, как при Brexit, но и сползанием к бессмысленности.

Шестой парадокс, связанный с пандемией, по мнению Крастева, заключается в том, что, хотя вирус вернул призраки трех кризисов, сотрясавших Европу в последние десятилетия, – войны с террором, кризиса беженцев и мирового финансового кризиса, – он специфическим образом ревизовал политические результаты тех кризисов. Следствием финансового кризиса стало отсутствие готовности европейских чиновников и правительств

погасить накопившиеся долги и ослабить ограничения государственных расходов для преодоления рецессии.

Сегодня, по мнению политолога, в Европе происходит обратный по своему смыслу процесс. Подход европейцев к войне с террором заключался в том, что они, в отличие от американцев, после 11 сентября 2001 г. не были готовы отказаться от своего права на частную жизнь в обмен на гарантируемую безопасность. В складывающейся ситуации эта позиция подвергается ревизии.

Кризис с беженцами закончился негласным консенсусом европейцев относительно того, что закрытие границ внутри Европы невозможно и что, если это все-таки произойдет, восточноевропейские страны окажутся в наибольшем проигрыше. Данный кризис показал, что границы могут быть закрыты, по крайней мере на время, и что Западная Европа понесет от этого потери. Чартерные рейсы в разгар пандемии, которые доставляли сезонных рабочих из Восточной Европы во Францию, Германия и Великобританию, привели к тому, что тон дебатов внутри ЕС резко изменился.

Седьмой парадокс, как полагает исследователь, заключается в том, что пандемия обнаружила известную слабость общеевропейских институтов в ситуации кризиса. Сегодня, хотя ЕС и видит себя последним защитником открытости и взаимозависимости, именно давление деглобализации, возможно, заставляет европейцев проводить еще больше общих стратегий и даже передавать некоторые чрезвычайные полномочия Брюсселю.

В ЕС общественное здравоохранение всегда было в сфере компетенции национальных правительств. Когда каждый день умирали тысячи итальянцев и испанцев, Брюсселю не мог сказать чего-либо определенного по этому поводу.

Как результат, ЕС оказался структурно непригодным для смягчения последствий надвигающейся катастрофы, проявив себя как нерелевантный игрок как раз в тот момент, когда люди искали защиты. Оказавшись наедине с коронавирусом в своих национальных «квартирах», европейцы вдруг перестали думать о Европейском союзе. Итальянцы и испанцы почувствовали себя

обманутыми ЕС, но при этом они были недовольны другими странами-членами ЕС, а не европейской бюрократией.

При этом самый большой парадокс, связанный с пандемией COVID-19, по мнению Крастева, заключается в том, что закрытие границ между государствами ЕС и изоляция людей в их собственных квартирах сделали европейских граждан более космополитичными, чем когда-либо до этого. Возможно, впервые за долгое время люди во всем мире говорят об одном и том же и разделяют одни и те же страхи. В бесчисленные часы перед экранами компьютеров и телевизоров люди дома сравнивают то, что происходит с ними, с тем, что происходит с другими людьми в других точках мира. Подобный эффект может иметь временный характер, однако невозможно отрицать, что ощущение существования в тесно взаимосвязанном мире существует сегодня у огромного числа людей.

Контуры нового пост-ковидного порядка (равно как и поддерживающих его дискурса или нескольких автономных дискурсов) сегодня только прорисовываются, но некоторые их возможные черты уже идентифицируются исследователями проблемы. Так, например, совсем недавно глобальная группа ВОЗ подготовила два набора мер. Один – для того, чтобы остановить пандемию, а другой-для преобразования глобального управления здравоохранением. Изменения в управлении могут быть ратифицированы государствами на следующей Генеральной Ассамблее ООН. С момента своего создания группа из 13 экспертов, уполномоченных оценивать глобальные меры реагирования на пандемию, предложила конкретные и амбициозные меры. С одной единственной целью: чтобы эта пандемия стала последней, которая застала врасплох неподготовленные государства. Их предписание заключается в немедленных действиях по перераспределению, финансированию и увеличению производственных мощностей вакцин. Они также хотели бы ускорить трансформацию глобального управления здравоохранением (что может рассматриваться как определенная проекция глобального управления в целом). В числе восьми необходимых первоочередных мер упомянутыми экспертами были названы следующие:

1) пожертвование миллиард доз вакцин к сентябрю беднейшим странам;

2) добровольное лицензирование патентов на вакцины COVID-19 в течение трех месяцев;

3) страны G7 внесут в выполнении мандата ACT-A 11,4 млрд долл. в этом году;

4) создание глобального совета по борьбе с угрозами здоровью;

5) создание новой глобальной системы мониторинга;

6) создание международного механизма финансирования в случае пандемии;

7) предварительно согласованная платформа для производства вакцин, тестов и лечения;

8) укрепление авторитета и независимости ВОЗ[1].

Контуры пост-ковидного порядка: микрофизика власти» по М. Фуко

На взгляд автора, некоторую обобщенную теоретическую характеристику формирующегося пост-ковидного порядка может помочь сформулировать «микрополитика власти» Мишеля Фуко. Фуко как исследователя привлекает существующая взаимосвязь между феноменами знания и власти, а также роль публичных дискурсов в управлении поведением людей. Фуко разрабатывает собственную генеалогию власти, осуществляемой посредством общественно значимого знания. Философа прежде всего интересуют технологические аспекты властвования, вытекающие из знания (особенно научного знания), и использование подобных технологий публичными институтами в деле управления обществом.

Для Фуко принципиально не интересно, что представляет собой власть и откуда она происходит – но прежде всего как она проявляется и как она осуществляется. Анализ властных меха-

[1] *Robert V.* Covid : les huit mesures choc du panel d'experts pour lutter contre la pandémie. URL: https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/covid-les-huit-mesures-choc-du-panel-dexperts-pour-lutter-contre-la-pandemie-1314697.

низмов у мыслителя не представляет собой некой общей теории того, что представляет собой власть. В большей степени речь идет о том, чтобы узнать – где, между кем и кем, каким образом и с какой целью она осуществляется.

Власть, согласно Фуко, не является самостоятельной сущностью, она не представляет собой какую-либо субстанцию или флюид[1], но распространяет себя через общности людей, выступая как способность одного лица предопределять поведение другого. Власть, согласно ему, есть определенное отношение, определенный тип отношений между индивидуумами, который следует отличать от других типов общественных отношений (производство, коммуникация, обмен).

При этом власть над отдельными людьми, по Фуко – прежде всего дисциплинирующая власть. Контроль за отдельными индивидами, согласно Фуко, неразрывно связан с дискурсами «демократической публичности». По заключению Фуко, «микрофизика власти» присутствует повсюду, она проявляет себя в многочисленных незримых, но в действенных дисциплинарных техниках, связанных с институтами, в рамках которых они действуют: семьей, детскими садами, школой, кликами, союзами, трудовыми группами, партиями[2].

Развивая заявленный им подход, французский философ анализирует связь власти с определенными социальными институтами. По мнению М. Фуко, власть не является «исключительной принадлежностью» государства, она «дисперсно» распределена между всеми значимыми социальными институтами (тюрьма, школа, семья и т.д.)., «пронизывает» все публичные практики. При этом власть, стремясь установить и поддержать определенную форму публичного порядка, неизменно действует методом «исключения», лишая легитимного статуса в обществе категории, не вписывающиеся в рамки определенного нормативного

---

[1] *Фуко М.* Восставать бесполезно? // Журнальный зал. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/5/vosstavat-bespolezno.html (дата обращения: 29.06.2021).

[2] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem. 1999. С. 45.

порядка. В своей нашумевшей «Истории безумия в классический период» (1961) Фуко обнаруживает начало процесса «великого заключения» сумасшедших, тунеядцев, больных, нищих, развратников, бродяг, гомосексуалистов и т.д. в места и учреждения, символизирующие собой «социальную периферию»; с подобного разделения подданых и граждан на следующих установленным нормам и изгоев, начавшегося в 1656 г., по мнению Фуко, и начинается становление современных форм публичного порядка и публичного контроля[1]. Так, открытие больниц означало установление систематического контроля за бедными и малоимущими: последние таким образом исключались из состава «народа Божьего» и превращались в «извечно подозреваемых» и источник всякого беспорядка, нуждающийся в присмотре. Эпоха огораживаний и кровавых законов династии Тюдоров узаконила практику клеймения бродяг и феномен исправительных домов, в годы «промышленной революции» содействовавших наполнению рынка дешевой рабочей силой. Так начиналось становление «дисциплинированного общества», и прогрессирующая рационализация обеспечивала социализирующую «дрессировку» индивидов, попутно создавая все новые «дрессирующие» институты: фабрики, госпитали, казармы, школы, тюрьмы и т.д., формирующие послушного индивида.

В свою очередь, дисциплинарная власть, по мнению Фуко, находит свое воплощение в военном порядке. Эта власть не является монолитной, но распадается на огромное число властных микровлияний. Фуко описывает «микрофизику власти», включающую в себя «бесчисленные точки конфронтации» и позиции, на которых осуществляется сопротивление. Фуко подробно рассматривает инструментарий дисциплинарной власти[2]. Первый элемент – иерархическое наблюдение, способность государственных функционеров охватывать концентрированным взгля-

[1] *Желтов В. В., Желтов М. В.* История западной социологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 708.

[2] *Подорога В. А.* Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. С. 248.

дом вверенный его попечению объект контроля. Вторым таким элементом выступает способность государственных служащих выносить приговоры, поддерживающие порядок и наказывающие нарушителей установленных норм – будь то нарушение временных нормативов (опоздание), нормативов деятельности (за невнимательность) и общепринятых норм поведения и коммуникации (невежливость). Третий элемент инструментального характера – проведение специальных расследований, имеющих своей целью вынесение конкретным гражданам нормативных приговоров. Последний упомянутый инструмент дисциплинарной власти интегрирует в себя два предшествующих элемента.

Примечательно, что особое внимание Фуко уделяет институтам здравоохранения. Используя структуралистский анализ, М. Фуко прослеживает трансформацию роли и статуса медицины как институции в обществе. Если до XIX в. медицина выступала как наука о классификации заболеваний, то с этого момента она стала изучать индивидуальные патологии и массовые эпидемии. Она охватила своим воздействием и здоровых людей Медицина распространилась и на здоровых людей (профилактическое лечение) и превратилась в инструмент социального разделения (на здоровых и больных, а позднее – на нормальных и носителей патологий). Как результат, медицина стала предтечей социальных практик, взявших за основу разделение на норму и патологию.

Понятие принудительной акции в современных обществах. Сам Фуко называл современность эпохой контроля или социальной ортопедии. В случае наказываемых речь не идет больше о возмездии за конкретное преступление, но о перевоспитании преступника. Индивид будет отныне наказываться не за конкретные деяния, но будет проходить проверки с точки зрения его потенциальной угрозы для общества. Отныне не будут ставиться вопросы: «Было ли это в действительности это совершено? Кто это совершил?» – но будет ставиться вопрос: «Идет ли речь о действительно опасном человеке»?

Именно паноптикум Бентама является, по мнению Фуко, идеальной моделью подобного контроля – причем не только в

тюрьме, но и в рамках других наиболее значимых социальных институтов (школа, фабрика, армия, больница). Повсюду таким образом тестируется, соответствует ли поведение работника, пациента, школьника, правонарушителя установленным нормам и делает ли он успехи (в их освоении), улучается ли их поведение или нет. При этом, говоря о «дисциплинирующем обществе», Фуко не имел ввиду, что данное общество действительно нормирует, дисциплинирует и «излечивает» (своих членов)[1].

На взгляд автора, современные карантинные меры, принятые в связи с пандемией COVID-19, являются процессом экспансии дисциплинарной власти (в той или иной ее форме, зависящей от выбора властей конкретных государств).

Характерно, что в качестве лучшего и единственного средства сдерживания пандемии индийского штамма COVID-19 отныне признается всеобщая вакцинация, осуществляемая правительствами ведущих стран мира, опирающихся при этом на масштабный административный и пропагандистский аппарат[2].

Трансформация нарративов и политических практик

Одновременно сегодня произошел радикальный разворот политических дискурсов. «Правые» и «левые» как бы поменялись повесткой дня и нарративами. Консерваторы, традиционно отстаивавшие идею «сильного государства», сегодня отстаивают права общества и граждан, выступают против ограничений прав последних в связи с режимом карантина, вводимого либеральными правительствами в целом ряде стран.

В свою очередь, либералы в ситуации пандемии и вызванного ею кризиса активно вводят ограничительные меры, требуют от граждан лояльности власти и вводимым ей мерам, используют элементы дирижизма и даже призывы к мобилизации.

---

[1] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad. Marginem. 1999. С. 325.

[2] *Rousset A.* Covid : pourquoi la vaccination reste la meilleure arme contre le variant Delta. URL: https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/covid-pourquoi-la-vaccination-reste-la-meilleure-arme-contre-le-variant-delta-1326667.

Популизм, в последнее время являвшихся политическим орудием правых, рассматривается сегодня как безответственность. В то же время для либералов идея общности, формируемой в деле противодействия вызову пандемии, оказалась на время важнее отстаивания прав отдельных граждан.

В конечном итоге, ситуация, связанная с современной пандемией коронавируса, является вызовом как для истеблишмента, так и для противодействующих ему лидеров популистского толка. Однако либеральные менеджеры, преодолев первоначальную растерянность в связи с неготовностью структур выстраиваемого «минимального государства» к вызову пандемии, шаг за шагом возвращали в свои руки контроль за положением, продвигая своеобразный «гражданско-бюрократический консенсус» по схеме «безопасность в обмен на лояльность», соединение «гражданской свободы и гражданской ответственности».

С другой стороны, на фоне кризисных трансформаций, порожденных пандемией коронавируса, подвергаются ревизии и частично утрачивают свою первоначальную значимость традиционные пункты актуальной до сего времени популистской «повестки дня»: миграция, экспансия бюрократии ЕС, фактически состоявшееся мультикультурализма, кризис либеральных экономических стратегий.

В то же время, для право-популистских политиков появилась дополнительная политическая «опция» и ниша – заявить о себе как о защитниках основополагающих прав и свобод человека и общества, апеллируя к современным модификациям теории «естественных прав», с целью сдерживания бюрократической экспансии и связанных с ней регламентаций, за которыми стоят правящие во многих европейских странах политики либерального толка.

Вместе с тем, «правые» полулисты (прибывающие как у власти, так и в оппозиции) уже не могут с прежней уверенностью апеллировать к идее сильного (национального) государства, от имени которого все чаще выступают внедряющие новую модель пост-ковидного (призванного противодействовать пандемии) порядка либеральные правительства. «Популистам» в подобной ситуации остается лишь критиковать низкую эффективность

властно-управленческой бюрократии (как национальной, так и действующей в масштабах ЕС) при сдерживания пандемии и в анти-кризисном управлении обществом и экономикой – что далеко не всегда убеждает даже оппозиционно настроенных по отношению к истеблишменту граждан.

Сегодня также затруднена традиционная апелляция «популистов» к малому и среднему бизнесу в ситуации продвигаемой либеральными правительствами «макроэкономической стабилизации». Сегодня представители этого сегмента бизнеса, тяжело переживающие последствия введенного в европейских странах локдауна, все чаще вынуждены обращаться за помощью к либеральным менеджерам во главе национальных правительств – и подобная адресная и системная помощь, как правило, приходит (случаи Германии, Швейцарии, Австрии).

Либеральная экономическая политика, нацеленная на стимулирование потребления в европейских странах, действительно переживает сложные времена – и уступает на время место дирижистским и протекционистским стратегиям. Однако предложить качественно новую экономическую стратегию, обеспечивающую поступательный выход из ситуации пост-ковидной рецессии, «правые» популисты из разных стран Америки и Европы пока не в состоянии – вследствие чего уступают инициативу с переменным успехом адаптирующимся к ситуации кризиса либералам.

В этой ситуации лучший для «правых» популистов вариант тактики – сосредоточиться на критике правящих в большинстве стран ЕС либералов не по тактическим, но по стратегическим вопросам – делая акцент на отсутствие у леволиберальной европейской бюрократии перспективной и приемлемой стратегии долгосрочного социально-экономического развития, на неспособности европейских чиновников к эффективному прогнозированию и урегулированию возникающих кризисов, на безуспешных усилиях последних обеспечить безопасность и жизнь рядовых граждан, не нарушая при этом их базовых прав и свобод.

В конечном итоге, обосновывая свою позицию, они вынуждены ставить вопрос об онтологии коронавируса – поскольку, не поставив под сомнение мощь и силу развернувшейся на наших

глазах пандемии, нельзя сомневаться и в принимаемых со ссылкой на последнюю мерах либеральных правительств. Особенно если во главе этих правительств стоят представители праволиберальной и правоконсервативной платформы, и по целому ряду пунктов «повестки дня» их позиции близки (или, по крайней мере, не чужды) самим правопопулистам.

При этом одна из очевидных пропагандистских возможностей правопопулистов, обращающихся к сознанию европейской общественности – апелляция к эмоциям людей, для которых пандемия короновируса и ответные ограничительные меры европейских правительств означают масштабный ценностно-мировоззренческий вызов и угрозу фундаментального и необратимого «слома» привычного образа жизни.

В подобной ситуации политикам правопопулистского толка приходится, делая акцент на критике либеральных правительств и либерального истеблишмента в целом, учитывать неизбежную лабильность общественного сознания, связанную с наличием угрозы для жизни (пусть и преувеличенной в пропагандистских целях) для достаточно большого числа людей. Апеллируя к эмоциям (что традиционно делали правопопулисты), последним нельзя перейти определенные границы; использование рациональных аргументов в таких условиях неизбежно и необходимо, но сталкивается с рядом ограничений.

При этом остается неясным, уничтожит ли в действительности пандемия коронавируса враждебный правопопулистам «глобалистский либерализм» в Европе. На перспективу страх перед масштабными человеческими жертвами и вызванными коронавирусом экономическими потрясениями реально могут сделать более популярными тех, кто призывает действовать «быстро и решительно», причем не только в области медицинской проблематики – как следствие, частичное восстановление авторитета политиков право-популистского толка в обозримое время возможно[1].

[1] *Garelli S.* Réinventer l'autorité. URL: https://www.letemps.ch/economie/reinventer-lautorite.

Однако в условиях изменчивости и неустойчивости общественных настроений поднимающаяся «правая волна» может вскоре смениться безразличием, в том числе и неприязненным, к пропаганде правопопулистов, если те окажутся не в состоянии сформулировать альтернативу формируемому находящимся при власти либеральными правительствами пост-ковидному порядку, основанному на лояльности и сотрудничестве с государством в установленных властями формах. Поэтому разговоры о «смерти либерализма» в современной Европе могут оказаться преждевременными[1].

При этом и противоположное по смыслу стремление оценивать современную ситуацию как начало «конца и заката» правого популизма в странах Запада очевидно является необоснованным. Рассчитывать на успех рационально обоснованной политики в современных ситуациях сложнее, поскольку усиление рациональности общественного сознания сегодня налицо; кризисы доверия, проникновения и управляемости взаимно усиливают друг друга. И трудно рассчитывать на реализацию прогноза некоторых из числа либеральных экспертов, люди наконец-то обратятся к истине, к науке и к правительству, во главе которого будут стоять эксперты.

В то же время популистским лидерам очевидно не удается добиться желательного для них общественного резонанса, педалируя привычные для них темы мигрантов, осуждая «прозрачные» границы и другие последствия глобализации. Страх и ощущение сохраняющейся непредсказуемости сделали граждан более лояльным своим правительствам, нежели это было до коронавируса – причем даже в тех случаях, когда правительства являются политически и институционально слабыми.

Между тем, поиск новых моделей власти и управления, все чаще увязываемых с технологиями и эффектами цифровизации, пока не привел заинтересованные стороны к нахождению устраивающего их решения. В то же время, сетевые эффекты, прово-

[1] *Martin J.* Le coronavirus va-t-il tuer le libéralisme en Europe ? URL: https://www.lepoint.fr/debats/le-coronavirus-va-t-il-tuer-le-liberalisme-en-europe-11-04-2020-2370997_2.php.

кативная риторика и генерирование выгодных себе резонансов не являются залогом успеха популистских сил в противостоянии с деполитизированными бюрократами. Возникает своего рода политико-символический вакуум, который пока не удается заполнить институциализированным политическим силам.

При этом стратегии и технологии адаптации популистских политических сил к изменяющейся ситуации различаются от страны к стране, и связаны не столько с созданием для них новой политической перспективы, сколько с решением задачи политического выживания в противостоянии с либералами.

США: пандемия и кризис право-популистской стратегии Дональда Трампа

В сложной и неоднозначной позиции в ситуации пандемии оказался весной 2020 г. президент Дональд Трамп – приход которого к власти по итогам президентских выборов 2016 г. стал шоком для американского партийно-политического истеблишмента и вызовом для (лево)либеральной общественности. В ситуации пандемического кризиса оппоненты Трампа из Демократической оказались в наиболее выгодной ситуации – поскольку могли критиковать его, с одной стороны, за слишком позднюю реакцию на пандемию коронавируса, а с другой – за нескрываемое желание как можно быстрее отказаться от карантинных мероприятий с целью закрепить сформировавшиеся в результате его политики позитивные тренды в американской экономике; в то же время «демократы» усмотрели в этом намерении недопустимое для главы государства пренебрежение к жизни и здоровью рядовых американцев. Помимо этого, в сложившейся к лету 2020 г. общественно-политической ситуации Трамп не мог напрямую апеллировать к своим сторонникам, желающим отмены карантинных мер и проводивших масштабные акции протеста по всей стране – в Колорадо, Мичигане, Огайо, Кентукки, Миннесоте, Северной Каролине, Юте, штате Нью-Йорк и штате Вашингтон – поскольку как официальный глава государства был априори призван выступать гарантом порядка и

нормального функционирования ключевых публичных институтов и не мог отождествить себя с подобным «низовым» движением (равно как не мог и полностью проигнорировать требования людей, исповедующих близкие ему как политику ценности). Трамп не стал ставить под сомнение «онтологию коронавируса» – учитывая шокирующее многих мировое «лидерство» США по темпам инфицирования жителей коронавирусом. Сама же идея проведения массовой кампании по вакцинации населения была умело «перехвачена» его оппонентом и преемником на посту президента США Джо Байденом, который с самого начала своего президентства сделал борьбу с пандемией коронавируса и кампанию по вакцинации населения (наряду с реформой избирательного законодательства и масштабным инфраструктурным планом стоимостью в 600 млрд долл.[1] «стержневыми» направлениями своей политики.

Джо Байден стремится использовать кампанию по борьбе с коронавирусом в качестве инструмента консолидации американского общества и истеблишмента после пережитых ими шоковых потрясений – феномена Трампа и BLM – а равно и для решения других задач, включая «примирение» умеренного и радикального крыльев в Демпартии США, «канализацию» протестных движений и снятие накопившегося в обществе напряжения.

Германия: умеренная критика в адрес правительства и предпринимаемых им мер

Германия предлагает нам пример «приспосабливающейся» стратегии право-популистских сил к ситуации кризиса – когда критика правительства и введенных им ограничительных мер является сдержанной и ограниченной, без выхода на более масштабные политические обобщения. Федерация и земли отреагировали на распространение коронавируса года введением серьезных ограничительных мер уже в марте 2020 г.; в складывавшейся тогда ситуации это позволило избежать серьезной пере-

[1] *Cohrane E.* Biden says he has infrastructure deal with bipartisan group of senators. URL: https://www.bostonglobe.com/2021/06/24/business/biden-says-he-has-infrastructure-deal-with-bipartisan-group-senators/.

грузки системы здравоохранения, не допустить «обвальных» темпов инфицирования населения. Тем самым, основания для системной критики германских властей у их оппонентов объективно отсутствовали, исключая ситуации, связанные с «эксцессами отдельных исполнителей».

Главными критиками правительства страны и управляющей бюрократии выступили представители партии «Альтернатива для Германии», глава фракции которой в Бундестаге Александр Гауланд заявил: «само собой разумеется, что все эти меры принимаются при условии, что рост числа инфекций будет продолжать замедляться». При этом федеральное правительство, по его мнению, «не должно больше оставлять граждан наедине с неопределенным будущим». Партия продолжает критиковать действующие власти по вопросам общей повестки (преимущественно социально-экономическим), подчеркивая несостоятельность политического истеблишмента и его настойчивое стремление и далее игнорировать реальные интересы и запросы граждан.

Подобная осторожная стратегия в итоге привела к тому, что в качестве альтернативе «большой коалиции» ХДС и СДПГ и политике многолетнего канцлера А. Меркель рассматриваются не право-популисты из «Альтернативы», но лево-либерально настроенные «Зеленые», лидирующие в опросах общественного мнения, и противостоящие демохристианам в качестве «силы обновления»[1]. Программные положения партии «Зеленых», касающиеся внедрения стандартов «зеленой экономики», стали в Германии политическим мейнстримом и объектом заимствования для других, конкурирующих с ними партий.

Франция: системная критика политического истеблишмента

В качественно иной ситуации оказались представители право-популистских сил Франции. Запоздалая реакция президента и

[1] *Geis M.* Alles neu! Alles bleibt! URL: https://www.zeit.de/2021/26/wahlkampf-bundestagswahl-union-die-gruenen-veraenderung.

правительства Франции на вызов пандемии весной 2020 года, их первоначальная неготовность отказать от исповедуемых ими либеральных подходов, вкупе с неспособностью подвергшейся оптимизации системы здравоохранения эффективно справиться с поднимающимися волнами пандемии формально давали представителям «Национального объединения» (правопреемнику «Национального фронта») широкие возможности для публичной критики, чем представители этого объединения не преминули воспользоваться.

Лидер «Национального объединения» Марин Ле Пен подвергла французское правительство за «безответственность» и «бессистемность» в деле противодействия пандемической угрозе, одновременно требуя отмены «необоснованных ограничений» публичных и частных свобод в рамках карантинного режима, одновременно обнажая общую неэффективность президентской и правительственной политики. Одновременно информационной атаке подверглись институты ЕС и европейские чиновники, обвиненные в отсутствии необходимой координации усилий стран-членов на первых стадиях пандемии, а также в неспособности просчитать социально-экономические последствия вводимых ими ограничительных мер. Развивая этот сюжет, Марин Ле Пен обнаружила в действиях властей Франции целую систему «государственной лжи». В течение весны и лета она продолжала выдвигать аналогичные объединения, создавая для власти все новые и неблагоприятные для власти «информационные поводы» – но при этом избегая обнародования сколько-нибудь реальной альтернативной программы «тупиковому», по ее словам, правительственному курсу.

Как следствие, подобная критика не принесла Ле Пен и возглавляемую ею объединению существенных политических дивидендов. Партия не смогла нанести поражение власти на июльских региональных выборах 2021 г. (которые проходили при уникально низкой явке избирателей), что ощутимо ограничивает их политические перспективы в обозримом будущем.

Ле Пен публично обвинила действующие власти Франции в выстраивании изощренной системы «государственной лжи».

В течение весны 2020 г. Марин Ле Пен продолжала свои обвинения и нападки, практически каждый день выдвигая новые разоблачения в отношении государственных «верхов» – не формулируя при этом никаких альтернативных подходов к выходу из сложившейся ситуации. В подобной ситуации повышаются шансы преуспеть в борьбе за общественное мнение у действующей французской власти в лице президента Э. Макрона и премьер-министра Ж. Кастекса, которая сегодня пытается соединить в своей политике и поддерживающей ее пропаганде (официально заявленная концепция Франции как «вакцинодрома») [9][1], дирижизма и популизма (демонстрация заботы о гражданах в ситуации пандемии).

Венгрия – право-популистская «игра на опережение»

В Венгрии, где право-популисты в лице премьер-министра В. Орбана и его партии ФИДЕС (Fidesz) пребывает у власти с 2010 г., существенно трансформировав политическую систему и превратившись в политический «центр», была использована предполагала своеобразную «игру на опережение»: карантинные меры лишь подкрепили использовавшуюся много лет антимиграционную риторику и пропагандировавшуюся идею борьбы против против транснациональных сетей и евробюрократов – что, в итоге, было призвано мобилизовать граждан вокруг государственных институтов и действующей власти. В самом начале пандемии 13 марта 2020 г. премьер-министр Виктор Орбан выступил с утверждением, что именно иностранцы и мигранты виноваты в распространении коронавируса COVID-19 в этой стране, и именно в мигрантской среде главным образом и распространяется это заболевание. «Наш опыт показывает, что заболевание занесено главным образом иностранцами и что оно распространяется среди иностранных граждан», – публично заявил тогда Орбан.

[1] *Frémont A.-L.* Covid-19: la France se résout à la stratégie du vaccinodrome. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/covid-19-l-armee-et-les-pompiers-vont-deployer-au-moins-35-vaccinodromes-annonce-veran-20210322.

Стратегия мобилизации через своего рода «осадное положение» (параллельно с карантинными мерами в Венгрии обсуждался законопроект о чрезвычайном положении) позволили венгерской власти укрепить свои позиции несмотря на социально-экономические последствия, вызванные пандемией. По крайней мере, возникавшие ранее в публичном пространстве ЕС планы в духе «демократического интервенционизма»[1], направленные против нынешнего Будапешта, перестали обсуждаться. Более того, пример Венгрии оказался привлекательным для находящихся у власти «правых» популистов из других стран – так, например, действующий прьемьер-министр Словении (принявшей на себя председательство в ЕС с 1 июля 2021 г.) Янес Янза строит свою программу (помимо обещаний защитить словенских граждан от пандемии) на борьбе с миграцией и ревизии границ с соседями[2].

Бразилия: кризис корона-диссидентства на вершине власти

Современная Бразилия – печальный «лидер» южноамериканского континента по числу инфицированных COVID-19 (третья позиция в мире). При этом действующий бразильский президент Жаиру Бользонару использовал ситуацию с коронавирусом и негативную реакцию общества на публичные ограничения как повод для продолжения своей право-популистской кампании, отрицая «онтологию коронавируса» (публично называл его «небольшим гриппом») и участвуя в массовых акциях противников карантинных ограничений (что привело к его конфликту с губернаторами штатов, вынужденных вводить карантинные меры в возглавляемых ими территориях) и угрожая противникам возможным выходом за конституционные рамки (апелляция к военным). Подобная публично-политическая стратегия завела

[1] *Müller J.-W.* Wo Europa endet: Ungarn, Brüssel und das Schicksal der liberalen Demokratie. Berlin: Suhrkamp, 2012. S. 49–64.

[2] *Dérens J.-A.* Redessiner les frontières, l'obsession des nationalistes balkaniques. URL: https://www.letemps.ch/monde/redessiner-frontieres-lobsession-nationalistes-balkaniques.

Бользонару в ситуацию тупика, когда нарастающий политический хаос, шокирующие темпы заражения коронавирусом и углубляющийся кризис в экономике заставили президента Бразилии отступить – согласившись на массовую вакцинацию и закупку вакцины против коронавируса за рубежом. Более того, Бользонару оказался объектом расследования парламентской комиссии в связи с обвинением его в «преступном в бездействии» в связи с запоздалым принятием мер по противодействию пандемии. Более того, принятое бразильскими судьями решение об отказе от согласованных ранее процедур в отношении бывшего президента Луиса Игнасиу Лулы да Силвы в рамках расследования против него по обвинению в коррупции, фактически позволяет участие последнего в президентских выборах 2022 г.[1] – что делает возможным возвращение бразильских «левых» к власти с масштабной ревизией политического «наследства» Бользонару; таким образом, ставка на «правый популизм» и идеология «консервативного порядка» терпят поражение и в этом случае связанного с пандемией кризиса.

Чем же вызвана в целом острая (хотя и различающаяся от страны к стране) реакция на эпидемию и карантинные меры, находящихся сегодня у власти и в оппозиции? Мы видим, что за явным исключением Виктора Орбана, правые популисты на обоих континентах в целом негативно отнеслись к серии карантинных мере и ибо отрицают их значимость в целом, либо выступают за их скорейшую отмену ради восстановления полноценной трудовой жизни в их странах. В ряде случае популисты выбирали стратегию, связанную с выдвижением обвинений (троллингом) властей, международных организаций и экспертов, выступающих от имени науки, отрицали объективность их оценок ситуации и политическую не ангажированность их рекомендаций. Однако цифры смертности раз за разом заставляли ранее убежденных корона-диссидентов изменять характер их публичной риторики, принимая факт пандемии за неумолимую реальность,

[1] Un juge brésilien annule toutes les poursuites de l'ex-juge Moro contre Lula. URL: https://www.letemps.ch/monde/un-juge-bresilien-annule-toutes-poursuites-lexjuge-moro-contre-lula.

что само по себе ослабляет позиции популистов – как тех, что находятся у власти, так и тех, кто находятся в оппозиции.

Неизвестные ранее ограничения в публичной и частной жизни, введенные либеральными правительствами многих государств, право-популисты нередко оценивали как попытку создания новой модели контроля за публичной жизнью (что в свое время предвосхитил упоминавшийся нами ранее французский интеллектуал М. Фуко), разрушающей привычные для них формы коммуникации со своими сторонниками через социальные сети и соответствующие им формы мобилизации последних через массовые кампании с повесткой, альтернативной либеральным подходам. Умеренные консерваторы и «правые» популисты увидели в этих инициативах попытку элиминации «прямой» демократии и механизмов «обратной связи», на которые последние делали ставку в течение двух последних десятилетий. И более того – попытку реализации на практике плана, призванного закрепить власть либерального истеблишмента без решающей зависимости от электоральных механизмов.

Наконец, правые популисты и консерваторы из разных стран могли усмотреть во вводимых в ответ на пандемию коронавируса ограничениях (помимо изъятия у них монополии на продвижение и использование консервативного дискурса) стремление создать своеобразный публично-политический механизм воспроизведения власти либерального истеблишмента (своего рода «политическую машину») – затрудняющий и ревизующий возможные электоральные успехи право-популистов в отдельных странах. Драматичная пост-ковидная реальность побуждает граждан пересмотреть отношение к право-популистским политикам и их лозунгам (включая сюда различные версии «теории заговора»). Пандемия коронавируса как политический фактор превратилась для власть предержащих в эффективный инструмент сдерживания экспансии популистов и в средство лишения последних электоральных перспектив.

В итоге, наиболее дальновидные популисты были вынуждены переходить с темы «иллюзорной опасности» на сюжет о социально-инженерной природе вируса, поддерживая ставшее «кон-

венциональным» для представителей истеблишмента стран Запада обвинение Китая в создании и распространении COVID-19 в мировом масштабе; данная идея стала обоснованием процесса консолидации, инициированной новой американской администрацией и направленной против второй экономики мира. Один из главных парадоксов в данном случае заключается в том, что право-популист и консерватор Трамп, инициировав мощную анти-китайскую кампанию (не только в связи с пандемией коронавируса), он невольно уступил инициативу своим идеологическим противникам, создав для них пропагандистскую платформу. «Китайская тема», актуализированная истеблишментом западных стран, стала естественным продолжением темы пандемии, и помогла правящим элитам продвигать собственную модель публичного порядка, последовательно маргинализирующую «правый» популизм.

В результате проведенного автором исследования удалось выявить и обобщить закономерности, связанные с трансформацией форм и механизмов публичного порядка в контексте современных глобальных процессов:

1. Пандемия коронавируса активно формирует понятие «новой нормальности», при этом возвращение к «старой нормальности» представляется сегодня все менее возможным.

2. Принятые ранее экономические и властно-управленческие стратегии – от laisser-fair до дирижизма – обнаруживают все меньшую эффективность в ситуации вызовов в отношении экономики и общества, которые формирует пандемия. Власти стран ЕС пытаются прибегнуть в этой ситуации к своеобразной гибридной стратегии, соединяющей элементы либерализма, дирижизма и бюрократического контроля.

3. Новая глобальная матрица контроля на основе современных глобальных коммуникационных технологий превращается в главный инструмент обеспечения порядка в предполагаемой пост-ковидной ситуации.

4. Лояльность либеральному порядку и производным от него регулятивам оказывается важнее личной свободы как основания этого порядка – в дискурсивном отношении происходит движе-

ние от Д. Локка (с его идеей общественного договора как основы справедливого политического порядка) через И. Бентама к Т. Гоббсу (имея ввиду вопрос о соотношении гражданина и государства как субъектов, участвующих в формировании этого порядка).

5. Утверждение новых форм публичного порядка и публичного контроля сопровождается новой «революцией менеджеров» – когда вчерашние сторонники «невидимой руки рынка» вынуждены частично вернуться к идее социальной ответственности и дирижистским практикам, а равно и к мобилизационным мероприятиям, убеждая граждан принять новый порядок и быть лояльными ему (противники попадают под действие выделенного М. Фуко «закона исключения»).

6. Государство вынуждено сегодня вернуться в центр публичной повестки, частично умаляя роль гражданского общества и беря на себя основное бремя ответственности по поддержанию порядка.

7.Глобальная матрица публичного контроля разделяется на национально-государственные «сегменты», что не исключает выстраивания позднее на их основе обновленных глобальных сетей контроля – постепенно охватывающей собой весь мир.

А. В. АЛЕЙНИКОВ, Д. А. МАЛЬЦЕВА

КОНФЛИКТНАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ РИСК-РЕФЛЕКСИЙ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА[1]

Аннотация. Статья посвящена выявлению и исследованию специфики конфликта интерпретаций рисков и опасностей, нового дизайна взаимосвязи рефлексии рисков и алгоритмов принятия решений в условиях неопределенности. Особое внимание уделяется типологии риск-рефлексий в оценках информации о коронавирусе, механизмам формирования информационного неравенства рефлексирования рисков и социальной информационной эксклюзии в политике распределения и компенсации риска. Авторы концентрируют внимание на особенностях управленческих воздействий, обеспечивающих усиление функциональности превенции и распределения угроз, выявляют характеристики институциональных провалов в сфере информационного риск-менеджмента в условиях коронакризиса, показывают возможные тактики управления рисками при конфликте интерпретаций.

Ключевые слова: риск-рефлексии, риски, конфликт, информация, коронакризис, политико-административная координация, риск-менеджмент

В современной науке сегодня большое внимание принадлежит дискуссиям вокруг феномена пандемии коронавируса, вопросам о моделях и перспективах развития различных сфер социума, о степени институционального влияния COVID-19 на изменения политического и экспертного дискурса, о «непредсказуемой нестабильности как новой нормальности», о трансформации коммуникационных и информационных платформ.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00115 и при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-00393.

Теория управления рисками стоит перед вызовом, который определяется «ковидтрансформацией» общества и выводом на новый уровень проблемы управленческих патологий социальных систем. Парадигмальные изменения связаны с корректировкой под давлением пандемии не только стратегии и тактики политического управления рисками и принятия решений в условиях неопределенности, но и повседневных практик, структуры социальных связей, коллективных представлений о распознавании общей угрозы, мировоззренческих паттернов. Новые риски формируют новое политическое поведение как на уровне институтов, так и на личностном экзистенциальном уровне, рождают политические структуры, процессы и технологии социального контроля, которые прежде не представлялись нормальными, а информационные фейки конструируют социально-политическую реальность.

Обстоятельная теоретизация социального феномена эпидемий и его влияния на историческое развитие осуществлена в монументальном труде Фернана Броделя, который писал, что человек представляет собой цель для непрестанной бомбардировки патогенными элементами, а историю людей, по сути, образует гигантская борьба человека с микробами, бациллами и вирусами[1].

Борьба человека с эпидемиями велась разными способами и с разным успехом. Однако происходящая на наших глазах пандемия уникальна – она не только многократно усугубила существующие социальные и политические противоречия, но и породила новые[2], обнажила «риски, к которым оказались не готовы самые передовые, самые технологичные государства»[3].

«Вирусная революция», по консенсус-прогнозу многих экспертов, приведет к сокращению офисных работников, перефор-

---

[1] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. С. 57.

[2] *Крастев И.* Завтра уже наступило? // Россия в глобальной политике. 2020. № 3.

[3] *Медведев Д. А.* Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса // Россия в глобальной политике. 2020. URL: https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/

матированию транспортных и производственных цепочек, переходу компаний от иерархических структур к структурам облачного типа, к принципиально новым трудовым отношениям и тектоническим сдвигам на рынке труда.

При этом ставшие очевидными в условиях глобальной пандемии, существенно усложнившей конфигурацию административно-политических методов регулирования общественных отношений, потребности в рациональном и эффективном риск-менеджменте определяют необходимость обновления эвристического инструментария анализа риск-рефлексий как на уровне академической актуальности, так и на уровне разработки технологичных механизмов и методов решения задач управления рисками и угрозами. Пандемия, заставив скорректировать практики политического управления рисками и принятия решений в условиях неопределенности, вывела эту проблему на новый уровень необходимости анализа инновационных технологий и их эффективности, переоценке сложившихся механизмов административно-политической координации в системе выявления и оценки рисков и их нивелировании.

Пандемия COVID-19 переформатировала институциональные параметры иформационных и коммуникационных конструкций. Знаменателем социально-политической рефлексии кризисов и рисков пандемии в теоретическом и политико-инструментальном дискурсе стало название статьи главного экономиста Всемирного банка Кармен Рейнхарт «На этот раз все действительно иначе»[1].

Слабая предсказуемость и неопределенность действий противника – вируса, потенциал общей экзистенциальной угрозы, по мнению В. May[2], дает основание проведения аналогии с войной, что актуализирует поиск информационных стратегий управления рисками и принятия решений в условиях неопределенности, новом дизайне коммуникаций.

---

[1] *Reinhart C.* This time truly is different. Project Syndicate. 2020. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-crisis-has-no-economic-precedent-by-carmen-reinhart-2020-03

[2] *May B. A.* Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3.

Возникновение в условиях структурного кризиса новых механизмов коммуникации, способов и форм информационного обмена актуализировали идентифицированный У. Беком в обществе риска конфликт между научным и социальным знанием, заключающийся в антагонистической борьбе за определения «что рискогенно, а что – нет». Неспособность к апроприации конструктивных элементов риск-рефлексий в стратегии информационного управления угрозами, когда управленческие решения принимаются в ситуациях неопределенности, разрушает состояние безопасности. «Информация об угрозах, отмечает социолог Виктор Вахштайн, – меняет повседневность людей… Важно, в какой метафоре, логике, рамке подается информация об эпидемии… Вирус – это не коронавирус, а язык, которым пользуются… Выбор формата подачи имеет последствия куда более серьезные, чем кажется тем людям, которые пытаются влиять на общественное мнение»[1].

Продуктивным является эпистемологический арсенал рассмотрения на институциональном уровне политического риск-менеджмента как совместной деятельности управляющих и управляемых, предполагающей «признание взаимной ответственности сторон, и, следовательно, значительно меньшее использование уловок и нечестных трюков»[2].

Таким образом, взаимосвязь рефлексии риска гражданами и информационного менеджмента, формирования доверия к информации является в условиях вызова пандемии COVID-19 лейтмотивом теоретических и экспертных дискуссий.

Фактически конвенциональными в социологии пандемии стали выводы, образно и эмоционально сформулированные руководителем сектора философских исследований идеологических процессов Института философии РАН Александром Рубцовым: «В “странных” и “неадекватных” (проще говоря, нежелательных) реакциях населения регулятор видит дефицит разумной ответ-

[1] Изменит ли уханьская угроза нашу жизнь и нас самих? // Социолог о влиянии эпидемии на общество. 2020. URL: https://naukatv.ru/articles/710

[2] *Соловьев А. И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.а: Аспект-Пресс, 2021.

ственности наставляемой массы, а не собственные провалы в коммуникации. Тем более власть не видит в этом собственной неспособности к диалогу, неготовности признать в другом право на волю и субъектность, пусть и "ошибочную"… Все это затягивает административные структуры и целые правительства в воронку технической, а затем и политической непредсказуемости. Результат – невольные взаимные провокации, будто специально приглашающие целые категории населения вести себя "неадекватно"»[1].

Актуальность обращения к исследованию места и роли риск-рефлексий при принятии решений в условиях неопределенности обусловлена растущей фрагментацией функционального назначения политического и административного уровней поддержания правил поведения в условиях «воспроизводимого алгоритма успешного экстремального поведения без правил, в котором власть с легкостью провоцирует повторные риски, опираясь на безответственность перед населением»[2].

Особенно острым является вопрос о дистрибутивной справедливости рисков, о том, на кого должно лечь бремя их издержек. Поскольку риски иерархичны, им в большей степени подвергаются слои общества, наименее всего способные к минимизации их последствий[3].

Итальянский философ Д. Агамбен подчеркивает, что эпидемия дала идеальный предлог трансформации состояния страха, которым заразилось сознание индивидов, в настоящую жажду ситуаций коллективной паники[4].

---

[1] *Рубцов А. В.* Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // Вопросы философии. 2020. № 8.

[2] *Павловский Г. О.* Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ. М.: Европа, 2019.

[3] *Tierney K. J.* Toward a Critical Sociology of Risk // Sociological Forum. 1999. Vol. 14, No. 2.

[4] *Foucault M., Agamben G., Benvenuto S.* Coronavirus and philosophers // European Journal of Psychoanalysis – New Series. URL: https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/

Значительно расширив понятийный репертуар описания обществ в пандемию, С. Жижек, считая, что «единственное, что ясно – вирус разрушит сами основы нашей жизни, причиняя не только огромные страдания, но и экономический ущерб в размере, который может быть больше, чем ущерб от Великой рецессии. Нет возврата к «норме». Новое «нормальное» должно быть построено на руинах наших прежних жизней, или мы окажемся в новом варварстве, признаки которого уже ясно различимы. Недостаточно рассматривать эпидемию как несчастливую случайность, чтобы избавиться от ее последствий и вернуться к нормальному функционированию ведения дел в прежнем виде, возможно, лишь с некоторыми изменениями в управлении здравоохранением. Нам нужно поставить ключевой вопрос: что не так с нашей системой, если мы оказались неподготовленными к катастрофе, несмотря на многолетние предупреждения ученых?», обоснованно выдвигает в качестве предмета анализа в научном дискурсе вопросы: «какова же адекватная реакция на эпидемию коронавируса? Чему мы должны научиться и что стоит делать, чтобы встретить ее должным образом?»[1].

На наш взгляд, все участники дискуссии по вопросам восприятия рисков пандемии так или иначе подтверждают тезис У. Бека о смене в современном мире логики «распределения богатства в обществе» «логикой распределения риска»[2].

Обращаясь к способам концептуализации неравенства в распределении риска, можно обнаружить, что без ответа остается ряд принципиальных вопросов.

Какими критериями следует руководствоваться при артикуляции возможностей и ограничений различных методологических установок в исследованиях рефлексивности рисков[3]? На основе каких теоретических моделей возможны исследования

[1] *Жижек С.* Пан(дем)ика! COVID-19 сотрясает мир // Shakes the World New Yorkand London OR Books New. 2020. URRL: vk.com/zizekdaily

[2] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[3] *Jaeger C. C., Renn O., Rosa E. A., Webler T.* Risk, Uncertainty, and Rational Action. London: Earthscan, 2001.

восприятия повседневных рисков? Как риск-рефлексии детерминированы индивидуальным опытом, культурой и принадлежностью к различным социальным группам[1]?

Наконец, являются ли риск-рефлексии элементом отражения господствующего властного дискурса, определяющего, что рискогенно, а что нет, кто относится к группам, находящимся в зоне особого риска, то есть навязывающего формы восприятия риска и рискового поведения. Отсутствие ясности при ответе на эти вопросы неизбежно порождает, используя определение М. Хайдеггера, своего рода «усреднённую и смутную понятность»[2], когда на первый взгляд аргументированные описания рисков вступают в противоречие с управленческими практиками, обеспечивающими усиление функциональности превенции и распределения угроз, которые зачастую интерпретируются как нечто иррациональное и вымышленное. Ключом к обоснованию роли риск-рефлексий в стратегиях управления конфликтами является политика распределения и компенсации риска[3].

Используя методологию П. Бурдье, мы рассматриваем «подпространство риска» как асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях»[4], что дает возможность уловить особенности управленческих воздействий, обеспечивающих усиление функциональности превенции и распределения угроз.

Важным для проблематики нашего исследования является концепция социального усиления риска[5], рассматривающая механизмы координации изначальных индивидуальных сигналов об угрозах с актуальной политической повесткой, политическим целеполаганием государства, политическими замыслами правя-

---

[1] *Tulloch J., Lupton D.* Risk and Everyday Life. 2003.

[2] *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.

[3] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[4] *Бурдье П.* Социология политики. М.: SocioLogos, 1993

[5] *Kasperson R. E.* The Social Amplification of Risk. Progress in Developing an Integrative Framework // Krimsky, Sheldon, Dominic Golding (Eds.): Social Theories of Risk. Westport/London: Praeger, 1992.

щего меньшинства, публичным политическим дискурсом[1], которые могут ослабить или усилить восприятие рисков. Кроме того, принципиальной в связи с этим видится теоретическая посылка М. Крозье[2], который, характеризуя современное общество как «царство переговоров», полагал, что сила власти зависит от объема контроля над источником неопределѐнности.

Таким образом, мы расширяем диапазон анализа, включая в него изучение воздействия координации на реакции потребителей риска на дисфункции производителей риска. Осознание размежевания (cleavage) между ними в дифференцированных обществах является одной из важнейших человеческих установок[3].

При этом для производителей риска зачастую главным риском является – «риск игрока в "русскую рулетку": неотыгрываемый окончательный проигрыш»[4].

Эту исследовательскую проблему можно сформулировать как вопрос о политико-административной дихотомии, механизмах и формах координации между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду» и между теми, кто «производит риски, и теми, кто их потребляет»[5].

Споры о виновных за создание опасностей и угроз[6] являются важнейшим механизмом политической мобилизации. «Риск – это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять своё будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы»[7].

---

[1] *Соловьев А. И.* Политическая повестка правительства, или зачем государству общество// Полис.Политические исследования. 2019. № 4.

[2] *Crozier M.* The Bureaucratic Phenomenon. New York: Oxford University Press, 1965.

[3] *Shils E.* Center and Periphery. In The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi). New York: Routledge & Kegan Paul, 1961.

[4] *Павловский Г. О.* Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ. М.: Европа, 2019.

[5] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

[6] *Tulloch J., Lupton D.* Risk and everyday life. London: Sage Publications, 2003.

[7] *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Поскольку «социально признанные риски несут в себе своеобразный политический детонатор: то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой»[1], они определяют паттерны и стратегии конфликтного поведения – «“риск” призывают на службу для выпадов против злоупотреблений власти. Обвинение в создании обстановки риска – это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв»[2].

Во многих моделях объяснения неравенства в распределении рисков ключевое значение придается специфике риск-рефлексий.

Нам представляется, что от исследовательского взгляда ускользают некоторые важные особенности типов культур, социальных и этических паттернов, систем ценностей, которые определяют особенности конфликтного поведения, обусловленные спецификой восприятия рисков, ибо «конфликты – это сложное явление, включающее множество спорных вопросов и сторон, и каждая сторона вовлечена одновременно также во множество конфликтов…. При этом следует отбирать конкретные вопросы и стороны, чтобы свести любое противостояние на нет. Это та проблема, от решения которой зависит: или будет примирение, или война до победного конца»[3].

Напомним, что М. Дуглас и А. Вилдавски[4] выделяли четыре идеальных типа культуры восприятия рисков: индивидуалистический, фаталистический, иерархический и эгалитаристский (сектантский). В их основе лежат отличия временных перспектив восприятия риска, его приемлемости, избегание, принятие риска как данности или возможности, социальное одобрение, поощрение, запрещение или наказание за личный риск в пользу общности /ради личной выгоды.

---

[1] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[2] *Дуглас М.* Риск как судебный механизм // Thesis. 1994. № 5.

[3] *Крисберг Л.* Миро-созидание, миро-сохранение и разрешение конфликтов // Социс. 1990. № 11.

[4] *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.

Настоящей концептуальной находкой в рассмотрении предикторов выбора стратегии поведения в конфликте, предметом которого являются разногласия в восприятии рисков, стали измерения – *как стороны решают разногласия и какие эмоции переживают*[1]. При этом негативные и дуалистические элементы играют совершенно положительную роль в этой более всеобъемлющей картине, несмотря на разрушение, которое они могут оказать на конкретные отношения[2].

Если под конфликтом, вслед за Л. Козером, понимать борьбу по поводу ценностей или притязаний на дефицитный статус, власть или ресурсы, в которых каждая из сторон стремится нейтрализовать, нанести ущерб или устранить соперника[3], то в этом методологическом контексте конфликт можно понимать и как борьбу за обладание правом распределения ограниченных ресурсов минимизации рисков и угроз.

Нам представляется, что перспективными являются исследовательские стратегии, рассматривающие конфликт с точки зрения:

–выражения неудовлетворенности или несогласия потребителей риска с производителями риска, с процессом и продуктом опасностей;

–различий во мнениях о виновных за риск;

– борьбы за контроль над риском и различные перспективы принятия и избегания риска;

– осознаваемое расхождение интересов (возможное или доведенное до «точки кипения») между теми, кто «подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду» и между теми, кто «производит риски, и теми, кто их потребляет».

В подпространстве риска неверные атрибутивные суждения и интерпретации конфликтерами угроз и опасностей могут привести к эскалации конфликта. Подобная атрибуция может послу-

---

[1] *Hammer M. R.* Solving Problems and Resolving Conflict Using the Intercultural Conflict Style Model and Inventory // Contemporary Leadership and Intercultural Competence. Thousand Oaks: Sage, 2009.

[2] *Simmel G.* Conflict and The Web of Group-Affiliations. New York: The Free Press, 2010.

[3] *Coser L.* The Functions of Social Conflict. New York: The Free Press, 1956.

жить основой, как мы уже отмечали, «рискофобии» или «рискофилии». Российский исследователь С. А. Кравченко отмечает, что «с помощью меняющихся трактовок рисков, производимых научным и обыденным знанием, усиливается текучий страх. В итоге как объективные рискогенные реалии, так и субъективно сконструированные риски и риск-восприятия фактически становятся нормой жизни, способствуя перманентному самовоспроизводству рискофобии… Наряду с тенденцией рискофобии зарождается и получает развитие рискофилия – тяга к рискогенной активности, всему тому, что вызывает позитивные эмоции от деятельности, сопряженной с повышенной степенью риска»[1].

Возникновение «рискофобии» или «рискофилии» вляется ключевым аспектом всей конфликтной динамики, снижает шансы конструктивного разрешения конфликта.

Эти стратегии позволяют, с одной стороны, интерпретировать восприятие рисков с позиций динамики конфликта, его развития в разрушительном или конструктивном русле, с другой– более адекватно выявить роль риск-рефлексий в интенсификации или ослаблении конфликта. Исследования конфликтов в данном категориальном фокусе позволяет отвечать на вопрос, как риск-рефлексии определяют специфику вынужденных, намеренно создаваемых конфликтов, ложносоотнесенных, запутанных неверной атрибуцией поведения участников и причин конфликтов, иллюзорных, основанных на неправильном восприятии или непонимании конфликтов, замещенных, направленных не на действительных участников и реальные темы, зкспрессивных, нацеленных на конфликты и выплеск враждебности[2].

В целом существует устойчивое представление, что риск-рефлексии играют определяющую роль в динамике смещения причин конфликта, когда «вместо прямого ответа мы переносим наши враждебные чувства на более безобидные мишени. Именно о таком смещении идет речь в старом анекдоте о муже, который бранит жену, которая вопит на сына, который пинает собаку,

[1] *Кравченко С. А.* Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017. № 2.

[2] *Bisno H.* Managing conflict. Newbury Park, Calif.: Sage Publ., 1988.

которая кусает почтальона»[1]. Современная социология усиливает анализ смещенного конфликта, привлекая понятие страха, так как «в случае с рисками возникающие страхи и тревоги легко переводить в другое русло. Здесь обнаруживается то, что не может быть определено, от чего можно только тем или иным способом отвлечься, искать и находить символические места, объекты и личности для подавления своего страха»[2].

Существующие описания социального страха, как правило, исходят из того, что он политичен. Как подчеркивает К. Робин, страх зарождается в обществе, имеет далеко идущие последствия, «может диктовать политику, приводить новые группы к власти и не пускать другие, создавать и отменять законы»[3].

При концептуализации феномена риск-рефлексии мы опираемся на социологическую модель разных типов рефлексивности М. Арчер, которые определяют разные позиции по отношению к рискам и угрозам. Принципиально важной представляется теоретическая посылка, согласно которой риск-рефлексия– это вопрошание социального субъекта в ситуации угрозы «Что дальше?», а риск-рефлексивность – «Что мне дальше с этим делать?». При этом границы между ними нечеткие, рефлексия легко переходит в рефлексивность.

В связи с этим представляется перспективным использовать при исследовании риск-рефлексий различение четырех типов[4] :

1. *Коммуникативная рефлексивность* – тип рефлексивности, в котором перед действием в ситуации риска социальному субъекту необходимо получить одобрение своих действий у других.

2. *Автономная рефлексивность* – субъект принимает самостоятельные решения о действиях в условиях неопределенности.

---

[1] *Майерс Д.* Социальная психология. СПБ.: Питер, 2010.

[2] *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

[3] *Робин К.* Страх. История политической идеи. М.: Территория будущего, Прогресс-Традиция, 2007.

[4] *Archer M. S.* Structure, agency and the internal conversation. Cambridge: Cambridge univ. press, 2003; *Кучинов А. М.* Теория социального морфогенеза и рефлексивности Маргарет Арчер (Сводный реферат) // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. Вып. 7.

3. *Метарефлексивность* – выраженный «внутренний разговор», критический диалог, в котором критически оценивается эффективность собственного действия в ситуации риска, позитивного опыта и избирательности при выборе форм рискового поведения.

4. *Сломанная или нарушенная рефлексивность* – дефицитарная неспособность использовать власть над собой, отсутствие осмысленности в действиях в условиях риска, дезориентация и ситуативная экспрессивность.

Проблема видится в том, что преобладание «категорического и личностно-суеверного мышления» (бинарность восприятия опасности и склонность к личным суевериям) в оценках информации о коронавирусе повышает подверженность коронавируса манипулятивным техникам и технологиям[1].

Манипуляции с риск-рефлексиями являются основой политических технологий популизма как искусного и умелого перевода «частного в публичное с дополнительной возможностью максимальной эксплуатации страха. Боязнь и ненависть – сестры-близнецы, как нам известно. Они никогда не ходят поодиночке… реальный страх отдельного человека становится предметом публичного интереса и всеобщего беспокойства, а порой даже превращается в массовую одержимость»[2].

Полагаем, что объяснения того, как связаны интерпретации информации об опасностях и признание тех или иных рисков социально приемлемыми, и как эта связь влияет на эффективность принимаемых политических решений по управлению угрозами, можно описать, исходя из концепции стилей жизни Г.-П. Мюллера[3].

Она предполагает осмысление структурированных образцов поведения в условиях риска, зависящих от информационных ре-

---

[1] Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. № 70.

[2] Бауман З., Донскис Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. Спб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019.

[3] Мюллер Г.-П. Ведение жизни: систематический очерк в контексте исследовательской программы Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2017. № 3.

сурсов, находящихся в распоряжении производителей и потребителей риска и их ценностных установок. Вслед за Мюллером, можно выделить четыре основные измерения поведения в зависимости от интерпретации информации о рисках:

– *экспрессивное* (склонность к поиску сильных ощущений, когда возможность потерь оправдывается субъективной ценностью удовольствия),

– *интерактивное* (принятие риска в силу обстоятельств с самостоятельны выбором форм действия),

– *ценностное* (сознательное и ценностное отношение к риску, оценка возможности потерь одного и ценности другого)

– *когнитивное* (самоидентификация в воспринимаемом на основе информации обществе риска при принятии решения в ситуации опасности).

Исходя из этого, объяснительные модели восприятия допустимости риска и его приемлемости строятся в информационном потоке либо на оценках политико-эмоционального восприятия шкалы «честности» их распределения, либо на анализе решений, построенных на определенных нормативных принципах и способах обоснования оценок угроз и опасностей.

При этом важно, что «рефлексивное управление»[1] корректирует иерархии значимости рисков в многоуровневой системе «контуров обратной связи «определяющих зависимость условий, принципов, норм и т.д. (в том числе управляющих воздействий) от предыдущих и текущих результатов деятельности и факторов неопределенности»[2].

Конфликт возникает в случае столкновения двух основных информационных моделей борьбы с пандемией – «солидаристской» и «абсентистской»[3].

«Солидаристская» – целенаправленное формирование в обществе поддержки мер управления коронакризисом на основе доверия к информации о масштабах и последствиях эпидемии;

---

[1] *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.

[2] *Белов М. В., Новиков Д. А.* Модели опыта // Проблемы управления. 2021. № 1.

[3] Год ковида: Предварительные итоги и вызовы десятилетия. М.: Либеральная миссия, 2021.

«Абсентистская»– размытая или фаталистическая рефлексивность угрозы, противоречивость информационных потоков со стороны властей о рисках и опасностях эпидемии, манипулирование статистическими данными и ограничительными мерами.

Мы полагаем целесеообразным рассмотреть дисфункции в сфере государственного управления, связанные с дискоординацией политического риск-менеджмента как особого вида управленческого провала, то есть административно-политического и организационно-структурного хаоса, «фиаско» способности эффективно управлять угрозами. В этом контексте представляется обоснованным понимание дисфункции как деформация или полного отсутствия четкой системы основных направляющих воздействий государства на общественные отношения[1].

Интерес представляет методологическая конструкция А. Я. Рубинштейна, который предложил оригинальную типологию управленческих провалов[2].

Используя этот подход применительно к сфере политической координации риск-менеджмента, можно выделить институциональные, распределительные (неприемлемое распределение рисков), поведенческие (иррациональное поведение граждан в ситуациях неопределенности, угроз и опасностей) и патерналистские (нерациональное поведение чиновников в ситуации риска) провалы. К характеристикам институциональных провалов относятся:

– нарушения разумной степени дифференциации рисков, когда выбор не оптимального варианта реагирования на угрозы, а лучшего из худших;

– поляризация и радикализация политических позиций по вопросам определения приемлемости риска;

– дискоординация взаимодействия политических акторов в выборе «альтернатив риска» и «порядка ходов» по его превенции;

---

[1] *Городецкий А. Е.* Институты государственного управления в условиях новых вызовов социально-экономического развития. М.: Институт экономики РАН, 2018.

[2] *Рубинштейн А. Я.* Элементы общей теории изъянов смешанной экономики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1.

– политическая мотивированность и ангажированность принятия решений в условиях неопределенности и их неустойчивость;

– появление на политическом рынке «товаров угроз» с выявляемой или невыявляемой ответственностью;

– наличие *особых своекорыстных* политических интересов, связанных с использованием опасностей и захват чужих компетенций;

– асимметричная и искаженная политическая информация или неинформированность о реальных, прогнозируемых, мнимых или искусственных угрозах (иллюзии «риска» и «заботы об обществе»), систематический блеф и поднятие ставок;

– доминирование в ситуации угроз копинг-стратегий компенсации социальных страхов маниакальным повышением собственной значимости, «политическим геростратизмом», стремлением нанести вред «чужим»;

– раскоординированность социальных программ минимизации рисков и вероятной расплаты за их реализацию;

– навязывание норм и правил поведения при неопределенности при отсутствии вариантов выбора, приносящего наибольшую полезность (игре с нулевой или постоянной суммой, исключающая компромиссы;

– неверные нормативные и правовые установки в области прогнозирования и превенции рисков;

– приватизация доминирующей группой интересов права определения того, что является риском, а что нет;

– расширение групповой или персонализированной «власти риска»;

–недоверие или дефицит доверия к социальным и политическим институтам, ответственным за управление риском;

– аномичные модели воспринимаемого риска и деструкция ценностных ориентаций относительно допустимости / недопустимости риска, его социальной приемлимости, симпатии / антипатии к риску;

– имитация регулирования уровня риска, его контролируемости и двойные стандарты в определении приемлемого уровня риска для различных социальных групп;

– подмена целеполагания при принятии решений в риск-менеджменте (маскировака целей при принятии непопулярных политических управленческими решений в ситуации опасности или табуирование обсуждения результатов/показателей достижения целей устранения/минимизации риска;

– унифицированный подход, единые шаблоны при реализации программ по управлению риском, игнорирование специфики их восприятия у различных социальных слоев и групп интересов с разным временным горизонтом получения желаемого результата снижения риска, сознательное уклонение от фиксирования или подмена конечного результата (end outcomes) промежуточным результатом (intermediate outcomes) ;

– деформация соотношения объема ресурсов, использованного на минимизацию рисков и результатов;

– преобладание в обществе в целом, и у наиболее уязвимых групп стратегий, основанных на низком уровне риск- солидарности и недоверии политическим институтам («здоровое» и «деструктивное» обшество риска).

Парадокс плохого с точки зрения эффективности риск-менеджмента управления заключается в том, что оно дорого обходится обществу, деформируя стабилизирующие механизмы, но, тем не менее, привлекательно и политически удобно[1] .

Принципиальной в связи с этим видятся теоретическая посылка одного из лидеров современной рискологии Н. Лумана, который полагал, что «о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение… а решение далеко не всегда является лучшим, предполагает неопределенность наступления как желательного, так и нежелательного будущего, его последствия не являются итоговым результатом, раз и навсегда полученным, а продолжаются, корректируются в контексте необходимой и множественной зависимости, признания существования известных и неизвестных рисков, коммуницируемых (выразимых в сообщениях) и некоммуницируемых рисков»[2].

---

[1] *Baland J.-M., Moene K., Robinson J.* Governance and Development // Handbook of Development Economics. 2010. № 5.

[2] *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5.

В рамках предпринятых рассуждений остается выделить следующие механизмы политико-административного управления рисками:

– координационный блок прогнозирования, идентификации и оценки стратегических рисков, на основе которого осуществляется моделирование характера и тенденций развития угроз, определение критической границы, «красных линий» толерантности к риску;

– координация путем квантификации рисков и угроз (их цели, объекты, субъекты, ресурсы, стейкхолдеры и т.д.);

– координационный блок стратегическогго лимитирования рисков, устанавливающий границы свободы принятия решений по рискам в иерархии политических институтов и исключающее неопределенность их действий в ситуации угрозы;

– координация путем определения объектов и субъектов передачи (трансфера) риска в структуре политических и административных институтов;

– координация путем определения форм и механизмов политического хеджирования, превентивного снижения рисков;

– координационный блок стратегической диверсификации рисков, основанной на принятии политических решений о распределении выигрышей/проигрышей и ресурсов управления рисками между различными социальными субъектами и институтами с целью минимизации угроз в обществе в целом;

– координационный блок информационного и методологического обеспечения управленческих действий, мер оперативного реагирования, систематизации инструментария, направленных на предотвращение и динамическое демпфирование риска;

– координация путем «расшивки» противоречий оперативного генерирования возможных управленческих реакций на опасности, регулирования выбора из возможных возможных альтернатив реакций наилучшего в данный момент решения;

– координация путем выявления ключевых изменяемых и постоянных переменных, то есть «назначения ответственных» за прошлые угрозы, определение основных стейкхолдеров и коалиций, заинтересованных в конструировании опасностей, их ролей и рискогенного потенциала;

– координация путем установления временного горизонта влияния рискогенных факторов на уровень неопределенности и их ранжирование, возможностей их изменения в перспективе;

– координационный блок сценарного планирования и интегрального ранжирования сценариев стандартных и нестандартных ситуаций, то есть нескольких значимых и влияющих друг на друга тенденций развития ситуаций риска;

– политико-административное координационное проектирование альтернативных вариантов воздействия угроз, согласования сценариев стратегией управления рисками

– координационный блок формирования стратегической культуры риска и структуры управления рисками, снятия противоречий, «притирка» стратегических, тактических и процессуальных приоритетов и методов работы с угрозами.

В. Л. ШАПОВАЛОВ, А. С. БРОД

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕГИСТРАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СПИСКОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В зарубежной практике процедура выдвижения списков кандидатов от партийи их регистрации сопряжены с выполнением различных формально установленных требований. Сложилось множество различных электоральных практик, имеющих существенные различия на межстрановом, а в некоторых случаях и межрегиональном уровне. В большинстве стран выдвижение списка кандидатов предполагает сбор подписей избирателей. При этом количество подписей варьируется в достаточно широком диапазоне от нескольких подписей избирателей до нескольких десятков тысяч подписей. В Российской Федерации порядок выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в Государственную думу сформировался на основе анализа существующих зарубежных электоральных практик, успешно зарекомендовавших себя в других странах. В то же время учитывались исторические традиции, особенности правовой и политической культуры, специфика российской избирательной и партийно-политической системы. Порядок, применяемый в России, в полной мере соответствует нормам демократического избирательного процесса и практике, сложившейся в других демократических государствах, а по некоторым параметрам и превосходит аналогичный зарубежный опыт. Проведенный анализ свидетельствует о том, что все отказы в регистрации кандидатов (списков кандидатов) были сделаны в соответствии с законодательством Российской Федерации и явились следствием непредоставления в положенные сроки в избирательную комиссию необходимых для регистрации документов либо нарушений, выявленных в предоставленных документах, в том числе, подписях избирателей в поддержку кандидата.

Ключевые слова: списки кандидатов, формирование партийных списков, регистрация кандидатов, смешанная избирательная система, пропорциональная избирательная система, избирательный залог, отказ в регистрации

Предметом рассмотрения в данной статье является анализ порядка формирования и выдвиженияпартийных списков кандидатов, сбора подписей избирателей в пользу кандидатов и особенностей регистрации кандидатов.

В рамках статьи рассматриваются зарубежная практика процедуры выдвижения и регистрации кандидатов, формирование, эволюция и современное состояние правового регулирования и правоприменительной практики порядка выдвижения и регистрации кандидатов в Российской Федерации,проанализирован ход текущей кампании по выдвижению кандидатов в депутаты Государственной думы VIII созыва, представлены перспективыразвития процедуры сбора подписей и регистрации кандидатов.

В зарубежной практике процедура формирования и выдвижения списков кандидатов от партий и их регистрации сопряжены с выполнением различных формально установленных требований. Накоплен значительный мировой опыт. Сложившиеся на современном этапе процедуры целесообразно дифференцировать, выделив несколько моделей:

1. Регистрация на основе сбора подписей избирателей в поддержку кандидата.

2. Регистрация на основе внесения избирательного залога.

3. Регистрация на основе сбора подписей избирателей и внесения кандидатом (партией) избирательного залога.

4. Регистрация на основе либо сбора подписей избирателей, либо внесения избирательного залога (на выбор).

В каждой из указанных моделей также возможны те или иные дополнительные опции. Достаточно широкое распространение имеет наделение преференциями тех или иных кандидатов (партий). Прежде всего, речь идет об освобождении от сбора подписей кандидатов, представляющих парламентские партии. С другой стороны, избирательные законодательства практически всех стран мирапредусматривают ряд норм, ограничивающих пассивное избирательное право для определенных категорий избирателей[1].

[1] Подробнее см.: Лишение избирательного права в зарубежных странах. URL: http://www.roiip.ru/articles/1633.htm (дата обращения: 23.07.2021).

Избирательный залог применяется в таких странах, как Армения, Ирландия, Казахстан, Кыргызстан, Нидерланды, Украина, Франция[1].

Тем не менее, в большинстве государств используется процедура сбора подписей избирателей. Так, в Болгарии необходимо собрать не менее 2 500 подписей избирателей для выдвижения списка кандидатов партией. В Сербии – не менее 10 000 подписей для выдвижения списка кандидатов. В Чили кандидат в депутаты должен собрать подписи не менее 0,5% подписей от общего числа избирателей, проголосовавших на предыдущих выборах[2]. В Монголии кандидат должен представить подписи 801 избирателя, зарегистрированных в соответствующем избирательном округе[3].

В Швейцарии сбор подписей происходит отдельно в каждом кантоне, количество необходимых подписей зависит от размеров кантона и варьируется в диапазоне от 100 до 400 подписей избирателей. В кантонах, избирающих от двух до 10 депутатов в национальный парламент, необходимо собрать не менее 100 подписей избирателей, в кантонах, от которых делегируется 11 – 20 депутатов – не менее 200 подписей, в кантонах, избирающих более 20 депутатов – не менее 400 подписей избирателей[4].

В Германии партии, представленные в Бундестаге как минимум пятью депутатами, освобождены от сбора подписей избирателей. Это же касается и кандидатов в одномандатных округах, представляющих данные партии. Партии, имеющие менее пяти депутатов или не имеющие своего представительства, должны собрать для поддержки своихпартийных списков не менее 0,1% подписей избирателей в каждой федеральной земле и не менее 200 подписей для

[1] О зарубежной практике сбора и проверки достоверности подписей избирателей в ходе избирательных кампаний. URL: http://www.cikrf.ru/activity/relevant/detail/30554/ (дата обращения: 31.07.2021).

[2] Там же.

[3] Порядок выдвижения кандидатов на парламентских выборах: зарубежный опыт. URL: http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/poriadok-vydvizheniia-kandidatov-na-parlamentskikh-vyborakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 31.07.2021).

[4] Там же.

выдвижения партийного кандидата в одномандатном округе.Для независимого кандидата, баллотирующегося в мажоритарном округе, эта цифра составляет также 200 подписей[1].

Похожий порядок существует в Испании и Италии. Партии и коалиции, не представленные в парламенте, должны собрать не менее 0,1% подписей избирателей в том избирательном округе, в котором намерены выставить кандидатов. В Италии все партии, представленные в национальном парламенте или Европарламенте, освобождаются от сбора подписей. Остальные должны от 1 500 до 4 000 подписей избирателей в каждом избирательном округе в зависимости от численности избирателей округа (но не более 1% избирателей округа)[2].

В Дании партии, представленные в парламенте, освобождены от сбора подписей. Остальные для выдвижения кандидата в мажоритарном округе необходимо собрать от 150 до 200 подписей избирателей в зависимости от округа, для выдвижения партийного списка – не менее 1/175 от числа всех избирателей, проголосовавших на последних парламентских выборах (около 20 000 избирателей)[3].

В Грузии партии, представленные в парламенте, освобождены от сбора подписей. Остальные партии для участия в выборах должны представить не менее 30 000 подписей избирателей, независимые кандидаты – не менее 1 000 подписей избирателей[4].

При выборах в норвежский стортинг от сбора подписей освобождаются партии, набравшие на предыдущих выборах не менее 500 голосов избирателей в мажоритарном округе или не менее 5 000 избирателей в целом по стране. Кандидаты от других партий должны собрать не менее 500 подписей избирателей, зарегистрированных в данном избирательном округе[5].

---

[1] Требования к регистрации партий на выборах в парламенты разных стран. URL: https://ria.ru/20140206/993431007.html (дата обращения: 31.07.2021).

[2] Там же.

[3] Порядок выдвижения кандидатов на парламентских выборах: зарубежный опыт. URL: http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/poriadok-vydvizheniia-kandidatov-na-parlamentskikh-vyborakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 31.07.2021).

[4] Там же.

[5] Требования к регистрации партий на выборах в парламенты разных стран. URL: https://ria.ru/20140206/993431007.html (дата обращения: 31.07.2021).

В Швеции партия, представленная в парламенте, освобождена от сбора подписей. Остальные партии должны сдать подписи не 1 500 избирателей для участия в выборах в парламент страны – риксдаг или в Европарламент[1].

Для участия в парламентских выборах в Финляндии партия должна быть включена в Регистр политических партий. Для внесения в Регистр партия должна представить не 5 000 подписей избирателей. Партия, не принимающая участие в двух подряд избирательных кампаниях, подлежит исключению из Регистра и ликвидации[2].

В Австрии у партии при выдвижении кандидатов или списков кандидатов есть альтернатива. Партия может представить либо подписи депутатов парламента (если партия в нем представлена), либо подписи избирателей. Подписей депутатов необходимо не менее трех, подписей избирателей – от 100 до 500 в каждой федеральной земле, в зависимости от численности зарегистрированных в земле избирателей: подписи 100 избирателей в землях Бургенланд и Форальберг, 200 – в Каринтии, Зальцбурге и Тироле, 400 – в Штирии и Верхней Австрии, 500 –в земле и Нижняя Австрия и в Вене. Кроме сбора подписей партия должна внести избирательный залог в размере 435 евро, который не возвращается[3].

При выборах в Палату общин Канады каждый кандидат должен представить не менее 100 подписей избирателей и внести избирательный залог в размере 1 000 канадских долларов[4].

Схожий порядок существует в Греции. Здесь все кандидаты, как выдвинутые партиями, так и независимые, должны собрать не менее 12 подписей избирателей и внести избирательный залог в размере 146,74 евро. Залог не возвращается[5].

---

[1] Требования к регистрации партий на выборах в парламенты разных стран. URL: https://ria.ru/20140206/993431007.html (дата обращения: 31.07.2021).

[2] Там же.

[3] Порядок выдвижения кандидатов на парламентских выборах: зарубежный опыт. URL: http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/poriadok-vydvizheniia-kandidatov-na-parlamentskikh-vyborakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 31.07.2021).

[4] Там же.

[5] Там же.

И сбор подписей, и избирательный залог предусмотрены при выборах Парламентской ассамблеи Боснии и Герцеговины. Партия должна собрать не менее 3 000 подписей избирателей и внести 20 000 марок, независимый кандидат собрать подписи не менее 1 500 подписей избирателей и внести 10 000 марок[1].

Особый порядок выдвижения кандидатов применяется на парламентских выборах в Турции. Кандидатов могут выдвинуть только те партии, которые имеют фракцию в парламенте в составе не менее 20 депутатов или местные отделения более чем в половине провинций страны и не менее чем в одной трети районов в каждой из этих провинций. В выборах также могут участвовать независимые кандидаты, собравшие подписи не менее 100 000 избирателей и внесшие избирательный залог в сумме 13 916 турецких лир. Избирательный залог возвращается кандидату в случае его избрания[2].

Таким образом, по процедуре выдвижения и регистрации кандидатов на парламентских выборах сложилось множество различных электоральных практик, имеющих существенные различия на межстрановом, а в некоторых случаях, и межрегиональном уровне[3]. В большинстве стран выдвижение кандидата (списка кандидатов) предполагает сбор подписей избирателей. При этом количество подписей варьируется в достаточно широком диапазоне от нескольких подписей избирателей до нескольких десятков тысяч подписей. В значительном числе стран применяется комбинированный вариант, предполагающий помимо сбора подписей избирателей внесение избирательного залога. В некоторых избирательных системах предусмотрены разные требования к кандидатам, представляющим партии, и независимым кандидатам. Распространенной является практика введения льготного порядка

[1] Порядок выдвижения кандидатов на парламентских выборах: зарубежный опыт. URL: http://www.rfsv.ru/education/informirovanie/poriadok-vydvizheniia-kandidatov-na-parlamentskikh-vyborakh-zarubezhnyi-opyt (дата обращения: 31.07.2021).

[2] Там же.

[3] Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Росспэн, 2012. (Библиотека Российской ассоциации политической науки)

регистрации (освобождение от сбора подписей) для партий, представленных в парламенте. В некоторых случаях преференции имеют не все парламентские партии, а только те из них, которые имеют установленный минимум депутатских мест.

В Российской Федерации порядок выдвижения и регистрации кандидатов на выборах в Государственную думу сформировался на основе анализа существующих зарубежных электоральных практик. На протяжении последних трех десятилетий Россия анализировала избирательное законодательство и правоприменительную практику и активно заимствовала опыт демократических государств, привнося в российскую избирательную систему успешно зарекомендовавшие себя в других странах нормы. В то же время учитывались исторические традиции, особенности правовой и политической культуры, специфика российской избирательной и партийно-политической системы. Начиная с 1993 г. и вплоть до настоящего времени происходило изменение правового регулирования порядка выдвижения и регистрации кандидатов, направленное на совершенствование отдельных норм. Данный процесс в целом был синхронизирован с эволюцией российской избирательной и партийной систем.

12 декабря 1993 г. состоялись первые выборы депутатов Государственной думы, проходившие на основании смешанной избирательной системы. 225 депутатов избирались в одномандатных округах по мажоритарной системе относительного большинства. Выдвигаться имели право как представители партий, так и независимые кандидаты. Еще 225 депутатов избирались по пропорциональной системе при формировании участниками выборов – избирательными объединениями закрытых партийных списков.

Правовое регулирование процедуры выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов) осуществлялось на основании Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. (Указ Президента Российской Федерации № 1557 от 01.10.1993 г.)[1].

[1] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной думы в 1993 г. и внесении изменений и дополнений в Положение о Федеральных органах власти на

В соответствии с утвержденным порядком правом выдвижения кандидатов по партийным спискам имели общефедеральные партии, общефедеральные политические движения и избирательные блоки, составленные из партий и движений, правом выдвижения кандидатов в мажоритарных избирательных округах – избирательные объединения и группами избирателей.

Для регистрации списка избирателей избирательное объединение должно было собрать не менее 100 000 подписей избирателей. При этом на один субъект Федерации должно было приходиться не более 15% от 100 000 подписей избирателей. Избирательное объединение, собравшее подписи, также имело право выдвинуть своих кандидатов в мажоритарных округах.Для выдвижения независимого кандидата в одномандатном избирательном округе требовалось собрать подписи не менее 1% избирателей, зарегистрированных в избирательном округе.

Избиратель, ставя свою подпись, должен был указать в подписном листе фамилию, имя, отчество, дату рождения, адрес, серию и номер удостоверения личности (паспорта). Подписной лист удостоверялся лицом, собиравшим подписи, с указанием фамилии, имени, отчества этого лица, адреса, серии и номера его удостоверения личности или паспорта и лицом, за выдвижение кандидатуры которого собраны подписи[1].

Общефедеральный список кандидатов вместе с подписными листами и заявлениями кандидатов должен был быть предоставлен в Центральную избирательную комиссию России (далее – Центризбирком) не позднее 35 дней до дня выборов и должна была быть зарегистрирована Центризбиркомом в течение пяти дней. В одномандатном избирательном округе списки должны были быть внесены в Окружную избирательную комиссию не позднее 27 дней до дня выборов и в течение пяти дней рассматривались комиссией[2].

В 1995 г. был принят Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской

переходный период». URL: https://docs.cntd.ru/document/9004640?marker=6580IP (дата обращения: 31.07.2021).

[1] Там же.

[2] Там же.

Федерации». В целом избирательная система не претерпела существенных изменений. Это касается и порядка выдвижения, и регистрации кандидатов. Тем не менее, при сохранении основных параметров была проведена коррекция ряда норм. В частности, количество подписей, необходимых для регистрации списка кандидатов, было увеличено в два раза, до 200 000 подписей. При этом количество подписей, которые можно было собрать в одном субъекте Федерации, было уменьшено с 15% до семи процентов от требуемого общего числа подписей[1].

Произошли изменения также в сроках предоставления подписей и регистрации кандидатов. Данные изменения были направлены на увеличение временных интервалов. Подписи в пользу списка кандидатов должны были быть представлены в Центризбирком не позднее чем за 55 дней до дня голосования. При этом срок рассмотрения подписных листов был увеличен в два раза, с пяти до 10 дней. Срок предоставления подписных листов кандидатами в Окружную избирательную комиссию был синхронизирован с Центризбиркомом – 55 дней до дня голосования. При этом срок рассмотрения подписных листов Окружной комиссией остался прежним – пять дней[2].

Таким образом, произошло существенное усложнение условий сбора подписей (увеличение количества подписей, уменьшение удельного веса собранных подписей в одном субъекте Федерации, изменение сроков подачи подписей в избирательную комиссию).

В 2005 г. был принят новый закон о выборах депутатов Государственной думы, внесший значимые изменения в избирательный процесс. Произошел переход от смешанной к пропорциональной избирательной системе. Произошла серьезная трансформация и порядка выдвижения и регистрации кандидатов. Переход к пропорциональной системе, а также принятый ранее Федеральный закон «О политических партиях» привели к тому, что возможность выдвижения кандидатов осталась только у полити-

[1] Федеральный закон от 21.06.1995 г. 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7989/page/3 (дата обращения: 31.07.2021).

[2] Там же.

ческих партий по единому федеральному округу. При этом сама процедура выдвижения партийных списков была значительно переработана. Все партии – участники избирательного процесса были разделены на две части: партии, допущенные к распределению депутатских мандатов по итогам предыдущих думских выборов; прочие партии. Первые получили возможность выдвигать списки кандидатов без каких-либо условий[1].

Таким образом, Россия пошла по пути тех стран, прежде всего, европейских, в которых партии, имеющие парламентское представительство, имеют преференции.

Остальные партии могли выдвинуть списки кандидатов либо собрав подписи избирателей, либо внеся избирательный залог. Общее количество подписей в пользу партийного списка осталось неизменным – 200 000 подписей.

При этом количество подписей, приходящихся на один субъект Федерации, изменилось. Если ранее их могло быть не более семи процентов от общего количества (от 200 000 подписей), теперь был установлен максимум – 10 000 подписей. Впервые были предусмотрены специальные условия для сбора подписей за рубежом. Совокупное количество подписей, собранных за пределами Российской Федерации, не могло превышать 10 000 подписей.

Впервые в законе были максимально детально прописаны порядок сбора подписей, в том числе оформления подписных листов, заверения подписных листов уполномоченным лицом[2].

В 2014 г. был принят закон о выборах депутатов Государственной думы, являющийся актуальным на данный момент. Была возвращена смешанная избирательная система с 225 одномандатными избирательными округами.

Законом были внесены важные изменения в порядок выдвижения и регистрации кандидатов (списков кандидатов). Был значительно расширен перечень партий, имеющих право выдвижения списка кандидатов без каких-либо условий.

---

[1] Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: https://rg.ru/2005/05/24/vybory-doc.html (дата обращения: 01.08.2021).

[2] Там же.

Теперь это право получили не только партии, имеющие свои фракции в Государственной думе, но также партии, получившие на предыдущих думских выборах не менее трех процентов голосов избирателей, а также партии, допущенные к распределению депутатских мандатов хотя бы в одном органе законодательной власти субъекта Федерации, действующем на момент опубликования решения о назначении выборов депутатов Государственной думы[1].

Это привело к значительному увеличению количества партий, участвующих в выборах без сбора подписи. В 2016 г. их число увеличилось в сравнении с 2011 г. в два раза, до 14 партий. Столько же партий участвует в выборах без сбора подписей в 2021 г. При этом четыре партии, «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», получили это право по итогам выборов в Государственную думу в 2016 г. Остальные 10 партий – по итогам региональных выборов: «Гражданская платформа», «Зеленые», «Зеленая альтернатива», «Коммунисты России», «Новые люди», Партия Роста, «Родина», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, Российская партия свободы и справедливости, «Яблоко»[2].

Партии, освобожденные от сбора подписей в едином общефедеральном округе, также имеют данную льготу и в отношении своих кандидатов, баллотирующихся в одномандатных округах. Таким образом, кандидаты-одномандатники от указанных 14 партий не собирают подписи избирателей.

Для всех остальных партий установлен только один вариант регистрации – посредством сбора подписей избирателей. Вариант с избирательным залогом в новом законе не предусмотрен.

---

[1] Федеральный закон от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в редакции от 04.06.2021 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38146 (дата обращения: 01.08.2021).

[2] Право участвовать в выборах депутатов Государственной думы без сбора подписей получили еще две партии: «За правду» и «Патриоты России». Однако в настоящее время они объединились с партией «Справедливая Россия» и участвуют в выборах в рамках объединенной партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду».

Общее количество необходимых для выдвижения партийного списка подписей осталось неизменным – 200 000 подписей. При этом максимальное количество подписей, приходящихся на один субъект Федерации, было уменьшено с 10 000 до 7 000.

Кандидаты от данных партий в одномандатных избирательных округах, а также самовыдвиженцы для выдвижения должны собрать подписи не менее трех процентов от числа избирателей, зарегистрированных в избирательном округе. При этом установлено и минимальное количество подписей – в случае, если в избирательном округе зарегистрировано менее 100 000 избирателей должно быть собрано не менее 3 000 подписей в поддержку выдвижения кандидата[1].

Таким образом, за период с 1993 по 2021 гг. порядок выдвижения, сбора подписей и регистрации кандидатов в депутаты Государственной думы в Российской Федерации претерпел определенную эволюцию, сохраняя при этом те основы, которые были установлены еще в 1993 г. Порядок, применяемый в России, в полной мере соответствует нормам демократического избирательного процесса и практике, сложившейся в других демократических государствах, а по некоторым параметрам и превосходит аналогичный зарубежный опыт. Для действующей в настоящее время процедуры характерны следующие основные черты:

1) Основные политические партии – участники избирательного процесса освобождены от сбора подписей. Необходимо отметить, что перечень условий получения данной льготыв России значительно шире, чем в большинстве других стран, где, как правило, преференции распространяются только на партии, имеющие свои фракции в национальном парламенте.

2) В России в отличие от других стран не применяется в качестве условия для выдвижения кандидата (списка кандидатов) избирательный залог. Тема использования избирательного залога

[1] Федеральный закон от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в редакции от 04.06.2021 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38146 (дата обращения: 01.08.2021).

периодически обсуждается отечественными политиками и экспертным сообществом. Тем не менее, данная норма так и не прижилась в российском обществе. Прежде всего, необходимо отметить, что для россиян, согласно социологическим исследованиям, социальная справедливость является одной из приоритетных ценностей. В этой связи возможность использования в качестве альтернативы сбору подписей избирателей материального фактора воспринимается значительной частью общества неоднозначно.

3) Важной особенностью российского порядка выдвижения и регистрации кандидатов является учет регионального фактора. В частности, партии, имеющие представительство в региональных парламентах, освобождены от сбора подписей. С другой стороны, процедура сбора подписей предполагает необходимость организации сбора на территории не одного, а, как минимум нескольких десятков субъектов Федерации[1].В данных нормах находит свое выражение федеративный характер российского государства, необходимость при организации избирательного процесса учета интересов региональных сообществ.

17 июня 2021 г. Президент России В.Путин подписал указ о назначении выборов в Государственную думу на 17–19 сентября 2021 г. Избирательная кампания официально стартовала. 1 июля 2021 г. начался прием документов для участия в выборах депутатов Государственной думы VIII созыва. Регистрация кандидатов завершилась 4 августа 2021 г.

На момент начала процедуры в Российской Федерации было зарегистрировано 34 политические партии. В соответствии с законодательством участвовать в выборах имели 32 партии, половина из них, 16 партий при этом были освобождены от сбора подписей избирателей. Однако в связи с объединением партий «Справедливая Россия», «Патриоты России» и «За Правду» количество партий, имеющих льготу, сократилось до 14.

Все 14 партий решили воспользоваться льготой и представили в Центризбирком документы, необходимые для регистрации

[1] Существующий порядок сбора подписей партией предполагает организацию сбора минимум в 29 субъектах Федерации.

списков кандидатов. Помимо них документы на регистрацию списка кандидатов также представила партия «Российский общенародный союз». Центризбирком принял документы всех партий, изъявивших желание участвовать в выборах.

«Единая Россия» выдвинула федеральный список из 395 кандидатов, из которого затем, по инициативе партии был исключен один кандидат, Евгения Полякова[1]. Все кандидаты были зарегистрированы.

КПРФ представила на регистрацию федеральный список из 345 кандидатов. Решением Центризбиркома по представлению Генеральной прокуратуры из списка были исключен кандидат П. Грудинин.

Данное решение принято на основании невыполнение ч. 13 ст. 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предусматривающей к моменту представления в соответствующую избирательную комиссию документов, необходимых для его регистрации в качестве кандидата, регистрации соответствующего федерального списка кандидатов, закрыть счета (вклады), прекратить хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и (или) осуществить отчуждение иностранных финансовых инструментов. Остальные 344 кандидата были зарегистрированы Центризбиркомом 24 июля 2021 г.[2]

Председатель Центризбиркома Элла Памфилова, комментируя в интервью радиостанции «Эхо Москвы» ставшее резонансным решение об отказе в регистрации П. Грудинина, отметила наличие документально подтвержденных Генеральной прокура-

---

[1] ЦИК исключил двух кандидатов из списков «Единой России» и «Зелёных». URL: https://ria.ru/20210722/vybory-1742406589.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 06.08.2021).

[2] Постановление ЦИК РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия. Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49866/ (дата обращения: 03.08.2021).

турой данных о наличии у кандидата иностранных активов и действия Центризбиркома на основании норм закона: «Мы даем запрос в соответствующее ведомство, и когда мы получаем ответ конкретно по какому-то претенденту в кандидаты… мы не можем подвергать сомнению вердикт прокуратуры, который четко, официально показал, что да, у него есть активы»[1].

Либерально-демократическая партия России первой представила на регистрацию в Центризбирком федеральный список кандидатов, состоящий из 221 человек,однако затем восемь кандидатов из федерального списка, А. Бычков, С. Абельцев, В. Бутенко и А. Хромов, С. Никулин. В. Сидоров, П. Пятницкий и К. Субботин, по инициативе партии были удалены из списка[2]. 19 июля Центризбирком зарегистрировал федеральный список ЛДПР в количестве 213 человек[3].

Объединенная партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» представила на регистрацию федеральный список из 302 кандидатов. Центризбирком зарегистрировал федеральный список в полном объеме 24 июля[4].

Партия «Коммунисты России» представила на регистрацию федеральный список кандидатов, состоящий из 398 человек. На основании проверки сведений о кандидатах Центризбирком вы-

---

[1] URL: https://echo.msk.ru/programs/tuz/2881978-echo/ (дата обращения: 06.08.2021).

[2] ЦИК исключил четырех кандидатов из федерального списка ЛДПР. URL: https://www.interfax.ru/russia/778411 (дата обращения: 03.08.2021); ЦИК исключил четырех кандидатов из федерального списка ЛДПР на выборах в Госдуму. URL: https://news.rambler.ru/politics/46870227-tsik-isklyuchil-chetyreh-kandidatov-iz-federalnogo-spiska-ldpr-na-vybory-v-gosdumu/ (дата обращения: 03.08.2021).

[3] Постановление ЦИК РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49782/ (дата обращения: 03.08.2021).

[4] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Социалистическая политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49864/ (дата обращения: 03.08.2021).

явил, что три кандидата, П. Кокшин, Д. Лях и М. Мальсагов имели судимости, сведения о которых кандидаты не указали в заявлении о согласии баллотироваться, что является нарушением закона. В решении ЦИК РФ по этому поводу отмечено. Что «в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 50 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" неуказание кандидатом сведений об имевшейся или имеющейся у него судимости является основанием для исключения кандидата из федерального списка кандидатов». На основании этого кандидаты были исключены из списка. 23 июля 2021 г. Центризбирком зарегистрировал федеральный список партии «Коммунисты России» в составе 395 человек[1].

Такая же ситуация возникла и в Российской партии пенсионеров за социальную справедливость. Партия представила на регистрацию федеральный список из 278 кандидатов. Однако решением Центризбиркома кандидату Султану Бахитову было отказано в регистрации из-за неуказания кандидатом информации о судимости. 2 августа 2021 г. ЦИК РФ зарегистрировал федеральный список партии в составе 277 кандидатов[2].

Партия «Родина» представила федеральный список из 286 кандидатов, однако затем по своей инициативе исключила из списка Анну Силивончик[3]. После проверки Центризбиркома из партийного списка были удалены следующие кандидаты: три из

[1] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КОММУНИСТЫ РОССИИ». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49847/ (дата обращения: 03.08.2021).

[2] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49938/ (дата обращения: 03.08.2021).

[3] Постановление ЦИ РФ «Об исключении кандидата из федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ "РОДИНА"». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49790/ (дата обращения: 03.08.2021).

них, Михаил Назаров, Михаил Насыров и Александр Марголин, из-за неуказания кандидатами информации о судимости, кандидат Рита Григорян из-за наличия гражданства иностранного государства (Республики Грузия) и кандидат Д. Булыкин из-за нарушения части 13 статьи 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предписывающей кандидату закрыть счета (вклады), прекратить хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и (или) осуществить отчуждение иностранных финансовых инструментов. Таким образом, Центризбирком отказал в регистрации пяти кандидатам партии по трем основаниям. 27 июля 2021 г. ЦИК РФ зарегистрировал федеральный список партии «Родина» в составе 280 кандидатов[1].

Однако 6 августа Верховный Суд Российской Федерации отменил решение Центризбиркома в отношении Д.Булыкина. Кандидат был восстановлен в списке партии «Родина». Решение было принято на основе того, что кандидат устранил нарушение и предоставил в суд свидетельства отсутствия у него иностранных счетов[2].

Восстановление Дмитрия Булыкина является еще одним свидетельством в пользу того, что отказ от регистрации в России– явление исключительное. Более того, даже если кандидат исключен, он имеет реальную возможность восстановиться, если будет заниматься не политическими спекуляциями, а устранением обнаруженных нарушений.

Три кандидата были исключены Центризбиркомом из федерального списка Партии Роста. А. Кабанов не указал в заявлении сведения о судимости. Е. Евтушенко и С. Капчук совершили

[1] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «ВСЕРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ “РОДИНА”». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49896/ (дата обращения: 03.08.2021).

[2] Возвращение в список «Родины» Булыкина подтверждает, что в России закон для всех один. URL: https://vz.ru/news/2021/8/6/1112683.html (дата обращения: 06.08.2021).

преступления, относящиеся к категории тяжких преступлений и, на основании норм закона, на момент подачи документов не имели пассивного избирательного права. 2 августа 2021 г. Центризбирком зарегистрировал федеральный список кандидатов Партии роста в составе 287 человек[1].

Партия «Зелёные» выдвинула федеральный список из 232 кандидатов. Однако спустя некоторое время партия инициировала исключение из списка кандидатов А. Моллаева и Т. Церцвадзе. По итогам проверки Центризбиркома было отказано в регистрации еще трем кандидатам: Д. Марову, Н. Александрову и С. Кислухину. Все они не указали в заявлении факт судимости. Кроме того, у С. Кислухина на момент подачи документов отсутствовало пассивное избирательное право в связи с 10-летним ограничением после погашения судимости по преступлению, относящемуся к категории тяжких преступлений. 30 июля 2021 г. Центризбирком зарегистрировал федеральный список партии «Зелёные» в составе 227 кандидатов[2].

Наибольшие потери понес список партии «Гражданская Платформа». Партия представила на регистрацию федеральный список из 242 кандидатов. ЦИК исключил из списка восемь кандидатов: И. Фетюкова, Н. Степанюченкова, Е. Бородина, В. Михайлова, А. Трунова, Ю. Пузанова, Д. Елфимова и Е. Батоша. Все кандидаты были исключены из-за неуказания в поданных документах информации о судимости. 26 июля Центризбирком зарегистрировал федеральный список «Гражданской Платформы» в составе 234 кандидатов[3].

---

[1] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Всероссийская политическая партия «ПАРТИЯ РОСТА». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49939/ (дата обращения: 03.08.2021).

[2] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия «Российская экологическая партия «ЗЕЛЁНЫЕ». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49917/ (дата обращения: 03.08.2021).

[3] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федера-

Российская партия свободы и справедливости выдвинула федеральный список из 246 кандидатов, однако один из кандидатов, Евгений Поляков, был исключен из списка по инициативе партии. Еще двум кандидатам было отказано в регистрации после проверки со стороны Центризбиркома. Д.Грищенко и К.Гончаревич не указали в заявлении информацию о судимости. 27 июля 20021 г. ЦИК РФ зарегистрировал федеральный список Российской партии свободы и справедливости в составе 243 кандидатов[1].

Партия «Зелёная альтернатива» представила на регистрацию федеральный список из 216 кандидатов. После проверки со стороны Центризбиркома из списка были исключены два кандидат, не указавшие судимость: Вячеслав Лактионов и Екатерина Микишанова. Кроме того, у Екатерины Микишановой имеется ограничения пассивного избирательного права из-за совершенного ранее преступления, относящегося к категории тяжких преступлений. 2 августа 2021 г. ЦИК РФ зарегистрировал федеральный список «Зелёной альтернативы» в составе 214 кандидатов[2].

Партия «Яблоко» выдвинула 303 кандидата в федеральном списке[3]. По результатам проведенной Центризбиркомом проверки из списка были исключены три кандидата: Павел Сычев, в отношении которого введено ограничение пассивного избирательного права «в связи с привлечением к административной

ции восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия «Гражданская Платформа». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49871/ (дата обращения: 03.08.2021).

[1] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия РОССИЙСКАЯ ПАРТИЯ СВОБОДЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49886/ (дата обращения: 03.08.2021).

[2] Постановление ЦИ РФ «О регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, выдвинутого политической партией «Политическая партия ЗЕЛЕНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49937/ (дата обращения: 03.08.2021).

[3] Кандидаты «Яблока» на выборах в Госдуму VIII созыва. Федеральный список. URL: https://www.yabloko.ru/spisok2021 (дата обращения: 03.08.2021).

ответственности по статье за пропаганду либо публичную демонстрацию нацистской символики либо атрибутики, или символики другой запрещённой организации»[1], Альберт Габараев и Сослан Санакоев из-за выявление факта наличия гражданства иностранного государства. 5 августа 2021 г. ЦИК РФ зарегистрировал федеральный список партии в составе 300 кандидатов[2].

Партия «Новые люди» выдвинула федеральный список из 212 кандидатов[3]. Зарегистрировано 211 кандидатов.

Партия «Российский общенародный союз» подала в ЦИК РФ федеральный список из 259 кандидатов[4]. Однако в отношении федерального списка партии у Центризбиркома возникли серьёзные претензии. В частности, по словам члена Центризбиркома Евгения Шевченко, партии представила «чуть более 90 тыс. подписей избирателей, однако для регистрации списка необходимо собрать не менее 200 тыс.»[5].

Всего подали документы на регистрацию свыше 8 000 кандидатов. Из них 6 389 кандидатов от 15 партий только по партийным спискам. Еще 2 237 кандидатов баллотируются в мажоритарных округах. Количество отказов в регистрации оказалось минимальным. Все случаи отказа основаны на невыполнении кандидатом требований закона. Подавляющее большинство отказов в регистрации связано с тем, что кандидаты «забывают» указать в заявлении информацию о своей судимости. Другими причинами для отказа, в порядке убывания, выступают ограничение в пассивном избирательном праве в связи с совершением

---

[1] ЦИК зарегистрировал федеральный список партии «Яблоко» на выборах в Госдуму. URL: https://ria.ru/20210805/vybory-1744554368.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1628250045000 (дата обращения: 06.08.2021).

[2] Состоялось 37-е заседание ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/news/cec/49970/ (дата обращения: 06.08.2021).

[3] ЦИК РФ заверил списки партий «Новые люди» и «коммунисты России». URL: https://www.interfax.ru/russia/778115 (дата обращения: 03.08.2021).

[4] «Российский общенародный союз» подал в ЦИК документы о выдвижении кандидатов в Думу. URL: https://tass.ru/politika/11877449 (дата обращения: 03.08.2021).

[5] В ЦИК сообщили, что партия РОС не сдала нужное число подписей для регистрации списка. URL: https://tass.ru/politika/12065845 (дата обращения: 06.08.2021).

тяжкого преступления, наличие счетов в зарубежных банках и наличие иностранного гражданства. Все процедуры отказа в регистрации полностью соответствуют нормам российского законодательства и не могут быть рассмотрены в качестве обстоятельств, препятствующих политической конкуренции и реализации гражданами избирательных прав.

Дальнейшее совершенствование механизмов правового регулирования порядка выдвижения, сбора подписей и регистрации кандидатов в депутаты Государственной думы, очевидно, будет проходить по пути адаптации к данной процедуре новых информационно-коммуникационных технологий. В 2020 году российская избирательная система обогатилась несколькими новыми практиками. В их числе использование во всех субъектах Российской Федерации автоматизированных комплексов для проверки подписных листов, а также возможность установления законом субъекта Российской Федерации сбора части подписей в поддержку кандидатов или партийных списков с использованием портала «Госуслуги».

В соответствии с Федеральным законом от 23 мая 2020 года № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 2 закона) в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были внесены положения, предусматривающие возможность применения на выборах органов государственной власти субъекта Федерации сбора подписей избирателей через портал «Госуслуги»[1].

Данная норма предполагает, что законом субъекта Федерации может быть установлено количество подписей, которые можно собрать через портал «Госуслуги». Это количество не может быть более 50%. В случае принятия данного закона политическая партия или кандидат могут задействовать в своей процедуре сбора подписей данную возможность.

[1] Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45534 (дата обращения: 09.08.2021).

Сбор подписей через портал «Госуслуги» является интересной и актуальной новацией, предусматривающей развитие и совершенствование избирательного процесса. При этом необходимо вспомнить о конфликтной ситуации, которая возникла по поводу сбора подписей избирателей в ходе выборов депутатов Московской городской Думы в 2019 г. Отказ от регистрации ряда кандидатов из-за значительного числа забракованных подписей вызвал в то время волну критики и привел к акциям протеста. По словам Председателя Центризбиркома Эллы Памфиловой: «Нами был инициирован эксперимент по внедрению современных технологий в избирательный процесс. Он связан со сбором подписей в поддержку кандидатов с использованием портала “Госуслуги”. По итогам избирательной кампании 2019 года мы внимательно проанализировали работу комиссий по приему и проверке подписных листов и те проблемы, с которыми столкнулись кандидаты и политические партии»[1].

Результатом проведенного анализа стало решение о возможности, пока в качестве эксперимента, использовать электронный сбор подписей. Сбор подписей на платформе «Госуслуг» полностью исключает возможности фальсификаций и существенно уменьшает риск технических ошибок. Он также исключает возможность произвольного толкования итогов регистрации и спекуляций по поводу забракованных подписей.

Электронный сбор подписей в условиях сложной эпидемиологической ситуации такжевыступает в качестве меры, направленной на сохранение жизни и здоровья граждан.

Наконец, эта форма сбора подписей является логичной и своевременной реакцией на развитие информационно-коммуникационных технологий. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что Россия в настоящее время является одним из лидеров применения новых технологий в электоральном процессе. В этом смысле сбор подписей через портал «Госуслуги» значительно облегчает участие избирателей в данной процедуре

[1] Состоялось 262-е заседание ЦИК России. URL: http://www.cikrf.ru/news/cec/47114/ (дата обращения: 03.08.2021).

и расширяет для кандидатов и политических партий возможности получения подписей избирателей.

В сентябре 2020 г., в ходе Единого дня голосования, сбор подписей через портал «Госуслуги» прошел успешную апробацию. Этим правом воспользовались Чувашская Республика и Пермский край на выборах глав регионов (не более 25%) и Челябинская область на выборах депутатов Законодательного Собрания (не более 50%). При этом ни одна из подписей, собранных в электронном виде, не была признана недействительной.

Успешный опыт применения данной процедуры позволяет продолжить эксперимент в 2021 году в ходе выборов органов государственной власти субъектов Федерации, а в последующем, в случае успеха, возможно применение данной нормы и на выборах депутатов Государственной думы.

Российская Федерация в настоящее время сформировала собственную правовую основу и успешную правоприменительную практику выдвижения и регистрации кандидатов в депутаты Государственной думы. Созданная система основана как на положительном зарубежном опыте, так и на отечественных политико-правовых традициях и практиках. Пройденный в 90-2020-е гг. путь позволяет говорить о сложившейся и успешно функционирующей системе. В ее основе опора на сбор подписей избирателей в качестве базовой и на данный момент единственной процедуры, необходимой для регистрации кандидата (списка кандидатов), а также наличие широкого перечня избирательных объединений – политических партий, освобожденных от сбора подписей.

Российская практика свидетельствует о наличии минимального количества кандидатов, которым отказано в регистрации. Как правило,это исключительные случаи, связанные с очевидным нарушением кандидатом норм российского избирательного законодательства. Не зафиксировано ни одного случая недопущения к участию в выборах по политическим мотивам. Таким образом, российская избирательная система, законодательство и сложившаяся практика, позволяют в полной мере реализовать избирательные права граждан, обеспечить должный уровень политической конкуренции.

A. SCHCERBININ, N. SCHCERBININA, A. SENTSOV

SIBERIAN FRONTIER AS HISTORY, MODEL AND GUIDELINE FOR THE FUTURE[1]

Annotation. The moral and political bases of the Siberian frontier are considered, as a phenomenon of development of this vast territory that is unique in its scale nd speed. The dichotomy of the concepts 'will' and 'fate' reveals the mental background of massive waves of migration – Cossack and peasant ones. And the perception of Siberia as 'paradise' or 'hell' is a value basis for ongoing discussion about the importance of this land for Russia.
Key words: Siberia, frontier, passionarity, concepts 'will' and 'fate', politics

At the end of 2019, the monograph "Siberia as Paradise" was published in Paris, edited by Dominique Samson Norman de Chambourg and Dany Savelli, which brought together various authors with different themes, who interpreted the heaven / hell dichotomy in their own way in relation to the largest region of Eurasia. «"Siberia as paradise" is an attempt to correct the annoying misconceptions about Siberia, in a conscious acceptance, not without controversy, the opposite position of many Westerners and often Russians themselves, who associate "pitch black Siberia", as Baudelaire described it, with the following words: desolation, cold, night, bear, colony... that is, when the Siberian universe is not reduced to a single abbreviation of the GULAG» – this is how its main idea is presented on the cover of the book[2].

[1] Подготовлена в рамках гранта, предоставленного РФФИ и ЭИСИ по программе научных проектов фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук в 2021 г. Проект № 21-011-31374 «Право на город: политические пространства устойчивости, конфликта, диалога».

[2] La Siberie comme paradis / ed. de D. S. N. de Chambourg, D. Savelli. Paris: Centre d'Etudes Mongoles et Siberiennes (EPHE), 2019.

As in any good scientific book, the editor gave the reader the opportunity to choose what Siberia is – heaven or hell. As the authors of the first chapter of this monograph, we will provide an opportunity to get acquainted with our arguments that were not included in the book and the new frontier trends in the post-industrial era.

First in the present article we will refer to the fact that during the reclaiming of Siberia, the search for paradise had moral and political aspects for our ancestors, that morale was amazing and still amazes researchers. Researching the issue, we cannot ignore the overall passionarity of Russian peoples and governments, which since the days of tsar Ivan the Terrible's grandfather to the time of empress Catherine, increased the overall territory of the country by almost 20 times. Here, there is a dynamic characteristic of the process, according to the calculations of K.I. Arsenyev, the founder of Russian statistics, economist and geographer. Thus, in 1462, at the beginning of the reign of Grand Prince Ivan Vasilyevich, Russia had a total area of 18,200 square miles. In 1553, when his grandson Ivan the Terrible ascended the throne, Russia's land area had more than doubled to 37,200 square miles[1], and at the time of his death, had nearly quadrupled to 144,000 square miles. The first of the Romanov dynasty, Tsar Mikhail Fedorovich, acquired the tzardom with an area of 148,000 square miles, and left to his son, Tsar Alexei Mikhailovich, 258,000 square miles. In 1725 the area was already 280,000 square miles following the death of the grandson of the first Romanov, Emperor Peter I. His daughter Elizabeth received from her predecessor 325,000 square miles. Later, Catherine II left to her descendants 336,000 square miles of Russian territory[2]. Thus, the state grew 18 times.

Nevertheless, in the series of these increments, the Siberian frontier takes a unique place both in the size of the area and the speed of its conquest. A hundred years ago, Russian historian N. Kostomarov wrote the following about the first conquerors of Siberia: "Their boldness, enterprise and extraordinary tolerance to overcome all kinds

[1] *Arsenyev K.* Russia's state statistics. Part 1. The state of the people. SBR, 1818.
[2] *Arsenyev K.* Russia's state statistics. Part 1. The state of the people. SBR, 1818. (in Russian).

of difficulties and hardships seem almost incredible in our time"[1]. Fernand Braudel publishing the map of Russia's expansion, at the beginning of the third volume of his "Material civilization", wrote that the Cossacks and industrialists, in little over a hundred years, from 1550 to 1660, went on the swamps of Western Siberia, impassable mountains of Central Siberia, until they finally came up against China (!). He agrees with his adversary Wallerstein, that Siberia was created by military force and economy was secondary[2]. From a formal point of view, F. Braudel is right, but if you look closely at the belonging of these military formations, their small number even at those times, it would take something more than just setting priorities for policy and economy. This something more is *liberty*.

Here we face another paradox. The border, in the era of the Soviet, and to a large extent, contemporary, post-Soviet modern, in the moments of the highest tension, "gradually gained the meaning of border between Good and Evil. Where there were no borders, they arose; and those borders that existed, for example, state, acquired the meaning of the Main Border and the Last Frontier"[3]. Within the scope of our hypothesis, for the Kozatstvo, which settled mainly on the borders of Moscow Tzardom, domestic Evil, public and Evil from foreign enemies, inextricably intertwined with the Good that was free service for the tsar or the search for a better life through the conquest of new, hostile lands. Obviously free service in and of itself presupposed the highest award – the heavenly paradise. The image of a new territory, paradisiacally abundant with land, rivers, furs and precious metals, attracted the first explorers of Siberia.

The real meaning of the huge region for the Russian power was very limited by the resources of the power. In due time, Polish political scientist Artur Bodnar brought out an interesting formula for the spatial dependence of power resources: "the power of the social in-

---

[1] *Kostomarov N.* Ermak Timofeevich // Kostomarov N. Russian history in the lives of its principal figures. T. I: Domination of the house of St. Vladimir. Moscow, 1915a. P. 472 (in Russian).

[2] *Braudel F.* Material civilization, economy and capitalism, XV-XVIII centuries. T. 3: The Time of Peace. Moscow: Progress, 1992. (in Russian).

[3] *Paperny V.* Culture Two. Moscow: New literary review, 2006. 2nd ed., rev., add. P. 78. (in Russian).

fluence is, in certain situations, inversely related to the square of distance (for example, from the centre)"[1].

Two hundred years ago, Konstantin Arsenyev, offered to split Russian empire (which at that time included the South Caucasus, the Kingdom of Poland and Finland) in accordance with the criteria of the appropriateness of management into 10 "regions": Northern (from Finland to North Urals) Alaunskoe (historically Izhora land and later Ingrian), Baltic (from Finland to Lithuania and Poland), Lowlands (Belarus and Lithuania), Carpathian, Steppe (from the Sea of Azov to the Caspian Sea), Okskoe (the center of European Russia), Volzhski (from Saratov to Yaroslavl), Uralian (subsoil riches make it politically important), and finally, Siberian. As a distinctive feature of the Siberian region he marked "future prospects".

K. Arsenyev proposed to consider Siberia, which was not included in "real Russia" on a par with the South Caucasus colonies. Siberia along with Finland and the Kingdom of Poland were the "countries" which provided external security without impeding the internal management[2]. K. Arsenyev believed that "Siberia is a true agricultural and commercial colony. Considering this, it has the advantages over other European countries as it is not separated from the mother country by oceans or foreign lands. If we recognize Siberia as a colony, Russia will be a very happily located state with all the benefits for industry and for the people's welfare"[3].

This understanding of Siberia existed for centuries. Initially, Siberia was seen as a source of valuable furs, which made important for foreign trade in Moscow. Unlike Northern America, slaves as a major labor resource did not exist in Siberia. Undoubtedly, *katorga* (hard labor) could "equalize" the chances of Siberia and America, but the amounts of people involved in a labor cycle were insignificant. Furthermore, local communities were not in slavish situation. According to the Russian laws, locals had a whole list of benefits, including personal

[1] *Bodnaz Aztuz.* Czas i przestrzen w politike // Mechanizmy polityczne zycia spolecznego. Ciaglosc i zmiana w zyciu politicznym / pod red. T. Klementewicza. Warszawa, 1988. S. 89 (in Polish).

[2] *Arsenyev K.* Russia's state statistics. Part 1: The state of the people. SBR, 1818.

[3] Ibid. P. 9.

freedom (that was not typical to Russian serfdom regime of that epoch) and possessed "the land as their own"[1]. The Cossacks also had privileges, including the Cossack self-government, traditional for this class.

Thus, the position of the Siberians, except convicts, was far from hellish. Although, obviously, it was far away from the heavenly life. Along with the objective conditions, such as harsh climate, great distances, remoteness from civilization, there was another factor. The government, having enough information about the opportunities of a new territory, considered Siberia as hell rather than propagandized heavenly life for future colonists.

In 1906 D. I. Mendeleev, a distinguished chemist, the author of the periodic table, having refused from the representation of Gauss, offered his version of the map of Russia which in fact displayed the scheme of the eastern frontier. From the foundation, Novgorod-Moscow Rus, the map leads up and to the east: the Urals, Western and Eastern Siberia, the South of Asian Russia, the Far East and Chukotka. He predicted that "in the future, Asian Russia was destined to play an important role in the world" and that "Russia ... was assigned to smooth the thousand-year discord of Asia and Europe, reconcile, find ways to balance and unite two different worlds"[2].

D. I. Mendeleev was concerned with the well-known illogical ratio of the European Centre of Russia and its eastern lands. In the work "About the center of Russia" that was published in 1906, the author manifested the presence of three centers – administrative, the surface and the center of the population: "For the state, of course, the surface is very important; however, the population living on this surface is the essence of the state"[3]. Everything was clear with the first center – St. Petersburg (earlier it was Moscow). D. I. Mendeleev skips this axiomatic. Meanwhile, it is worth paying attention to the problem of the political center and linking it with the essence of power.

As to the second and third centers, according to D. I. Mendeleyev, they were directly or indirectly related to the dynamics of the national

[1] *Arsenyev K.* Russia's state statistics. Part 1: The state of the people. SBR, 1818. P. 74.
[2] Ibid. P. 181–182.
[3] *Mendeleev D. I.* About the Map of Russia // To the Cognition of Russia by D. I. Mendeleev. Moscow: Iris Press, 2002b. P. 163 (in Russian).

economic development. By studying the statistics of the US censuses of years 1880, 1890 and 1900 as well as determining the center of the territory of certain states, D.I. Mendeleyev showed that for twenty years the center of population "drifted" from the historically significant eastern Atlantic coast to the cities on the Great Lakes – St. Louis and Chicago. It was a natural migration to new industrial sites in North America.

D. I. Mendeleev showed that "with the increase of population and the evenness of the settlement, the center of population must come nearer the center of the earth's surface and be able to resettle as the main interest is in the movement of the center of the population in different periods of the country"[1]. The scientist calculated the center of the surface and the center of the population of Russian Empire. Considering the fact that in the near future the center of the surface would not change: i.e. Russia would not gain or lose territory (which was far from it – Finland, Poland and the Baltic States seceded after the 1917 revolution), he made the forecast for the near displacement of the center of the population. D. I. Mendeleev wrote: "If Russia preserves the entire territory, the center of the population would change and move towards the favored south and abundant with land east as it is required by the past history of our country and its current and future well-being". From the above discussed data and from common knowledge it is indubitable that our south and east can enclose a lot more people (even at the present low level of our economic activity), and therefore the center of population must inevitably move from north to south and from west to east. Everything that delays or will delay the move is bad no matter which "good wishes" it may have. D. I. Mendeleev thought that industrial development, primary education and comfortable "freedom" would greatly accelerate and help the indicated historical necessity"[2]. Physically, the center of the surface of Russia was to be between the Ob and the Yenisei near Turukhansk. It was impossible at that development of national and economic activity. D. I. Mendeleev made a reservation that it was

[1] *Mendeleev D. I.* About the Map of Russia // To the Cognition of Russia by D. I. Mendeleev. Moscow: Iris Press, 2002b. P. 166 (in Russian).

[2] Ibid. P. 167.

necessary to develop the exploration of mineral resources and industry as the most promising areas of public policy. From his calculations, he "subtracted" the areas of tundra and boreal forests as unsuitable for agricultural activities. Thus, the centre of the surface (suitable for the settlement), should be the area "near the border of Tobolsk and Tomsk provinces, a little way to the north of Omsk. It is believed that the modern center of population will move to this place, with an emphasis to the south"[1].

Concluding the analysis of D. I. Mendeleev's views, we should mark political and moral components of his research. Referring to the institute of *parliamentarism*, the State Duma, recently appeared in Russia, D. I. Mendeleev outlined the alternatives of the Russian Empire: "We should hope that in the State Duma there is a prudent majority that understands the complexity of the present state and the need to establish strong means for industry and resettlement. To do this we need not only political "freedom", but also economic "freedom"[2]. Thus, according to the prominent scientist, the spaces of Siberia along with the development of education for the entire population and the national industry would become a resource of real freedom for the Russians. He called it a "well-maintained freedom". The striving for political reconstruction was an alternative way that irritated D. I. Mendeleev. It included: the change of power, focus on political freedoms, waste of budgetary funds on "jokers" and "strikers" instead of educating scientists and engineers.

Methodologically and politically important calculations for the planning of the national economical development of the country, which were discussed above, occurred not only during the First Russian Revolution, 1905-1907, but also at the period between two most significant socio-economic events for the development of Siberia. The first event is the construction of the Trans-Siberian Railway or Great Siberian Route as it was officially called. The second is the agricultural reform by P. A. Stolypin.

---

[1] *Mendeleev D. I.* About the Map of Russia // To the Cognition of Russia by D. I. Mendeleev. Moscow: Iris Press, 2002b. P. 177–178.

[2] Ibid. P. 167.

We should start with the unique, even by today's standards, railway project, which linked Moscow and St. Petersburg to Vladivostok. Until now, the world's longest railway – 9000 km. was not just built, but built in less than ten years, as it is often stated in reference books and special works. However, on May 19, 1891, when Grand Duke Nicholas, the heir to the throne, laid the foundation of the Ussuri railway project, the Great Siberian Route was still in the head of his father – Emperor Alexander III. S.Yu. Vitte wrote: "Thanks to the Emperor's favor and my position I could work on the Siberian road so quickly, and St. Petersburg, or in other words, Paris joined with Vladivostok by rail"[1]. Thus, the Great Siberian Route was directly linked to the main Siberian frontier – peasant.

Alexander III inherited not only the throne bathed in his father's blood who was murdered by terrorists, but also the unsolved problem of the liberation of the serfs. In 1861, when Alexander II signed the historical document of the liberation of the serfs, peasants were 36% of the total Russian population. Considering that farmers received the right to the land for the repayment, it was not given to them personally and was in rural community, and finally, the fact that the process of liberation spread for half a century, the solution to the problems of new agricultural lands, including Siberian alternative, was timely.

Researching the role of the Trans-Siberian Railway, we should compare two frontiers – American and Siberian. To begin with, both the US and Russia had a common model of the territorial expansion. According to the American historian and political scientist Daniel J. Boorstin, the countries of the Old World, such as England, France, Germany and Italy, had the process of unification "National history of the United States is the history of *proliferation.* From the beginning, the United States grew by adding new inland areas with unmarked borders"[2].

Common features were that the process of the development of new territories was also the process of proliferation in Russia (up to Alaska, the Aleutian Islands and forts in California from 1648 to

[1] *Vitte S. Yu.* Count. Memories. Berlin: Word, 1923. P. 395 (in Russian).

[2] *Boorstin D. J.* The Americans: The National Experience. M.: Progress, Litera, 1993. P. 534 (in Russian).

1867 years). Then, it should be noted that the two greatest powers, Russia and the United States almost simultaneously began to solve the problem of the abolition of slavery. The Americans had different attitudes to the policy of the tsarist government in Siberia. For some, Siberia was a large prison, with which it is simply impossible to argue. George Kennan's publications greatly contributed to this idea. Later George Kennan combined his publications into a book "Siberia and exile". Nowadays, it is difficult to judge if Kennan really met with the exiled during his months-long trip to Siberia or just wrote it to "sell sensation". However, the significance of the book, the author's appearances in the prisoners' clothes and shackles played perhaps the same negative image role for Siberia[1] as the book of Marquis de Custine for Russia as a whole.

It's worth noting that by 1900, the ukase of Emperor Nicholas II was issued. It abolished exile to Siberia as a penalty. In November 1901, the Great Siberian Route was brought into operation. It not only linked Europe and the Pacific Ocean, but also played the role of the backbone for the settlement of Siberia. In the east of Russia, industrial enterprises were centered on the Great Siberian Route and ensured the transition to industrial capitalism in the lands that did not know feudal dependence.

Even special studies do not always reveal the potential of Siberia and the possibility of new frontiers. An example of this is a detailed study of the problems by the Americans Fiona Hill and Clifford Gaddy[2]. The researchers considered the old ideas of George Kennan (Gulag as a major economic force for the development of Siberia, the beneficiary of the region, lack of prospects of Siberian economy and cold as the main feature of Siberian life) sufficient to characterize the frontier. "Rather more cold than the value of the territory", defines the essence of common ideas about Russia. In the imagination of a foreign inhabitant, Russia is associated with Siberia, permafrost and

[1] As detailed in: *Zhuravleva V. I.* Understanding Russia in the United States: Images and Myths. M.: Russian State University for the Humanities, 2012. Ch. 5 (in Russian).

[2] *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brooking Institution Press, 2003 (in Russian).

vodka to warm the body and raise the spirit of the long winter night"[1]. Then there is a narration, which by its divergence can be called "General Winter", with the examples of the campaigns of 1812 and 1941-43. Cold together with the territory are two Russian strategic assets.

As for the future of Siberia, the writers are unambiguous: "Siberia is very necessary to Russia, but the Russians should not be forced or persuaded to live in Siberia ... It is important not to discourage those who may or wish to go to Siberia"[2]. F. Hill and K. Gaddy realize the cost of the refrontier and understand that it is too much for the Russian government. On this account, they believe that the programs of international aid can be used, and instead of relocated Siberians it is reasonable to use the force of migrants, for example, from Central Asia or new technology with the service on a rotational basis. From the territory-concession, the project is separated by the preservation of the sovereignty of Russia in Siberia and the Far East, and the compensation in granting Siberia the World Heritage status and specially protected area by the United Nations. "It is time to stop creating myths about Siberia. Russians should start thinking about the vast trans-Uralian spaces as about Russian space, not as Russia. In the thoughts about Russia and its economic geography, the key position of the heart of the motherland should be returned to the historical center around Moscow... Siberia should again be regarded as a "resource frontier"[3].

Thus, American authors offer to wind backward 400 years of the Siberian frontier as a film with not very good story and inglorious end, return to the days of Ivan the Terrible. Today, it is difficult to expect that the next internal Russian border will be "promising" in Siberia. Of course, squeezing out the remnants of non-renewable resources, today it is difficult to expect that the next Russian frontier will be associated with Siberia. But the post-industrial era sets new standards and indicates new resources. The Knowledge Society, the international export of education, the growth in the number of foreign

[1] *Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brooking Institution Press, 2003. P. 40.

[2] Ibid. P. 226.

[3] Ibid. P. 224.

students in the world (from 1 million in 2000 to the expected 8.5 million in 2025) expands the possibilities for the development of Siberia by a new intellectual class. First as residents and later as citizens (from overpopulated areas of the world). The research conducted in Tomsk (72nd place in the QS ranking of the "100 best student cities in the world") shows this prospect. In connection with the solution of the tasks of the National Project "Education", Russia should equal the number of foreign students with Great Britain. Today, for example, students from 93 countries study in Tomsk. In their questionnaires, some call Siberia their second homeland, and the university city of Tomsk – a model of the world. The implementation of this borderline direction, of course, requires the goodwill of all levels of government and a whole range of social efforts.

In conclusion, we quote the words of a graduate of the Tomsk Polytechnic University – a citizen of Yemen: "The time of goodbye is approaching, beloved Russia. And on the day when I fell in love with you, and now, you are still the same beautiful. Empty you will be fine, happiness, health and prosperity. I always felt at home and there is no desire to leave you. Thank you for everything – for your love, kindness and education. I am not saying goodbye, as if you will see my return!

РАЗДЕЛ 2

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПТЫ, ПРАКТИКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

О. В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, М. ЦЕРОВИЧ

ДОМИНАНТНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС И КНР

Аннотация. Предметом исследования этой работы являются внешнеполитические отношения КНР и ЕС, включая сотрудничество в рамках формата «16+1». Метод исследования основан на дискурс-анализе, который выявляет цели китайских инвестиций в Юго-восточной Европе и сравнивает их с реальными экономическими результатами в данной области, а также на контент-анализе, который анализирует заявления представителей правительств и официальные стратегии Европейского Союза, балканских стран и КНР. Основные выводы статьи состоит в том, что Китай сознательно, систематически и постепенно развивает экономическую интеграцию, создавая сеть международных отношений, которая вносит вклад в его стратегию развития и исправляет нарушения, существующие в его экономике, и этим путём решает политические проблемы.
Ключевые слова: китайско-европейские отношения; сотрудничество «16+1»; Балканы, Вышеградская группа, всеобъемлющее стратегическое партнерство ЕС-Китай

Прошло больше четырёх десятилетий с тех пор, как Европейское экономическое сообщество (Европейский Союз в нынешнем формате существует с 1993 г.) и Китайская Народная Республика установили двусторонние торговые отношения. Дипломатические отношения ЕС с Китаем были установлены в 1975 г. и до сих пор регулируются Соглашением о торговле и сотрудничестве между ЕС и Китаем 1985 г., к которому были добавлены другие юридически обязательные соглашения. В последние годы контекст отношений между ЕС и Китаем резко изменился. Интерес Китая к Европе распространяется на новые области, как географически (Центральная и Восточная, а потом и Южная Евро-

па), так и с точки зрения содержания (например, увеличение китайских инвестиций в Европу)[1].

Если говорить о торговле, ЕС является крупнейшим торговым партнером Китая, в то время как Китай является вторым партнером ЕС после Соединенных Штатов[2]. Если рассматривать торговлю ЕС-Китай по странам-партнерам, то можно увидеть, что большая часть торговых потоков сосредоточена на взаимоотношениях с Германией, Великобританией, Нидерландами, Францией, Италией, Испанией, Швецией, то есть ЕС-15. Важно отметить, что другая группа стран стала уделять повышенное внимание своим отношениям с Китаем, а именно в Центральной и Восточной, а потом и в Южной Европе[3].

В настоящее время глубокое и всеобъемлющее стратегическое партнерство между ЕС и Китаем демонстрируется и поддерживается мощными торговыми и инвестиционными потоками, более чем шестидесятью секторальными диалогами, общими интересами и приоритетами на международной арене[4]. Совместное заявление 21-го саммита ЕС-Китай в 2019 г., выявило гармоничное партнерство, взаимовыгодное сотрудничество и общие интересы. Создание платформы связи ЕС-Китай в связи с этим событием рассматривалось как прочная связь между инициативой «Пояс и Путь» и Инвестиционным планом для Европы и ставило в тень такие чувствительные вопросы, как отказ от предоставления Китаю статуса рыночной экономики до тех пор, пока он не станет «рыночной экономикой», или «большим уважением прав человека и верховенства закона», или соблюдением «международных правил и норм», или «взаимностью», а также «равным игровым полем для отечественных и иностранных компаний»[5].

---

[1] *Pralea S., Jitaru L.* EU-China Trade Partnership: Strategic Importance of Central and Eastern European Members. Doctoral School of Economics and Business Administration. Romania. P. 2–5.

[2] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / под ред. И. М. Бусыгиной, И. Ю.Окунева. М.: Аспект Пресс, 2015.

[3] Там же. С. 2–5.

[4] Динамика инноваций / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2011.

[5] Joint statement of the 21st EU-China summit. Delegation of the European Union to China, Bruxelles, 10/04/2019. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/china_en/60836/Joint%20statement%20of%20the%2021st%20EU-China%20summit

Всеобъемлющее стратегическое партнерство ЕС-Китай было начато в 2003 г., за которым в октябре 2006 г. последовало Сообщение под названием «ЕС-Китай: более тесные партнеры, растущая ответственность» и политический документ по торговле, направленный на тесное и всеобъемлющее партнерство с Китаем на двусторонней и многосторонней основе. В 2003 г. Китай выпустил «Белую книгу» по отношениям с ЕС, свою первую в истории «Белую книгу» по отношениям с иностранным партнером. Переговоры по Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (СПС) были начаты в 2007 г., но зашли в тупик в 2011 г. из-за глубоких расхождений, связанных в основном с нормами и ценностями[1].

Стратегическая повестка дня сотрудничества ЕС-Китай на 2020 год, принятая в 2013 г., является совместным документом самого высокого уровня в отношениях ЕС-Китай, устанавливающим сотрудничество в области мира, процветания, устойчивого развития и межличностных обменов. За ним последовало Совместное сообщение об элементах новой стратегии ЕС в отношении Китая, принятое Высоким представителем и Европейской комиссией 22 июня 2016 г., а также Выводы Совета, принятые 18 июля 2016 г., которые формируют Стратегию ЕС в отношении Китая. В 2017 г. преобладали неблагоприятные документы, такиекак «Доклад Европейской комиссии о значительных искажениях в экономике Китайской Народной Республики с целью расследования торговой защиты»[2].

Однако, с 2015 г. тон ЕС по отношению к Китаю изменился. В Стратегии ЕС по Китаю на 2016 г. было упомянуто, что «политика ЕС в отношении Китая должна полностью учитывать тесные отношения ЕС с США и другими партнерами», что противоречит выводам исследований, подчеркивающих, что «зави-

[1] *Bondaz A., Cohen D., Godement F., Kratz A., Pantucci R.* One belt, one road: What's in it for China's economic players? European Council on Foreign Relations, China Analysis. 2015.

[2] *Long J., Dai Y.* The EU's Policy towards China in 2017, in: China Policies of the EU and Its Members 2017 – Two patterns of differentiated cooperation. Center for China-EU Relations. Fudan University. Shanghai Institute for European Studies. January, 2018. P. 8.

симость ЕС от США» является «главным препятствием на пути всеобъемлющего китайско-европейского партнерства».[1]

Факторы, влияющие на отношение ЕС к Китаю и Сотрудничеству «16+1»

Существует несколько основных категорий детерминант позиции ЕС в отношении Китая и рамок Сотрудничества «16+1», как внутренних, так и внешних. Во-первых, после долгового кризиса Еврозоны ЕС столкнулся с другими внутренними вызовами, начиная со слабости европейской экономики, миграционного кризиса, сепаратистских движений, роста популизма и национализма, Брексита[2].

Миграционный кризис вновь обнажил провалы управления ЕС, сопровождавшиеся напряженностью и разногласиями между государствами-членами ЕС. Среди оппонентов страны Вышеградской группы (V4), но особенно три из них, а именно Польша, Венгрия и Чехия, решительно выступали против обязательных квот на беженцев. Ценности и нормы ЕС вновь вышли на первый план. Процесс реформ делает ЕС еще более чувствительным к новым механизмам сотрудничества между Китаем и субрегионами Европы, включая ЦВЕ, поскольку основные институты ЕС и страны, играющие значительную роль в процессе принятия решений ЕС (особенно Германия и Франция), связывают такие механизмы с дополнительной эрозией собственного авторитета[3].

Во-вторых, в 2016 г. китайская COSCO Group (China Ocean Shipping Company) приобрела контроль над греческим портом Пирей, что позволило открыть скоростной маршрут Китай-Европа сухопутно-морской экспресс-пассаж (связывающий Сре-

[1] *Long J., Dai Y.* Op. cit. P. 9.

[2] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institute for World Economy (IWE). Romanian Academy, 2018. P. 3.

[3] *Long J., Dai Y.* The EU's Policy towards China in 2017, in: China Policies of the EU and Its Members 2017 – Two patterns of differentiated cooperation. Center for China-EU Relations. Fudan University. Shanghai Institute for European Studies. January, 2018. P. 10.

диземное море с Грецией, Македонией, Сербией и Венгрией). Это был один из результатов, связанных с платформой Сотрудничества «16+1» как интегрирующей частью инициативы «Пояс и Путь». Такие амбициозные проекты в сердце ЕС не приветствовались уже сложившимися державами, поскольку нынешний экономический порядок во многом основан на правилах, созданных Севером, несмотря на склонность баланса сил в сторону развивающихся экономик и неоднократные попытки скорректировать эти правила. Именно поэтому в настоящее время Юг (во главе с Китаем и его масштабными инициативами) призывает к изменению этих правил в соответствии с новыми реалиями, что отражается и в китайских инициативах, в том числе «16+1»[1].

В-третьих, успехи Китая в области конкурентоспособности, инноваций, науки и техники, а также его недавно начатые крупномасштабные инициативы и цели стать «ведущим инноватором к 2030 году» и «ведущей мировой научно-технической державой к 2049 году» вызвали озабоченность у западноевропейских стран[2]. В то же время увеличение числа китайских приобретений западноевропейских высокотехнологичных компаний привело в сентябре 2017 г. к предложению о регулировании создания новой структуры для отборапрямых иностранных инвестиций в ЕС. Лейтмотивом стали аргументы развитых стран, связанные с национальными интересами и национальной безопасностью, а также использование протекционистских инструментов. По мере того, как глобализация, по-видимому, порождает теперь более позитивные эффекты для развивающихся экономик, антиглобалисткая тенденция становится очевидной, и лозунг «Америка прежде всего» (ставящий интересы Соединенных Штатов выше интересов других стран) больше не является простым лозунгом[3].

В-четвертых, Китай продолжает отстаивать свои «основные интересы» как способ поддержания политической и социальной стабильности и стимулирования экономического, технологиче-

[1] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institute for World Economy (IWE). Romanian Academy, 2018. P. 3–5.

[2] Ibid. P. 3–5.

[3] Ibid. P. 6.

ского и социального прогресса. Его «основные интересы» включают: «государственный суверенитет, национальную безопасность, территориальную целостность и национальное воссоединение, политическую систему Китая, установленную Конституцией, и общую социальную стабильность, а также основные гарантии обеспечения устойчивого экономического и социального развития»[1].

Кроме того, «Китай полностью уважает законные права других стран на защиту своих интересов. Развивая себя, она полностью учитывает законные интересы и интересы других стран и никогда не получает выгоды за счет других и не перекладывает свои собственные проблемы на других»[2]. Защита его принципов вызывает также трения с ЕС в отношении приоритетов, ценностей и внутренних экономических моделей, что связано с трехсторонними отношениями с Соединенными Штатами, скептически относящимися к слишком близкому сближению ЕС и Китая.

Гораздо труднее преобразовать неблагоприятный образ в лучший, чем создать новое представление. Повествование, связанное с этой платформой сотрудничества и ее механизмами, должно быть сосредоточено на координации и синергии между целями «16+1» и приоритетами, инициативами, стратегиями, политикой и проектами ЕС. Например, реальные и перспективные проекты сотрудничества должны быть связаны с политикой развития ЕС, региональными проектами, макрорегиональной стратегией ЕС (связанной с Балтийским морем, Дунаем, Адриатическим и Ионическим морями, Альпийским регионом), Трансъевропейской транспортной сетью, Проектами, представляющими общий интерес (PCI), Программой подключения Западных Балкан и так далее[3].

---

[1] *García-Herrero A., Kwok K.C., Liu X., Summers T., Zhang Y.* EU-China Economic Relations to 2025 – Building a Common Future. A common report by Bruegel. Chatham House. China Center for International Economic Exchanges and the Chinese University of Hong Kon. September, 2017.

[2] Ibid. P. 8.

[3] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institute for World Economy (IWE). Romanian Academy, 2018. P. 5–8.

В конкретные диалоги ЕС-Китай должны быть включены темы, связанные с проектами «16+1» и тем, как они могут дополнять друг друга. Акцент должен делаться на синергии и совместных действиях.

Некоторые страны ЦВЕ во главе с Польшей и Венгрией, чьи лидеры, занимая популистскую, в некоторой мере евроскептическую позицию, пытаются изменить свой статус «зависимых рыночных экономик» (DME)и установить систему более сбалансированных отношений с сильными экономическими партнерами за пределами ЕС. Цель Китая между прочем и отразить интересы развивающихся/развивающихся стран переплетается с интересами ЦВЕ, прекратить их статус «периферии»[1].

Не Китай подпитывает евроскептицизм в ЕС, а сами внутренние противоречия последнего. Несмотря на это, большинство стран Центральной и Восточной Европы остаются сильно зависимыми от рынков и капитала ЕС, и ситуация останется неизменной в долгосрочной перспективе. Кроме того, такие страны, как Польша и Румыния, углубили свое партнерство с США, рассматриваемыми как гарант региональной безопасности. После западных санкций стратегическое партнерство между Китаем и Россией стало более глубоким. Поэтому сложные отношения в треугольнике «Китай-Россия-ЕС» являются значимыми факторами, влияющими на платформу Сотрудничества «16+1»[2].

В обозримом будущем «16+1» останется чувствительным вопросом в отношениях ЕС и Китая. Но, как и в случае с другими чувствительными вопросами, его интенсивность может снизиться, если ЕС как субъект сосредоточится на сильных сторонах и синергии стратегического партнерства, как это было в 2015 г., когда была создана Платформа взаимодействия (между инициативой «Пояс и Путь» и Инвестиционным планом для Европы).

---

[1] *García-Herrero A., Kwok K.C., Liu X., Summers T., Zhang Y.* EU-China Economic Relations to 2025 – Building a Common Future. A common report by Bruegel. Chatham House. China Center for International Economic Exchanges and the Chinese University of Hong Kon. September, 2017.

[2] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institute for World Economy (IWE). Romanian Academy, 2018. P. 8–9.

Если представители институтов ЕС и других стран продолжат принимать участие во встречах высокого уровня в качестве наблюдателей, то это может создать предпосылки для лучшего понимания целей «16+1», что возможно может привести к взаимному доверию[1].

Отношения ЦВЕ и Китая – ретроспективный взгляд

Отношения между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы были установлены в первые дни холодной войны. Таким образом, Китай установил дипломатические отношения с большинством стран ЦВЕ в 1949 г.[2] Несмотря на то, что отношения между Китаем и странами ЦВЕ зависели от отношений Китая с Советским Союзом, эти страны развили многомерные отношения в политической и экономической областях и в академических кругах. Наряду с разрывом отношений между Китаем и Советским Союзом в 60-х годах отношения между ЦВЕ и Китаем ухудшились[3]. Эти отношения постепенно возобновлялись после подрыва политических отношений между Китаем и СССР, которые улучшились в 80-х годах. Тем не менее, отсутствие общих интересов в развитии отношений привело к их отчуждению[4].

С 1989 г. страны ЦВЕ сосредоточили свое внимание на развитии связей с Западной Европой, что позволило им впоследствии присоединиться к ЕС и Организации Североатлантического договора (НАТО). Кроме того, в период 1999–2004 гг. на торговые отношения между Китаем и странами ЦВЕ влияли вопросы, связанные с правами человека, тайваньским вопросом, вопросом

[1] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institutefor World Economy (IWE). RomanianAcademy, 2018. P. 3–8.

[2] Дипломатические отношения с Румынией были установлены 5 октября 1949 г., с Венгрией 6 октября 1949 г. и с Болгарией 4 октября 1949 г. и т.д.

[3] Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной М.: Росспэн, 2012. (Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки)

[4] *Fox J., Godement F.* A Power Audit of EU-China Relations. European Council on Foreign Relations Cambridge. London, 2009.

Тибета. В последующий период, с 2004 по 2007 г., страны ЦВЕ присоединились к ЕС[1].

После вступления в ЕС эти стали проявлять значительный интерес к развитию отношений с Китаем. Одна из мотиваций связана с их собственными приоритетами (политическими, экономическими или обоими), другая – с тем фактом, что Китай оказывает мобилизующее воздействие на всех участников из-за присущих ему сетевых эффектов. В этом смысле мы видим, что Китайская Народная Республика имеет особые отношения с некоторыми странами Центральной и Восточной Европы, такими как Венгрия, Болгария, Румыния, Польша и т.д. «У этих стран хорошие отношения с Китаем, потому что они не преследуют деликатных вопросов, таких как права человека, Тибет или Тайвань, а с 2008 г. подходят к ним более прагматично»[2].

Отношения между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) стремительно развивались в последние годы благодаря открытию новой платформы «16+1» в 2012 г. (после она была переименована в сотрудничество «16+1», разработке стратегии «12 мер»и проведению ежегодных встреч навысоком уровне и на специализированных форумах для значительного увеличения инвестиций и торговли[3]. Встречи на высшем уровне, прошедшие в Будапеште (2011 г.), Варшаве (2012 г.) и Бухаресте (2013 г.), «открыли новые перспективы для сотрудничества Китая со странами Центральной и ВосточнойЕвропы»[4].

Расширение ЕС в 2004 и 2007 гг. принесло значительные изменения как для старых государств-членов ЕС, так и для Китая, который воспринимал ЕС как глобального актора большого стратегического значения, который продолжает играть ключе-

---

[1] *Pralea S., Jitaru L.* EU-China Trade Partnership: Strategic Importance of Central and Eastern European Members. Doctoral School of Economics and Business Administration. Romania. P. 2–5.

[2] *Simurina J.* China's Approach to the CEE-16. Europe China Research and Advice Network (ECRAN). 2014. P. 1–20.

[3] *Turcsányi R.* Central and Eastern Europe's courtship with China: Trojan horse within the EU? European Institute for Asian Studies. 2014.

[4] *Pencea S.* Oehler-Şincai I.M. Romania. Strategic Partner in China-CEE Relations // Global Economic Observer. 2015. Vol. 3, No. 1. P. 45.

вую роль в мировой экономике. Кроме того, расширение ЕС побудило Китай проявить значительный интерес к странам-членам ЕС, и не только из Центральной и ВосточнойЕвропы. Более того, Китай считает, что страны ЕС из Центральной и Восточной Европы являются воротами во всю Европу, в контексте того что Китай, сотрудничая с ними, входит в систему кредитования ЕС, в зону торговли ЕС и т.д. Кроме того, страны этого региона воспринимаются Китаем как «будущий партнер в силу своего экономического и политического потенциала».[1]

Интерес Китая к странам Центральной и Восточной Европы стал заметен накануне вступления в ЕС десяти стран Центральной и Восточной Европы. Это утверждение подтверждается тем фактом, что в октябре 2003 г. Китай разработал свой первый политический документ по отношениям с ЕС – Политический документ Китая по ЕС, – в котором освещаются цели китайской политики в отношении ЕС, области сотрудничества и связанные с ними меры на пять лет. Кроме того, в документе ЕС был определен «как крупная мировая сила, которая будет играть все более важную роль как в региональных, так и в международных вопросах»[2].

Основные причины, по которым Китай проявляет заметный интерес к странам ЦВЕ, связаны с экономическим измерением внешней политики в отношениях с ЕС, а именно: увеличение и диверсификация взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества (китайские инвестиции могут помочь уменьшить как торговый дисбаланс между ЕС и Китаем, так и дисбаланс между ЦВЕ и Китаем)[3].

Кроме того, Китай «хочет создать положительный имидж своих брендов, которые будут ассоциироваться с высококаче-

---

[1] *Jaroch E.* China's foreign policy towards CEE Countries: determinants, development and problems // Gospodarkai Polityka. 2016. URL: http://peoplessquare.pl/2016/03/19/chinasforeign-policy-towards-cee-countries-determinants-development-and-problems/>

[2] *Pralea S., Jitaru L.* EU-China Trade Partnership: Strategic Importance of Central and Eastern European Members. Doctoral School of Economics and Business Administration. Romania. P. 6.

[3] Ibid. P. 6–7.

ственными товарами и услугами»[1], представляя их на рынке стран Центральной и Восточной Европы по доступным ценам; это будет выгодно для продвижения брендов в Западной Европе. Конкретный пример такой ситуации-Huawei.

Отношения между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы оказывают сильное влияние на отношениямежду Китаем и ЕС. Дариуш Калан заявил, что «Китай пытается установить стабильные политические отношения со странами ЦВЕ»[2], развивать приграничную торговлю и политические отношения с ЕС. «Другие эксперты предполагают, что мотивация Китая в развитии политического сотрудничества со странами ЦВЕ обусловлена стимулом к усилению влияния Пекина на процесс принятияр ешений в Европейском союзе»[3]. Интересы стран ЦВЕ во взаимоотношениях с Китаем отличаются от одной страны к другой в зависимости от отношения, принятого к ЕвропейскомуСоюзу.

Важно отметить, что развитие и укрепление отношений между странами ЦВЕ и Китаем вызвало соприкосновение старых стран-членов ЕС, обвинивших Китай в попытке разделить ЕС. Чтобы устранить любые сомнения среди стран-членов ЕС, во время встречи 2013 г. между Китаем и странами ЦВЕ министр иностранных дел Китая Янь Цзечи подчеркнул, что «отношения со странами ЦВЕ носят практический характер и что они не хотят заключать с ними союз»[4]. В поддержку этого заявления государства-члены ЕС, участвующие в платформе «16+1», заявили, что «взаимные отношения с Китаемо существляются в соответ-

[1] *Pralea S., Jitaru L.* EU-China Trade Partnership: Strategic Importance of Central and Eastern European Members. Doctoral School of Economics and Business Administration. Romania. P. 7.

[2] *Jaroch E.* China's foreign policy towards CEE Countries: determinants, development and problems // Gospodarkai Polityka. 2016. URL: http://peoplessquare.pl/2016/03/19/chinasforeign-policy-towards-cee-countries-determinants-development-and-problems/>

[3] Ibid.

[4] *Zuokui L.* The Pragmatic Cooperation between China and CEE: Characteristics, Problems and Policy Suggestions. Working Paper. Institute of European Studies // Chinese Academy of Social Sciences. 2013. Vol. 7, No. 6. P. 7.

ствии с законодательством ЕС и Стратегическим и торговым партнерством ЕС-Китай»[1].

ЕС с КНР в рамках формата «16+1»

Согласно некоторым исследованиям, среди стран ЦВЕ «более высокий уровень интенсивности сотрудничества с Китаем в целом коррелирует с негативным отношением к ЕС, важностью, придаваемой национальным интересам, и признанной необходимостью развития сбалансированных отношений со значимыми акторами на мировой арене», в то время как «более низкие уровни интенсивности сотрудничества с Китаем соответствуют евро-оптимистическим/евро-умеренным позициям, крайней зависимости от внутреннего рынка ЕС или политической инерции»[2].

Польша и Венгрия, члены Вышеградской группы (V4), которые уже являются евроскептиками, а также Сербия «в настоящее время идущая по очень тонкой грани между очевидной необходимостью тесно сотрудничать с Китаем и Россией и успешно продолжать свое вступление в ЕС, провозглашенное высшим приоритетом страны»[3], не были обескуражены позицией ЕС и вскоре стали «чемпионами» сотрудничества с Китаем.

В сербском правительстве считают, что должен быть достигнут баланс между решениями ЕС и их собственными национальными интересами[4]. Сербия стала первой страной региона, заключившей стратегическое партнерство с Китаем в 2009 г., за ней последовали Польша в 2011 г. и Чехия в марте 2016 г. В июне 2016 г. Китай и Польша вывели свое стратегическое партнерство на всеобъемлющий уровень. Венгрия является

---

[1] *Jaroch E.* China's foreign policy towards CEE Countries: determinants, development and problems // Gospodarkai Polityka. 2016. URL: http://peoplessquare.pl/2016/03/19/chinasforeign-policy-towards-cee-countries-determinants-development-and-problems/>

[2] *Oehler-Şincai I. M.* The 16+1 Process: Correlations between the EU Dependence // Attitude Matrix and the Cooperation Intensity with China, forthcoming. 2018.

[3] *Teokarević J.* Serbia: Perspectives on Eurasian Integration // European Council on Foreign Relations. June, 2018.

[4] *Oehler-Şincai I. M.* Op.cit.

партнером с «особым статусом»[1] и проявляет наиболее очевидную политическую волю к укреплению двусторонних отношений с Китаем, даже препятствуя ЕС занять общую позицию по отношению к Китаю в чувствительных вопросах.

Другие страны также были заинтересованы и даже сумели укрепить свои отношения сотрудничества с Китаем. Одна из мотиваций связана с их собственными приоритетами (политическими, экономическими или обоими), другая-с тем, что механизм «16+1» оказывает мобилизующее воздействие на всех участников за счет присущих ему сетевых эффектов. Например, страны Балтии стали «новым ярким пятном» в сотрудничестве Китая и Центральной и Восточной Европы, особенно после запуска проекта сотрудничества в районе трех морских портов (дополняющего Польско-Хорватскую инициативу трех морей 2016 г.)[2].

Их заинтересованность в улучшении связи с транспортными маршрутами ЕС дополнялась необходимостью уменьшить негативные последствия взаимных санкций ЕС и России. Поэтому Латвия успешно подготовила Рижский саммит 2016 г. и создала логистический координационный центр. Эстония подписала на саммите высокого уровня в Будапеште в ноябре 2017 г. три экономических договора с Китаем: Меморандум об инициативе Шелкового пути, соглашение о цифровом Шелковом пути и соглашение об электронной торговле, в соответствии со своими собственными приоритетами. Литва также подписала в Будапеште Меморандум об Инициативе Шелкового пути; его приоритеты сотрудничества с Китаем связаны с: транспортом и логистикой;сельским хозяйством; финансовыми услугами и электронной коммерцией[3].

В свою очередь Словакия, стимулируемая «прагматичным толчком со стороны деловых кругов и экономических мини-

[1] *Chen X.* How Hungary Perceives the Belt and Road Initiative and China-CEEC Cooperation. China Social Sciences Press. National Think Tank (1). Beijing, 2018.

[2] *Góralczyk B.* China's interests in Central and Eastern Europe: enter the dragon, European View. 2017.

[3] *Iulia Monica, Oehler-Sincai.* 16+1, a New Issue in China-EU Relations?. Institute for World Economy (IWE). Romanian Academy, 2018. P. 7–9.

стерств», утвердила в апреле 2017 г. «Стратегию развития экономических отношений с Китаем на 2017–2020 годы»[1]. В последнее время Словения также выступает в качестве одного из наиболее активных партнеров в формате «16+1».

Это свидетельствует не только о взаимосвязи «16+1» с Новым Шелковым путем, но и с другими европейскими инициативами, а также о тенденции партнеров Китая самостоятельно выбирать свои приоритеты. Однако темпы реализации крупномасштабных проектов остаются медленными, и это объясняется «постепенным процессом институционализации» в «установленной нормативной среде, сформированной и навязанной ЕС»[2].

Кроме того, Китай пригласил представителей институтов ЕС и других стран принять участие во встречах высокого уровня в качестве наблюдателей (представители Европейской службы внешних действий, Европейского банка Реконструкции и развития, Австрии, Беларуси, Греции, Швейцарии). Следует также подчеркнуть, что диалог по международным и политическим вопросамбыл исключен из повестки дня «16+1»специально для того, чтобы не вмешиваться в общую внешнюю политику и политику безопасности[3].

Время от времени появляются положительные комментарии со стороны ЕС, даже если они включают нюанс решимости отстаивать позиции ЕС, что подчеркивается заявлениями о том, что «сотрудничество дополняет общую политику ЕС в отношении Китая, если оно соответствует правилам ЕС» и «роль как Комиссии, так и Европейской службы внешних действий заключается в поддержке государств-членов, которые принадлежат к этому форматуи помогают им убедиться, что эта деятельность дополняет то, что мы делаем в отношениях ЕС и Китая»[4].

---

[1] *Turcsányi R. Q.* Slovakia's Overdue China Strategy. The Diplomat. November. 2017.

[2] *Jakóbowski J.* Chinese-led Regional Multilateralism in Central and Eastern Europe, Africa and Latin America: 16 + 1, FOCAC, and CCF, Journal of Contemporary China. 2018.

[3] *Jakóbowski J.* Op. cit.

[4] *Zalan E.* Hungary-Serbia Railway Launched at China Summit, November 29, 2017. EUObserver.

Китайское присутствие в ЦВЕ по-прежнему ограничено с точки зрения торговли и инвестиций, и Западная Европа сохранит свое доминирующее положение из-за географических и структурных экономических факторов, как по сравнению со старыми государствами-членами здесь, так и с присутствием Китая в Западной Европе. Невозможно отметить какого-либо последовательного роста зависимости от Китая в Центральной и Восточной Европе.Следует учитывать возможность изменения отношения некоторых стран ЦВЕ к Китаю в негативную сторону, как уже отмечалось в случае с Польшей, которая стала «менее оптимистичной»[1], главным образом из-за уравнения Китай-Россия-США.

Смотря на перечисленные выше факты, можно сделать вывод, что, с одной стороны, коммерческое партнерство ЕС-Китай обеспечивает благоприятную среду для развития и укрепления отношений сотрудничества ЦВЕ-Китай, а с другой стороны, отношения сотрудничества ЦВЕ-Китай могут привести к укреплению торгового партнерства ЕС-Китай и решению проблем, с которыми сталкивается ЕС в отношениях с Китаем.

Поощрение гибкости и содействие реструктуризации, которая гарантировала бы плавную и быструю адаптацию к тенденциям мирового спроса, остаются важными политическими задачами, с которыми сталкиваются исследуемые государства. Преобладание вклада торговли промежуточными товарами в развитие соответствующих долей на рынках Китая/Центральной и Восточной Европы подтверждает, что вертикальная интеграция и торговля цепочками поставок по-прежнему лежат в основе успешных торговых показателей. Из-за отсутствия прогресса на многостороннем уровне и неспособности Всемирной торговой организации решать конкретные вопросы, связанные с торговлей цепочками поставок, региональные рамки сотрудничества ЕС-Китай по-прежнему имеют решающее значение для содействия

[1] *Mierzejewski D.* Poland external relations briefing: Poland and Budapest 16+1 Summit, November 2017.

развитию торговли между странами Центральной и Восточной Европы и Китаем.

Единый европейский рынок остается очень привлекательным для китайских компаний, поскольку ЕС представляет собой надежный дом для их инвестиций. Совокупная торговля между ЕС и Китаем составляет более 1 миллиарда евро (1,1 миллиарда долларов) в день. Китаю нужны союзники среди западных держав, приверженных свободной торговле и глобализации, которым он обязан своим замечательным экономическим успехом. Не в последнюю очередь Пекин стремится к тому, чтобы его глобальные амбиции были одобрены ЕС.

О. В. БАХЛОВА, И. В. БАХЛОВ

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛОРУССИИ И РОССИИ В ПОВЕСТКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА[1]

Аннотация. В статье исследуются достигнутое состояние и вероятные направления развития российско-белорусской интеграции в рамках Союзного государства. Выявляется совокупность опосредующих их факторов внутренней и внешней среды. Акцентируется специфика геополитического окружения в контексте вызовов, актуальных для союзного строительства. Анализируются содержание и доминанты официального дискурса России и Белоруссии по проблематике двустороннего интеграционного взаимодействия с учетом рисков политического характера. Обосновано мнение о важности Союзного государства как модели наиболее возможной глубокой интеграции на пространстве СНГ.

Ключевые слова: внешние и внутренние вызовы, внутри белорусский кризис, геополитическое окружение, «позитивный» суверенитет, российско-белорусская интеграция, Союзное государство Беларуси и России, сценарии развития интеграции.

События последнего времени превратили проблематику российско-белорусской интеграции в один из фокусов повестки политического сообщества на разных уровнях, притом не только двух стран–участниц Союзного государства (СГ). Внутриполитический кризис в Республике Беларусь (РБ), осложняемый и усугубляемый внешним вмешательством со стороны ряда западных акторов, активизировал обсуждение как достигнутого состояния, так и будущего данного интеграционного проекта, на

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения».

который некогда возлагались большие надежды, в том числе в политической плоскости.

Следует отметить, что, разумеется, и до наступления кризиса в силу своего объективного значения, потенциала и вместе с тем наличия проблемной составляющей на фоне обостряющихся многослойных угроз и вызовов Союзное государство, вопросы развития российско-белорусских отношений традиционно привлекали внимание как теоретиков, так и политиков. Оживлению исследовательского интереса и различного рода заявлений в геополитических и внутриполитических целях в данном ракурсе весьма способствовали юбилейные даты постсоветской интеграции, особенно двадцатилетие со дня подписания Договора о создании Союзного государства Беларуси и России.

Характерны, например, публикации, в которых подводятся основные итоги, обобщаются успехи и неудачи на этом пути[1]. Так, С. В. Астахова констатирует достижение в рамках Союзного государства значительного прогресса в разных сферах, подчеркивая также возможности использования накопленного в нем позитивного опыта в более широком формате Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[2]. Белорусский автор В. А. Янчук рассуждает о формировании Союзного государства с позиции всесторонней реинтеграции (экономической, политической, социальной и духовной), акцентируя ее исторические корни и выделяя этапы «ускоренной реинтеграции» (1996–2001 гг.), «торможения» (2002–2013 гг.) и «упускаемых возможностей» (с 2014 г.)[3]. Другие исследователи определяют современный этап

[1] См.: *Иванцов А. В.* Российско-белорусские отношения: приоритетные направления развития // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 4 (179); *Кохно П.* Белорусско-российские интеграционные процессы на современном этапе // Общество и экономика. 2019. № 3; *Малышев Д. В.* Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 8.

[2] *Астахова С. В.* Белоруссия и Россия: 20 лет интеграции // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1 (46).

[3] *Янчук В. А.* Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 61, 68.

союзного строительства как «перепутье», «пробуксовку»[1] и даже как этап кризиса или стагнации, именуя само Союзное государство «политическим реликтом 1990-х годов»[2]. Сложности и уязвимости этого образования, двусторонней интеграции в целом усматриваются в объективном и субъективном измерениях, будучи увязываемыми как с сохраняющимися ограничениями социально-экономического плана, так и с недостатком политической воли с обеих сторон либо попытками ситуативного лавирования и акцентирования собственных интересов в ущерб союзным. Затягивание процесса объединения России и Беларуси коррелируется с отсутствием согласованных позиций политических элит обоих государств[3].

Кроме того, авторы учитывают специфику внешней для Союзного государства среды – геополитического окружения, нарастающих угроз безопасности извне, наращивания санкционной политики и пр.[4] Важно заметить, что в данном случае осуществляется сопряжение разных уровней безопасности – национальной, союзной и международной, разных уровней и форматов

---

[1] *Шурубович А. В.* Российско-белорусская интеграция вновь на перепутье // Мир перемен. 2020. № 1. С. 165–179.

[2] *Суздальцев А. И.* Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.

[3] См.: *Ковалёва Э. В.* Роль правящей элиты в российско-белорусских отношениях (к 10-летию создания Союзного государства) // Социология власти. 2009. № 7. С. 116–126; *Куракина С. И., Баршова О. А.* К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 137–159; *Сусяев А. И.* Проблема политико-институционального оформления союзного государства России и Белоруссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2011. № 2 (20).

[4] См.: *Бояшов А. С.* Потенциал Союзного государства в системе ООН // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 138–148; *Карпиленя Н. В.* Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства. М., 2020; *Мануилова П. В.* Механизмы реализации внешней политики Союзного государства России и Белоруссии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 8. С. 1568–1579; *Ступаков Н. В.* Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию Союзного государства) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3 и др.

координации действий России и Белоруссии во внешнеполитической сфере, включая Организацию Объединенных Наций (ООН), проект «большой евразийской интеграции» и само Союзное государство. В частности, известный белорусский специалист по российско-белорусским отношениям А. П. Косов характеризует Союзное государство как состоявшийся геополитический проект и отмечает его геополитический потенциал в формировании центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе; по его мнению, «перед лицом внешних вызовов и угроз именно в сфере обеспечения безопасности наблюдается наиболее тесное сотрудничество сторон и отсутствие конфликтов, чего так не хватает другим сферам взаимодействия», хотя Россия, по его мнению, не желает до конца понять суть геополитических интересов Беларуси[1]. В свою очередь, российские исследователи неоднозначно оценивают пресловутую многовекторность РБ, приверженность которой, несомненно, сказывается и на результатах союзного строительства. Так, прозападный вектор белорусской внешней политики даже признается одной из главных причин российско-белорусского кризиса 2018–2019 гг.[2]. Однако по большей мере в российском научном сообществе поддерживается взвешенный подход, который можно назвать конструктивно-дипломатичным. Одно из примечательных в данном смысле утверждений – «Беларусь относительно непротиворечиво придерживается многовекторности в дипломатической и экономической сферах, но ввиду нарастающих геополитических рисков сохраняет союз с Россией в военной сфере»[3]. Подобные риски для Беларуси обнаруживаются в первую очередь на западном направлении (действия Польши, Евросоюза, НАТО, США). Представляется насущным акцент на

[1] *Косов А. П.* Союзное государство Беларуси и России в 1999–2018 гг.: геополитический аспект // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 537, 546.

[2] *Суздальцев А. И.* Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Востоком и Западом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 2.

[3] *Воробьёв П. С.* Российское и европейское направления во внешней политике Республики Беларусь // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 194.

потенциале Союзного государства для создания юридическими средствами механизма защиты и противодействия агрессивной политико-правовой деятельности, применению недобросовестных приемов манипулирования и злоупотребления международным правом в целях оправдания различных форм вмешательства во внутренние дела государств[1].

Соответствующая расстановка акцентов на тех или иных аспектах российско-белорусской интеграции, просчетах и достижениях обусловливает диверсификацию перспектив развития Союзного государства в исследовательских оценках. В частности, В. А. Эпштейн и А. С. Вильчинский приоритетным вариантом российско-белорусской интеграции считают восточноазиатский формат, по причине преимущественно экономического характера кооперации и отсутствия наднациональных институтов, полагая, что кооперация усилий по отдельным взаимовыгодным вопросам, а также реализация совместных проектов (например, БелАЭС) в совокупности могли бы стать важными элементами в углублении экономической интеграции и дальнейшем укреплении Союзного государства[2].

В более широком проблемном поле разрабатываются разнообразные сценарии развития Союзного государства. В частности, член-корреспондент РАН А. Н. Спартак таковых предлагает три: 1) существенное сужение функционала СГ в условиях дальнейшего углубления евразийской интеграции и расширения компетенции ЕАЭС; 2) глубокая заморозка проекта СГ, независимо от прогресса евразийской экономической интеграции, в силу трудного экономического положения сторон, значительных финансовых ограничений у России и накопления взаимной неудовлетворенности и претензий друг к другу; 3) наименее вероятный –

[1] *Воробьёв П. С.* Указ. соч.; *Петрова Г. В.* Роль Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в обеспечении безопасности евразийской интеграции в условиях создания «Большой Евразии» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 3 (16). С. 47; *Сергеев Н. М., Фадеев А. В.* Активизация внешней политики Польши в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25).

[2] *Эпштейн В. А., Вильчинский А. С.* Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3).

принятие долгосрочного политического решения о целесообразности дальнейшего развития формата СГ[1]. Однако в них артикулируются преимущественно экономические факторы; кроме того, названные сценарии были сформулированы задолго до интересующих нас событий. Более поздний пример, но также не охватывающий события 2020 г., – сценарии, выявляемые заведующей сектором анализа макроэкономической динамики Института экономики Национальной академии наук (НАН) РБ Л. Н. Воронецкой: 1) вхождение Беларуси в состав России: потеря суверенитета, но приобретение ряда привилегий; 2) развитие Союзного государства как федерации с общим бюджетом и единой валютой, новой государственной символикой; 3) образование конфедерации с сохранением суверенитета и финансовой самостоятельности; 4) дружба между Беларусью и Россией, как и с другими странами ЕАЭС, формальное существование СГ; 5) отдаление друг от друга РБ и России, нежелание строить дальнейшие отношения вплоть до полного прекращения любых взаимодействий и поиска партнеров на стороне. Предпочтительный, с ее точки зрения, третий сценарий, самые нежелательные и маловероятные – первый и пятый[2].

Внутрибелорусский кризис 2020 г. и его последствия для Союзного государства пока не получили должного освещения в серьезных академических публикациях, хотя в различных средствах массовой информации, в том числе интернет-изданиях, интернет-пространстве в целом, высказывается немало суждений и допущений на этот счет. Так, на антилукашенковском пропольском ресурсе «Новости. TUT.BY» среди вероятных рисуется сценарий «Углубление интеграции с Россией в обмен на экономическую поддержку». Уже фактически стереотипным и привычным для оппозиционных белорусских СМИ является его крайне негативная оценка как «аншлюса или аннексии Беларуси». Последствиями реализации сценария видятся практически

[1] *Спартак А. Н.* Направления и сценарии взаимодействия России и Беларуси в формате Союзного государства // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 3.

[2] *Воронецкая Л.* Союзное государство Беларуси и России: 5 сценариев развития. URL: https://eurasia.expert/5-stsenariev-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva/.

сплошь отрицательные (для Беларуси): падение объемов торговли белорусских предприятий с демократическими странами; возможное поглощение белорусских предприятий российскими корпорациями и т.п.[1] На другом оппозиционном ресурсе, но уже российском, – «Эхо Москвы», – член экспертной группы Е. Ш. Гонтмахер делает вывод о том, что «нынешний белорусский режим уже напрямую угрожает существованию Союзному Государству и интересам Евразийского экономического Союза»; среди прочего, он ссылается на то, что в зону риска попадают «и дружеские массовые отношения между россиянами и белорусами», пророча переориентацию белорусского общественного мнения[2]. Критические оценки, но несколько иного спектра, присущи и некоторым другим экспертам. В частности, заместитель директора Института стран СНГ В. Л. Жарихин отмечает возможность негативных результатов кризиса как для интеграции на пространстве СНГ (ЕАЭС, ОДКБ), так и для самой Беларуси; при этом он изначально скептически трактует перспективы собственно Союзного государства с политтехнологической точки зрения, особенно в разрезе позиции белорусского президента[3].

Вместе с тем в экспертном и политическом сообществе Российской Федерации и Республики Беларусь превалирует нацеленность на совместный поиск причин не вполне удовлетворительного состояния Союзного государства и путей его продвижения как интеграционного формата. Показательна в данном ракурсе позиция сенаторов Российской Федерации, например, К. И. Косачева. Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации выступает за «выстраивание полноценного формата отношений в Союзном государстве России и Белоруссии», сосредотачиваясь на конкретных действиях, разработке «дорожных карт» с четко зафиксированными сроками, исполни-

[1] Кризис в Беларуси: сценарии, последствия для экономики и вопросы, на которые стоит искать ответы. URL: https://news.tut.by/economics/704562.html.

[2] *Гонтмахер Е.* Белорусский кризис. URL: https://echo.msk.ru/blog/gontmaher/2742514-echo/.

[3] Сысоев Т. Союзное государство – это тупиковый путь. URL: https://expert.ru/2020/08/14/soyuznoe-gosudarstvo---eto-tupikovyij-put/.

телями, которые несут ответственность за достижение поставленных задач; он отмечает наличие «в общем и целом» позитивного опыта, признавая и негативную составляющую, накопившуюся за 20-летний период. При этом очевидно, что СГ видится сенатором в будущем скорее не как автономное, самодостаточное интеграционное образование, а как инкорпорированное в ЕАЭС и даже «Большое евразийское партнерство»[1].

Собственно, именно такая линия по преимуществу просматривается в официальных заявлениях лидеров обеих стран. Так, обращение к содержанию сайта Президента России (http://www.kremlin.ru) свидетельствует о достаточно выраженном интересе к исследуемой теме. Общий поисковый запрос со словосочетанием «Союзное государство» (http://www.kremlin.ru/search?query=Союзное+государство) выдал 457 результатов (по состоянию на 20 ноября 2020 г.). Сужение временных интервалов поиска до определенных сроков, коррелирующих со значимыми датами в ходе президентской избирательной кампании в Республике Беларусь и поствыборных событий предоставило следующие показатели: в период с 9 мая (8 мая 2020 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь была назначена дата проведения президентских выборов в РБ – 9 августа[2]) по 9 августа 2020 г. – 4 результата; с 10 августа по 20 ноября 2020 г. – 9 результатов.

В рамках первого периода наиболее важными событиями в плоскости подтверждения официальных характеристик российско-белорусских отношений были открытие 30 июня 2020 г. Ржевского мемориала Советскому солдату (который, по словам А. Г. Лукашенко, всегда будет символом нерушимой дружбы между Россией и Беларусью[3]) и День независимости Республики

[1] Опыт Союзного государства поможет развитию отношений в ЕАЭС, считают в Совфеде. URL: https://www.pnp.ru/politics/opyt-soyuznogo-gosudarstva-pomozhet-razvitiyu-otnosheniy-v-eaes-schitayut-v-sovfede.html.

[2] Президентские выборы–2020 в Беларуси. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/belarus-presidential-election-news/parlament-naznachil-prezidentskie-vybory-na-9-avgusta_i_0000112451.html.

[3] Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63585.

Беларусь 3 июля 2020 г., когда в своем поздравлении Президенту РБ В. В. Путин отметил развитие двусторонних отношений «в духе дружбы и союзничества», налаживание координации усилий в сферах внешней политики и обороны, масштабные совместные проекты в торгово-экономической, гуманитарной, научно-технической и других областях и выразил уверенность в обеспечении дальнейшего наращивания российско-белорусских связей на всех направлениях, а также конструктивного взаимодействия в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ[1].

В рамках второго периода выделяются:

– поздравление Президента РФ 10 августа 2020 г. А. Г. Лукашенко с победой на выборах Президента РБ, в котором российский лидер дал весьма сходную трактовку российско-белорусских отношений, подчеркнув их взаимовыгодный характер и соответствие коренным интересам братских народов России и Беларуси, надежду на содействие избранным главой государства углублению сотрудничества в Союзном государстве и наращиванию интеграционных процессов в других форматах (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ)[2];

– встреча с Президентом РБ А. Г. Лукашенко 14 сентября 2020 г. в ходе его рабочего визита в РФ (Сочи): была четко обозначена российская позиции относительно внутрибелорусского кризиса: «мы за то, чтобы белорусы сами, без всяких подсказок и давления извне, в спокойном режиме и в диалоге друг с другом разобрались в этой ситуации и пришли к общему решению, как выстраивать свою работу дальше»; Президент РФ заметил, что Россия рассматривает Беларусь как ближайшего союзника и поддержал дополнительные усилия и шаги на уровне правительств, министерств, ведомств и отдельных предприятий для устранения имеющихся проблем и создания условий «для движения вперед»[3].

---

[1] Поздравление Александру Лукашенко по случаю Дня независимости Республики Беларусь. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63597.

[2] Поздравление Александру Лукашенко с победой на выборах Президента Белоруссии. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63872.

[3] Встреча с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64031.

Схожую картину демонстрирует контент официального интернет-портала Президента Республики Беларусь (http://www.president.gov.by). Поиск по запросу с аналогичным словосочетанием «Союзное государство» (http://www.president.gov.by/ru/search_ru/getResults/?search_str=Союзное+государство&x=0&y=0&search_photo_video=) показал 659 документов; в период с 9 мая по 9 августа 2020 г. – 17; с 10 августа по 20 ноября 2020 г. – 14.

Первый период для белорусской стороны был достаточно насыщен событиями, в которых присутствовал тот или иной интеграционный посыл: кроме ранее названных, это празднование Дня Победы – 9 Мая, встречи с Председателем Правительства РФ М. В. Мишустиным 17 июля 2020 г. и Министром иностранных дел России С. В. Лавровым 16 июня 2020 г., XXIX Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». В высказываниях белорусского президента при этом, помимо заверений в союзничестве, дружбе народов двух стран и т.п. прослеживался явный акцент на необходимости выстраивания союзных отношений «исключительно на равноправной основе»; надо заметить, что и российский премьер-министр заявлял, что «при развитии интеграционных процессов обязательным условием является сохранение независимости»[1].

Второму периоду, уже характеризовавшемуся нарастанием внутреннего кризиса в РБ и более ощутимым внешним вмешательством, была предсказуемо присуща иная расстановка акцентов. В ходе различных поездок, совещаний, выступлений и пр. А. Г. Лукашенко говорил о Союзном государстве практически без критического подтекста, призывая к его укреплению. Особенно примечательна артикуляция военно-политического компонента российско-белорусской интеграции. Тема обороны Союзного государства, общих границ затрагивалась, например, на встрече с Президентом РФ 14 сентября 2020 г. Также белорусский лидер активно обращался к вопросам разработки и реализа-

[1] Встреча с Председателем Правительства России Михаилом Мишустиным. URL: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-pravitelstva-rossii-mixailom-mishustinym-24054/.

ции программ Союзного государства, обеспечения его информационной и экономической безопасности, исторической памяти. В этом плане весьма информативным было его выступление от 29 сентября 2020 г. на VII Форуме регионов Беларуси и России. Его лейтмотив – «История подтверждает, что только вместе, сообща нам удается добиваться значимых результатов»; одновременно А. Г. Лукашенко не обошел вниманием один из постоянных сюжетов проблемных дискурсивных практик во взаимных отношениях – «создание равных условий для белорусских и российских субъектов хозяйствования»[1].

Важно, что в рассматриваемый период активизировалась и переговорная практика в формате Союзного государства. РФ и РБ достигли ряда договоренностей по нескольким направлениям, что должно способствовать решению застарелых проблем и достижению новых горизонтов интеграционного планирования и конкретных результатов. В первую очередь это решения о снижении платы за роуминг, урегулировании задолженности белорусской стороны перед «Газпромом», возобновлении диалога по «дорожным картам». Переговоры охватывают широкий спектр вопросов в социальной сфере, сферах энергетики, промышленности, транспортной инфраструктуры, культуры, образования. Прозвучали некоторые новые инициативы, например, об организации производства вакцины в Беларуси с использованием российских технологий и технологического процесса[2].

---

[1] Выступление на пленарном заседании VII Форума регионов Беларуси и России. URL: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-plenarnom-zasedanii-vii-foruma-regionov-belarusi-i-rossii-24604/.

[2] См.: Головченко: у Беларуси и России единая победа, общая историческая память и судьба. URL: https://soyuz.by/politika/golovchenko-u-belarusi-i-rossii-edinaya-pobeda-obshchaya-istoricheskaya-pamyat-i-sudba; Лукашенко: Беларусь и Россия продвинулись в решении накопившихся проблем. URL: https://soyuz.by/politika/aleksandr-lukashenko-belarus-i-rossiya-znachitelno-prodvinulis-v-reshenii-nakopivshihsya-problem-i-zadach; Лукашенко и Путин по телефону обсудили ряд вопросов. URL: https://soyuz.by/politika/lukashenko-i-putin-po-telefonu-obsudili-ryad-voprosov; Семашко: Беларусь и Россия возобновили обсуждение дорожных карт по интеграции в СГ. URL: https://soyuz.by/politika/semashko-belarus-i-rossiya-vozobnovili-obsuzhdenie-dorozhnyh-kart-po-integracii-v-sg.

Представители экспертного, научного и политического сообщества акцентируют новые вызовы для Союзного государства, адекватная и эффективная реакция на которые может обеспечить и появление новых возможностей для сближения.

К ним относят прежде всего распространение коронавирусной инфекции; обострение борьбы за технологии и рынки сбыта, в том числе с участием экономических блоков; дискриминацию и расширение деструктивной риторики в информационном пространстве. Соответственно, предлагаются разработка и внедрение совместной союзной стратегии развития и проектов-драйверов; укрепление кооперационных связей между российскими и белорусскими предприятиями; создание инфраструктуры гуманитарного сотрудничества, включая общие «горизонтальные» проекты.

Посол Российской Федерации в Республике Беларусь Д. Ф. Мезенцев подчеркивает: «чем крепче будут союзнические отношения Беларуси и России, тем больше положительных результатов от интеграции»; директор Белорусского института стратегических исследований О. С. Макаров обоснованно замечает, что «нужно показывать перспективы и цели нашей интеграции»; в этой связи сопредседатель Гражданской инициативы «Союз» С. С. Лущ акцентирует внимание на необходимости создания в рамках Союзного государства новых цифровых платформ и площадок (социальных сетей и пр.), «на которых продвижение видения о совместном будущем Беларуси и России станет более эффективным»[1].

К консолидации усилий в борьбе с вызовами и угрозами призывает Государственный секретарь Союзного государства Г. А. Рапота, с сожалением констатирующий виток националь-

[1] См.: Лущ: назрела необходимость создания инновационных медиаплатформ в рамках Союзного государства. URL: https://soyuz.by/mnenie/lushch-nazrela-neobhodimost-sozdaniya-innovacionnyh-media-platform-v-ramkah-soyuznogo-gosudarstva; Погода на завтра. Самые авторитетные эксперты обсудили, какой будет жизнь в Союзном государстве после пандемии // Союз. Беларусь-Россия. 2020. № 21 (937). URL: https://rg.ru/2020/06/10/kakoj-budet-zhizn-v-soiuznom-gosudarstve-posle-pandemii.html.

ного эгоизма в мире в целом и настаивающий на повышении роли интеграционных объединений[1].

Таким образом, вызовы для Союзного государства можно трактовать и как внешние, и как внутренние. Влияние разных вызовов далеко неодинаково. Представляется, что некоторые либо все из внешних вызовов потенциально нивелируются укреплением интеграционного взаимодействия на разных уровнях. Многое в этом плане будет зависеть от того, способно ли Союзное государство обрести статус единого международного актора. По крайней мере, нужно добиться не только координации усилий и линий России и Беларуси на международной арене, но и перевода обсуждения внешнеполитической проблематики и совместного реагирования на возникающие опасности и угрозы в интеграционную плоскость, обеспечения взаимной лояльности и поддержки на основе консенсуса национальных интересов, которые должны встраиваться в систему общесоюзных стратегических приоритетов.

Однако здесь, как и на других направлениях, перспективы пока туманны и опосредуются внутриполитическими обстоятельствами, в том числе конъюнктурного происхождения. Уязвимым в наибольшей степени продолжает оставаться именно внутреннее измерение – как в пределах двух стран, так и Союзного государства. В частности, ввиду актуализации вопросов политической легитимности и несформированности единого политического сообщества в рамках Союзного государства. В СГ нет ни полноценной наднациональной бюрократии, подобной брюссельской, которая могла бы лоббировать, пусть и к своей пользе, ускорение переноса центра тяжести принятия политических решений на Союзное государство в целом, ни множества или даже достаточного количества эффективно действующих агентов интеграционных процессов, включая союзные общественные объединения, каковых пока чрезвычайно мало. Роль

[1] Рапота: Государства впадают в штопор национального эгоизма. URL: https://soyuz.by/mnenie/rapota-gosudarstva-vpadayut-v-shtopor-nacionalnogo-egoizma; Роль интеграционных объединений сейчас особенно велика – Григорий Рапота https://gaugn.ru/ru-ru/events/rapota-pe-2020.

приграничных регионов и иных участников горизонтальных коммуникаций тоже ограничена – и политическими, и экономическими, и прочими факторами, причем и с белорусской, и с российской стороны.

Внутрибелорусский кризис, несомненно, является вызовом для Союзного государства. Его эскалация может привести даже к краху данного проекта. Хотя в повестке белорусской оппозиции интеграционная тема не первостепенна, она, несомненно, эксплуатируется внешними и внутренними игроками. Тем не менее, вспомним о том, что в теории международной интеграции, например, в неофункционализме, признается, что кризисы необходимы для дальнейшего развития интеграции (Л. Линдберг), а урегулирование кризисов считается сутью интеграционной динамики (Ф. Шмиттер)[1]. Это применимо и к внутригосударственному, и к союзному уровням. Данный кризис можно рассматривать и как некий шок, который, вероятно, послужит катализатором новых импульсов и решений. Необходимо найти разумный баланс между прежним и будущим векторами развития, чтобы не перейти условную «красную линию». Но та артикуляция суверенитета, которая присутствовала и продолжает присутствовать в риторике представителей политического сообщества обеих стран, на перспективу представляется нерациональной. Возможности для Союзного государства в нынешней ситуации кроются не в укреплении «негативного» суверенитета стран–участниц СГ, а его видоизменении в «позитивный» суверенитет полноценного интеграционного объединения. Полагаем, что сам формат Союзного государства желательно реанимировать, не допустив его растворения в других – ЕАЭС и ОДКБ. Несмотря на все сложности и проблемы, именно Союзное государство выступает идеальной моделью для наиболее тесной интеграции с участием России. Суть заключается не только в сохранении традиций близких или родственных социокультурных параметров народов России и Беларуси, но и в преодоле-

[1] См.: *Бахлова О. В.* Функциональная модель интеграции: теоретико-концептуальные основы и практическая реализация // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2008. № 7.

нии геополитических уязвимостей для пространственного и иного развития обеих стран.

События последнего времени превратили проблематику российско-белорусской интеграции в один из фокусов повестки политического сообщества на разных уровнях, притом не только двух стран–участниц Союзного государства (СГ). Внутриполитический кризис в Республике Беларусь (РБ), осложняемый и усугубляемый внешним вмешательством со стороны ряда западных акторов, активизировал обсуждение как достигнутого состояния, так и будущего данного интеграционного проекта, на который некогда возлагались большие надежды, в том числе в политической плоскости.

Следует отметить, что, разумеется, и до наступления кризиса в силу своего объективного значения, потенциала и вместе с тем наличия проблемной составляющей на фоне обостряющихся многослойных угроз и вызовов Союзное государство, вопросы развития российско-белорусских отношений традиционно привлекали внимание как теоретиков, так и политиков. Оживлению исследовательского интереса и различного рода заявлений в геополитических и внутриполитических целях в данном ракурсе весьма способствовали юбилейные даты постсоветской интеграции, особенно двадцатилетие со дня подписания Договора о создании Союзного государства Беларуси и России.

Характерны, например, публикации, в которых подводятся основные итоги, обобщаются успехи и неудачи на этом пути[1]. Так, С. В. Астахова констатирует достижение в рамках Союзного государства значительного прогресса в разных сферах, подчеркивая также возможности использования накопленного в нем позитивного опыта в более широком формате Евразийского эко-

[1] См.: *Иванцов А. В.* Российско-белорусские отношения: приоритетные направления развития // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 4 (179).; *Кохно П.* Белорусско-российские интеграционные процессы на современном этапе // Общество и экономика. 2019. № 3; *Малышев Д. В.* Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 8.

номического союза (ЕАЭС)[1]. Белорусский автор В. А. Янчук рассуждает о формировании Союзного государства с позиции всесторонней реинтеграции (экономической, политической, социальной и духовной), акцентируя ее исторические корни и выделяя этапы «ускоренной реинтеграции» (1996–2001 гг.), «торможения» (2002–2013 гг.) и «упускаемых возможностей» (с 2014 г.)[2]. Другие исследователи определяют современный этап союзного строительства как «перепутье», «пробуксовку»[3] и даже как этап кризиса или стагнации, именуя само Союзное государство «политическим реликтом 1990-х годов»[4]. Сложности и уязвимости этого образования, двусторонней интеграции в целом усматриваются в объективном и субъективном измерениях, будучи увязываемыми как с сохраняющимися ограничениями социально-экономического плана, так и с недостатком политической воли с обеих сторон либо попытками ситуативного лавирования и акцентирования собственных интересов в ущерб союзным. Затягивание процесса объединения России и Беларуси коррелируется с отсутствием согласованных позиций политических элит обоих государств[5].

Кроме того, авторы учитывают специфику внешней для Союзного государства среды – геополитического окружения, нарастающих угроз безопасности извне, наращивания санкцион-

---

[1] *Астахова С. В.* Белоруссия и Россия: 20 лет интеграции // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1 (46).

[2] *Янчук В. А.* Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 61, 68.

[3] *Шурубович А. В.* Российско-белорусская интеграция вновь на перепутье // Мир перемен. 2020. № 1. С. 165–179.

[4] *Суздальцев А. И.* Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67.

[5] См.: *Ковалёва Э. В.* Роль правящей элиты в российско-белорусских отношениях (к 10-летию создания Союзного государства) // Социология власти. 2009. № 7. С. 116–126; *Куракина С. И., Баршова О. А.* К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 137–159; *Сусяев А. И.* Проблема политико-институционального оформления союзного государства России и Белоруссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. 2011. № 2 (20).

ной политики и пр.[1] Важно заметить, что в данном случае осуществляется сопряжение разных уровней безопасности – национальной, союзной и международной, разных уровней и форматов координации действий России и Белоруссии во внешнеполитической сфере, включая Организацию Объединенных Наций (ООН), проект «большой евразийской интеграции» и само Союзное государство. В частности, известный белорусский специалист по российско-белорусским отношениям А. П. Косов характеризует Союзное государство как состоявшийся геополитический проект и отмечает его геополитический потенциал в формировании центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе; по его мнению, «перед лицом внешних вызовов и угроз именно в сфере обеспечения безопасности наблюдается наиболее тесное сотрудничество сторон и отсутствие конфликтов, чего так не хватает другим сферам взаимодействия», хотя Россия, по его мнению, не желает до конца понять суть геополитических интересов Беларуси[2]. В свою очередь, российские исследователи неоднозначно оценивают пресловутую многовекторность РБ, приверженность которой, несомненно, сказывается и на результатах союзного строительства. Так, прозападный вектор белорусской внешней политики даже признается одной из главных причин российско-белорусского кризиса 2018–2019 гг.[3].

---

[1] См.: *Бояшов А. С.* Потенциал Союзного государства в системе ООН // Современная Европа. 2019. № 1 (87). С. 138–148; *Карпиленя Н. В.* Теоретические основы многополярного мира: евразийский взгляд из Союзного государства. М., 2020; *Мануилова П. В.* Механизмы реализации внешней политики Союзного государства России и Белоруссии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 8. С. 1568–1579; *Ступаков Н. В.* Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию Союзного государства) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3 и др.

[2] *Косов А. П.* Союзное государство Беларуси и России в 1999–2018 гг.: геополитический аспект // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 537, 546.

[3] *Суздальцев А. И.* Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Востоком и Западом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 2.

Однако по большей мере в российском научном сообществе поддерживается взвешенный подход, который можно назвать конструктивно-дипломатичным. Одно из примечательных в данном смысле утверждений – «Беларусь относительно непротиворечиво придерживается многовекторности в дипломатической и экономической сферах, но ввиду нарастающих геополитических рисков сохраняет союз с Россией в военной сфере»[1]. Подобные риски для Беларуси обнаруживаются в первую очередь на западном направлении (действия Польши, Евросоюза, НАТО, США). Представляется насущным акцент на потенциале Союзного государства для создания юридическими средствами механизма защиты и противодействия агрессивной политико-правовой деятельности, применению недобросовестных приемов манипулирования и злоупотребления международным правом в целях оправдания различных форм вмешательства во внутренние дела государств[2].

Соответствующая расстановка акцентов на тех или иных аспектах российско-белорусской интеграции, просчетах и достижениях обусловливает диверсификацию перспектив развития Союзного государства в исследовательских оценках. В. А. Эпштейн и А. С. Вильчинский приоритетным вариантом российско-белорусской интеграции считают восточноазиатский формат, по причине преимущественно экономического характера кооперации и отсутствия наднациональных институтов, полагая, что кооперация усилий по отдельным взаимовыгодным вопросам, а также реализация совместных проектов (например, БелАЭС) в совокупности могли бы стать важными элементами в углублении экономической интеграции и дальнейшем укреплении Союзного государства[3].

---

[1] *Воробьёв П. С.* Российское и европейское направления во внешней политике Республики Беларусь // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 194.

[2] *Воробьёв П. С.* Указ. соч.; *Петрова Г. В.* Роль Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации в обеспечении безопасности евразийской интеграции в условиях создания «Большой Евразии» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 3 (16). С. 47; *Сергеев Н. М., Фадеев А. В.* Активизация внешней политики Польши в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25).

[3] *Эпштейн В. А., Вильчинский А. С.* Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3).

В более широком проблемном поле разрабатываются разнообразные сценарии развития Союзного государства. В частности, член-корреспондент РАН А. Н. Спартак таковых предлагает три: 1) существенное сужение функционала СГ в условиях дальнейшего углубления евразийской интеграции и расширения компетенции ЕАЭС; 2) глубокая заморозка проекта СГ, независимо от прогресса евразийской экономической интеграции, в силу трудного экономического положения сторон, значительных финансовых ограничений у России и накопления взаимной неудовлетворенности и претензий друг к другу; 3) наименее вероятный – принятие долгосрочного политического решения о целесообразности дальнейшего развития формата СГ[1]. Однако в них артикулируются преимущественно экономические факторы; кроме того, названные сценарии были сформулированы задолго до интересующих нас событий. Более поздний пример, но также не охватывающий события 2020 г., – сценарии, выявляемые заведующей сектором анализа макроэкономической динамики Института экономики Национальной академии наук (НАН) РБ Л. Н. Воронецкой: 1) вхождение Беларуси в состав России: потеря суверенитета, но приобретение ряда привилегий; 2) развитие Союзного государства как федерации с общим бюджетом и единой валютой, новой государственной символикой; 3) образование конфедерации с сохранением суверенитета и финансовой самостоятельности; 4) дружба между Беларусью и Россией, как и с другими странами ЕАЭС, формальное существование СГ; 5) отдаление друг от друга РБ и России, нежелание строить дальнейшие отношения вплоть до полного прекращения любых взаимодействий и поиска партнеров на стороне. Предпочтительный, с ее точки зрения, третий сценарий, самые нежелательные и маловероятные – первый и пятый[2].

Внутрибелорусский кризис 2020 г. и его последствия для Союзного государства пока не получили должного освещения в

[1] *Спартак А. Н.* Направления и сценарии взаимодействия России и Беларуси в формате Союзного государства // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 3.

[2] *Воронецкая Л.* Союзное государство Беларуси и России: 5 сценариев развития. URL: https://eurasia.expert/5-stsenariev-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva/.

серьезных академических публикациях, хотя в различных средствах массовой информации, в том числе интернет-изданиях, интернет-пространстве в целом, высказывается немало суждений и допущений на этот счет. Так, на антилукашенковском пропольском ресурсе «Новости. TUT.BY» среди вероятных рисуется сценарий «Углубление интеграции с Россией в обмен на экономическую поддержку». Уже фактически стереотипным и привычным для оппозиционных белорусских СМИ является его крайне негативная оценка как «аншлюса или аннексии Беларуси». Последствиями реализации сценария видятся практически сплошь отрицательные (для Беларуси): падение объемов торговли белорусских предприятий с демократическими странами; возможное поглощение белорусских предприятий российскими корпорациями и т.п.[1]

На другом оппозиционном ресурсе, но уже российском, – «Эхо Москвы», – член экспертной группы Е. Ш. Гонтмахер делает вывод о том, что «нынешний белорусский режим уже напрямую угрожает существованию Союзному Государству и интересам Евразийского экономического Союза»; среди прочего, он ссылается на то, что в зону риска попадают «и дружеские массовые отношения между россиянами и белорусами», пророча переориентацию белорусского общественного мнения[2]. Критические оценки, но несколько иного спектра, присущи и некоторым другим экспертам. В частности, заместитель директора Института стран СНГ В. Л. Жарихин отмечает возможность негативных результатов кризиса как для интеграции на пространстве СНГ (ЕАЭС, ОДКБ), так и для самой Беларуси; при этом он изначально скептически трактует перспективы собственно Союзного государства с политтехнологической точки зрения, особенно в разрезе позиции белорусского президента[3].

---

[1] Кризис в Беларуси: сценарии, последствия для экономики и вопросы, на которые стоит искать ответы. URL: https://news.tut.by/economics/704562.html.

[2] *Гонтмахер Е.* Белорусский кризис. URL: https://echo.msk.ru/blog/gontmaher/2742514-echo/.

[3] *Сысоев Т.* Союзное государство – это тупиковый путь. URL: https://expert.ru/2020/08/14/soyuznoe-gosudarstvo---eto-tupikovyij-put/.

Вместе с тем в экспертном и политическом сообществе Российской Федерации и Республики Беларусь превалирует нацеленность на совместный поиск причин не вполне удовлетворительного состояния Союзного государства и путей его продвижения как интеграционного формата. Показательна в данном ракурсе позиция сенаторов Российской Федерации, например, К. И. Косачева. Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации выступает за «выстраивание полноценного формата отношений в Союзном государстве России и Белоруссии», сосредотачиваясь на конкретных действиях, разработке «дорожных карт» с четко зафиксированными сроками, исполнителями, которые несут ответственность за достижение поставленных задач; он отмечает наличие «в общем и целом» позитивного опыта, признавая и негативную составляющую, накопившуюся за 20-летний период. При этом очевидно, что СГ видится сенатором в будущем скорее не как автономное, самодостаточное интеграционное образование, а как инкорпорированное в ЕАЭС и даже «Большое евразийское партнерство»[1].

Собственно, именно такая линия по преимуществу просматривается в официальных заявлениях лидеров обеих стран. Так, обращение к содержанию сайта Президента России (http://www.kremlin.ru) свидетельствует о достаточно выраженном интересе к исследуемой теме. Общий поисковый запрос со словосочетанием «Союзное государство» (http://www.kremlin.ru/search?query= Союзное+государство) выдал 457 результатов (по состоянию на 20 ноября 2020 г.). Сужение временных интервалов поиска до определенных сроков, коррелирующих со значимыми датами в ходе президентской избирательной кампании в Республике Беларусь и поствыборных событий предоставило следующие показатели: в период с 9 мая (8 мая 2020 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь была назначена дата проведения президентских выборов

[1] Опыт Союзного государства поможет развитию отношений в ЕАЭС, считают в Совфеде. URL: https://www.pnp.ru/politics/opyt-soyuznogo-gosudarstva-pomozhet-razvitiyu-otnosheniy-v-eaes-schitayut-v-sovfede.html.

в РБ – 9 августа[1]) по 9 августа 2020 г. – 4 результата; с 10 августа по 20 ноября 2020 г. – 9 результатов.

В рамках первого периода наиболее важными событиями в плоскости подтверждения официальных характеристик российско-белорусских отношений были открытие 30 июня 2020 г. Ржевского мемориала Советскому солдату (который, по словам А. Г. Лукашенко, всегда будет символом нерушимой дружбы между Россией и Беларусью[2]) и День независимости Республики Беларусь 3 июля 2020 г., когда в своем поздравлении Президенту РБ В. В. Путин отметил развитие двусторонних отношений «в духе дружбы и союзничества», налаживание координации усилий в сферах внешней политики и обороны, масштабные совместные проекты в торгово-экономической, гуманитарной, научно-технической и других областях и выразил уверенность в обеспечении дальнейшего наращивания российско-белорусских связей на всех направлениях, а также конструктивного взаимодействия в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ОДКБ и СНГ[3].

В рамках второго периода выделяются:

– поздравление Президента РФ 10 августа 2020 г. А. Г. Лукашенко с победой на выборах Президента РБ, в котором российский лидер дал весьма сходную трактовку российско-белорусских отношений, подчеркнув их взаимовыгодный характер и соответствие коренным интересам братских народов России и Беларуси, надежду на содействие избранным главой государства углублению сотрудничества в Союзном государстве и наращиванию интеграционных процессов в других форматах (ЕАЭС, ОДКБ, СНГ)[4];

– встреча с Президентом РБ А. Г. Лукашенко 14 сентября 2020 г. в ходе его рабочего визита в РФ (Сочи): была четко обо-

---

[1] Президентские выборы–2020 в Беларуси. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/belarus-presidential-election-news/parlament-naznachil-prezidentskie-vybory-na-9-avgusta_i_0000112451.html.

[2] Открытие Ржевского мемориала Советскому солдату. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63585.

[3] Поздравление Александру Лукашенко по случаю Дня независимости Республики Беларусь. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63597.

[4] Поздравление Александру Лукашенко с победой на выборах Президента Белоруссии. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/63872.

значена российская позиции относительно внутрибелорусского кризиса: «мы за то, чтобы белорусы сами, без всяких подсказок и давления извне, в спокойном режиме и в диалоге друг с другом разобрались в этой ситуации и пришли к общему решению, как выстраивать свою работу дальше»; Президент РФ заметил, что Россия рассматривает Беларусь как ближайшего союзника и поддержал дополнительные усилия и шаги на уровне правительств, министерств, ведомств и отдельных предприятий для устранения имеющихся проблем и создания условий «для движения вперед»[1].

Схожую картину демонстрирует контент официального интернет-портала Президента Республики Беларусь (http://www.president.gov.by). Поиск по запросу с аналогичным словосочетанием «Союзное государство» (http://www.president.gov.by/ru/search_ru/getResults/?search_str=Союзное+государство&x=0&y=0&search_photo_video=) показал 659 документов; в период с 9 мая по 9 августа 2020 г. – 17; с 10 августа по 20 ноября 2020 г. – 14.

Первый период для белорусской стороны был достаточно насыщен событиями, в которых присутствовал тот или иной интеграционный посыл: кроме ранее названных, это празднование Дня Победы – 9 Мая, встречи с Председателем Правительства РФ М. В. Мишустиным 17 июля 2020 г. и Министром иностранных дел России С. В. Лавровым 16 июня 2020 г., XXIX Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». В высказываниях белорусского президента при этом, помимо заверений в союзничестве, дружбе народов двух стран и т.п. прослеживался явный акцент на необходимости выстраивания союзных отношений «исключительно на равноправной основе»; надо заметить, что и российский премьер-министр заявлял, что «при развитии интеграционных процессов обязательным условием является сохранение независимости»[2].

---

[1] Встреча с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64031.

[2] Встреча с Председателем Правительства России Михаилом Мишустиным. URL: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-pravitelstva-rossii-mixailom-mishustinym-24054/.

Второму периоду, уже характеризовавшемуся нарастанием внутреннего кризиса в РБ и более ощутимым внешним вмешательством, была предсказуемо присуща иная расстановка акцентов. В ходе различных поездок, совещаний, выступлений и пр. А. Г. Лукашенко говорил о Союзном государстве практически без критического подтекста, призывая к его укреплению. Особенно примечательна артикуляция военно-политического компонента российско-белорусской интеграции. Тема обороны Союзного государства, общих границ затрагивалась, например, на встрече с Президентом РФ 14 сентября 2020 г. Также белорусский лидер активно обращался к вопросам разработки и реализации программ Союзного государства, обеспечения его информационной и экономической безопасности, исторической памяти. В этом плане весьма информативным было его выступление от 29 сентября 2020 г. на VII Форуме регионов Беларуси и России. Его лейтмотив – «История подтверждает, что только вместе, сообща нам удается добиваться значимых результатов»; одновременно А. Г. Лукашенко не обошел вниманием один из постоянных сюжетов проблемных дискурсивных практик во взаимных отношениях – «создание равных условий для белорусских и российских субъектов хозяйствования»[1].

Важно, что в рассматриваемый период активизировалась и переговорная практика в формате Союзного государства. РФ и РБ достигли ряда договоренностей по нескольким направлениям, что должно способствовать решению застарелых проблем и достижению новых горизонтов интеграционного планирования и конкретных результатов. В первую очередь это решения о снижении платы за роуминг, урегулировании задолженности белорусской стороны перед «Газпромом», возобновлении диалога по «дорожным картам». Переговоры охватывают широкий спектр вопросов в социальной сфере, сферах энергетики, промышленности, транспортной инфраструктуры, культуры, образования. Прозвучали некоторые новые инициативы, например, об органи-

[1] Выступление на пленарном заседании VII Форума регионов Беларуси и России. URL: http://www.president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-plenarnom-zasedanii-vii-foruma-regionov-belarusi-i-rossii-24604/.

зации производства вакцины в Беларуси с использованием российских технологий и технологического процесса[1].

Представители экспертного, научного и политического сообщества акцентируют новые вызовы для Союзного государства, адекватная и эффективная реакция на которые может обеспечить и появление новых возможностей для сближения. К ним относят прежде всего распространение коронавирусной инфекции; обострение борьбы за технологии и рынки сбыта, в том числе с участием экономических блоков; дискриминацию и расширение деструктивной риторики в информационном пространстве. Соответственно, предлагаются разработка и внедрение совместной союзной стратегии развития и проектов-драйверов; укрепление кооперационных связей между российскими и белорусскими предприятиями; создание инфраструктуры гуманитарного сотрудничества, включая общие «горизонтальные» проекты. Посол Российской Федерации в Республике Беларусь Д. Ф. Мезенцев подчеркивает: «чем крепче будут союзнические отношения Беларуси и России, тем больше положительных результатов от интеграции»; директор Белорусского института стратегических исследований О. С. Макаров обоснованно замечает, что «нужно показывать перспективы и цели нашей интеграции»; в этой связи сопредседатель Гражданской инициативы «Союз» С. С. Лущ акцентирует внимание на необходимости создания в рамках Союзного государства новых цифровых платформ и площадок (социальных сетей и пр.), «на которых продвижение видения о совместном будущем Беларуси и России станет более эффектив-

[1] См.: Головченко: у Беларуси и России единая победа, общая историческая память и судьба. URL: https://soyuz.by/politika/golovchenko-u-belarusi-i-rossii-edinaya-pobeda-obshchaya-istoricheskaya-pamyat-i-sudba; Лукашенко: Беларусь и Россия продвинулись в решении накопившихся проблем. URL: https://soyuz.by/politika/aleksandr-lukashenko-belarus-i-rossiya-znachitelno-prodvinulis-v-reshenii-nakopivshihsya-problem-i-zadach; Лукашенко и Путин по телефону обсудили ряд вопросов. URL: https://soyuz.by/politika/lukashenko-i-putin-po-telefonu-obsudili-ryad-voprosov; Семашко: Беларусь и Россия возобновили обсуждение дорожных карт по интеграции в СГ. URL: https://soyuz.by/politika/semashko-belarus-i-rossiya-vozobnovili-obsuzhdenie-dorozhnyh-kart-po-integracii-v-sg.

ным»[1]. К консолидации усилий в борьбе с вызовами и угрозами призывает Государственный секретарь Союзного государства Г. А. Рапота, с сожалением констатирующий виток национального эгоизма в мире в целом и настаивающий на повышении роли интеграционных объединений[2].

Таким образом, вызовы для Союзного государства можно трактовать и как внешние, и как внутренние. Влияние разных вызовов далеко неодинаково. Представляется, что некоторые либо все из внешних вызовов потенциально нивелируются укреплением интеграционного взаимодействия на разных уровнях. Многое в этом плане будет зависеть от того, способно ли Союзное государство обрести статус единого международного актора. По крайней мере, нужно добиться не только координации усилий и линий России и Беларуси на международной арене, но и перевода обсуждения внешнеполитической проблематики и совместного реагирования на возникающие опасности и угрозы в интеграционную плоскость, обеспечения взаимной лояльности и поддержки на основе консенсуса национальных интересов, которые должны встраиваться в систему общесоюзных стратегических приоритетов.

Однако здесь, как и на других направлениях, перспективы пока туманны и опосредуются внутриполитическими обстоятельствами, в том числе конъюнктурного происхождения. Уязвимым в наибольшей степени продолжает оставаться именно внутреннее измерение – как в пределах двух стран, так и Союзного государства. В частности, ввиду актуализации вопросов

---

[1] См.: Лущ: назрела необходимость создания инновационных медиаплатформ в рамках Союзного государства. URL: https://soyuz.by/mnenie/lushch-nazrela-neobhodimost-sozdaniya-innovacionnyh-media-platform-v-ramkah-soyuznogo-gosudarstva; Погода на завтра. Самые авторитетные эксперты обсудили, какой будет жизнь в Союзном государстве после пандемии // Союз. Беларусь-Россия. 2020. № 21 (937). URL: https://rg.ru/2020/06/10/kakoj-budet-zhizn-v-soiuznom-gosudarstve-posle-pandemii.html.

[2] Рапота: Государства впадают в штопор национального эгоизма. URL: https://soyuz.by/mnenie/rapota-gosudarstva-vpadayut-v-shtopor-nacionalnogo-egoizma; Роль интеграционных объединений сейчас особенно велика – Григорий Рапота https://gaugn.ru/ru-ru/events/rapota-pe-2020.

политической легитимности и несформированности единого политического сообщества в рамках Союзного государства. В СГ нет ни полноценной наднациональной бюрократии, подобной брюссельской, которая могла бы лоббировать, пусть и к своей пользе, ускорение переноса центра тяжести принятия политических решений на Союзное государство в целом, ни множества или даже достаточного количества эффективно действующих агентов интеграционных процессов, включая союзные общественные объединения, каковых пока чрезвычайно мало. Роль приграничных регионов и иных участников горизонтальных коммуникаций тоже ограничена – и политическими, и экономическими, и прочими факторами, причем и с белорусской, и с российской стороны.

Внутрибелорусский кризис, несомненно, является вызовом для Союзного государства. Его эскалация может привести даже к краху данного проекта. Хотя в повестке белорусской оппозиции интеграционная тема не первостепенна, она, несомненно, эксплуатируется внешними и внутренними игроками. Тем не менее, вспомним о том, что в теории международной интеграции, например, в неофункционализме, признается, что кризисы необходимы для дальнейшего развития интеграции (Л. Линдберг), а урегулирование кризисов считается сутью интеграционной динамики (Ф. Шмиттер)[1]. Это применимо и к внутригосударственному, и к союзному уровням. Данный кризис можно рассматривать и как некий шок, который, вероятно, послужит катализатором новых импульсов и решений. Необходимо найти разумный баланс между прежним и будущим векторами развития, чтобы не перейти условную «красную линию». Но та артикуляция суверенитета, которая присутствовала и продолжает присутствовать в риторике представителей политического сообщества обеих стран, на перспективу представляется нерациональной. Возможности для Союзного государства в нынешней ситуации кроются не в укреплении «негативного» суверенитета стран –

[1] См.: *Бахлова О. В.* Функциональная модель интеграции: теоретико-концептуальные основы и практическая реализация // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2008. № 7.

участниц СГ, а его видоизменении в «позитивный» суверенитет полноценного интеграционного объединения. Полагаем, что сам формат Союзного государства желательно реанимировать, не допустив его растворения в других – ЕАЭС и ОДКБ. Несмотря на все сложности и проблемы, именно Союзное государство выступает идеальной моделью для наиболее тесной интеграции с участием России. Суть заключается не только в сохранении традиций близких или родственных социокультурных параметров народов России и Беларуси, но и в преодолении геополитических уязвимостей для пространственного и иного развития обеих стран.

Р. С. ШИЛОВСКИЙ

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (НА ОСНОВЕ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА)[1]

Аннотация. Статья посвящена сравнению протестного потенциала российской и белорусской молодежи в цифровой среде в период с 11 марта 2020 г. по 31 июля 2021 г. Методологической основой является сетевой подход, который позволяет изучить методы мобилизации и технологии политического участия молодежных групп. В качестве материала для исследования было отобрано по 25 молодежных Telegram-каналов России и Беларуси, которые были исследованы посредством сетевого анализа. По результатам исследования, Telegram-каналы характеризуются, с одной стороны, приблизительно одинаковыми формальными и неформальными нормами участия, ресурсами, каналами коммуникации, технологиями политического участия. С другой стороны, в Беларуси мобилизация молодежи происходит при большей анонимности и проводится эффективнее ввиду частых контактов между цифровыми сообществами. В общем и целом, цифровые сообщества Беларуси характеризуются большей сплоченностью и солидарностью, тогда как цифровые сообщества России отличаются разобщенностью и замкнутостью.

Ключевые слова: сетевой подход, молодежный протест, политические коммуникации, онлайн-коммуникации, Россия, Беларусь, пандемия COVID-19.

Период пандемии Covid-19 стал переломным моментом для многих стран мира, включая Россию и Беларусь. В них активи-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32291.

зировались молодежные протесты, направленные как против ограничительных мер, так и против тех недостатков в экономических и политических системах, которые проявились во время массовых запретов. Молодежные протесты не являются новым явлением – так, например, движущей силой событий «арабской весны» была молодежь, в политическую мобилизацию которой внесли вклад методы сетевой мобилизации. Протест перешел в цифровое пространство, в котором сформировались сети между молодежными сообществами и их участниками, в том числе между Telegram-каналами, в которых пользователи продвигают оппозиционные взгляды.

Протестная онлайн-активность молодежи в России, ее структурные характеристики и причины уже освещались рядом отечественных исследователей, которые рассматривали основные группы российской молодежи с точки зрения онлайн-фактора, а также причины и события-триггеры усиления протестной деятельности молодежи[1], влияние YouTube-каналов на протестную активность российской молодежи[2], контент протестных цифровых сообществ во «ВКонтакте»[3], стратегии протестной деятельности российской молодежи в цифровом пространстве в контексте сравнения поколений Y и Z[4].

Исследователи не обошли стороной и цифровой активизм в Беларуси. Воздействие цифрового пространства на протестную активность белорусского населения было изучено в контексте «сетевой революции» в Беларуси в августе-ноябре 2020 года на основе теории изоляции «столпов поддержки» политического

---

[1] *Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю.* Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 6.

[2] *Бареев М. Ю., Качурина И. О.* YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. Т. 27, № 3.

[3] *Платонов К. А., Юдина Д. И.* Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.

[4] *Титов В. В.* Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.

режима государства[1], а также влияния информационно-технологического развития на белорусское государство, включая возникающие для него риски[2].

Несмотря на массив литературы, пока не было проведено сопоставления национальной специфики молодежного онлайн-протеста в различных странах, в частности, особенностей мобилизации и типов политического участия молодежи. Между тем, реалии России и Беларуси насущно требуют проведения подобного анализа.

Целью данной статьи выступает сравнение протестного потенциала российской и белорусской молодежи в цифровой среде в период с 11 марта 2020 г. по 31 июля 2021 г. с точки зрения сетевого подхода, который позволяет оценить методы мобилизации и технологии политического участия молодежных групп. В качестве материала для исследования было отобрано по 25 молодежных Telegram-каналов России и Беларуси, исследованных с помощью сетевого анализа, включая анализ их структуры, интерактивности и проводимых мероприятий, ресурсной базы, норм участия, каналов коммуникаций и взаимодействия с другими цифровыми сообществами.

Сетевой подход к изучению протестной активности молодежи

Сетевой подход рассматривает социально-политические процессы с точки зрения сетевой организации общества. За всю историю изучения концепции «политических сетей» они получали различные трактовки – как совокупность относительно стабильных отношений между акторами[3], как один из пяти ви-

---

[1] *Нагорняк К. И.* Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1.

[2] *Карнаушенко Л. В.* Суверенитет государства в аспекте формирования нового облика массово-коммуникативного пространства // Закон и право. 2020. № 11.

[3] *Börzel T. A.* Organizing Babylon – On the different conceptions of policy networks. Public Administration. 1998. Vol. 76, No. 2.

дов сетей с самой высокой степенью интеграции (по сравнению с сетью для решения конкретного вопроса – «issuenetwork»)[1], как «кластер или совокупность организаций»[2] и как «система государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики»[3]. Авторы выделяют общность интересов, обмен ресурсами, взаимозависимость и сотрудничество в качестве ключевых характеристик концепции «политических сетей», причем Л. Сморгунов также акцентирует внимание на использовании формальных и неформальных норм при реализации общих интересов[4].

Политический процесс в современном обществе зиждется на коммуникационных взаимодействиях, в частности на тех возможностях, которое предоставило Интернет-пространство[5]. При технологической трансформации общества распространяются горизонтальные сети, которые благодаря своей гибкости и адаптивности становятся более эффективными, чем вертикально-ориентированные институты. Поскольку онлайн-сфера, включая социальные сети, служит эффективным ресурсом мобилизации населения и инициирования социальных перемен, она подрывает основы властных отношений в обществе[6]. Сам процесс политической мобилизации при помощи социальных онлайн-сетей можно представить в виде иерархии цифрового активизма, который начинается «цифровым зрительским активизмом» (более пассивными формами участия) и заканчивается «цифровым «гладиаторским» активизмом» (более активными

[1] *Rhodes R.* The National World of Local Government. London: Allen & Unwin 1986.

[2] *Benson J.* A Framework for Policy Analysis. In: Interorganizational Coordination. Ames: Iowa State University Press, 1982. P. 137–176.

[3] *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политическиеисследования. 2001. № 3. С. 103–113.

[4] Там же.

[5] Динамика инноваций / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2011; Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Росспэн, 2012. Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки.

[6] *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; *Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2015.

формами участия)[1]. Итогом современной сетевизации общества стало распространение персонализированных сообществ (в отличие от групп)[2], а также формирование «сетевой публичной политики»[3].

Сетевые взаимодействия цифровых сообществ молодежи

В данном исследовании сетевой анализ построен на изучении отдельных параметров Telegram-каналов России и Беларуси – видов участников Telegram-каналов, взаимодействия между ними (включая степень интерактивности и типы проводимых мероприятий), ресурсной базы, формальных и неформальных норм участия, каналов коммуникации и внешних коммуникаций с другими сообществами.

Страны характеризуются различными типами цифровых сообществ: если в Беларуси они концентрируются вокруг студенческих инициативных групп и профсоюзов, то в России группы представлены не только в виде сообществ отдельных вузов, но и молодежных (не только студенческих) организаций, а также групп с привязкой к конкретному представителю молодежи (как правило, политзаключенному).

Среди общего в сетевых взаимодействиях стоит выделить, во-первых, высокую степень интерактивности между организаторами и участниками сообществ (например, сообщества проводят голосования и отвечают на вопросы пользователей, иногда публикуя их в новостной ленте), а также похожие мероприятия, которые проводятся в рамках протестных движений. Они делятся на следующие типы: информационно-коммуникационные (распространение агитматериалов, создание постов в соцсетях, разглашение информации о преступлениях властей и

[1] George J. J., Leidner D. E. (2019) From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. Information and Organization. Vol. 29. No. 3.

[2] Wellman B. (2001) Physical Place and Cyber Place: the Rise of Networked Individualism. International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 25. No. 2.

[3] Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар, Просвещение-Юг, 2013.

администраций университетов), досугово-развлекательные (чаепития, пение песен, конкурсы, продажа товаров с протестной символикой), организационные (создание новых организаций и движений, волонтерская деятельность), документальные (составление петиций, обращений, писем), «несанкционированные» (проведение протестных акций, включая «метропикеты», «трамвайпикеты» в России и кибер-атаки на сайты, вывешивание запрещенных флагов, забастовки в Беларуси), ультимативные (открытый бойкот определенных требований «других» в России и увольнение с работы, отказы восстанавливаться в вузы в случае невыполнения требований в Беларуси), жесты солидарности (присутствие в суде, отправка писем политзаключенным, а также специфическая для Беларуси акция – бритье налысо). Для белорусской молодежи также характерен внешнеполитический ресурс – обращение к европейским государствам и университетам-партнерам принять меры в отношении правящего класса и отдельных представителей академического сообщества.

Во-вторых, сообщества располагают похожими ресурсами. Они распространяют информацию о задержании молодых людей и оповещают о действиях оппонентов (медийный ресурс). Сообщества передают политзаключенным письма и посылки и направляют официальные обращения деканатам, ректоратам, прокуратурам, министерствам (коммуникационный ресурс). Сообщества предоставляют юридическую помощь задержанным и распространяют заметки о законодательстве, правилах поведения на митингах, при задержании, на допросах (правовой ресурс). Сообщества помогают пострадавшим после взаимодействия с силовиками и администрациями вузов (медицинская и психологическая помощь). Сообщества назначают время и место для протестных акций (организационный ресурс) и занимаются сбором средств для организации мероприятий и помощи заключенным (финансовый ресурс).

В-третьих, идентичны каналы коммуникаций между организаторами и участниками цифровых сообществ. В них существуют общие и специализированные чаты, организуются онлайн-конференции, устанавливаются боты обратной связи для ответов

на возникающие вопросы, проводятся голосования для определения позиции членов сообщества и выбора дальнейших направлений деятельности, а также назначается расписание оффлайн-собраний и поддерживаются контакты с политзаключенными посредством писем.

В-четвертых, аналогичны нормы участия в сообществах. К формальным относятся официальное вступление в организацию посредством заполнения онлайн-анкет; подписи на различных документах, отправленных в вышестоящие инстанции; участие в волонтерской деятельности. Существуют нормы, специфические для России (голосование за кандидата на выборах) и в Беларуси (выход из провластной структуры «Белорусский республиканский союз молодежи»).

Неформальные нормы подразумевают, что все, кто участвует в протестной деятельности зарегистрированных участников, становятся частью их сообществ. Последние мобилизуют обычных читателей Telegram-каналов с помощью различных методик, нацеленных на создание чувства единства между молодыми людьми. В первую очередь, неформальные нормызиждятся на ценностном факторе: члены сообществ взывают к жажде свободы, справедливости, неравнодушия. К ней стоит добавить особый упор на солидарность в настоящее время, когда все без исключения испытывают страх: *«Нам всем сейчас страшно, но только всеобщий и постоянный протест приведёт нас к победе»*[1]. Кроме того, представители сообществ намекают на отсутствие безопасности в странах, используя цитату немецкого богослова М. Нимёллера, которую молодежь подстраивают под контекст своих стран: *«Когда они пришли за… я молчал – потому что не…»*[2]. Немаловажным является обращение к теме человеческой жизни: *«Сколько еще людей должно пострадать, чтобы*

[1] План на понедельник // Мирный БГУИР. Telegram. 09.11.2020. URL: https://t.me/s/peaceful_bsuir (дата обращения: 01.09.2021).

[2] Актуальная адаптация классической цитаты Нимёллера… // МГЛУ за Свободу. Telegram. 28.10.2020. URL: https://t.me/s/MSLUstud (дата обращения: 01.09.2021).

ты очнулся?»[1]. Нередко молодежь экстраполирует ужас сегодняшних событий на будущее, заставляя молодых соотечественников задуматься над необходимостью участия в протестных акциях: *«Потому что если сегодня нас судят за плакат или листовки, то завтра нас казнят за слова и мысли»*[2]. Также иногда появляется мотив неравного соотношения между тем минимальным ущербом, который участие в протестных акциях может принести протестующему, и тем максимальным уроном, который он может получить при смирении с существующим положением в стране: *«Вероятность попасть в спецприёмник для простого участника митинга не превышает 0,2%... Это простая арифметика»*[3]. Наконец, члены некоторых сообществ не брезгуют материальными стимулами: *«Если придёте с белой лентой, получите скидку 20%, а также кофе/квас бесплатно»*[4].

В качестве различий между российскими и белорусскими Telegram-каналами стоит выделить виды участников. В Беларуси прослеживается большая склонность к взаимодействию со студенческим сообществом, к которому иногда добавляют выпускников, преподавателей и сотрудников вузов, а российские каналы охватывают всех молодых активистов. Кроме того, белорусские сообщества придерживаются анонимности, не раскрывая имен организаторов сообществ, тогда как российские каналы не только могут указывать их, но и предоставляют контактные данные.

Достаточно различающейся является и сеть внешних коммуникаций. В Беларуси (табл. 1) наблюдается очень плотная сеть, поскольку сообщества делают репосты, ссылки с других каналов или упоминают их в своем контенте.

---

[1] План на 13-ое // МГЛУ за Свободу. Telegram. 13.11.2020. URL: https://t.me/s/MSLUstud (дата обращения: 01.09.2021).

[2] Сегодня 100 лет со дня рождения Софи Шолль // Мисик и остальные участники процесса. Telegram. 09.09.2021. URL: https://t.me/s/HalfOfTheReporter (дата обращения: 01.09.2021).

[3] В предыдущие разы ночью… // Протестный МГУ. Telegram. 31.01.2021. URL: https://t.me/s/msuprotest (дата обращения: 01.09.2021).

[4] Дорогие подписчики, нетипичный пост… // Рупар БДМУ / Рупор БГМУ. Telegram. 09.09.2020. URL: https://t.me/s/ruparbdmu (дата обращения: 01.09.2021).

Таблица 1

Внешние коммуникации Telegram-каналов Беларуси

Список каналов / Репосты/ссылки/ упоминания каналов	Мирный БГУИР	Студэнцкая думка	Задзіночанне беларускіх студэнтаў (ЗБС)	БГУ 97 АССОЦИАЦИЯ	БГЭУ / ИНИЦИАТИВА	Рупар БДМУ / Рупор БГМУ	МГЛУ за Свободу	ПОЛИТЕХ 97% - БНТУ 97%	Вольный профсоюз БГУ (в процессе	ГрДУ - ПЕРАМЕН ! ГрГУ – ПЕРЕМЕН	Салідарны БДТУ	Правовой БГМУ	Салідарнасць БДПУ	Академия Свободы	Молодёжный блок	FreeMME	БарГУ – 97%	ВДМУ – РАЗАМ ВГМУ – ВМЕСТЕ	ПГУ ПРОТИВ НАСИЛИЯ	Движение молодежи Беларуси	BSAM	Солидарный БГУФК	Свободный АТФ	ЛіСА СПБ	IN КУЛЬТ
Мирный БГУИР		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	0	0	+
Студэнцкая думка	+		+	+	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	0	+	+
Задзіночанне беларускіх студэнтаў (ЗБС)	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	0	+	+
БГУ 97 АССОЦИАЦИЯ	+	+	+		0	+	+	+	+	+	+	0	+	0	0	0	+	0	0	0	0	+	0	+	+
БГЭУ / ИНИЦИАТИВА	+	+	+	+		+	+	+	0	+	+	0	+	+	0	0	+	+	+	0	+	0	0	0	+
Рупар БДМУ / Рупор БГМУ	+	+	+	0	0		+	+	+	0	0	+	0	0	+	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0
МГЛУ за Свободу	+	+	+	+	0	+		+	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	0	0	+	0	0	+	+
ПОЛИТЕХ 97% - БНТУ 97%	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	0	0	+	+	0	0	0	0	+	+	+	+
Вольный профсоюз БГУ (в процессе регистрации)	+	+	+	+	0	+	+	+		0	0	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0
ГрДУ - ПЕРАМЕН ! ГрГУ – ПЕРЕМЕН	+	+	+	+	0	+	+	+	+		+	0	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	0	+	+
Салідарны БДТУ	+	+	+	+	0	+	+	+	+	+		0	+	+	0	0	+	+	+	0	+	+	0	0	+
Правовой БГМУ	0	+	0	0	0	+	+	0	+	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0
Салідарнасць БДПУ	+	+	+	+	0	+	+	+	0	+	+	0		0	0	0	+	0	0	0	0	+	0	0	+
Академия Свободы	+	+	+	0	0	+	0	+	+	0	+	0	+		0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0
Молодёжный блок	0	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
FreeMME	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0
БарГУ – 97%	+	+	+	0	0	0	0	+	0	+	0	+	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0
ВДМУ – РАЗАМ ВГМУ – ВМЕСТЕ	+	0	+	+	0	+	+	0	0	+	+	0	+	+	0	0	+		+	0	+	+	0	0	+
ПГУ ПРОТИВ НАСИЛИЯ	0	+	+	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	+	0	0	0
Движение молодежи Беларуси	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0
BSAM	+	+	+	0	0	+	+	+	0	+	+	0	+	0	0	0	0	0	0	0		+	0	+	0
Солидарный БГУФК	+	0	+	+	0	+	+	0	0	+	+	0	+	+	0	0	+	+	+	0	+		0	+	+
Свободный АТФ	0	0	+	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0
ЛіСА СПБ	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0
IN КУЛЬТ	+	+	+	0	0	+	+	+	+	+	+	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	+	

- университеты - факультеты - профсоюзы - журнал - остальное

Университеты и профсоюзы не просто встроены в вертикальные структуры (сообщество «Задзіночаннебеларускіхстудэнтаў (ЗБС)» охватывает 15 вузов, в которых функционируют сообщества отдельных факультетов, а «ЛіСА СПБ» – студенческие профсоюзы 7 университетов), но также имеют многочисленные горизонтальные связи, что свидетельствует о большой солидарности и поддержке в молодежной среде. Исключениями являются лишь факультеты, а также канал «Движение молодежи Беларуси», который просуществовал чуть больше двух недель.

В России (табл. 2) достаточно редки взаимодействия между сообществами. В центре внимания оказываются самые информативные Telegram-каналы – журнал «DOXA», движение «Весна» и канал студента Дмитрия Иванова «Протестный МГУ». Иными словами, в российской молодежной среде практически отсутствуют как единые вертикальные (если не считать отдельных сообществ – движения «Весна» с региональными отделениями и «Молодёжного Гражданского Общества» с фракциями), так и разноплановые горизонтальные связи, что говорит о недостаточном взаимодействии между молодежными сообществами.

Итак, сетевой подход играет важную роль при изучении протестного потенциала молодежи в цифровом пространстве, поскольку обращает внимание на мобилизацию и типы политического участия молодых людей. При этом проявляется национальная специфика цифровых сообществ, которые по-разному стимулируют массы на участие в политических акциях. Несмотря на географическую, историческую, политическую и культурную близость России и Беларуси, протестная активность молодежи в онлайн-сфере этих стран не совсем одинакова.

С одной стороны, молодежные Telegram-каналы России и Беларуси, понимаемые как ячейки сетей, характеризуются примерно одинаковыми методами мобилизации в лице норм участия, которые функционируют на основе одинаковых ресурсов и каналов коммуникации. Более того, они используют идентичные технологии политического участия, проводя различные типы мероприятий (за исключением внешнеполитических акций – особенности белорусских сообществ).

Таблица 2

Внешние коммуникации Telegram-каналов России

Список каналов / Репосты/ссылки/упоминания каналов	DOXA	Протестный МГУ	Петербургская «Весна»	Мисик и остальные участники процесса	Движение «Весна»	Пространство Политика	FreeAzat!	ПРЕОБРАЗОВАНИЕ	ОЛЕГ ЦАПКО СТУДСОЮЗ	Инициативная группа МГУ	Молодёжное Гражданское Общество	Московская «Весна»	Алтайская «Весна»	Студенческий профсоюз «Community»	Команда Жукова	Студпрофсоюз «Молодость»	Башня / Независимый канал студентов Политеха	ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ !!	Вышкинская курилка	СтудФракция	Молодёжная ФемФракция	Либертарианская Фракция Молодёжного Гражданского Общества	Фракция учащихся	Русский глас	РОССТУДЕНТ
DOXA		+	0	+	+	+	+	+	0	+	0	+	0	+	+	0	+	0	+	+	0	0	0	0	0
Протестный МГУ	+		0	+	+	0	+	0	0	+	0	0	0	0	+	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0
Петербургская «Весна»	+	0		0	+	+	0	+	0	0	0	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Мисик и остальные участники процесса	+	+	0		+	0	+	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Движение «Весна»	+	+	+	0		+	0	0	0	+	0	+	+	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0
Пространство Политика	+	+	+	0	+		0	0	0	+	0	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0
FreeAzat!	+	+	0	+	+	0		0	0	+	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ	+	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	+	0	0	0	0	0	0
ОЛЕГ ЦАПКО СТУДСОЮЗ	+	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+
Инициативная группа МГУ	+	+	0	0	0	0	+	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Молодёжное Гражданское Общество	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	+	0	0
Московская «Весна»	+	+	+	0	+	+	0	0	0	+	0		0	+	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0
Алтайская «Весна»	+	0	+	0	+	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Студенческий профсоюз «Community»	+	+	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Команда Жукова	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Студпрофсоюз «Молодость»	+	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0
Башня / Независимый канал студентов Политеха	+	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0	0
ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ !!	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	0	0	0	0
Вышкинская курилка	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	+	+	+	0	0		+	0	0	0	0	0
СтудФракция	+	+	0	+	+	0	0	0	0	0	+	0	0	+	+	0	0	0	0		0	0	+	0	0
Молодёжная ФемФракция	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0		+	0	0	0
Либертарианская Фракция Молодёжного Гражданского Общества	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0
Фракция учащихся	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	0		0	0
Русский глас	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		0
РОССТУДЕНТ	+	0	0	0	0	0	0	0	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	

- университеты - персоналии - профсоюзы - журнал - остальное

С другой стороны, в Беларуси мобилизация молодежи происходит при большей анонимности из-за ощущения большей угрозы со стороны властей и проводится эффективнее ввиду частых контактов между цифровыми сообществами. Иными словами, белорусские каналы, обладая гораздо бóльшим объемом внешних коммуникаций, более тесно связаны между собой, чем российские сети, которые представлены в менее организованной форме.

Сетевой анализ, естественно, не исчерпывает возможностей сетевого подхода при оценке протестных настроений молодежи в Интернете. Помимо технических характеристик сетей, возможен анализ их содержательных аспектов, который способен углубить понимание национальных особенностей молодежных цифровых сообществ, но проводится уже при помощи иных методик. Данное предположение можно подтвердить только в дальнейших исследованиях.

А. В. РУДАСЬ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье рассмотрена проблематика украинского кризиса в российско-польских отношениях. Определены международные факторы (роль США, НАТО, ЕС) влияющие на развитие российско-польских отношений в рамках глобальной конфронтации Россия-Запад.

Ключевые слова: кризис, конфликт, безопасность, США, ЕС, НАТО, Польша, Россия

В период после окончания холодной войны, в том числе из-за большой асимметрии потенциалов Польши и России, их геополитического положения и той роли, которую они играли в международных отношениях, значение России для Польши в политической сфере, а также в сфере безопасности и экономики было весьма значительным, гораздо больше, чем значение Польши в этих же областях и сферах для России[1]. Это, также, находило отражение в концепциях внешней политики и политике безопасности Польши и России, а также в научных исследованиях и политической журналистике обеих стран.

После того, как Польша стала членом НАТО (12 марта 1999 г.) и Европейского Союза (1 мая 2004 г.), постепенно во внешней политике России возрастала роль Польши как государства, формирующего политику НАТО и ЕС, в том числе в отношении России. В связи с постепенно растущей ролью Польши в ЦВЕ, у данного государства просыпаются *амбиции главного игрока в регионе*. Исходя из основных исторических предрассудков

[1] Политическое управление: курс лекций. М.: РАГС, 1999.

польского руководства по отношению к РФ, Польша включается в новое противостояние Запада и России. Наиболее характерными примерами являются страны Балтии, а также Украина.

Конкуренция между Западом и Россией за преимущество на постсоветском пространстве шла практически с самого начала после распада СССР[1]. Расширение НАТО на восток и цветные революции в постсоветских государствах встретили негативную реакцию со стороны России, создав напряженные отношения между сверхдержавами[2]. Украина в силу своего географического положения не могла оставаться в стороне геополитической борьбы, а следовательно, в стороне от противостояния регионального характера. Поскольку Украина находится на пути самоопределения и в поиске своего места на международной арене, в силу своего ментального многообразия, различным внешнеполитическим силам всегда удавалось влиять на политическую ориентацию государства[3].

Цивилизационный конфликт, которому настойчиво не придавали значения политики в начале 1990-х гг., это разделительная линия между Западом и Востоком, которая проходит прямо через центр Украинского государства, как было на протяжении веков[4]. В разные исторические эпохи Западная Украина входила в состав Польши и Австро-Венгерской империи[5]. Значительная часть населения Западной Украины – прихожане Униатской церкви, которая сохранила православный обряд, но признает верховенство папы. Жители Западной Украины всегда говорили по-украински и демонстрировали сильные националистические

---

[1] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / под ред. И. М. Бусыгиной, И. Ю.Окунева. М.: Аспект-Пресс, 2015.

[2] Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Росспэн, 2012. (Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки)

[3] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 48–51.

[4] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 332–389.

[5] Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Росспэн, 2012. (Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки)

тенденции. Подавляющее большинство населения востока Украины православное, и большая часть его говорит по-русски. В результате этого раскола, как говорил Хантингтон в начале 1990-х гг., отношения между Украиной и Россией могут развиться в одном из трех сценариев. Первый заключается в том, что в украинско-российских отношениях будет много споров (например, вокруг Крыма), которые могут привести к вооруженному конфликту. Однако в силу цивилизационного фактора (цивилизационная близость русских и украинцев) Хантингтон скорее исключал такой сценарий. Второй сценарий – это разделение Украины по линии цивилизационного раскола на два отдельных организма. Восточная часть, вероятно, будет тесно сотрудничать с Россией, а западная – с Западом. Третий сценарий, наиболее вероятный, по мнению Хантингтона, предусматривал, что Украина останется единой, культурно разобщенной, но вместе с тем, независимой[1].

Украинский кризис начался в конце ноября 2013 г., а в первые месяцы 2014 г. перерос в полномасштабный вооруженный конфликт на востоке государства[2]. Этому способствовали различные причины и условия, как внутренние – внутриполитические условия в Украине (в том числе действия, предпринятые Президентом Виктором Януковичем, направленные на сохранение власти и политиками из оппозиционных групп, направленные на захват власти в Киеве), а также внешние – международные, включая, в частности, политику, проводимую Россией, США и Европейским Союзом (в том числе Польшей)[3].

Генри Киссинджер писал в начале марта 2014 г.: «Слишком часто украинский вопрос ставится на острие ножа: либо Украина присоединяется к Востоку, либо к Западу. Между тем, если Украина хочет выжить и развиваться, она не может выступать ни

---

[1] *Huntington S. P.* Zderzenie cywilizacji i nowy kształt ładu światowego. Warszawa, 1997. S. 311.

[2] Политическая социология / год ред. Т. В. Евгеньевой. М/, 2013.

[3] *Цирель С.* К истокам украинских революционных событий 2013–2014 гг. // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Украинский разлом. М.: Учитель, 2015. С. 21–33.

на какой-либо одной стороне против другой. Украина должна занимать позицию моста между ними». В той же статье Киссинджер подчеркнул, что из-за сложной истории и структуры украинского общества, очень серьезных различий между Западной и Восточной Украиной, «любая попытка доминировать одной части над другой – может, в конечном итоге, привести к гражданской войне или распаду самого государства». В то же время Киссинджер выразил понимание отстаивания Россией своих интересов на Украине в сфере безопасности с точки зрения геополитических факторов, как это делают Соединенные Штаты[1].

Запад не должен заставлять политическую элиту и общество Украины выбирать между Россией и Западом. Украинцы исторически, культурно и географически находятся где-то посередине[2]. И, в целом, не следует какую-либо страну ввергать в кризис идентичности. Точно так же этот вопрос был замечен в Публичном заявлении Института Вацлава Клауса о ситуации в Украине от 21 февраля 2014 г.: «Со стороны Запада есть большая безответственность в оказании поддержки радикалам из Западной Украины, с учетом очевидного различия между регионами государства. ЕС и США не в состоянии гарантировать сохранение целостности государства и оказать должную поддержку. Запад внес свой вклад в разжигание кризиса, которого он на самом деле не хочет, и последствий, к которым он не готов. Ставить Украину перед выбором – Восток или Запад, значит расколоть ее»[3].

Вопреки официальной западной пропаганде, которая обвиняет Россию в ее империалистических устремлениях, на Украине сталкиваются два империализма, в том числе американский. Кризис, связанный с Украиной, обличил специфику европейского подхода к восточной политике. Его основой было *стремление*

[1] *Kissinger H. A.* To Settle the Ukraine Crisis, Start at the End // The Washington Post. 5.03.2014.

[2] Ukraina to problem Ukraińców. Rozmowa z Markiem Leonardem // Polityka. 2013. No. 50.

[3] Publiczne oświadczenie Instytutu Wacława Klausa w sprawie sytuacji na Ukrainie. Wydane 21.02.2014 r. Warszawa, 2014. S. 194–201.

к расширению экономических выгод, включая расширение рынков сбыта на соседей Европейского Союза, использование украинского рынка и дешевой рабочей силы для стимулирования собственной экономики и преодоления рецессии. Независимо от намерений лиц, принимающих решения в Европе, их действия имели геополитические последствия. Роль политики ЕС, которая привела к украинскому кризису, также была изучена в исследованиях РаджанаМенона и Юджина Румера[1].

Нет сомнений в том, что с 1991 г., т.е. с момента обретения независимости, Украина переживает большую дилемму и, возможно даже политическую драму, когда дело доходит до выбора вектора стратеги развития в качестве суверенного и демократического государства. Во внешней политике она варьируется между российской (восточной) и европейской (западной) ориентацией. Этот непростой для нее выбор обусловлен множеством причин, в том числе историческими, культурными, социальными, экономическими и международными. Остаются важными для Украины геополитические и геоэкономические условия, особенно сильные связи с могущественным соседом, т.е. Российской Федерацией, которая после распада Советского Союза все еще ищет себе новое место на изменяющейся политической карте Европы и мира.

Кризис 2013–2014 гг. и его последствия оказались результатом многолетнего геополитического соперничества великих держав за расширение своего влияния на Украине. Очередные этапы конфликта интересов, в первую очередь, являются результатом отсутствия воли к взаимопониманию среди украинской элиты, а также влияния политики России, США и ЕС в отношении Украины. Процесс еще не завершен, и необходимо учитывать вероятность дальнейших кризисов в этой стране. Следует полагать, что с геополитической точки зрения, Украина обречена на дальнейшую многовекторность. Формирование внешней политики по варианту Восток-Запад – это не только выбор, но,

[1] *Menon R., Rumer E.* Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston, 2015.

прежде всего, существенная потребность в модернизации государства путем сотрудничества с Россией и Европейским Союзом. Каждая из сторон, вступающих в отношения с Украиной, хочет побудить ее к интеграции, имея в виду, в основном, только свои интересы.

Европейский Союз и НАТО в равной степени несут ответственность в конфликте интересов между Украиной и Россией. ЕС без необходимости давал Украине обещания, которые невозможно реализовать на практике, что только пробудило большие надежды украинцев на предстоящее членство в ЕС и НАТО и подтолкнуло Россию к принятию мер по его предотвращению. Сегодня ЕС и НАТО должны сделать все возможное, чтобы как можно скорее нормализовать отношения между этими странами и разработать соответствующую стратегию как в отношении России, так и Украины. Это, в свою очередь, требует сотрудничества между ЕС и США не только с Украиной, но и с Россией, без которой мирное урегулирование украинского конфликта невозможно.

Ближайшие годы будут для Украины непростыми: разрушенные государственные институты, вооруженные радикальные политические группировки стремящиеся к власти, выстроенная территориальная зона для конкуренции сверхдержав, растущий сектор бедности, высокий уровень безработицы. В этих условиях становится весьма вероятным развитие и рост агрессии и терроризма. И хотя они, в основном, направлены против России, осколки могут ударить по ЕС и, в частности, по Польше. Связи промышленности с Россией разрываются, и в результате растет безработица. Общество, живущее на самом низком уровне в Европе, может спровоцировать восстания и дестабилизацию. Радикальные реформы во время вооруженного конфликта и политического хаоса являются простым рецептом всеобъемлющего кризиса всей страны. Единственный выход из кризиса – это соглашение между реальными участниками этого конфликта, а именно США и Россией. Однако есть фундаментальное противоречие сторон: Украина слишком важная точка безопасности для России и слишком привлекательный объект для США, пы-

тающейся ослабить Россию. В таких условиях данное соглашение имеет малый шанс на успех.

Польские политики участвовали во многих демонстрациях на Майдане, а также поддерживали наиболее радикальные группы Майдана, члены которых демонстрировали резко пробандеровские и антироссийские настроения, что приводило к отсутствию воли к поиску компромисса с президентом В. Януковичем. Один из многих парадоксов, так называемой «демократической революции» в Украине, заключалась в том, что радикальные националистические партии и военизированные формирования в Украине были признаны Польшей и другими западными странами как оппозиция «демократическая» 236[1].

Лидеры Майдана, поддержанные польским политическим классом, от имени всех украинцев предложили ускоренную интеграцию Украины с Западом. Они недооценили, *либо умышленно не учли*, масштабы разделений в украинском обществе относительно интеграции с ЕС или Россией, а также по другим вопросам, связанным с разделениями в украинском обществе. Самой серьезной ошибкой украинской политической элиты, пришедшей к власти в Киеве после свержения президента В. Януковича, было именно недооценка роли разногласий среди украинцев и проявление *«революционного нетерпения»* в ускорении процесса интеграции Украины с другими странами Запада. Следует заметить, если бы политические элиты Украины, противостоящие администрации президента В. Януковича, сохранили направление эволюционного, постепенного сближения всей Украины с Западом, избегая радикализма и резко антироссийских действий, присоединения Крыма к России и последующих фаз кризиса можно было бы избежать 237[2]. Одним из важней-

[1] Sytuacja na Ukrainie zagraża bezpieczeństwu Polski. Sondaż CBOS. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2014/K_059_14.PDF (дата обращения: 22.03.2021).

[2] *Зоткин А. А.* Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». СПб.: Интерсоцис, 2012.

ших мотивов присоединения Крыма к России было опасение российских правящих групп, что новое правительство в Киеве расторгнет соглашение, подписанное президентом В. Януковичем относительно баз Черноморского флота в Крыму. Политическая элита Майдана не предвидела основных последствий государственного переворота, включая отделение Крыма от Украины и действия пророссийских сепаратистов на востоке, стремящихся отделить восточные регионы и присоединиться к России. Лидеры оппозиционных группировок президента В. Януковича руководствовались не реалистичной оценкой ситуации в Украине, а излишне идеалистическими предпосылками быстрой интеграции всей Украины в ЕС.

Украинский кризис ухудшил состояние безопасности Польши, но, как это ни парадоксально, политика Польши в отношении Украины и России способствовала этому кризису. Подавляющее большинство польского политического класса и польских СМИ демонстративно и некритически поддерживали всю деятельность все более радикализирующегося Майдана. Представители большинства политических партий, представленных в польском парламенте, неоднократно выезжали в Киев, разговаривали с украинцами, протестующими на Майдане, рядом с лидерами основных украинских группировок, в том числе националистической и антипольской партии Свобода, прямо ссылаясь на символизм, лозунги и программы УПА, лидер которой Олег Тягнибок призывал Майдан к революции и свержению президента Януковича[1]. Поддержка или, по крайней мере, снисходительность значительной части формирующих общественное мнение кругов в Польше к деятельности украинских групп, ссылающихся на традиции ОУН и УПА, была вызвана прежде всего убеждением в том, что, поскольку эти группы определенно антироссийские они заслуживают такой поддержки со стороны Польши. Тот факт, что они также настроены против поляков, не

[1] *Orzechowski M.* Polska wobec wydarzeń na Ukrainie // Aktywizacja społeczeństwa obywatelskiego. Wydarzenia na kijowskim Euromajdanie. Szczecin, 2014. S. 33–57.

имел большого значения для польского «политического и медиамейнстрима» в то время[1].

Действия, предпринятые большинством польских политиков в последующие месяцы протестов на Майдане, были вызваны не столько стремлением стабилизировать ситуацию в Украине, повысить уровень жизни в этой стране и восстановить политическую и экономическую систему, но главным образом из убеждения, что это удачный момент, чтобы ослабить или даже исключить влияние России на Украине и, в конечном итоге, выиграть соперничество с Россией за данное государство. Несмотря на необходимость создания международной конференции по этому поводу, Россия к участию не должна была допускаться. Также, несмотря на такие глубинные исторические, цивилизационные и экономические связи, а также связи геополитического характера России и Украины, польской стороне не хватало политической воли и реалистического мышления чтобы признать легитимность и обоснованность интересов России в Украине. Такая позиция не является результатом объективной и реалистичной оценки ситуации в Украине. В первую очередь это было обусловлено русофобией или даже антироссийской истерией, которая преобладала в польских СМИ, которые доминировали среди польских политических и формирующих общественное мнение элит. В последующие месяцы конфликта на востоке Украины подавляющее большинство польских политиков и польских СМИ заняли одностороннее отношение к оценке событий на Украине. С одной стороны, была представлена агрессивная Россия и пророссийские повстанцы, а с другой – постмайдановские власти Украины, украинская армия и героические украинские патриоты из добровольческих батальонов, сражающиеся за восстановление территориальной целостности государства[2].

Когда на Западе высказывалась осторожная позиция о необходимости *«финляндизировать Украину»* и оставить ее вне военных блоков, президент Республики Польша БронславКомо-

[1] Rocznik Strategiczny 2013/2014. 2014. T. 19.

[2] *Czech M.* Co Europa i USA mogą zrobić dla Ukrainy // Gazeta Wyborcza. 11.02.2014.

ровский заявил о последовательной поддержке Польшей членства Украины в НАТО. Президент Коморовский после подписания закона о ратификации соглашения между ЕС и Украиной (17 декабря 2014 г.) в присутствии президента Украины Петра Порошенко, находившегося с официальным визитом в Польше, заявил, что не слышал о каком-либо эмбарго на продажу оружия Украине. Он заявил, что если Украина будет в этом заинтересована, Польша будет абсолютно открыта для переговоров и *готова продавать оружие Украине*. Аналогичную позицию представил ТомашСимониак, министр национальной обороны в правительстве премьер-министра Эвы Копач[1].

Это был своего рода парадокс, когда лица, принимающие решения в области внешней политики и политики безопасности Польши, в силу геополитического положения Польши, критически оценили попытки дипломатического решения этого конфликта, когда должны были играть ведущую роль в поисках *политического решения украинского конфликта*. Участие Германии и Франции в так называемом нормандском формате соглашения Минск I и Минск II были восприняты представителями польского правительства с большой сдержанностью и вызвали резкую критику в польских СМИ. Вероятно, одной из причин этого стало отстранение Польши от мирных переговоров, которые велись между Германией, Францией, Россией и Украиной при косвенном участии представителей пророссийских сепаратистов из Донецкой и Луганской областей. Как уже упоминалось, в июне 2014 г. во время празднования очередной годовщины высадки союзников в Нормандии (июнь 1944 г.) по инициативе президента Франции Франсуа Олланда было принято решение о создании Нормандского формата. Министр иностранных дел Польши ГжегожСхетина в одном из интервью сказал, что украинские проблемы лучше всего решать в Веймарском формате (Польша, Германия, Франция), так как у этих государств наибольшее знание и опыт в данном региональном формате. Он

[1] Polska jest bezpieczna, ale bądźmy czujni. Rozmowa z Tomaszem Siemoniakiem, wicepremierem i ministrem obrony narodowej // Rzeczpospolita. 12.03.2015.

также подчеркнул, что «каждый серьезный разговор о будущем Украины и поиск серьезного ответа о разрешении украинского кризиса и конфликта, должен происходить с польским присутствием. Разговор об Украине без Польши подобен разговору о Ливии, Алжире и Марокко без Италии, Франции и Испании»[1].

План польской дипломатии, предполагавший относительно быстрое присоединение Украины к ЕС, а затем членство в нем, без учета интересов России, провалился. *В Польше царит непримиримое отношение к России, и каждый компромисс воспринимается как поражение Запада и успех РФ*. С польской стороны, при оценке Минских договоренностей также было важным то, чтобы решение украинского конфликта было поставлено в зависимость от возвращения Крыма Украине. Иногда это интерпретировалось как означающее, что правительство Германии не принимало декларативное присоединение Крыма к России, но на самом деле относительно быстро смирилось с тем фактом, что Крым будет частью РФ. С другой стороны, польское правительство заняло более решительную позицию в этом отношении, отказываясь разделять вопросы Крыма и Донбасса обозначая единство данной проблемы.

Позиции Польши и России в отношении украинского кризиса были совершенно разными в отношении к условиям, ходу и последствиям. Министр иностранных дел Польши ГжегожСхетина заявил, что с обеих сторон существует фундаментальное недоверие[2]. В заявлениях представителей польских властей преобладали обвинения в адрес России в вопросе присоединения Крыма, поддержке пророссийских сепаратистов на востоке Украины и нарушении международного права. Примером доминирующего подхода Польши к оценке российской политики и, в целом, польской политики в отношении России, было заявление Яцека-Сариуша-Вольского, депутата Европарламента, который написал, что «нет места для диалога или нормализации отношений в

[1] Nie jest bezpiecznie. Wywiad z ministrem spraw zagranicznych Polski, Grzegorzem Schetyną // Gazeta Wyborcza. 05.11.2014.

[2] Absurd przesłania tragedię. Rozmowa z ministrem spraw zagranicznych Polski, Grzegorzem Schetyną // Gazeta Wyborcza. 15.04.2015.

доктрине Путина. Это беспрецедентное, со времен Советского Государства, место провокаций, вторжений, аннексий, войн и пропаганды»[1]. Польские политики подчеркнули, что возвращение к нормализации отношений с Россией возможно только после разрешения украинского конфликта. При этом они не уточнили, что понимают под термином *«разрешение украинского конфликта»*.

Российские политики и эксперты также указали на очень плохие польско-российские отношения. Они считали, что о значительном улучшении отношений Варшавы с Москвой в ближайшем будущем не может быть и речи. В средствах массовой информации обеих стран преобладали негативные для другой стороны комментарии, обвиняющие друг друга в разрыве польско-российских политических отношений. С российской стороны были выявлены проявления русофобии в Польше, с польской стороны – антипольские настроения в России[2]. В польских СМИ российских политиков и журналистов обвинили в антипольской пропаганде, а в российских СМИ такое же обвинение было выдвинуто против польских политиков и журналистов. Однако, если в начале 2015 года подавляющее большинство польского общества считало Россию враждебным государством по отношению к Польше, то только 6% российского общества придерживались аналогичного мнения о Польше.

После присоединения Крыма к России и начала боевых действий на востоке Украины Польша вместе с США стала одной из тех стран, которые потребовали самых суровых санкций для России. Премьер-министр Дональд Туск и министр иностранных дел Радослав Сикорский совершили многочисленные визиты и переговоры за границу, в ходе которых пытались мобилизовать политиков из стран-членов ЕС для введения санкций против России, а также в связи с растущим участием России в поддерж-

[1] *Saryusz-Wolski J.* Ukraińskie być albo nie być // Rzeczpospolita. 04.12.2014.

[2] «Устал от имбецилов». Почему уволился директор Российско-польского центра // Аргументы и Факты. URL: https://aif.ru/politics/world/ustal_ot_imbecilov_pochemu_uvolilsya_direktor_rossiysko-polskogo_centra (дата обращения: 12.03.2021).

ке пророссийских сепаратистов в восточной Украине. В обсуждаемый период польское правительство проявило бескомпромиссное отношение к РФ. В то время политики из других стран, в основном из Германии, вели постоянный, хотя и непростой, политический диалог с Россией. Канцлер А. Меркель в контексте присоединения Крыма к России и поддержки пророссийских сепаратистов на востоке Украины, с одной стороны, решительно осудила нарушение Россией фундаментальных международных правовых норм, а с другой стороны, подчеркнула, что конфликт на востоке Украины следует решать только дипломатическим путем[1].

В конце октября 2014 г. Польша объявила четырех российских дипломатов, подозреваемых в шпионаже, персонами нон грата. В ноябре того же года российские власти в рамках «адекватного ответа» приказали покинуть 3 сотрудникам польского военного атташе и 1 дипломата политического отдела посольства Польши в Москве. В связи с растущей напряженностью в польско-российских отношениях польские власти отказались от согласованной ранее организации *Года Польши в России* и *Года России в Польше*.

Украинский конфликт, помимо приостановки переговоров на высшем уровне между польскими и российскими политиками и ограничений на торговлю, введенных обеими сторонами, значительно усилил польско-российские споры по поводу истории. До украинского конфликта Круглые годовщины освобождения немецкого лагеря смерти Освенцим-Биркенау были для российских политиков поводом вспомнить освобождение этого лагеря солдатами Красной Армии 27 января 1945 г. и роль граждан СССР в борьбе с фашизмом во время мировой войны. Польские власти и руководство музея Аушвиц-Биркенау решили, что празднование 70-й годовщины освобождения этого лагеря (в ходе которого немцы убили более миллиона человек, в основном евреев, а также поляков, цыган, советских пленных и граждан других стран) не

[1] Rede von Bundeskanzlerin Merkel im Deutschen Bundestag (26.11.2014). URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/bundesregierung/staatsministerin-fuer-kultur-und-medien/aktuelles/rede-von-bundeskanzlerin-merkel-im-deutschen-bundestag-390332 (дата обращения: 11.04.2021).

будет политическим и юбилей отметят без выступлений политиков. Власти Польши прежде всего хотели сделать церемонию празднования 70-летия освобождения Красной Армией лагеря Аушвиц-Биркенау таким образом, который не допустил бы визит президента России Владимира Путина. Новая формула празднования юбилея позволила организаторам не отправлять личное приглашение президенту России на эти торжества[1].

В одном из своих заявлений в конце сентября 2015 г. посол России в Польше Сергей Андреев сказал, что польско-российские отношения являются худшими с 1945 г. и причиной этому не выступает Россия, а выбор польской стороны, которая заморозила политические и культурные контакты. Заявление Андреева о том, что польская политика привела к катастрофе в сентябре 1939 г., так как в 1930-е гг. Польша неоднократно блокировала создание коалиции против Германии, встретило в Польше сильное негодование, в том числе в лице польского министерства иностранных дел[2].

Вопросы, связанные с проектом создания противоракетного щита на территории Польши США и НАТО, продолжали оставаться важнейшим элементом в польско-российских отношениях. Министр иностранных дел России Сергей Лавров в своем выступлении на 51-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2015 г. заявил, что размещение элементов противоракетного щита США в Европе представляет опасность для российских сил ядерного сдерживания. Он также подчеркнул, что пусковые установки, которые будут установлены в Польше и Румынии, нарушают систему ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), так как они могут быть использованы для запуска маневровых ракет средней дальности[3].

Однако в целом в 2014–2019 гг. в Польше не было мотивации в улучшении отношений с Россией. Те, кто хотел диалога между поляками и русскими, мало что могли сделать, единственное, что

[1] *Kuraś B.* Putin nic nie powie w Auschwitz // Gazeta Wyborcza. 08.01.2015.

[2] *Kamiński Ł.* Ambasador Rosji jest konsekwentny // Rzeczpospolita. 29.09.2015.

[3] 51-я Мюнхенская конференция по безопасности. URL: https://ria.ru/munich_conference_06022015/ (дата обращения: 17.02.2021).

им оставалось – это объяснять и убеждать, что нужно избегать ненависти и презрения к другому народу. Это тем более важно, что в ближайшие месяцы должны были состояться выборы президента Польши (год президентских и парламентских выборов в Польше), где русофобия могла стать дешевым политическим товаром.

Посол России в Польше Сергей Андреев в интервью в конце ноября 2015 года сказал, в частности, что *«Россия готова к нормальным, прагматичным, взаимовыгодным отношениям без лишних эмоций, в духе взаимного уважения. Остальное зависит от Польши»*[1]. По словам российского посла, решение кризиса в российско-польских отношениях лежит на польской стороне, поскольку Россия не прерывала эти контакты. С другой стороны, с польской стороны преобладала позиция, согласно которой польско-российские отношения являются сложными, но не по вине Польши, а из-за несоблюдения Россией норм международного права, из-за применения военной силы против Украины и других стран.

Украинский кризис укрепили убежденность польской и российской сторон в том, что большинство стратегических интересов Польши и России в понимании этих интересов и способов их реализации лицами, принимающими решения по внешней политике обеих стран, противоречат друг другу. Аргумент, который на протяжении многих лет использовался в польской журналистике о том, что если Польша когда-либо вступит в войну, Россия непременно будет врагом, был усилен украинским кризисом. Как уже упоминалось, одним из непосредственных последствий украинского кризиса стало укрепление в польском обществе веры в то, что Россия является главной угрозой безопасности Польши, ее вечным врагом. Ощущение угрозы со стороны России усилилось. Однако, несмотря на это, в интересах Польши и России расширить сферу совпадающих интересов и укрепить отношения Польши и России, ориентированные на сотрудничество, а не на конфронтацию.

[1] Zielonych ludzików w Polsce nie będzie. Wywiad z ambasadorem Rosji w Polsce, Siergiejem Andriejewem // Rzeczpospolita. 26.11.2015.

Украинский кризис представляют собой чрезвычайно важный поворотный момент в политике безопасности Польши. Хотя Россия рассматривалась как главная внешняя угроза, среди основных мотивов и реальных целей политики безопасности Польши, проводимой с начала 1990-х гг. сменяющими друг друга правящими группами государства, она не была затронута в декларативной сфере (например, в выступлениях представителей правительства или в официальных документах). С начала 2014 г. лица, принимающие решения в отношении политики безопасности Польши, воспринимали Россию как главную угрозу в официальных документах[1].

Различия интересов или даже конфликт интересов по многим вопросам в области национальной и международной безопасности, в широком понимании, являются неотъемлемой чертой польско-российских отношений. Эта тенденция значительно усилилась в 2014–2019 гг. Однако различие интересов не должно приводить к взаимному восприятию друг друга как врага, а скорее как соперника, особенно когда речь идет о польско-российском соперничестве за влияние на Украине, которое частично совпадает с соперничеством между Россией и Западом. Однако, соперник не обязательно должен быть врагом.

Ключевым фактором в польско-российских отношениях была и остается высокая степень конфликта интересов, которая касалась, прежде всего, таких областей, как:

– Система Европейской Безопасности, включая роль НАТО в ее формировании, и последующие этапы расширения Альянса, особенно расширение на постсоветские страны;

– Система Энергетической Безопасности и стремление Польши диверсифицировать поставки энергоресурсов из России, а также работа России по выстраиванию альтернативных газовых и нефтяных маршрутов в Западную Европу в обход Украины и Польши;

– вопросы исторического характера, в котором для Польши особое место занимали дела (с исчерпывающим объяснением,

[1] Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2014. URL: www.mon.gov.pl (дата обращения: 29.03.2021).

удовлетворившие польскую сторону) касающиеся Катынской трагедии;

– противоречия во взглядах на построение порядка в Восточной Европе, особенно конфликт интересов в украинском вопросе.

Со временем, особенно после вступления Польши в НАТО и ЕС, будущее восточноевропейских стран, особенно Украины и Беларуси, стало вопросом фундаментальной важности для польско-российских отношений. Россия, также как Польша, рассматривали страны Восточной Европы как своего рода *буфер безопасности*. Однако между двумя странами существовала фундаментальная разница в видении того, как должен формироваться этот буфер. Правящие группы Польши видели укрепление безопасности Польши в укреплении украинского буфера через членство Украины в НАТО и ЕС. С другой стороны, правящие группы России воспринимали усиление собственной безопасности через украинский буфер как сохранение Украиной своего внеблокового статуса или как включение этой страны в систему безопасности, построенную под эгидой России на пространстве СНГ[1].

Также, между Польшей и Россией возник политический конфликт интересов относительно формы порядка в Восточной Европе, который стал еще более значительным после вступления Польши в Европейский Союз. Польша, стремящаяся формировать восточную политику ЕС и НАТО, включая расширение этих структур на государства постсоветского пространства, воспринималась внешнеполитическими представителями России как форпост США и Западной Европы в странах ЦВЕ. И Польша, и Россия относились к странам Восточной Европы как к некой неформальной буферной зоне, отделяющей западное пространство безопасности, созданное под руководством США, от пространства безопасности, созданного Россией на постсоветском пространстве. Однако, между Польшей и Россией или, в более широком смысле, Западом и Россией, существовала фундаментальная разница в способах создания и функционирования этой не-

[1] *Менкишак М.* Польская политика в отношении России в 1989–2002 гг. // Центрально-Европейский ежегодник 2003. Вып. 1. Международные отношения и безопасность. М., 2003. С. 222–226.

формальной буферной зоны. На этом фоне все более расходящиеся геополитические интересы перерастали в негласное противостояние в польско-российских отношениях, а также – противостояние России и Запада.

Политические польско-российские отношения на протяжении всего периода после холодной войны носили кризисный характер, а периоды их улучшения были относительно недолгими. В их кризисном состоянии виновны обе стороны. С польской стороны ожидалось, что из-за исторических «преступлений» и асимметрии потенциалов, Россия должна более активно выступать инициатором выстраивания отношений с Польшей. Однако, следует также иметь в виду, что многие действия, предпринятые Польшей в обсуждаемый период с точки зрения европейской безопасности, включая, в частности, безопасность восточноевропейского субрегиона, не учитывали интересы России, даже частично. Одним из примеров были усилия польской дипломатии по лоббированию исключения России из переговорного процесса по соглашению об ассоциации между ЕС и Украиной во второй половине 2013 г. по вопросам, связанным с экономическими последствиями этой ассоциации для интересов России.

В восприятии России польскими политическими элитами и элитами, формирующими общественное мнение, на протяжении всего периода отчетливо прослеживался и прослеживается классический геополитический детерминизм и страх, а также расставленные акценты на угрозы со стороны РФ и связанный с этим конфронтационный подход к России.

Ощущение угрозы со стороны России было одним из важнейших мотивов фактического (а не декларированного) стремления Польши вступить в НАТО. С другой стороны, в первом десятилетии XXI в. польская политическая элита основывалась, прежде всего, на угрозе *энергетической безопасности* Польши со стороны России, которая рассматривалась главным образом как чрезмерная зависимость польской экономики от нефти и газа[1].

[1] *Смирнов П. Е.* Центральная и Восточная Европа между США и ЕС // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2005. № 8.

Во время кризиса на востоке Украины в 2014–2019 гг. лица, принимающие решения в области внешней политики и политики безопасности Польши, вновь обратились к утверждениям об угрозе со стороны России в военном измерении. Впервые, после окончания холодной войны, в Польше с большой интенсивностью стали возникать мнения о возможности вооруженной агрессии России. В отличие от начальных периодов отношений, когда в польской стороне доминировало неформальное и необоснованное представление о том, что Россия является главной угрозой безопасности Польши. В 2014 г., впервые в политике безопасности, Россия была официально признана прямой военной угрозой для Польши. Это было закреплено в ряде официальных документов, прежде всего, в *Стратегии Национальной Безопасности Республики Польша (2014)*, а также в выступлениях представителей правительства Польши.

Одним из важнейших последствий кризиса и украинского конфликта для Польши стало ухудшение состояния безопасности, прежде всего, усиление чувства военной угрозы со стороны России. Однако это абсолютно не означало, что реальная угроза вооруженного нападения со стороны России действительно существовала. В 2014–2019 гг. политические отношения между Польшей и Россией на высшем уровне были практически полностью заморожены.

Среди прямых последствий украинского конфликта для безопасности Польши, помимо ощущения угрозы со стороны России, следует указать увеличение усилий по укреплению собственного оборонного потенциала Польши, укрепление сплоченности НАТО и усиление ее участия в безопасности Польши, а также укрепление двустороннего польско-американского сотрудничества в области военно-политической безопасности.

Польша, претендующая на главную роль ЕС в направлении России и постсоветского пространства, отстаивая позицию в пользу скорейшей ассоциации Украины с ЕС, в определенной степени способствовала тому, что Украине пришлось выбрать между ЕС и Россией. В интересах Польши как можно скорее положить конец конфликту на востоке Украины. Однако, польская

дипломатия не проявляла большой активности в попытках урегулирования этого конфликта.

По сумме фактов, поддержку и участие польского политического класса в украинском кризисе 2013–2014 гг. вряд ли можно считать успешными. Восточная политика Польши потерпела очередной провал, ярким примером которого стало *исключение* инициативы участия в переговорном процессе по разрешению украинского кризиса, которые с середины 2014 г. вели представители Украины, России, Германии и Франции. Польша, также, несет значительную часть ответственности за вовлечение ЕС в украинский кризис, не отдав отчета в негативных последствиях для российско-украинских отношений, а также отношений России-ЕС и, в целом, международной системы безопасности.

Украинский кризис и конфликт ознаменовали новый поворотный момент в политике безопасности Польши и в польско-российских отношениях. Официально власти Польши стали рассматривать Россию как наибольшую угрозу международной безопасности. Значительная часть польской политической элиты видела основную угрозу со стороны России уже не в чрезмерной зависимости польской экономики от российских энергоресурсов или других экономических угрозах, а в угрозе прямого военного нападения.

Кризис на востоке Украины подтвердили обоснованность аргумента о том, что Россия является главным игроком на постсоветском пространстве. Ни одна серьезная проблема не может быть решена без ее участия. Без обоюдного уважения и учета интересов каждой из сторон диалог не представляется возможным. Однако со стороны РФ следует более детально проанализировать структуру безопасности и целостности ЕС, с учетом удовлетворения амбиций Польши в качестве главного игрока в регионе.

А. Ю. ЗУДИН, А. А. ЛУЦКАЯ

БИЗНЕС И ГОСУДАРСТВО В ГЕРМАНИИ: КАК ИЗМЕНИЛАСЬ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ? КОНСУЛЬТАЦИИ БЕЗ «ПОСТОРОННИХ»

Аннотация. В центре внимания авторов – изменение модели политического взаимодействия бизнеса и государства в современной Германии. Тестируется гипотеза британского политолога У. Гранта, согласно которой вызванное глобализацией сближение с плюралистической моделью приведет к изменению институциональных посредников во взаимодействии бизнеса и государства: снижению роли политических партий и бизнес-ассоциаций и повышению значения прямых отношений (модель «государство компаний»). Дается характеристика немецкой разновидности неокорпоративизма («механизм консультаций»). Подробно рассматриваются традиционные и новые практики во взаимодействии групп интересов немецкого бизнеса и государства. Делается вывод, что несмотря на реальные перемены, модель отношений бизнеса и государства в Германии продолжает сохранять институциональное своеобразие и должна быть квалифицирована как «гибридная».
Ключевые слова: группы интересов бизнеса, неокорпоративизм и плюрализм, механизм «консультаций» и лоббизм, модель институциональных посредников бизнеса Уина Гранта, «большая тройка» бизнес-ассоциаций, «вращающиеся двери», «персональный симбиоз», реестр лоббистов, «политотделы» крупных фирм, аналитические центры, политическое обособление элиты бизнеса, «гибридная модель»

Одну из причин экономических успехов и политической устойчивости ФРГ часто усматривают в удачной модели взаимоотношений между группами интересов и государством, которая известна как немецкая версия неокорпоративизма. Эта модель отличается рядом особенностей.

Круг участников взаимодействия был узким и строго ограниченным. Сторонами отношений выступали коллективные политические акторы. Ведущую роль играли политические партии, направлявшие работу правительства, министерств и парламентских групп. От групп интересов допускались только членские организации (бизнес-ассоциации и профсоюзы), преимущество отдавалось «зонтичным» объединениям с наиболее широкой членской базой. Со стороны бизнеса ведущую роль играла «большая тройка» бизнес-ассоциаций: Федеральный союз германской промышленности (ФСГП), Федеральное объединение германских работодательских союзов (ФОГРС) и Объединение немецких торгово-промышленных палат (ОНТПП). Участие со стороны групп интересов каких-либо иных посредников, помимо «ассоциаций», как правило, не допускалось. Контакты федеральных министерств и Бундестага с группами интересов при рассмотрении законопроектов стали обязательны и были институционализированы, но инициатива в их осуществлении полностью находилась в руках чиновников и политиков.

В Германии термин «лоббизм» для обозначения поведения групп интересов при взаимодействии с государством долгое время не использовался. «Лоббизм» воспринимался как чуждое явление и ассоциировался с нелегитимным способом политического влияния со стороны участников, которые официально не признаны государством и не вовлечены в формирование и проведение публичной политики на постоянной основе[1]. Автор публикации о лоббизме, подготовленной немецким филиалом международной организации «Трансперанси Интернешенел», специально оговаривает различия между привычной для Германии практикой «представительства интересов» и «лоббизмом»[2]. Как отмечают немецкие политологи К. Ронит и Ф. Шнайдер, термин «слушания», который обозначает процедурные аспекты взаимо-

[1] *Ronit K., Schneuder V.* The Strange Case of Regulating Lobbying in Germany // Parliamentary Affairs. 1998. Vol. 51, No. 4. P. 562.

[2] *Speth R.* Lobbying in Germany // Transparency International Deutschland. 2014. 43 p. URL: https://www.transparency.de/fileadmin/Redaktion/Publikationen/2014/Lobbying_in_Germany_TransparencyDeutschland_2014_EN.pdf

действия групп интересов и государства, не передает в полной мере своеобразия взаимодействия сторон.

Наиболее адекватно особенности взаимодействия групп интересов с чиновниками и политиками в немецкой разновидности неокорпоративизма в научной литературе описываются при помощи обобщенного названия «консультации»[1]. «Консультации» чиновников и политиков с представителями групп интересов представляют собою совместный поиск решения вопросов, вынесенных на обсуждение, где каждая из сторон действует в сфере своих полномочий, которые, как правило, признаются другими участниками. Общая цель – выработка решения, которое получит поддержку обеих сторон. Участники работают в условиях взаимозависимости и стараются избегать открытых конфликтов. Решающее слово остается за чиновниками и политиками, но они обязаны выслушивать представителей групп интересов, в пользу которых часто складывается перевес в компетенциях по деталям обсуждаемых вопросов.

На длительное время важной «технологической» особенностью консультаций с группами интересов стал их «непубличный» характер. В «закрытом» режиме проводятся заседания кабинета, парламентских фракций, правительственных и парламентских комитетов и комиссий. Парламентские консультации с участием групп интересов («процедура слушаний» в Бундестаге) отличается ограниченной публичностью. Отсутствие транспарентности характерно для функционирования самих групп интересов и, в меньшей степени, политических партий. (Согласно ст. 21 Конституции Германии политические партии должны публично отчитываться о своих активах, а также об источниках и использовании своих средств[2].) Полностью неформальными и непубличными остаются переговоры групп интересов с партиями по вопросам политического фи-

[1] *Ronit K., Schneuder V.* The Strange Case of Regulating Lobbying in Germany // Parliamentary Affairs. 1998. Vol. 51, No. 4. P. 563.

[2] Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года. / Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты // пер. с нем.; под ред. Ю. П. Урьяса. М.: Прогресс, 1991. 35 с.

нансирования. Непосредственных участников взаимодействие «без посторонних» вполне устраивало. «Режим консультаций» предусматривал «мягкие» формы правового регулирования[1], отношения во многом строились на основе неформальных договоренностей.

В версии неокорпоративизма, утвердившейся в Германии в послевоенный период, присутствовал и черты плюралистической модели взаимодействия групп интересов и государства. Конституция 1949 г. запрещает правительству вмешиваться в установление трудовых стандартов, тем самым повышая политическую независимость групп интересов. Однако в течение длительного времени определяющей для отношений государства с группами интересов была неокорпоративистская основа.

Перемены и вызовы

Несколько десятилетий глобализации и европейской интеграции привели к существенным изменениям в Германии. Сегодня все больше и больше групп интересов представляют третичный сектор экономики, в то время как число групп интересов первичного и вторичного секторов переживают упадок, символизируя переход к постиндустриальному обществу.

Серьезные коррективы в систему представительства интересов бизнеса внесло объединение Германии. Способность «зонтичных» бизнес-ассоциаций сводить воедино разнородные предпочтения своих членов и добиваться консенсуса ослабла[2]. В наибольшей степени этот процесс затронул ассоциации работодателей, участие в которых стало сокращаться[3].

---

[1] *Chari R., Murphy G., Hogan J.* Regulating Lobbyists: A Comparative Analysis of the USA, Canada, Germany and the European Union // The Political Quarterly. 2007. Vol. 78, No. 3. P. 425.

[2] *Boll B.* Interest organisation and intermediation in the New Länder // German Politics. 1994.

[3] *Silvia S. J.* German unification and emerging divisions within German employers' associations: Cause or catalyst? // Comparative politics. 1997. Vol. 2. P. 187; *Silvia S. J., Schroeder W.* Why are German employers' associations declining? // Comparative political studies. 2007. Vol. 40, No. 12. P. 1433–1459.

Серьезно изменились политический спектр и партийная система. Появились новые парламентские партии: партия Союз 90/Зелёные (создана в 1979, в Бундестаге – с 1983 г.), Левая партия (создана в 2007, в Бундестаге – с 2009 г.), Альтернатива для Германии – АДГ (создана в 2013 г., в Бундестаге – с 2017 г.). Формирование правительственных коалиций начало сталкиваться с новыми затруднениями. Серия политических скандалов в федеральном правительстве в 1980-е, 1990-е и начале 2000-х гг. привели к снижению общественного доверия к ключевым политическим институтам в Германии. С 1982 по 2008 г. общественное доверие к Бундестагу сократилось практически в два раза – с 50% в 1984 г. до 27% в 2008 г.[1]

Важной частью новой политической реальности Германии стали наднациональные структуры Европейского союза (ЕС), который с 1980-х гг. перешел в режим активного институционального строительства. Резко расширился список политически активных групп интересов. За 24 года с момента первой публикации «реестра лоббистов», зарегистрированных в Бундестаге, его состав увеличился в 2,5 раза[2].

В области взаимоотношений бизнеса и государства появились политические посредники нового типа, не связанные ни с политическими партиями, ни с бизнес-ассоциациями, – агентства по связям с общественностью, аналитические и консалтинговые центры, предоставляющие экспертные знания и услуги на рыночной основе. Крупные компании начали создавать собственные политические структуры, которые в принципе, позволяют им действовать в обход бизнес-ассоциаций и самостоятельно продвигать собственные интересы. Они получили название внутрифирменных подразделений по «общественным делам» (public affairs departments)[3]. В период 1990-х – начала 2000-х гг.

---

[1] *Saalfeld T.* The Bundestag and German Citizens. More Communication, Growing Distance // The Journal of Legislative Studies. 2012. Vol. 18 P. 19. URL: https://doi.org/10.1080/13572334.2012.706047

[2] *Sebald M.* Interest groups. Continuity and change of German lobbyism since 1974 // Institutions and Institutional Change in the Federal Republic of Germany. 2000. P. 195.

[3] Управление по «общественным делам», или своего рода «политотделы» компаний, – особый формат политических коммуникаций, в котором взаимо-

такого рода подразделения создали больше половины немецких компаний, а количество занятых в сфере общественных связей в Германии увеличилось на 55%[1]. Для описания продвижения групповых интересов термин «лоббизм» начинает чаще использоваться как в СМИ, так и в научных публикациях[2].

В контексте глубоких трансформаций последних десятилетий, неокорпоративная модель не могла не подвергнуться изменениям. Вектор перемен – сближение с плюралистической моделью групп интересов. Применительно к взаимоотношениям бизнеса и государства суть этих изменений была сформулирована британским политологом У. Грантом: сближение с плюралистической моделью в странах Запада приведет к смене институциональных посредников бизнеса: характерная для США модель «государства компаний» вытеснит «партийное государство» и «государство ассоциаций». Типичным примером «государства ассоциаций» во взаимоотношениях с бизнесом Грант считал ФРГ[3].

Масштабы и глубина сдвига к плюралистической модели в Германии активно обсуждаются исследователями. Главный вопрос продолжающихся научных дебатов был сформулирован еще в 1995 г. в названии работы немецкого социолога У. Штрека: «Существует ли все еще немецкая модель капита-

---

действие с общественным мнением и СМИ (public relations – PR) не выделено в обособленное направление, а тесно переплетается с поддержанием контактов с политиками, чиновниками, руководителями и активом различных общественных организацииО различиях между «public affairs» и «public relations» см.: *Johnson J.* Public Relations vs. Public Affairs: What's the Difference? URL: https://www.uschamber.com/co/grow/marketing/public-relations-vs-publicaffairs#:~:text=PR%20is%20usually%20focused%20on,and%20focuses%20on%20influencing%20policy; Public Strategies Impact. WHAT'S THE DIFFERENCE BETWEEN PUBLIC AFFAIRS AND PUBLIC RELATIONS? URL: https://www.njpsi.com/public-affairs-vs-public-relations/

[1] *Siedentopp J.* Public Affairs Management in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven // Berliner Reihe zum Marketing. 2007. Arbeitspapier Nr. 3. P. 16.

[2] *Speth R.* Lobbying in Germany // Transparency International Deutschland. 2014. 43 p. URL: https://www.transparency.de/fileadmin/Redaktion/Publikationen/2014/Lobbying_in_Germany_TransparencyDeutschland_2014_EN.pdf

[3] *Grant W.* Globalisation, Big Business and the Blair Government // CSGR Working Paper. 2000. No. 58/00. P. 9.

лизма? И выживет ли она?»[1] Спустя пять лет немецкий политолог М. Себальд высказался более определенно: будущее системы групп интересов в Германии будет «плюралистическим»[2]. Предлагались и более осторожные оценки. На основе имеющихся эмпирических данных авторы попытаются дать свой ответ на этот вопрос. Для этого будут рассмотрены состояние основных звеньев механизма взаимодействия бизнеса с государством: взаимоотношения с партиями на выборах, с федеральным правительством, с Бундестагом, с аналитическими центрами, с общественным мнением и с институтами ЕС.

Основные звенья механизма взаимодействия. Партии на выборах

Основной закон 1949 г. закрепил за политическими партиями конституционный статус и превратил Германию в образец «партийного государства». Для групп интересов бизнеса это означало, что политические партии стали безальтернативным посредником во взаимодействии с ключевыми институтами государства, прежде всего, с правительством и Бундестагом. В послевоенный период «естественными» союзниками групп интересов бизнеса в Германии стали праволиберальные ХДС/ХСС и СвДП, а основой для выстраивания последующих отношений и контактов – взносы в партийную кассу[3]. Но возможность превращения политического финансирования в эффективный канал влияния групп интересов бизнеса на «партнерские» политические партии зависит от «баланса сил» в двусторонних отношениях.

До конца 1950-х гг. денежные средства частного бизнеса служили важнейшим источником политического финансирования для праволиберальных партий Германии в период выборов.

[1] *Streeck W.* German Capitalism: Does It Exist? Can It Survive? Max Planck Institut for the Study of societies. Working Paper. 1995.

[2] *Sebald M.* Interest Groups. Continuity and Change of German Lobbyism since 1974. 2000. P. 188.

[3] *McMenamin I.* If money talks, what does it say? Varieties of capitalism, ideological polarization and business financing of parties // World politics. 2012. Vol. 64, No. 1. P. 42.

Эти средства часто направлялись через бизнес-ассоциации. Особым политическим эффектом обладали пожертвования со стороны крупных частных доноров (в научной литературе они получили название «плутократического финансирования»). Влияние крупных доноров было наиболее ощутимо в СвДП, более «слабой» по обеспеченности общими ресурсами, по сравнению с блоком ХДС/ХСС[1].

Режим частного политического финансирования создавал для праволиберальных партий риск попадания в чрезмерную зависимость от групп интересов бизнеса. Линией водораздела в отношениях с внешними донорами стало введение государственного финансирования политических партий в 1959 г. Важно, что инициаторами этой меры стали праволиберальные ХДС\ХСС и СвДП, тесно связанные с группами интересов бизнеса. Подключение государственного бюджета позволило политическим партиям занять «сильную позицию» в области политического финансирования.

К 1990 г. влияние крупных доноров на праволиберальные партии практически исчезло, а группы интересов бизнеса перестали быть главным источником финансирования праволиберальных партий. К настоящему времени большая часть предвыборных кампаний финансируется за счет государственных и партийных взносов, в то время как пожертвования бизнес-ассоциаций и крупных компаний, составляют лишь одну треть[2].

Конечно, данные о легальных пожертвованиях не отражают в полной мере объемов политического финансирования из внешних источников. Политические партии стараются использовать различные лазейки в законодательстве, чтобы обходить существующие ограничения. Часть крупных частных пожертвований

---

[1] *Austin R., Tjernström M., eds.* Funding of Political Parties and Election Campaigns. 2003. 262 p.; *Scarrow S. E.* Money, Politics, and the Balance of Power: Comparing Official Stories. Paper prepared for the American Political Science Association Annual Meeting. Philadelphia, 2006.

[2] *Khazan O.* Why Germany's Politics Are Much Saner, Cheaper, and Nicer Than Ours // The Atlantic. 2013. URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2013/09/why-germany-s-politics-are-much-saner-cheaper-and-nicer-than-ours/280081/

«уходит в тень» и эпизодически обнаруживается во время политических скандалов[1].

Тем не менее, государственное финансирование вместе с другими правовыми мерами серьезно ослабило роль политического финансирования в продвижении интересов бизнеса. Исследование, проведенное А. Герерсом и М. Хопнером, показало, что в период с 1984 по 2005 г. из 100 крупнейших немецких компаний большинство вообще не выделяло никаких легальных пожертвований политическим партиям. Меньшинство ведущих фирм, которые все-таки участвует в политическом финансировании, направляет свои средства преимущественно праволиберальным политическим партиям – блоку ХДС/ХСС и СвДП[2]. Таким образом, в отличие от ряда других стран[3], в Германии не произошло дифференциации связей групп интересов бизнеса с политическими партиями, которая сопутствует сближению с плюралистической моделью.

Работа с правительством

Несмотря на статус «парламентской республики» реальным источником законотворчества в Германии выступает исполнительная власть: федеральное правительство готовит более двух третей законопроектов и постановлений.

«Министерские консультации». Непосредственное взаимодействие органов исполнительной власти и групп экономических интересов осуществляется через проведение министерских кон-

---

[1] Последний из числа наиболее крупных произошел в конце 1999 года и был связан с пожертвованиями Христианско-демократической партии (ХДС) (Schwarzgeldaffäre). Как оказалось, бывший канцлер Гельмут Коль скрывал пожертвования, превышавшие 10 тыс. евро, а также вел секретные банковские счета. См.: *Austin R., Tjernström M., eds.* Funding of Political Parties and Election Campaigns. 2003.

[2] *Goerres A., Hopner M.* Polarizers or landscape groomers. Party donations by the 100 largest German companies in 1984–2005 // Socio-Economic Review. 2014. No. 12. P. 522.

[3] См.: *Зудин А. Ю.* Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада. М.: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2009.

сультаций. Профильные министерства совместно с приглашенными специалистами занимаются разработкой технической составляющей проектов.

Очень часто частный сектор обладает экспертными знаниями и информацией, недоступной руководящим структурам, а также предлагает решения, которые могут быть более жизнеспособными для реализации. Согласно ст. 23 «Общих правил и процедур федерального правительства»[1] министерства уполномочиваются взаимодействовать с представляющими интересы всех земель общенациональными ассоциациями бизнеса, что и объясняет ведущую роль последних.

Поскольку на практике участие «головных» ассоциаций бизнеса в министерских консультациях является приоритетным, более мелкие объединения стремятся сконцентрировать свою деятельность вокруг «большой тройки» ассоциаций – Федерального союза германской промышленности (ФСГП), Федерального объединения германских союзов работодателей (ФОГРС) и Объединения немецких торгово-промышленных палат (ОНТПП).

«Сращивание» министерств и бизнеса. Между бизнесом и правительством сложились и неформальные связи. В отношениях с наиболее влиятельными группами интересов утвердились неписаные правила, которые соблюдают все федеральные канцлеры вне зависимости от партийной принадлежности: на пост министра экономики назначается человек, связанный с интересами бизнеса, а главой министерства сельского хозяйства становится представитель интересов фермеров. Аналогичным образом, министерством труда всегда руководит представитель профсоюзов[2].

Связи «экономических» министерств с «профильными» группами интересов носят глубокий и устойчивый характер. Особая близость министерства сельского хозяйства и групп интересов

[1] Официальный сайт Федерального правительства Германии. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/gesetzesvorhaben (дата обращения: 25.04.2021).

[2] *Niclauss K.* The Federal Government: Variations of Chancellor Dominance // Institutions and Institutional Change in the Federal Republic of Germany. 2000. P. 71.

фермеров находит выражение не только в политике министерства, но и в переплетении аппарата министерства и аппарата соответствующих бизнес-ассоциаций. Политолог К. фон Бойме даже сравнивает министерство сельского хозяйства с «родовым имением» бизнес-ассоциаций. Тесные отношения с отраслевыми бизнес-ассоциациями традиционно поддерживает министерство экономики. В некоторых случаях министерство специально подчеркивает общность с группами интересов бизнеса в понимании приоритетов экономической политики[1].

«Вращающиеся двери». Еще один неформальный канал связи бизнеса с правительством – практика «вращающихся дверей». В США и странах ЕС бывшие политики и высокопоставленные чиновники после выхода в отставку часто переходят на работу в частный сектор. В современной Германии «вращающиеся двери» стали привычным политическим явлением[2]. Удельный вес выходцев из политики и государственной службы в руководящих органах немецких компаний невелик, но масштабы распространения достаточно широкие. По данным выборочного исследования, в 2017 г. к этой категории принадлежали только 6,3% членов наблюдательных советов немецких компаний, но они присутствовали примерно у половины компаний[3].

Бизнес-ассоциации сохраняют лидерство. Но главным субъектом политического взаимодействия с правительством были и остаются не крупные компании, в которые уходят после своей отставки политики и высокопоставленные чиновники, а бизнес-ассоциации. Большая часть немецких бизнес-асссоциаций поддерживали регулярные контакты с министрами, их заместителями и руководителями других федеральных

---

[1] *Speth R.* Lobbying in Germany // Transparency International Deutschland. 2014. 43 p. URL: https://www.transparency.de/fileadmin/Redaktion/Publikationen/2014/Lobbying_in_Germany_TransparencyDeutschland_2014_EN.pdf

[2] *Dörrenbächer N.* Patterns of post-cabinet careers. When one door closes another door opens? 2016.

[3] *Gebhardt M., Saz-Carranza A.* European revolving doors. Corporate Boards in Germany and Spain // ESADEgeo Working Paper. 2018. URL: https://itemsweb.esade.edu/wi/esadegeo/workingpapers/17_18/201802%20WP%20Gebhardt%20%20Saz-Carranza%20-%20European%20revolving%20doors.pdf

ведомств («высший уровень»): представители 24% опрошенных организаций делали это примерно раз в год, 47% – два раза в год и чаще[1].

В контакты с чиновниками федерального правительства («рабочий уровень») вовлечено уже абсолютное большинство немецких бизнес-ассоциаций: представители 87% опрошенных организаций сообщили о контактах на этом уровне с частотностью два раза в год и больше. Совсем не взаимодействовали с федеральными чиновниками только 5% опрошенных и еще 8% сообщили о контактах примерно раз в год.

Контакты в Бундестаге

Федеральный парламент лишь ненамного уступает федеральному правительству в качестве объекта внимания со стороны бизнес-ассоциаций.

Бизнес-ассоциации снова на первых ролях. По данным исследования А. Уилтса и К. Куитткэт, представители 64% опрошенных организаций этого типа сообщили, что общались с парламентариями два раза в год или чаще. Еще 16% делали это не чаще одного раза в год и только 20% заявили об отсутствии такого рода практики[2].

По другим оценкам, в начале 2000-х гг. на долю коллективных групп интересов (бизнес-ассоциаций и профсоюзов) приходилось приблизительно 80% лоббистов, действовавших в Бундестаге. В этой категории лидерство принадлежало двум ведущим бизнес-ассоциациям из «большой тройки» ведущих – Федеральному союзу германской промышленности (ФСГП) и Федеральному объединению германских союзов работодателей (ФОГРС). По меньшей мере, один раз в месяц с этими бизнес-ассо-

[1] *Wilts A., Quittkat C.* Corporate interests and public affairs. Organised business–government relations in EU member states // Journal of Public Affairs. 2004. Vol. 4, No. 4. P. 384–399.

[2] *Wilts A., Quittkat C.* Corporate interests and public affairs. Organised business–government relations in EU member states // Journal of Public Affairs. 2004. Vol. 4, No. 4. P. 384–399.

циациями вступали в контакт, соответственно, 28% и 22% законодателей[1].

В Бундестаге, как и в федеральном правительстве, ключевым посредником для групп интересов по-прежнему выступают политические партии. Как отмечает К. фон Бойме, в Германии влияние групп интересов «гораздо больше зависит от их способности проникать в политические партии и в формирование партийных фракций в парламенте, чем от воздействия на законодателей в постоянных комитетах»[2].

Политические связи групп интересов бизнеса в Бундестаге подчиняются политической логике, заложенной в политическом финансировании (поддержка правоцентристских и либеральных партий в лице ХДС/ХСС и СвДП) и отличаются постоянством.

Наиболее важным для немецкого бизнеса каналом связи в Бундестаге выступают рабочие группы парламентских фракций, которые представлены в отраслевых комитетах законодательного органа. Основная задача лоббистов – «создание и поддержание сети контактов для получения и передачи информации»[3] с лицами, принимающими решения.

Парламентарии используют информацию, предоставленную группами интересов со схожими политическими предпочтениями, которая помогает им продвигать повестку дня и политические инициативы. Правые партии (блок ХДС\ХСС и СвДП), в основном взаимодействуют с бизнес-ассоциациями, в то время как левые (партия «Левых», СДПГ и «Зеленые») рассчитывают на информацию со стороны представителей общественных интересов, профсоюзов и неправительственных организаций.

Персональный симбиоз. Широкое присутствие представителей бизнес-ассоциаций не исчерпывают политических возмож-

---

[1] *Speth R.* Lobbying in Germany // Transparency International Deutschland. 2014. 43 p. URL: https://www.transparency.de/fileadmin/Redaktion/Publikationen/2014/Lobbying_in_Germany_TransparencyDeutschland_2014_EN.pdf

[2] *Beyme K.* Interest Groups in Parliamentary Decisions in German Bundestag // Government and Opposition. 1998. Vol. 33, No. 1. P. 40.

[3] *Zumpfort W.* Lobbying and democracy in Germany // Actas de Congress. 2007. Vol. 3, No. 5. P. 110.

ностей групп интересов в парламенте. Важная особенность депутатов Бундестага – персональный «симбиоз» с группами интересов. По имеющимся данным, почти 75% законодателей являются членами, как минимум, одной внешней организации[1]. По другим данным, около половины депутатов Бундестага были напрямую связаны с группами интересов: они либо работали на эти группы, либо занимали в них руководящие позиции. С бизнес-ассоциациями и профсоюзами непосредственно были связаны около 25% законодателей[2].

Этому благоприятствуют два обстоятельства: особенности правового статуса депутатов Бундестага, которым, в отличие от государственных служащих, законодательство не запрещает иметь «дополнительную занятость»[3], а также тесные связи партийных политиков с внепарламентскими структурами (включая группы интересов), которые считаются важной особенностью политической культуры Германии.

Регулирование и реформа

«Закрытый» и непубличный характер взаимодействия групп интересов и государства вызывает растущую критику общественности и подвергаться давлению со стороны Европейского Союза, заинтересованного в утверждении собственных стандартов. Как и в случае с введением государственного финансирования в конце 1950-х гг., инициаторами перемен снова выступили праволиберальные политические партии. Объектами правового регулирования стали аспекты взаимоотношений бизнеса и государства, которые вызывали повышенный общественный резонанс – механизм «вращающихся дверей» и «реестр лоббистов».

---

[1] *Ronit K., Schneuder V.* The Strange Case of Regulating Lobbying in Germany // Parliamentary Affairs. 1998. Vol. 51, No. 4. P. 564.

[2] German Culture // Extraparty Political Forces in Germany. URL: https://germanculture.com.ua/germany-facts/extraparty-political-forces/

[3] Thematic Compilation of Prevention-related Information. Article 7. UN. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/WGPrevention/Art_7_Conflicts_of_interest/Germany.pdf

Регулирование механизма «вращающихся дверей». В июле 2015 г. по инициативе ХДС был принят закон, предусматривающий введение «охладительного периода» для высокопоставленных политиков в ранге федерального министра и его заместителя, которые собираются перейти на работу в бизнес – частные компании, другие организации бизнеса, а также бизнес-ассоциации.

По новым правилам, министры и их заместители, покидающие свои посты в правительстве, в течение 12 месяцев после отставки не имеют права переходить на работу в частном секторе. Если в таком переходе будет усмотрен «конфликт интересов» или «угроза общественным интересам», продолжительность «охладительного периода» увеличивается до 18 месяцев[1]. Политическая оппозиция и общественность сочла закон половинчатым и потребовала увеличение «охладительного периода» до трех лет.

Реформа «реестра лоббистов». В течение длительного времени федеральный парламент Германии был единственным в Европе, где была введена официальная регистрация лоббистов. Согласно постановлению Бундестага от 21 сентября 1972 г., его Президент ведет публичный список, в который могут быть внесены ассоциации, представляющие группы интересы по отношению к этому законодательному органу или федеральному правительству. Реестр публикуется ежегодно и по состоянию на май 2020 г. официальная версия публичного списка[2] насчитывала 2 317 наименований. Реестр лоббистов призван обеспечивать большую прозрачность взаимодействия групп интересов с органами государственной власти и способствовать укреплению до-

[1] Revolvingdoor Germany to regulate switch from politics to business // Deutsche Welle. 2015. URL: https://www.dw.com/en/revolvingdoor-germany-to-regulate-switch-from-politics-to-business/a-18233998; Cooling-off period between politics and business «too short» says Lobby Control // Deutsche Welle. 2015. URL: https://www.dw.com/en/cooling-off-period-between-politics-and-business-too-short-says-lobby-control/a-18559956

[2] Публичный список ассоциаций, зарегистрированных в Бундестаге. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/189456/d53518e02d698bc808122cabe9905578/lobbylisteamtlich-data.pdf (дата обращения: 25.04.2021).

верия общественности к принятию решений в парламенте и правительстве.

В то же время «реестр лоббистов» уже давно подвергается критике: регистрация носит добровольный характер, регистрируются только «ассоциации», регистрация не сопровождается предоставлением дополнительной информации. Кроме того, практика показывает, что отсутствие регистрации не является реальным препятствием для контакта с парламентскими комитетами или членами Бундестага.

Недавно регистрацию лоббистов было решено ужесточить. ХДС/ХСС и СДПГ договорились о совместном введении «прозрачного» реестра лоббистов. 25 и 26 марта 2021 г. двумя палатами немецкого парламента был принят новый федеральный закон, получивший название «Германского Федерального Закона о лоббизме» (Вступает в действие с января 2022 г.). Согласно новому закону, регистрация «парламентских» и «министерских» лоббистов становится обязательной, отныне лоббисты обязаны предоставлять определенную информацию о своей деятельности (работодателях, контакта и расходах)[1]. Несмотря на критику со стороны специалистов и общественников, новый закон сближает немецкую практику взаимодействия групп интересов с правительством и парламентом с плюралистической моделью.

Новый политический стиль

Важной частью сдвигов в механизме взаимодействия с правительством и парламентом стало изменение модели политического поведения немецкого бизнеса.

Публичность в отношениях с федеральным правительством. Подобно своим аналогам в других странах[2], во взаимоотношениях с правительством бизнес-ассоциации Германии также начи-

[1] Fighting corruption. Germany gets a «lobby register» // Deutsche Welle. 2021. URL: https://www.dw.com/en/fighting-corruption-germany-gets-a-lobby-register/a-56808321

[2] *Зудин А. Ю.* Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада. М.: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2009.

нают действовать более «напористо» и открыто. Обычной практикой становятся публичные обращения представителей немецкой промышленности, в частности ФСГП к правительству. Ограничимся двумя примерами.

В 2010 г. появилось открытое обращение 40 немецких топменеджеров энергетических концернов, политиков и общественных деятелей, опубликованное в 2010 г. немецкой ежедневной деловой газетой «Хандельсблатт» (Handelsblatt)[1]. Авторы обращения призывали Федеральное правительство отменить новые налоги в энергетической сфере из-за возобновившихся обсуждений по вопросу атомной энергетики в Германии.

В 2019 г. на ежегодном собрании лидеров немецкого бизнеса в Берлине Дитер Кемпф, глава Федерального союза германской промышленности (ФСГП), от лица немецкой промышленности обвинил правительство в неготовности к ожидаемому экономическому спаду и отметил, что коалиционное правительство Ангелы Меркель (блок ХДС\ХСС и СДПГ) наносит ущерб деятельности немецких компаний. Лидеры бизнеса, пострадавшие от глобального спада, опасались, что политическая нестабильность в Берлине отвлечет правительство от важных экономических реформ[2].

И если в 2010 г. лидеры бизнеса действовали хотя и публично, но в традиционном формате (коалиция с политиками и общественностью), то в 2019 г. – не только публично, но и «напрямую». И в 2010 г., и в 2019 г. реакция канцлера на критику со стороны лидеров немецкого бизнеса была сдержанной. Но в последнем случае Меркель выдвинула встречные претензии, заявив, что немецкий бизнес также «теряет доверие» общества из-за различных коррупционных скандалов. Публичная полемика становится частью отношений ведущей бизнес-ассоциации со своим «естественным союзником» в федеральном правительстве – блоком ХДС.

Активизация работы с аналитическими центрами**.** Большинство аналитических центров Германии, выполняющих приклад-

[1] Лоббисты атомной энергетики в ФРГ усиливают нажим на правительство // Deutsche Welle. 2010. URL: https://p.dw.com/p/OsnH

[2] German industry says it has lost trust in Merkel coalition // Financial times. 2019. URL: https://www.ft.com/content/74948014-86a5-11e9-a028-86cea8523dc2

ные исследования (think-tanks), находятся в сфере притяжения государства и ориентировано на его запросы. Это центры «академического» типа: они созданы правительством, получают государственное финансирование, но обладают институциональной независимостью. Их отличительной особенностью выступает беспартийность и независимость от групп интересов[1].

На долю аналитических центров, связанных с различными группами интересов, по оценкам, приходится только 20%[2]. Из числа бизнес-ассоциаций, собственными аналитическими центрами или их аналогами располагают только ведущие организации. Крупнейший аналитический центр Германии, который относится к данной категории, – «Институт германской промышленности – Кельн» (Institute of German Industry-Cologne), представляет собою исследовательское подразделение Федерации немецкой промышленности (ФГП)[3].

Основной части бизнес-ассоциаций приходится пользоваться другими источниками экспертно-аналитической поддержки. Но аналитические центры «академического» типа обладают для групп интересов бизнеса лишь ограниченной ценностью. По данным выборочного исследования, «часто» обращается к ним лишь 18% бизнес-ассоциаций. Большинство бизнес-ассоциаций (67%) пользуется этим источником лишь «иногда», а еще 14% не пользуется вообще. С несколько большей готовностью бизнес-ассоциации обращаются за экспертной поддержкой к «другим группам интересов», т.е. к другим бизнес-ассоциациям, располагающим необходимыми ресурсами: «часто» этим занимаются 33% опрошенных, «иногда» – 63%.

Исследование выявило низкую популярность «внешних консультантов» как источников экспертной поддержки немецких бизнес-ассоциаций: к этому источнику информации и экспертизы 52% не обращалась «никогда». Услугами внешних консуль-

[1] *Pautz H.* Scientific policy advice through think-tanks and their role in the Agenda 2010 // Political Association Annual Conference. 2006. P. 2.

[2] *Thunert M. W.* The Development and Significance of Think Tanks in Germany // German Policy Studies. 2006. Vol. 3, No. 2. P. 203.

[3] Ibid.

тантов «иногда» пользовались 44%, «часто» – лишь 3%. Для сравнения: результаты по бизнес-ассоциациям Нидерландов, которые также участвовали в данном исследовании, выглядят по-другому: «никогда» не использовали «внешних экспертов» только 14% опрошенных, «иногда» – 77%, «часто» – 10%.

Приоритетным источником получения информационной, экспертной и аналитической поддержки для большинства немецких бизнес-ассоциаций выступают члены самих ассоциаций: за поддержкой к этому источнику «часто» обращаются 72% опрошенных организаций, «иногда» – еще 27%. В роли этого источника выступают крупные компании-члены соответствующих бизнес-ассоциаций, которые обладают информационными ресурсами в профильных секторах рынка и внутренней экспертизой[1].

Другими словами, для немецких бизнес-ассоциаций крупные компании-члены играют роль «внутренних экспертных центров», поддержка которых более предпочтительна по сравнению с любыми другими источниками. Со своей стороны, крупные компании по-прежнему воспринимают бизнес-ассоциации как ценный политический ресурс: с опорой на собственные информационные и экспертные возможности крупные компании обладают способностью «изнутри» влиять на формирование стратегий и принятие решений в бизнес-ассоциациях Германии.

Несмотря на сохранение доминирования государства в последние десятилетия в аналитических центрах Германии расширяется влияние бизнеса. Активную роль в этом играют как бизнес-ассоциации, так и крупные компании. Происходит это по-разному.

Во-первых, по инициативе и на средства бизнес-ассоциаций создаются новые аналитические центры. Наиболее известным примером тесно связанной с бизнесом исследовательской структуры «нового поколения» стала «Новая инициатива социального рынка» (НИСР)[2]. НИСР финансировался ассоциацией работодате-

[1] *Wilts A., Quittkat C.* Corporate interests and public affairs. Organised business–government relations in EU member states // Journal of Public Affairs. 2004. Vol. 4, No. 4. P. 384–399.

[2] Официальный сайт НИСР. URL: https://www.insm.de/insm (дата обращения: 30.04.2021).

лей металлообрабатывающей и электротехнической промышленности («Гезамтметалл»), а экспертную поддержу ему оказывал наиболее авторитетный из «старых» аналитических центров бизнеса, уже упоминавшийся «Институт германской экономики».

Во-вторых, частные спонсоры и крупные компании создают собственные фонды, которые становятся источником финансирования для аналитических центров, поддерживаемых государством. В этой категории ведущую роль играет фонд Бертельсманна. Он был создан в 1977 г. корпорацией «Бертельсманн АГ» и к 1990-м годам превратился в ведущего источника частного финансирования прикладных исследований политики (policy research). В этом качестве фонд выступает вместе со своими филиалами, прежде всего Центром исследований высшего образования (Center for Higher Education Research (CHE). По своим объемам выделяемые ими средства сопоставимы с бюджетными или превышают их. В финансировании аналитических центров поддержка со стороны фонда Бертельсманна отчасти дополняет, отчасти начинает замещать традиционное государственное финансирование.

В-третьих, фонды, создаваемые частными спонсорами и крупными компаниями, в свою очередь, создают собственные исследовательские структуры, которые опираются на негосударственное финансирование.

Например, Центр прикладных политических исследований в Мюнхене преимущественно финансируется за счет негосударственных средств. Особую активность в частном финансировании аналитических центров проявляет уже упоминавшийся Фонд Бертельсманна[1]. Крупные компании также финансируют прикладные исследования или создают собственные исследовательские подразделения[2].

В-четвертых, новые аналитические центры, тесно связанные с бизнес-ассоциациями, частными фондами и крупными компани-

[1] *Thunert M. W.* The Development and Significance of Think Tanks in Germany // German Policy Studies. 2006. Vol. 3, No. 2. P. 212.

[2] *Звягина Д. А.* Аналитические центры Германии: история успеха // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 9, ч. 2. URL: https://web.snauka.ru/issues/2014/09/37292

ями, начинают привлекаться федеральным правительством для выполнения «внешней» экспертизы. Исследование Х. Паутца показало, что фонд Бертельсманна не только публикует аналитические документы и является платформой взаимодействия государства и групп интересов, но и принимает непосредственное участие в разработке и реализации государственной политики. Фонд Бертельсманна пользовался поддержкой в правительстве, возглавляемом СДПГ с период с 1998 по 2005 г. Чтобы смягчить сопротивление реформам со стороны различных групп интересов, правительство Шредера прибегало к помощи внешних экспертов. Для разработки новой политики были созданы Группа сравнительного анализа (Benchmarking group) и независимая комиссия Гарца, с которыми был непосредственно связан фонд Бертельсманна[1].

В последние годы на рынок политических консультаций Германии начинают проникать международные консалтинговые компании (например, Роланд Бергер или McKinsey). Обе международных консалтинговых компании также были задействованы в работе упомянутой выше комиссии Гарца. Однако в отличие от США и ряда других стран, в Германии группы интересов бизнеса в целом «стремятся избегать использования услугами «внешних» (независимых) политических консультантов»[2]. Немецкий бизнес энергично выстраивает собственную экспертно-аналитическую сеть, которая постепенно проникает в аналитические центры, находящиеся на государственном финансировании, и подталкивает их к переменам.

Поворот к прямому воздействию на общественное мнение. Работа немецкого бизнеса с общественным мнением началась

---

[1] *Pautz H.* Think-tanks in Germany: the Bertelsmann Foundation's role in labour market reform. Zeitschrift für Politikberatung (ZPB) // Policy Advice and Political Consulting. 2008. Vol. 1, No. ¾. P. 437–456.

[2] *Siedentopp J.* Public Affairs Management in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven // Berliner Reihe zum Marketing. 2007. Arbeitspapier No. 3. P. 16. К аналогичному выводу пришли А. Уилтс и К. Куитткэт. См.: *Wilts A., Quittkat C.* Corporate interests and public affairs. Organised business–government relations in EU member states // Journal of Public Affairs. 2004. Vol. 4, No. 4. P. 384–399.

еще до образования ФРГ. Уже в 1947 г. было основано Политико-экономическое общество (Wirtschaftspolitische Gesellschaft von 1947)[1] Это была одна из первых организаций, которая стала проводить кампании по распространению в общественном мнении идей социальной рыночной экономики. Впоследствии к информационной работе с немецким обществом в первое послевоенное десятилетие присоединились и другие организации – «Группа действий в условиях социальной рыночной экономики» (Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirschaft), «Общество за продвижение социального компромисса» (Gemeinschaft zer Foerderung des soxzialens Ausgleichs) или «Весы» (die Waage). Бизнес Германии активно участвовал в работе всех этих организаций, но при этом держался «в тени», предпочитая взаимодействовать с общественным мнением в коалиции с чиновниками и представителями академических кругов.

Первый опыт «прямого» взаимодействия немецкого бизнеса с общественным мнением оказался неудачным. В 1971 г. провалились совместные усилия BDI и BDA запустить масштабную рекламную кампанию с целью предотвратить переизбрание коалиционного правительства СДПГ/СвДП. Относительный успех пришел лишь спустя несколько десятилетий. Речь идет о работе уже упоминавшегося аналитического центра «Новая инициатива социального рынка» (НИСР), созданного совместными усилиями ассоциацию работодателей металлообрабатывающей и электротехнической промышленности («Гезамтметалл») и Федерации немецкой промышленности (ФГП).

Создание НИСР позволило немецкому бизнесу выступить в качестве движущей силы либерализации социальной рыночной экономики, прежде всего, – рынка труда. НИСР отошел от традиционной для аналитических центров Германии приоритетной ставки на общение с элитами. Основной акцент был сделан на совмещение экспертно-аналитической и активной информаци-

[1] *Spicka M.* Selling the Economic Miracle: Economic Reconstruction and Politics in West Germany, 1949–1957. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007. P. 109.

онной работы. Широко использовались реклама, PR, научные исследования и присутствие в интернете (блоги и форумы).

Развернутая НИСР политическая кампания по либерализации экономики Германии была масштабной, затратной и достаточно успешной. В период с 2003 по 2008 г. в СМИ ежемесячно появлялось около четырех тысяч публикаций на данную тему или более 120 в день, а страницу НИСР в Facebook ежедневно просматривало около 400 тысяч людей[1]. Общие расходы «Гезамтметалл» (главного спонсора НИСР) на проведение этой кампании составили более 130 миллионов евро.

На начальном этапе кампании (2000–2006 гг.) НИСР активно определял политическую повестку и выступал за комплексные институциональные изменения и переход к плюралистической модели. Появившийся в ходе кампании лозунг о замене политики перераспределения равенством возможностей использовался политиками блока ХДС/ХСС и СвДП и лег в основу Программы реформ рынка труда 2010 г.

Финансовый кризис 2008–2009 гг. внес в политическую кампанию НИСР серьезные коррективы. Этот кризиса породил в Германии противоречивый эффект: он оживил экономику[2], но значительно дискредитировал англосаксонскую модель, которую активно продвигала НИСР. После 2009 г. НИСР переходит «в оборону»: ей пришлось защищать уже реализованные реформы рынка труда, а не предлагать новые. Было даже провозглашено превосходство социальной рыночной экономики над другими моделями. Но в целом с помощью НИСР немецкому бизнесу удалось провести и закрепить рыночно-ориентированные реформы.

Попытки немецких бизнес-ассоциаций воздействовать на общественное мнение не ограничиваются актуальной политиче-

---

[1] *Kinderman D.* The new social market initiative and German employers` quest for liberalization, 2000–2014 // MPIfG Discussion Paper. 2014. 37 p.; *Kinderman D.* Challenging varieties of capitalism's account of business interests: Neoliberal think-tanks, discourse as a power resource and employers' quest for liberalization in Germany and Sweden // Socio-Economic Review. 2017. Vol. 15, No. 3. P. 596.

[2] *Dustmann C., Fitzenberger B., Schönberg U., Spitz-Oener A.* From Sick Man of Europe to Economic Superstar: Germany's Resurgent Economy // Journal of Economic Perspectives. 2014. No. 28. P. 167–188.

ской повесткой, но распространяется и на ключевое звено в механизме социализации граждан – систему школьного образования. В 2015 г. в Германии разгорелся скандал из-за школьного учебника по экономике, который, по мнению Федерального объединения союзов германских работодателей, представлял лоббирование бизнеса не в самом лучшем свете. В книге утверждалось, что компании оказывают слишком большое влияние на школьное образование. Руководство ФОГРС направило жалобу Федеральному агентству по гражданскому образованию (ФАПГО, die Bundeszentrale für politische Bildung) в отношении данного учебника. Министерство внутренних дел Германии попросило ФАПГО снять книгу с продажи, что вызвало волну критики со стороны части общественности[1].

Опыт НИСР, как и «школьная инициатива» ФОСГРС наглядно демонстрируют масштаб перемен, которые произошли в публичном поведении групп интересов немецкого бизнеса по сравнению с первыми послевоенными десятилетиями. В настоящее время во взаимоотношениях с общественным мнением ведущие бизнес ассоциации Германии «выходят и тени» и начинают открыто отстаивать собственные интересы. Активизация взаимодействия с общественным мнением наделяет бизнес Германии новым инструментом влияние на федеральное правительство и Бундестаг. Теперь еще до начала слушаний в комитетах парламента, группы интересов могут начать кампании в СМИ за или против предполагаемого законопроекта, которые окажут значительное влияние на формирование общественного мнения.

Публичная активность аналитических центров, связанных с бизнесом, которые от работы с элитами переходят к прямому воздействию на общественное мнение, имеет еще одну важную сторону: немецкий бизнес вступает в конкуренцию с центральным звеном в механизме взаимодействия с государством – политическими партиями. Конституция 1949 г. наделила политические партии Германии важной прерогативой: в соответствии со

[1] Textbook sparks row over economics in schools // Deutsche Welle. 2015. URL: https://www.dw.com/en/textbook-sparks-row-over-economics-in-schools/a-18812901

статьей 21 они принимают «участие в формировании политической воли народа». Свои просветительские функции партии «реализуют с опорой на крупные политические фонды»[1].

Наиболее известные – Фонд Конрада Аденауэра (ХДС), Фонд Фридриха Эберта (СДПГ), Фонд Фридриха Науманна (СвДП) и Фонд Ганса Зайделя (ХСС). Политические фонды партий получают государственное финансирование и вместе с ориентированными на государство аналитическими центрами «академического» типа обладали – через «дружественные» СМИ – монополией на работу с общественным мнением Германии. Выход связанных с бизнесом аналитических центров на прямое взаимодействие с общественным мнением эту монополию разрушает.

«Общественные политотделы» крупных компаний. Во взаимоотношениях групп интересов немецкого бизнеса с общественным мнением происходят и другие сдвиги аналогичные тем, которые имеют место во взаимодействии с федеральным правительством и Бундестагом. Здесь также на роль политического актора выдвигаются крупные компании. Как уже отмечалось, для этих целей создаются внутрифирменные подразделения по «общественным делам» (Public Affairs).

«Политотделы» крупных немецких компаний отличаются высокой активностью. Более 65% компаний больше одного раза в месяц проводят неформальные встречи с чиновниками различных министерств и ведомств, а также с депутатами Бундестага. Более 50% осуществляют ежедневные контакты со СМИ и общественными объединениями – НПО, профсоюзами или научными сообществами. Помимо обмена мнениями осуществляется реализация совместных проектов в области корпоративной социальной ответственности (КСО), государственно-частного партнерства (ГЧП) или других государственных проектов.

В работе «политотделов» немецких компаний по объему затраченного времени первое место делят неформальное общение с политиками и работа с ассоциациями бизнеса или их предста-

[1] German Political Parties. URL: https://germanculture.com.ua/germany-facts/german-political-parties/

вителями. Половина крупных компаний, создавших собственные «политотделы», сохраняли членство в бизнес-ассоциациях. В то же время услугами «внешних консультантов» в управлении своими «политическими коммуникациями» крупные немецкие компании пользуются «очень редко» или «никогда не пользуются»[1].

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что бизнес-ассоциации продолжают играть важную роль в представительстве интересов компаний и после того, как последние начинают самостоятельно заниматься политической активностью. «Индивидуальная» политическая активность крупных немецких фирм не замещает, а дополняет усилия бизнес-ассоциаций. И в выстраивании политических коммуникаций, и в использовании экспертных ресурсов бизнес-ассоциации и крупные компании Германии придерживаются схожей модели поведения: они координируют свои действия и не спешат пользоваться услугами внешних консультантов. В обоих случаях группы интересов немецкого бизнеса отклоняются от модели поведения, свойственной плюралистической модели.

Немецкий бизнес в ЕС. В 1960-е гг. представительство интересов бизнеса в Европе преимущественно осуществлялось посредством Европейского союза промышленности (Union of Industrial and Employers' Confederations of Europe – UNICE), состоявшего на тот момент из национальных отраслевых ассоциаций шести стран-членов (Германию представлял ФСГП, который был признан самой сильной ассоциацией в Брюсселе). Однако последних больше волновали национальные вопросы, нежели общеевропейские дела, и они были не готовы передать свои полномочия на наднациональный уровень. Крупные немецкие фирмы это вполне устраивало: в продвижении своих интересов они исторически полагались на деятельность национальной федерации бизнеса и правительство. Например, немецкие химические фирмы были членами Ассоциации химической промышленности (VCI), которая входила в Европейский совет химической про-

[1] *Siedentopp J.* Public Affairs Management in Deutschland: Entwicklungen und Perspektiven // Berliner Reihe zum Marketing. 2007. Arbeitspapier No. 3. P. 17.

мышленности (Cefic), а VCI, в свою очередь, входила в ФСГП, который был членом ЕСП[1].

Создание общеевропейского рынка в 1993 г. сделало представительство интересов на наднациональном уровне политически актуальным: теперь более 60% законодательства принималось в Брюсселе[2]. «Прямое» (не опосредованное бизнес-ассоциациями) представительство крупных компаний в органах ЕС расширилось. Одной из первых крупных немецких компаний, открывших свои офисы в Брюсселе, стала Daimler-Benz. Реформа европейских отраслевых ассоциаций сделала возможным членство не только национальных федераций бизнеса, но и многонациональных компаний. В настоящее время последние не только принимают участие в формировании переговорных позиций конкретных стран-членов, но и стремятся напрямую повлиять на исход голосования в Совете министров. В результате ФСГП стал терять свой «традиционный голос немецкой промышленности в ЕС»[3]. Этой бизнес-ассоциации пришлось отойти от первоначальной сдержанности к работе за пределами Германии и создать европейский офис для мониторинга за деятельностью ЕС. Непосредственное лоббирование и горизонтальная координация крупных немецких компаний с другими европейскими фирмами свидетельствует об отходе от неокорпоратистской модели в пользу плюралистической.

Сближение взаимодействия бизнеса с институтами ЕС с плюралистической моделью проявилось и в создании в 1983 г. Европейского круглого стола промышленников (ЕКСП) (ERT – European Round Table of Industrialists)[4]. ЕКСП – бизнес-ассоциация «элитарного» типа. В настоящее время она объединяет руководителей 60 ведущих компаний европейского происхождения в промышленном и технологическом секторе. Членство в ЕКСП

[1] *Cowles M.* German Big Business and Brussels: Learning to Play the European Game // German Politics & Society. 1996. Vol. 14, No. 3 (40). P. 75.

[2] Ibid. P. 73.

[3] *Cowles M.* German Big Business and Brussels: Learning to Play the European Game // German Politics & Society. 1996. Vol. 14, No. 3 (40). P. 93.

[4] Официальный сайт ЕКСП. URL: https://ert.eu/ (дата обращения: 30.04.2021).

является индивидуальным, а не корпоративным, и предоставляется только по приглашению. Участники встречаются дважды в год на пленарном заседании, главном директивном органе ЕКСП, на котором выявляются и обсуждаются ключевые вопросы. Рабочие группы возглавляются членами ЕКСП и состоят из сотрудников и экспертов компаний. Они работают над ключевыми вопросами, разрабатывают рекомендации и отчитываются перед пленарным заседанием.

Так же, как и во взаимодействии с институтами ЕС, в отношении к участию в ЕКСП немецкий большой бизнес руководствовался логикой политической целесообразности: если к концу 1980-х гг/в к этой бизнес-ассоциации присоединились только три ведущих немецких фирмы (Bosch, Siemens и Thyssen), то к настоящему времени их число увеличилось до восьми (BMW, Siemens, Daimler, Deutsche Telekom, SAP, BASF, E. ON и Merck Group)[1]. Возникновение бизнес-ассоциаций «элитарного» типа, объединяющих только руководителей ведущих корпораций, характерно для систем представительства интересов, которые тяготеют к плюралистической модели: США (Круглый стол бизнеса – с 1973 г.; около 200 крупнейших корпораций), Канада (Совет бизнеса – с 1976 г.; 150 ведущих корпораций), Австралия (Совет бизнеса – с 1983 г.; более 100 ведущих компаний). В отличие от Европейского союза, там эти ассоциации действуют на национальном уровне.

Не «государство компаний», а «гибридная» модель

Анализ основных звеньев взаимодействия бизнеса и государства в Германии не подтверждает оценок, которые давались в научной литературе в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Тренд развития оказался сложнее, а масштабы перемен – более скромными.

Политические партии по-прежнему удерживают ведущую роль во взаимодействии государства с группами интересов биз-

[1] Официальный сайт European Round Table for Industry. URL: https://ert.eu/ (дата обращения: 17.04.2021).

неса, а те, в свою очередь, отдают предпочтение традиционным партнерами из числа правоцентристских партий – блоку ХДС/ХСС и СвДП. Несмотря на появление в 1990-е гг. «нового поколения политических акторов», бизнес-ассоциации продолжают сохранять ведущие позиции в продвижении интересов в федеральном правительстве и Бундестаге. Центральное место в системе представительства интересов немецкого бизнеса по-прежнему занимает «большая тройка» головных бизнес-ассоциаций: ФСГП, ФОГРС и ОНТПП.

Реформа наиболее резонансных аспектов взаимоотношений бизнеса и государства сделала их более регламентированным и открытым, но не вывела продвижение интересов бизнеса за рамки «режима консультаций». Несмотря на возросшую частоту использования, термин «лоббизм» по-прежнему не передает содержания взаимоотношений между сторонами. Во взаимоотношениях с органами государственной власти и общественным мнением группы интересов немецкого бизнеса начинают действовать более открыто, но и здесь ведущими акторами по-прежнему остаются бизнес-ассоциации, а не крупные компании. Группы интересов бизнеса начинают накапливать «ресурсы давления» (союз с общественным мнением, внутрифирменные политические подразделения). Но создание «политотделов» в крупных немецких компаниях не влечет за собой ослабление связей с бизнес-ассоциациями, в которые они входят.

Крупные компании по-прежнему рассматривают бизнес-ассоциации в качестве естественной политической базы, в свою очередь, бизнес-ассоциации используют крупные компании как экспертный ресурс в своих отношениях с федеральным правительством и Бундестагом. При проведении прикладных исследований группы интересов немецкого бизнеса предпочитают использовать собственные структуры и финансировать создание новых, нежели обращаться к «внешним» аналитическим и консалтинговым центрам. Среди крупных компаний получили распространение прямые контакты с институтами ЕС и участие в элитной бизнес-ассоциации, но внутри Германии они предпочитают воздерживаться о подобной практики. Несмотря на линии

размежевания между крупным и средним бизнесом, ослабившие ассоциации работодателей, внутренние связи в бизнес-сообществе, возникшие в рамках неокорпоративной модели, продолжают сохраняться.

Как и в других странах Запада, политическое влияние бизнеса на государство в Германии в целом возросло. Недавние исследования показывают, что при работе над проектами законов федеральные министерства больше сотрудничают с группами интересов бизнеса, чем с другими общественными организациями и внешними экспертами[1], а в работе постоянных комитетов Бундестага отчетливо просматриваются предпочтения в пользу групп интересов бизнеса[2]. Модель взаимодействия бизнеса и государства в Германии становится более гибридной (сочетает черты неокорпоративизма и плюрализма), но на национальном уровне сохраняется доминирование «неокорпоративных» характеристик (центральная роль бизнес-ассоциаций). Новые политические акторы (крупные компании, консультанты и эксперты) не вытесняют, а дополняют традиционных акторов (бизнес-ассоциации).

Конфигурация акторов в системе отношений между бизнесом и государством остается традиционной. Если использовать терминологию У. Гранта, то в пределах государственных границ Германия продолжает оставаться «партийным государством» и «государством ассоциаций»: она избежала превращения в «государство компаний», характерное для США и Великобритании[3]. Взаимодействие с органами ЕС, – пожалуй, единственная область, где представительство и продвижение интересов немецкого бизнеса заметно приблизились к плюралистической модели. Впрочем, эволюция модели будет продолжаться.

---

[1] *Rasch D., Spohr F., Eising R., Ress S.* Uncovering interest group participation in Germany. Web collection of written statements in ministries and the parliament. 2020. P. 330–341. URL: https://doi.org/10.1057/s41309-020-00099-5

[2] *Cross J. P., Eising R., Hermansson H., Spohr F.* Business interests, public interests, and experts in parliamentary committees: their impact on legislative amendments in the German Bundestag // West European Politics. 2021. Vol. 44, No. 2. P. 363.

[3] В Британии о «захвате государства» крупными компаниями начинают говорить и другие авторы. См, например: *Monbiot G.* Captive State. The Corporate Takeover of Britain (2000). 2013.

Д. Б. КАЗАРИНОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА» В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ[1]

Аннотация. В статье рассматривается концепт культурной войны и его основные проявления в виде социально-политической поляризации. Подчеркивается неуклонное расширение в мирополитических отношениях градуса общественно-политических дискуссий в призме социальных медиа, что нередко провоцирует конфликты с высокой эмоциональной заряженностью и ценностной нагруженностью, а иногда и открытое насилие между приверженцами различных ценностных ориентаций. Поскольку содержание понятие «культурных войн» пока остается дискуссионным и сильно варьируется от одной политико-философской традиции к другой, автор показывает преимущества собственного подхода.
Ключевые слова: культурная война, дискурсивное противоборство, поляризация, новый трайбализм, холивар, политика идентичности, антиваксеры

Концепт культурной войны и социально-политической поляризации приобретает все более широкое звучание по мере усиления градуса общественно политических дискуссий в призме социальных медиа, перерастая в конфликты с высокой эмоциональной заряженностью и ценностной нагруженностью, иногда выливаясь в открытое насилие. Содержание понятия остается дискуссионным и сильно варьируется от одной политико-философской традиции к другой.

Насколько само явление можно назвать новым – большой вопрос. Напряжение между различными социальными группами

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-511-05025 «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

имеет столь же давнюю историю, как и само общество. Современная черта – переход от социально-экономических оснований подобного противостояния к социокультурным – борьбе за ценности.

Понятие культурных войн в зарубежной, в первую очередь американской литературе интерпретируется как культурное противоборство, острая полемика, процесс постепенного обособления вплоть до полного расхождения и латентного или даже открытого конфликта, протекающий в дискурсивном пространстве между определенными социальными группами внутри нации. Д. Белла называют одновременно теоретиком[1] и протагонистом[2] культурных войн. Д. Белл видел первоисточником культурных войн университетских интеллектуалов и сам стал одним из них. По его мнению, интеллектуалы стали «составлять институциональную жизнь общества, и их войны – за позиции в институтах, особенно в университетах, – и их конфликты по поводу определений того, что является важным в культуре (например, феминизм и мультикультурализм), составляют "культурные войны", которые происходят в американской жизни сегодня»[3]. Если источником феномена культурных войн стала интеллектуальная среда, то предпосылки его лежат в сфере религии.

Понятие «культурной войны» исходно выступало в качестве метафоры, описывающей в публицистическо-гипертрофированном стиле состояние общества в определенный период (например, американского общества в условиях предвыборной кампании). Сам термин «культурная война» является калькой немецкого Kulturkampf («культурная борьба»), использованным Р.Вирховым применительно к столкновению между культурными и религиозными группами в ходе кампании 1871–1878 гг. против влияния Римско-католической церкви.

---

[1] *Bell D.* The Cultural Wars: American Intellectual Life, 1965–1992 // Wilson Quarterly. 1992.

[2] *Hurtman A.* R.I.P. Daniel Bell, Culture Wars Theorist/Protagonist. 2011. URL: https://s-usih.org/2011/01/rip-daniel-bell-culture-wars/

[3] Цит. по: *Hurtman A.* R.I.P. Daniel Bell, Culture Wars Theorist/Protagonist. 2011. URL: https://s-usih.org/2011/01/rip-daniel-bell-culture-wars/

В 1990-е гг. понятие культурной войны в американском дискурсе было также тесно сопряжено с противостоянием консервативных протестантов-евангелистов и религиозных прогрессистов. В тот период казалось, что евангелисты капитулируют на некоторых – хотя и не на всех – аренах морального конфликта, но культурная напряженность между ними остается сильной[1]. За прошедшие два десятка лет напряжение между консерваторами и прогрессистами усилилось.

Взаимосвязь между понятиями «религиозная война» и «культурная война» просматривается не только в историческом контексте, но и в современном. Выступление американского политика П.Бьюкенена перед аудиторией, значительную часть которой составляли протестанты-евангелисты содержало фразу, которая поставила концепт культурной войны в центр общественно-политической дискуссии: «В этой стране идет религиозная война, культурная война, столь же важная для того, какой нацией мы будем, как Холодная война, ибо эта война за саму душу Америки». С этой цитаты начинают свою книгу «Культурная война? Миф о поляризованной Америке» М.Фиорина, С.Абрамс и Дж. Поуп[2], поставившие своей целью деконструкцию этого мифа. Тем не менее, он оказался предельно живучим. Пик поисковых запросов по тэгу «culture war», согласно Google trends, приходится на весну 2008 г., когда проходила предвыборная кампания, в ходе которой кандидат в вице-президенты С.Пейлин сделала ставку на консервативную религиозность.

Термин «культурная война» стал активно использоваться в американской политике после выхода в 1991 г. книги Дж.Д. Хантера «Культурные войны: борьба за определение Америки» («Culture Wars: The Struggle to Define America»). Культурная война здесь определяется как конфликт или борьба за доминирование между группами внутри общества или между общества-

[1] *McConkey D.* Whither Hunter's Culture War? Shifts in Evangelical Morality, 1988–1998 // Sociology of Religion. 2001. Vol. 62, Is. 2. P. 149–174.

[2] *Fiorina M. P., Abrams S., Pope J. C.* Culture war? The myth of a polarized America. 2005.

ми, возникающие из-за их различных убеждений, обычаев и т.д.[1] Дискурс культурной войны оставался важным содержательным компонентом для американских консерваторов, демократы же стремились разоблачить его несостоятельность. За книгой Дж. Хантера последовала масса как критической литературы, разоблачавшая миф «культурной войны»: в этом перечне уже упоминавшаяся книга М.Фиорина или «Культурная война в американской политике: критический обзор популярного мифа» под ред. Р. Уильямса[2], так и литературы, развивающей понятие культурной войны и наполняющей его конкретными примерами. Эксперты-демократы предрекали культурным войнам скорый конец в связи с победой на выборах Б. Обамы[3].

Обзор литературы 1990-х гг. исчерпывающе представлен во введении к книге Р. Уильяма, авторы которой старались избежать «перегретой риторики». Риторика в последующие десятилетия продолжала нагреваться до такой степени, что ученые, аналитики и публицисты стали говорить о «холодной гражданской войне», «двух нациях»[4] и даже «четырех Америках»[5]. По данным Pew Research Center, разногласия между республиканцами и демократами по фундаментальным политическим ценностям – по вопросам правительства, расы, иммиграции, национальной безопасности, охраны окружающей среды и другим областям – достигли рекордного уровня в конце второго десятилетия XXI в. Исследование зафиксировало не только разность политических взглядов, но и глубокое культурное размежевание:

---

[1] URL: https://www.dictionary.com/browse/culture-war

[2] Cultural Wars in American Politics: Critical Reviews of a Popular Myth / ed. Rhys H. Williams. New York, 1997.

[3] *Teixeira R.* The Coming End of the Culture Wars. Report written for the Progressive Studies Program at the Center for American Progress with support from the Glaser Progress Foundation. 2009. URL: https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/issues/2009/07/pdf/culture_wars.pdf

[4] *Kilgore E.* We Are Two Nations, Divisible. URL: https://nymag.com/intelligencer/article/polarization-reflects-real-differences-between-americans.html

[5] *Зевелев И., Сучков М., Лукьянов Ф.* Концепция четырёх Америк. Итоги лектория СВОП // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/konczepcziya-chetyryoh-amerik/

разные предпочтения и стиль жизни[1]. И дело не только в различном социально-экономическом положении и уровне образования (хотя и в них тоже[2]), а в целой совокупности факторов, которые определяют человека как *«культурного прогрессиста» и «культурного консерватора»*, что далеко не приравнивается к политическому либерализму или консерватизму, хотя и связано с ним.

Однако последующие избирательные кампании в США показали, что градус как самой риторики, так и политической активности только повышается, опровергая довод, что культурные войны лишены насилия. События одного лишь 2020 г. – ковид-протесты, «война с памятниками» и захват Капитолия сторонниками Д.Трампа приобрели выраженный насильственный характер, переведя культурные войны в новую фазу. С понятием культурных войн тесно связано понятие «культуры отмены», которая начинает манифестироваться не только внутри обществ, но и выходить в сферу международных отношений[3].

Таким образом, *культурная война в определённом смысле может рассматриваться как вариант религиозной войны (в превращенном виде) в секулярном обществе, раскалывая его в борьбе за ценности, воспринимаемые часто как сакральные*. Не случайно в английском языке выражение «религиозная / священная война» (англ. Holy War) употребляется как метафора и означает принципиальный спор, в котором обе стороны настаивают на своей правоте и не обращают внимания на доводы контрагента. Слово «холивар» без перевода вошло и в русскую разговорную речь и означает непримиримый спор чаще всего в пространстве сети интернет. Как и религиозные войны в про-

[1] The Partisan Divide on Political Values Grows Even Wider. Pew Research Center Report. October 2017. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2017/10/05/the-partisan-divide-on-political-values-grows-even-wider/

[2] A Wider Ideological Gap Between More and Less Educated Adults. Pew Research Center Report. October 2016. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2016/04/26/ a-wider-ideological-gap-between-more-and-less-educated-adults/

[3] *Соловьев А.* Руководство к действию: зеркальная комната конструктивизма// Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/pismo-izdaleka-rukovodstvo/

шедшие века, современные культурные войны манифестируют не только столкновение ценностей, но более сложную борьбу различных социальных сил, обусловленную масштабными демографическими, социально-экономическими, политическими и культурными сдвигами.

Сегодня масштабного противостояния с собственно социально-экономической повесткой в мире происходит существенно меньше, за исключением быстро свернувшегося движения Occupy Wall Street и «Желтых жилетов» во Франции. Зато гораздо заметнее протесты «достоинства» (dignity) (по аналогии с «революциями достоинства»), основанные на социокультурной идентичности в том смысле, в котором о них пишет Ф. Фукуяма[1]. Сегодня, в противовес теории рационального выбора, «люди не всегда голосуют в своих интересах. Они голосуют за свою идентичность. Голосуют за свои ценности. За тех, с кем себя отождествляют»[2]. Собственно *культурные войны обретают институциональное оформление в рамках политики идентичности*, которая фиксирует социальные размежевания.

Европейский, и в первую очередь французский, взгляд на культурные войны развивается в контексте дискуссии о мультикультурализме и тесно связанной с ним проблеме миграции. В большой степени проблема культурный войн во франкоязычной научной литературе поднимается в связи с канадской дискуссией о ситуации в соседних США[3] или борьбе консерваторов и прогрессистов в Квебеке[4], которую консерваторы и развязали[5]. Зримые очертания культурные войны обрели в противостоянии

[1] *Fukuyama F.* Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. New York, 2018.

[2] *Lakoff G.* In Politics, Progressives Need to Frame Their Values. 2014. URL: https://georgelakoff.com/2014/11/29/george-lakoff-in-politics-progressives-need-to-frame-their-values/

[3] *Gagnon F.* Quelle guerre culturelle ? Les médias américains et québécois et le mythe de la polarisation de la société américaine // Études internationals. 2009. Vol. 40, Is. 3. P. 395–416.

[4] *Dupuis-Déri F., Éthier M.-A.* La guerre culturelle des conservateurs Québécois. M Éditeur, 2016.

[5] *Labelle G.* L'impossible renaissance du conservatisme moral au Québec. Montréal: Fides, 2006.

сторонников и противников Брексита в Великобритании, который вскрыл старые проблемы, которые казались решенными или вообще снятыми с повестки дня историей. Спор о Брексите – это спор о гораздо более широком контексте – о трещинах в социокультурном основании нации, которые были до поры до времени сглажены и проявились в ходе референдума, который подействовал как землетрясение. Разделение на две страны и два общества — Brexitland и Remainia – более чем реально, в дискуссии о судьбе территориальной целостности Испании, и в целом в получили политическое оформление в рамках идеологии ультраправых, поднявших на знамя тему культурной безопасности (AfD, Vox).

С одной стороны, оптимистический вывод из этих кейсов состоит в том, что культурные войны, как бы ожесточенно они не велись, имеют тенденцию терять свой накал по мере потери актуальности, смены политической и просто новостной повестки. С другой стороны, они скорее переходят в «спящий» режим, быстро активизируясь в связи с очередным триггером новостной повестки, актуализируя поляризацию по различным линиям размежевания.

Литература по американской поляризации и культурным войнам в Европе в основном *обобщает это социальное противостояние как конфликт традиционного, охранительного, консервативного, архаичного, этно-национально-религиозно-ориентированного и инновационного, либерального, постмодернистского, секулярного*.

Культурные (во франкоязычной литературе часто – моральные) расколы более политически чувствительные, чем социально-экономические, порождённые классовым антагонизмом. Вернее, социально-экономические противоречия, не будучи решены, лишь дополнительно усугубляют поляризацию и усложняют принятие управленческих решений. Перспективы возвращения к «нормальной политике» как полемики сил право-левого политического спектра туманны: «До тех пор, пока Запад не организуется в новых политических категориях – категориях, которые отразят глобализацию как основной фактор политической жизни,

подобный индустриализации в прошлом веке – общество будет представлять собой бурлящий котёл левых и правых идей, и партий, не отличающихся ничем, кроме идентичности»[1]. Таким образом, политика идентичности, основанная на культурном противостоянии, отождествляется с псевдо- (или у некоторых авторов) анти-политикой – явлением по сути противоположным политике как сфере согласования различных интересов и диалоговой по своей природе.

Социальная поляризация – это процесс усугубления различий в положении общественных групп, доходящее до их противостояния друг другу (полярности). Или иначе, это разделение населения общества на ряд слоев или групп, конфликтующих между собой и сильно различающихся материальным положением, ценностными позициями и интересам, установками и манерами поведения. Предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты является одной из главных задач социальной политики. Ее успехи по выравниванию экономического положения социальных групп сместили акценты на культурную поляризацию, в то же время не решив до конца проблем и с экономическим неравенством. В результате социально-экономическая поляризация дополняется культурной и политической, приобретая все более острые формы, усложняя задачи управления обществом и государством.

Проблеме социокультурной поляризации посвящено довольно много работ, в которых авторы пытаются ответить на вопрос, происходит ли изначально поляризация политического класса или сразу всего общества? Какова роль политических партий и других политических институтов? В какой степени они противостоят поляризации и в какой способствуют? Встречаются утверждения, что поляризация общества в США обязана своим обострением именно активности республиканской и демократической партий, которые слишком усердно борются за голоса избирателя. В XXI в.е, во время непрекращающейся культурной

[1] *Simpson E.* The Two-Hundred-Year Era of ‘Left’ and ‘Right’ Is Over. URL: http://foreignpolicy.com/2016/11/14/the-two-hundred-year-era-of-left-and-right-is-over/

войны между американскими консерваторами и либералами из-за противостояния по культурным, моральным и религиозным убеждениям, некоторые политические комментаторы характеризовали поляризованный политический дискурс либо как фактическую Вторую Гражданскую войну, либо как потенциальную прелюдию к ней. Согласно опросу Расмуссена в 2018 г., 31% американских избирателей опасались, что интенсивная партийное противостояние после президентских выборов 2016 г. и победы Дональда Трампа вызовет вторую гражданскую войну в течение пяти лет[1]. Частично эти страхи сбылись в турбулентный период 2020 г., когда предвыборная гонка совпала с пандемией и дала скачок политической и культурной поляризации.

Поляризации в современном американском обществе, или Великому расколу (Great Divide) посвящено довольно много современной общественно-политической литературы, с разных сторон освещающих историю, предпосылки и перспективы США. Л. Мейсон[2] смотрит на растущую социальную пропасть между расовыми, религиозными и культурными чертами, которые в последнее время четко разделились между двумя основными политическими партиями. Э. Клейн в книге «Why We're Polarized» посвящена анализу того, как неполитические идентичности активизируются под одной зонтичной политической идентичностью, укрепляются и становятся «политическими мега-идентичностями»[3]. Интересна концепция Э. Клейна о «сквозных идентичностях», которые удерживают национальное единство. В книге приводятся данные о том, как эти «сквозные идентичности» уменьшают шансы гражданской войны. Но проблема в том, что замыкание в своих «информационных пузырях» все меньше оставляет возможностей для пересечения идентичностей.

То же справедливо и по отношению к британскому общественному расколу в связи с брекситом, который просто вскрыл

---

[1] URL: https://www.usatoday.com/story/news/politics/onpolitics/2018/06/27/civil-war-likely-voters-say-rasmussen-poll/740731002/

[2] *Mason L.* Uncivil Agreement: How Politics Became Our Identity. Chicago University Press, 2018.

[3] *Klein E.* Why We're Polarized. Avid Reader Press / Simon & Schuster, 2020.

старые проблемы, которые казались решенными или вообще снятыми с повестки дня историей. И вот сейчас они вернулись. Спор о Брексите – это спор о гораздо более широком контексте – о трещинах в социокультурном основании нации, которые были до поры до времени сглажены и проявились в ходе референдума, который подействовал как землетрясение. Состояние британского общества характеризуется как раскол. Разделение на две страны и два общества – *Brexitland* и *Remainia* – более чем реально. Нетерпимость к оппонентам по вопросу о судьбе страны значительно превышает любой другой вид предубеждений, существующих в британском обществе, в том числе расовых[1]. И эта ситуация уже меняет облик британского общества и британской политической системы, до недавнего времени одной из самых стабильных. Похожие крайне острые расколы идентичности и в ходе испанско-каталонского политического кризиса, далёкого от завершения.

В целом можно сделать несколько основных выводов относительно социальной и политической поляризации на основе этих работ:

1. Драйвером поляризации выступает политический класс, но внезапно и очень быстро она может охватывать широкие массы.

2. Общества – носители идеи собственной исключительности ей подвержены больше других.

3. С поляризацией сталкиваются общества, в которых долго зрели противоречия и которые в определенный момент оказались перед лицом судьбоносного выбора.

4. Эффективная политическая инфраструктура (выстроенная система представительства интересов) начинает в какой-то момент эффективно работать против своей же политической системы.

5. Поляризация происходит между большими социальными группами – не столько экономическими, а сколько между социокультурными, в широком смысле культурными либералами и

[1] *Казаринова Д.* Борис, борись! URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Boris-boris-20108 (дата обращения: 20.02.2020).

консерваторами, к которым равно относятся и правые, и левые. Эти большие социальные группы в английском языке часто получают название «tribes».

Политика идентичности и новый трайбализм

Понятие «tribes» все активнее проникает в англоязычную политическую повестку, и его сложно адекватно перевести на русский язык. В русском языке термины «племена» или «кланы» носят отпечаток некой родственной основы, в них заложенной. В то же время под понятием «tribes» понимаются в современном дискурсе весьма широкие общественные группы, которые и поляризуются. Так, например, Chatam House на основе опроса общественного мнения разбил все население ЕС на определенные группы – tribes: «неуверенных европейцев», «довольных европейцев», «евроскептиков», «фрустрированных про-европейцев», «бунтари» и «федералисты»[1].

Понятием «tribes» описываются две части британского общества, разделившегося на уже упоминавшиеся «leavers» – сторонников брексита, и «remainers» – сторонников членства Великобритании в ЕС. В Америке под словом «tribes» подразумеваются сторонники демократов и республиканцев. Причем разделение это на «две нации» (в данном случае не экономические, как у З. Баумана[2], а социокультурные) настолько очевидное, что авторы книги «Prius or Pickup?: How the Answers to Four Simple Questions Explain America's Great Divide» М. Хетерингтон и Дж. Вейлер, предельно упрощая ситуацию, предлагают всего по нескольким вопросам (Prius или пикап? Кофе из Старбакс или Данкин Донатс? Кошка или собака?) протестировать американцев на принадлежность к одному из двух лагерей – прогрессистов или консерваторов, между которыми и происходит все более усугубляющийся раскол[3]. Тут интересны не столько выводы,

[1] Tribes of Europe. URL: https://tribes.chathamhouse.org/the-tribes/

[2] *Бауман З.* Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

[3] *Hetherington M., Weiler J.* Prius or Pickup?: How the Answers to Four Simple Questions Explain America's Great Divide Houghton Mifflin Harcourt. 2018.

которые дает безусловно упрощенный (и справедливо критикуемый за это) подход, сколько то, что авторы ориентируются не на политические, а исключительно на культурные маркеры.

Система отношений между этими социальными группами «tribes» получает название новый трайбализм (трибализм). *Неотрибализм (также новый трайбализм или современный трайбализм) – это социологическая концепция, которая постулирует переход от массового общества к социальным группам, при котором естественным образом формируются социальные сети, образующие новые «племена».*

Несмотря на широкую распространенность понятия «tribes» в публицистической литературе, научное осмысление неотрайбализма пока мало распространено. Французский социолог М. Маффесоли был, вероятно, первым, кто использовал термин неотрибализм в научном контексте[1]. М.Маффесоли предсказал, что по мере того, как культура и институты модернизма будут приходить в упадок, общества будут испытывать ностальгию и искать ориентиры в организационных принципах далекого прошлого, и поэтому постмодернистская эпоха станет эпохой неотрибализма.

Неотрайбализм может быть представлен как способ общественной организации, состоящий в сосуществовании множества (относительно) изолированных и (относительно) самодостаточных сообществ меньшинств… а также современная социологическая концепция, представленная в двух вариантах»[2]. Как пишут социологи И. Троцук и К. Сохадзе, «первый состоит в том, что институты и культура модернизма подвергаются распаду, и современное общество возвращается к формам социальной сплоченности, характерным для прошлых эпох. Второй, более многообещающий и близкий автору (Г. Ионину) вариант концептуализации общества меньшинств объясняет его формирование потребностью ухода из массового общества посредством

[1] *Maffesoli M.* The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society. London: Sage, 1996.

[2] *Ионин Л. Г.* Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2013. С. 236.

создания замкнутых квазиплеменных общностей («племен») в социальных сетях, основанных не на родовых, а на дружеских, коммунальных, досуговых и других связях»[1]. Вероятно, это не единственный случай, когда прогрессивные технологии (в данном случае Интернет 2.0) несут социальную архаизацию.

Понятие «новый трайбализм»[2] обозначается Ф. Фукуямой в одноименном эссе «Против политики идентичности. Новый трайбализм и кризис демократии», которое затем легло в книгу «Идентичность», но не получает там достаточного определения. В результате под современным трайбализмом и понятием «tribes» понимается в предельно широком контексте. Так, профессор Йельского университета Э. Чуа в книге «Political Tribes: Group Instinct and the Fate of Nations»[3] под трайбализмом широко понимает борьбу групп интересов, а автор призывает соотечественников лучше разбираться в значимых групповых идентичностях при выработке внешнеполитических решений США, а также во внутренней политике.

Понятие «tribes» появляется в последней книге З. Баумана «Ретротопия», одна из глав которой называется «Назад к племенам». Он образно говорит о «меняющем направление полета Ангела истории», обращающегося от будущего к прошлому и «глобальной эпидемии ностальгии», которая в отсутствие прогрессистской универсалистской перспективы заставляет общества обернуться вспять и двигаться в сторону естественного состояния войны всех против всех («Назад к Гоббсу»), общностям по идентичностям («Назад к племенам»), изолированным «двум нациям» богатых и бедных («Назад к неравенству») и к предель-

---

[1] *Троцук И. В., Сохадзе К.* Политкорректность, постмодерн и неотрайбализм: социологический взгляд на идеологию, инструменты и последствия «восстания меньшинств». Рецензия на книгу: Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2013. 237 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15, № 3. С. 143–152.

[2] *Fukuyama F.* Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy // Foreign Affairs. September/October. 2018. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?cid=int-nbb&pgtype=hpg

[3] *Chua A.* Political Tribes: Group Instinct and the Fate of Nations. 2019.

но индивидуалистическому, нарциссичному уходу от общества с помощью интернет-технологий («Назад в утробу»).

Культурные войны между этими группами на базе интернет-платформ определяют характер общественной дискуссии, делают ее существенно более примитивной и непримиримой (чем культурные войны в местах их зарождения – университетских кампусах США), раскалывая общество изнутри.

С феноменом культурных войн (и уж тем более интернет-холиваров) мы сталкиваемся и в России. В этом отношении отечественная традиция, весьма ограниченная, интерпретации понятия «культурная война» делает акцент на совершенно иной культурологический аспект проблемы[1]. Культурная война понимается в первую очередь как угроза извне культурной безопасности[2] внутри страны[3] и в международных отношениях[4], как перманентное эпистемологическое противостояние культурных систем, в результате которого происходит полное или частичное разрушение культурных кодов некоторых этносов, народов и наций. *В российском контексте культурная война чаще всего воспринимается как борьба за культурную самобытность и национальную идентичность, которой угрожают навязываемые либеральные ценности глобального мира*.

Западная (англоязычная) и отечественная политическая наука часто пользуются одними понятиями, но трактуют их не просто различно, но подчас диаметрально противоположно. Если в западной традиции под понятием культурной войны понимаются расколы внутри общества, в России речь идет о внешних вызовах культурной безопасности политике их преодоления. Для

---

[1] *Масаев М. В., Разбеглова Т. П.* О некоторых аспектах феномена культурной войны // Дискурс Пи. 2016. № 1(22). С. 61–67.

[2] *Явроский Д. Р.* Универсалии в эпоху «культурных войн» // Credo New. 2010. № 4. URL: https://intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/print:page,1,7774-universalii-v-yepoxu-kulturnyx-vojn.html

[3] *Волочкова М.* Культурная война и ее участники // Суть времени. 2012. № 1. С. 7.

[4] *Кочетков В. В., Максимов И. В.* Генезис явления культурных войн в международных отношениях и перспективы его развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 4. С. 96–108.

России реализация различных политик идентичности остается неактуальной в отсутствие конкурентной публичной политики, а культурные войны обретают измерение борьбы с культурной гегемонией либерального миропорядка за культурную безопасность. В этой же парадигме разработана вновь опубликованная Концепция национальной безопасности России.

Однако сами реалии культурных войн и общественной поляризации в России присутствуют, что ярко демонстрирует кейс про-и контра-вакцинных настроений. Проблема пандемии Covid-19, в отличие от традиционных тем культурных войн на Западе – электоральной, гендерной, расовой и экологической повестки, к которой широкие массы в России остаются глухи, не оставила равнодушным никого.

Если не самые широкие, но безусловно, самые активные социальные слои расходятся на либеральный и консервативный лагеря в политике, однако такого рода самоопределение не работает как интегративное для иных форм размежеваний (например, вакцинных), определяющие факторы которых пока мало просматриваются. Во всяком случае, они лежат вне какой-то одной логики – образовательной, социально-экономической, демографической, политической стратификации российского общества. Общество разделилось на вакцин-оптимистов и антиваксеров (антипрививочников и ковид-диссидентов) по иной, пока трудно уловимой схеме.

Культурные войны в эпоху ковид: возвращение религии в политическую повестку

Культурные войны вокруг пандемии ковид во многом скомпрометировали дихотомию «культурные прогрессисты» и «культурные консерваторы», во всяком случае существенно усложнили ее, вывели на арену иные социокультурные факторы, в том числе религию.

Во время пандемии Covid-19 поведенческие реакции американцев быстро политизировались. Сторонники левых сил придерживались подчеркнуто осторожного поведение, в то время

как правые, в особенности религиозные правые, чаще всего игнорировали рекомендуемые меры предосторожности. Как полагают С. Перри и его соавторы, такая реакция крайне правых была вызвана не партийностью или религиозностью как таковой, а скорее идеологией, которая объединяет пренебрежение научными знаниями; представление об американцах как об избранном и защищенном Богом народе; недоверие к средствам массовой информации; и преданность христианскому национализму Трампа[1]. Христианский национализм как «идеология, которая идеализирует и пропагандирует слияние американской гражданской жизни с определенным типом христианской идентичности и культуры»[2] стала интегрирующей для ковид-диссидентов и сумела собрать под свои знамена значительное число последователей.

В Европе и России, как в целом намного более светских обществах, где религиозная составляющая общественного сознания в значительной степени ушла в тень, но сохранилась в превращенных формах традиционалистского сознания большой части населения, столь очевидных тенденций проследить нельзя. Однако мы увидели, что в авангард антиваксеров выдвинулись именно религиозно-мотивированные культурные консерваторы.

Православный национализм, если мы позволим себе такое понятие вслед за А. Верховским[3], если и проявлял себя сколько-нибудь явно и консолидировано, то делал это в период пандемии Covid-19. Безусловно, самые яркие демарши ковид-диссидентов были связаны с представителями этого сегмента общества. Однако, не наблюдалось никакой зависимости между собственно

---

[1] *Perry S. L,. Whitehead A. L., Grubbs J. B.* Culture Wars and COVID-19 Conduct: Christian Nationalism, Religiosity, and Americans' Behavior During the Coronavirus Pandemic // Journal for the Scientific Study of Religion. 2020. Vol. 59, Is. 3. P. 405–416.

[2] *Whitehead Andrew L., Samuel L. Perry.* Taking America back for God: Christian nationalism in the United States. New York: Oxford University Press, 2020.

[3] *Верховский А.* Православный национализм. Заметки об определении и о перспективах движения // Неприкосновенный запас. 2003. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/pravoslavnyj-naczionalizm.html

религиозным консерватизмом и ковид-скептицизмом[1]. В России антиваксеры скорее *носители идей национал-консерватизма (в некоторых случаях, но далеко не всегда, религиозно-окрашенного), вне логики право-левого политического спектра, с низкой степенью доверия государству, политическим и общественным институтам*. Падение доверия к политическим институтам в связи с пандемией фиксируется во всем мире, в России же это дополняется продолжающимся ухудшением социально-экономической динамики и спецификой политического процесса. Это масштабирует распространенность такого типа общественного сознания, а с ним и феномена культурных войн.

[1] *Казаринова Д. Б., Пархоменко Г. И., Сарайкина Я. И., Таишева В. В.* Религия в России в эпоху пандемии: зеркало экспертного мнения // Религия в современной России: события и дискурсы пандемии. М.: РУДН, 2021.

Е. С. КАЛАЧЕВА

СПИЧРАЙТЕРЫ БЕЛОГО ДОМА: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена роли малоизученным аспектам деятельности спичрайтеров президентов США в политике. В статье охарактеризованы тенденции трансформации спичрайтеров в представителей политического класса, ответственность которых за политические решения, становится предметом научных исследований и дискуссий в СМИ. Рассматриваются прецеденты эпизодического и систематического участия спичрайтеров во внутренней и внешней политике. Установлено участие спичрайтеров в исторических и вызвавших общественный резонанс политических событиях. Установлены три возможных формата участия спичрайтеров в политике, исследованы условия и предпосылки для реализации некоторых форматов такого участия. В заключении сформулирован вывод об амбивалентном характере деятельности спичрайтеров в высшем эшелоне государственной власти.

Ключевые слова: политический спичрайтинг, спичрайтеры в публичной политике, спичрайтеры Белого дома, президенты и их спичрайтеры, спичрайтеры в истории США

Со второй половины XX в. возрастает значение коммуникационной составляющей в политике, обусловленное развитием средств массовой информации, медиатизацией политики и трансформацией общества под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Это в свою очередь приводит к вовлечению в политическую сферу все большего числа специалистов по коммуникациям.

В контексте указанных тенденций последние два десятилетия в отечественной науке появляются исследования,прямо (в редких случаях) или косвенно затрагивающие некоторые неочевидные аспекты деятельности специалистов по коммуникации во

властных структурах.Косвенно – поскольку вектор внимания затрагивающих их ученых преимущественнонаправлен на изучение других научных проблем – отношений медиа и власти, коммуникативных стратегий политиков [напр., Бодрунова 2010; Маковейчук, Рыхтик 2015; Родионова 2019], политического маркетинга [Русакова 2005].

Однако и в публикациях, рассматривающих проблему вовлечения специалистов по коммуникациям в публичную политику,не упоминают спичрайтеров, фокусируясь надеятельностипресс-секретарей, советников по связям с общественностью,спин-докторов [Бодрунова 2010, Пшизова 2010, Политический класс в современном обществе 2012]. При этом упускается из виду, что в высшем эшелоне власти США спичрайтеры – составители текстов для выступлений политиков высшего ранга «от первого лица – появились и закрепились значительно раньшеостальных специалистов по коммуникации.

В публикациях политических лингвистов спичрайтеры упоминаются только в контексте изучения языковых аспектов спичрайтинга, таких как формирование речевой личности политика, влияние речевых приемов на имидж, нюансы политического дискурса [см. напр.: Михалева 2009; Медведева, Спицына, 2011; Чепкасов 2010; Павлова 2014; Учиров 2015; Учиров 2016; Политическое управление 1999; Политическая социология 2013; Динамика инноваций 2011; Человеческий капитал политических элит 2012; Модернизация и демократизация в странах БРИКС 2015].

Отдельное направлениеисследований сфокусировано наиспользование коммуникационных возможностей Интернет: акцент здесь ставится на возрастании роли в избирательных кампаниях нового типа ресурсов и специалистов по их использованию [Попова 2008; Быков 2010; Фролова 2014; Шестова, Кузьмин 2019]. Сосредоточенность наэмпирическом материале избирательных кампанийформируетпредставлениеомалой значимостиспичрайтеров, которые отвечают за внеэлекторальныезадачи коммуникации,что, применительно к США, является искажением действительности. Во-первых, политическая коммуникация

Америки исторически организована вокруг регулярных выступлений действующих президентов. Во-вторых, в публичном пространстве США именно спичрайтеровиз целого ряда специализаций в политической коммуникации принято выделять и рассматривать как представителей политического класса, чья деятельность во власти настолько важна, что наряду с работой политиков находится в зоне общественного интереса.

Так, спичрайтеры регулярно являются героями многочисленных публикаций в ведущих общественно-политических СМИ США. Опция поиска статей по ключевому слову «спичрайтер» за 13 лет с 2006 по 2020 г. на сайте издания «Politico» предлагает 1800 публикаций (в среднем более 130 в год), «WashingtonPost» – 1400 публикаций (в среднем более 100 в год), «TheNewYorkTimes» – 1 700 публикаций (в среднем более 130 в год). Более того, на спичрайтеров в XXI в. возлагают ответственность не только за презентацию политического курса президента, но и за политические решения, принятые под их влиянием и политику, проводимую с их участием [напр., Isikoff, Corn 2007; Samuel 2016].

Покинув Белый Дом, спичрайтеры продолжают карьеру, в основном переходя в ряды политических экспертов и консультантов (а не преподавателей ораторского искусства), и публикуют мемуары, в которых открывают «политическую кухню» своего времени, – значительно чаще, чем советы по риторике. В США с 2000-х гг. начинают публиковаться исследования, посвященные роли спичрайтинга и спичрайтеров в политике и администрации президентов США [Ritter, Meadhurst 2004; Vaughn2006; Schlesinger 2008; The Presidents… 2010; Ellis 2012; Democratic… 2016; Thelen 2017; Collier 2018; O'Brien 2018].

Совокупность этих обстоятельств позволяет предположить, что политическаядеятельность спичрайтеров не исчерпывается коммуникационными задачами, которые они призваны решать: их участие в политике многообразно и заслуживает отдельного изучения. Мемуары спичрайтеров Кеннеди [Sorensen 1965; Sorensen 1969], Никсона [Buchanan 2017], Рейгана [Robinson 2009; Noonan 2003], Буша [Thiessen 2009; Latimer 2009], Обамы

[Rhodes 2018; Litt 2017], наряду с их интервью и публикациями об их деятельностисоставляют основу источниковой базы данного исследования, посвященного анализу малоизученных аспектов политической деятельности спичрайтеров Белого дома.

Материал структурирован по хронологическому принципу – в первой части описываются практики их взаимодействия с президентами и факты об использовании ими возможностей участвовать в разработке и принятии политических решений XIX – первой половины XX в., в следующей – второй половины XX в., и в заключительной – с н.XXI в по н.в.

Деятельность спичрайтеров Белого дома в XIX – первой половине XX в.

Система политической коммуникации США исторически организована вокруг регулярных посланий и выступлений президента.Перечень наиболее важных для президента обязательных выступлений сформировался на раннем этапе становления американской демократии, и при непосредственном участии т.н. отцов-основателей. Первым по важности из таких обязательных выступлений считается инаугурационная речь президента. Вторым – регулярное ежегодное обращение президента к Конгрессу с докладом под названием StateoftheUnion «Положение Союза» (американских штатов. – *Прим. авт*.). Третьим – «Прощальное послание» президента, чьи полномочия истекают. Все три вида речей появились в период правления первого президента Дж. Вашингтона и освящены его авторитетом. Впоследствии перечень наиболее важных видов выступлений дополнили т.н. кризисные речи и – с превращением США в актора мировой политики – речи внешнеполитического профиля.

Первым неофициальным составителем речей для президента и одновременно первым специалистом по коммуникациям, чье влияние на публичную политику вызвало широкий общественный резонанс, стал А. Кендалл (1789–1869), которого называли *мыслительной машиной президента Джексона* (курсив наш. – *Прим. авт.*) [Shlesinger, 2008]. Должности спичрайтера тогда не

существовало и Кендалл занимал другие посты на госслужбе: Четвертый аудитор Федерального казначейства с 1828 г., Глава почтовой службы с 1834 г. На этих должностях Кендалл проводил самостоятельную политику: как аудитор стал инициатором антибанковской кампании президента; как глава почты он в нарушение правил задерживал доставку газет из нелояльных штатов, препятствовал доставке аболиционистских брошюр на Юг страны.

До прихода в политику Кендалл получил юридическое образование и состоялся как журналист и издатель газет. Проявил себя он как организатор двух победных избирательных кампаний демократической партии, создатель выигрышных PR-приемов и автор популярных девизов «воля народа» и «права народа».Полное доверие к нему Э. Джексона позволили ему помимо выполнения основных служебных обязанностей выполнять функции спичрайтера. Оппозиция в прессе критиковала Кендалла как серого кардинала (только за 1831 г. в таком контексте о нем отзывались 48 раз), друзья и современники Джексона высказывались, что власть Кендалла больше власти президента [Алентьева 2017]. Дж. К. Адамс, шестой Президент США писал о том, что президенты-демократы Джексон и Ван Бюрен «двенадцать лет являлись инструментом в руках Амоса Кендалла, который был руководящим мозгом их власти»[1]. Таким образом Кендаллу удавалосьвлиять не только на избиравшегося дважды президента Джексона (1829–1837), но и на следующего президента М. Ван-Бюрена (1837–1841).

Кендалл был инициатором создания т.н. «кухонного кабинета» из соратников президента Джексона, управлявшего делами страны вместо официального правительства, проводя совещания на кухне Белого дома. Его называли движущей пружиной администрации, составителем не только всех посланий, но и документов президента, направляемых министрам, Конгрессу, властям разных штатов; автором писем по вопросам текущей поли-

[1] *Adams J. Q.* Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848. N.Y., 1970. Vol. 10. P. 366.

тики, которые публиковались в газетах разных частей страны за другими подписямидля формирования общественного мнения; наконец, создателем концепции и проводником политики т.н. «джексоновской демократии» – «борьбы против привилегий и монополий всякого рода, поддержки политики свободной торговли, защиты прав большинства (народа) от посягательств «аристократии богатства», свободы личности без всякого вмешательства государства, ограничения правительственных полномочий (limited government)» [Алентьева, 2017: 20].

После А. Кендалла в Белом доме долгое время – почти столетие – не появлялось фигуры схожего масштаба. Первым штатным спичрайтер президента США стал журналист Д.Уэлливер, нанятый на созданную для него должность после успешной работы на кандидата У. Хардинга в ходе избирательной кампании; ноза два года работы – с 1921 по 1923 г., до внезапной смерти Хардинга он не оставил свидетельств своей личной вовлеченности в политику.

Следующим спичрайтером, чье взаимодействие с президентом не ограничивалось подготовкойречей, стал судья С. Розенман (1896–1973), начавший сотрудничество с Ф. Рузвельтом еще с 1927 г., когда последний баллотировался на пост губернатора штата Нью-Йорк. Их совместная работа продолжилась до смерти Ф.Рузвельта в 1945 г. До встречи с Рузвельтом С. Розенман развивал успешную юридическую карьеру, которую продолжил уже в режиме совмещения с работой на Ф. Рузвельта[1].

ИменноРозенманпроявил политическую инициативу, убедив в 1932 г. Ф. Рузвельта – тогда еще кандидата в президенты – в необходимости антикризисной программы будущего правительства, для преодоления Великой депрессии [Kieran 1932: 22]. Розенман был автором идеи пригласить для участия в разработке программы специалистов по ключевым проблемам экономики, сельского хозяйства, промышленности и финансов – в основном профессоров Колумбийского университета,что стало первым

[1] С 1922 по 1927 г. Розенман – депутат в Ассамблее штата Нью-Йорк, а с 1934 по 1943 г. – судья Верховного суда.

прецедентом такого рода, и выражение «мозговой трест» впервые появилось в американском словаре применительно к работе этой группы.

Работа над антикризисной программой (в российской науке устоявшийся перевод ее названия – «новый курс») велась коллегиально, с участием самого Рузвельта, профессоров – советников, старых соратников и Розенмана. Предложение Розенмана в качестве девиза новой политики выбрать формулировку «новый курс» (авторство выражения принадлежало еще одному члену коллектива, экономисту С. Чейзу) было поддержано Рузвельтом.

В 1936 г., когда Розенман не мог больше совмещать работу в Белом доме с карьеройюриста, он согласился перейти в национальную администрацию, Рузвельт учредил для него должность Советника Белого Дома, переименованную в пост Специального Советника в 1943 г. Рузвельт поручал Розенману работу над наиболее важными законопроектами, выступления в Конгрессе с важными посланиями.В годы Второй мировой войны Розенман сопровождал президента в Гонолулу на конференцию с генералом Д. Макартуром и адмиралом Ч. В. Нимицем, в июле 1944 г., и на Ялтинскую конференцию 1945 г.

После смерти Рузвельта, по просьбе Г. Трумана, Розенман еще некоторое время занимал официальный пост советника Белого дома,вместе с Труманом участвовал в Потсдамской конференции, потом перешел с госслужбы в частную юридическую практику, но в 1949 г. работалв специальной правительственной комиссии по предотвращению национальной забастовки, а в 1960-х гг. привлекался к сотрудничеству администрацией Кеннеди. Также в последующие годы занимал несколько постов в городских структурах Нью-Йорка.

Оценивая деятельность спичрайтера С. Розенмана во власти, можно заключить: он пользовался уважением Ф. Рузвельта изсвоих профессиональных качеств, в первую очередь – компетентности в вопросах юридической основы государственного управления, а не литературных способностей; не стремился оказывать на президента влияние, но как минимум однажды – в ситуации с «Новым курсом» – проявил политическую инициативу

и регулярно участвовал в процессе выработки и принятия политических решений по широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики.

Спичрайтеры и президенты во второй половине XX в.

Вторая половина XX в. стала периодом институализации спичрайтеров в штате администрации Белого дома. Этот процесс ускорился благодаря деятельности спичрайтера президента Дж. Кеннеди – Т. Соренсена, чье участие в политике является общеизвестным фактом. Их сотрудничество началось в 1953 г., когда Д. Кеннеди был сенатором, а Соренсен – выпускником юридического факультета: таким образом, путь Соренсена – один из первых примеров возможности выстраивания профессиональной карьеры в качестве личного спичрайтера политика высшего ранга. До Т. Соренсена спичрайтерами президентов становились люди, имевшие иной успешный профессиональный опыт – юридический или журналистский. Соренсен доказал, что более значимым фактором может быть личное взаимопонимание и доверие политика. Сотрудничество Кеннеди и Соренсена привело к тому, что наличие спичрайтеров стало восприниматься как норма для политика и для президента, что способствовало институционализации спичрайтеров в высшем эшелоне власти.

Влияние Соренсена на свою деятельность признавал сам Кеннеди, называя его «своим интеллектуальным «банком крови», т.е. интеллектуальным донором [Martin 2010]. Участие Соренсена в разработке и принятии политических решений было закреплено сначала процедурно, а затем и формально, назначением советником. Брат президента Р. Кеннеди, занимавший тогда должность Генерального прокурора, называет егов своих воспоминаниях консультантом президента [Кеннеди 1969: 15] и сообщает, что Соренсен был одним из немногих сотрудников администрации, допущенных к обсуждению секретных сведений и выработке решений в период Карибского кризиса. Президент включил его в состав группы, названной «Исполнительным комитетом Национального совета безопасности» (представление об

уровне вопросов, к решению которых привлекался Соренсен, дают должности остальных участников – государственный секретарь, глава ЦРУ, министр обороны, председатель комитета начальников штабов, министр финансов, вице-президент и т.п.). Члены комитета находились все время вместе в течение 12 самых напряженных дней и ежедневно встречались для обсуждений в течение последующих шести недель. Именно сторонникам сдержанной позиции в отношениях с СССР, Т. Соренсену и Р. Кеннеди, вопреки мнению выступавших за обострение кризиса остальных членов комитета, президент поручил составить для урегулирования кризиса письмо советскому лидеру Н. Хрущеву, которое привело к постепенной разрядке напряженности [Кеннеди 1969: 69].

По оценкам Р. Кеннеди, участие Соренсена в выработке политики и принятии решений было постоянным не только в период Карибского кризиса: «В напряженные и трудные периоды, когда требовалось произвести ясный – без предубеждений – критический анализ положения, президент часто обращался к министру финансов Дугласу Диллону, чью компетентность высоко ценил, к своему личному секретарю Кенни О'Доннелу, к Теду Соренсену, а иногда и к бывшему государственному секретарю Дину Ачесону, к бывшему министру обороны Роберту Ловетту, к бывшему верховному комиссару в Германии Макклой'ю, и к другим. Их роль была задавать трудные вопросы, заставлять других защищать свои позиции, выдвигать противоположные точки зрения, формулировать сомнения» [Кеннеди 1969: 81].

Порой дискуссии о содержании заявленных политических программ инициировал не президент, а Соренсен: получив задание подготовить речь о планируемой морской блокаде Кубы, он настоял на организации обсуждения, в ходе которого выяснилось, что плана действий по осуществлению блокады нет, и лишь в процессе обсуждения со спичрайтером, ставящим конкретные вопросы, президенту и членам правительства, удалось конкретизировать заявленную политику блокады [President's... 2010: 5]. Свою миссию Соренсен видел в проведении в жизнь определенной политической философии – содействии усилению

института президента, в книге «Наследие Кеннеди» [Kennedy's… 1970] он развивал идеологию управленческой реформы с целью укрепления президентской власти – и повышения тем самым, как он полагал, – эффективности политической системы [Ерохин 1971].

После гибели Кеннеди карьера Соренсена была разнообразной. На его счету такие проекты как выборы в сенат от штата Нью-Йорк (занял третье место), должность главного советника избирательных кампаний демократов Р. Кеннеди и Г. Харта, попытка президента Д. Картер назначить его директором ЦРУ (неудачная из-за сопротивления Конгресса). Как эксперт он был аффилирован с рядом влиятельных «мозговых центров и НКО (Совет по международным делам, Фонд «Столетие» и др.). Соренсен сыграл важную роль в президентской кампании Б. Обамы, сравнивая его с харизматичным Дж. Кеннеди и публикуя тексты в его поддержку, а также участвуя в подготовке его первой инаугурационной речи.

Из вышеприведенных примеров может создаться ложное впечатление, что влияние спичрайтеров на политику обусловлено наличием долгих и/или доверительных личных отношений с президентом. Однако во второй половине XX в. участие спичрайтеровв политике стало возможно и при отсутствии таких доверительных отношений. Так, спичрайтеры Л. Джонсона были поставлены президентом перед необходимостью в каждую речь включать слова о какой-либо новой – сформулированной ими же самостоятельно – инициативе. В январе 1964 г. в речи Джонсона появился тезис о планах «безусловной борьбы с бедностью» – после этого кабинету пришлось разрабатывать соответствующий план конкретных мер новой политики борьбы с бедностью, а директор по бюджету Шульце возмущался, что по последствиям для расходной части бюджета, каждая речь – и соответственно политическая инициатива – спичрайтеров обходится дороже, чем вся остальная исполнительная ветвь власти в совокупности [Thepresident'swords… 2010: 5].

Близкий к описанной ситуации контекст, который спичрайтеры описывают как способствующий их личному участию в раз-

работке политики, можно определить как «дефицит чиновничьей инициативы». В 1984 г., когда Рейган готовился к переизбранию, тему национальной системы образования выбрали как ключевую для выступления перед конвентом республиканской партии, и сотрудник службы спичрайтеров П. Робинсон получил задание подготовить речь. Его запрос в департамент образования привел к пониманию, чтоединой образовательной политики у правительства нет. Спичрайтер самостоятельно разработал концепцию образовательной политики, ставшую ключевой темой политической программы второго срока президента Рейгана [ThePresidents… 2010: 243–244].

Наиболее известным прецедентом осуществления личной инициативы спичрайтера во внешней политике США является казус, происшедший с тем же П. Робинсономв 1987 г. и широко обсуждавшийся в западных экспертных кругах и СМИ в связи с юбилейными годами с момента произнесения написанной им для Р. Рейгана«берлинской» речи (2012 и 2017 г.) [Peter 2012; Reagan… 2017], и разрушения берлинской стены (2014 и 2019 г.) [Hampson 2014; Theunbelievable… 2019]. Не имевший никаких особых отношений с Рейганом младший член команды спичрайтеров вставил в текст речи перед жителями Западного Берлина провокационное обращение в вызывающем тоне к лидеру СССР: «Господин Горбачев, снесите эту стену!». Такое резкое выступление выходило за рамки политического курса администрации, но П. Робинсону удалось преодолеть сопротивление Госдепартамента США, Совета по национальной безопасности, посольства США в Берлине, и персонально таких влиятельных чиновников как госсекретарь Д. Шульц, руководитель аппарата Буша Г. Бейкер, и К. Пауэлл (тогда заместитель советника по национальной безопасности), увидевших в его формулировке риск ухудшения отношений с СССР. Речьбыла произнесена президентом без купюр. Теперь П.Робинсона считают актором, повлиявшим на ход истории – на поражение СССР в «холодной войне» [Thespeech… 2017].

Если инициатива не входящего в пул доверенных лиц президента спичрайтера имеет шансы на успех, то при наличии стату-

са доверенного лица шансы на поддержку президентом личной инициативы спичрайтера возрастают значительно. Так, спичрайтер К. Хачикян, много лет работавший с Р. Никсоном и Р. Рейганом, и считавшийся «архитектором» избирательных кампаний Рейгана, в 1981 г. внес в текст ежегодной Декларации президента США о Холокосте, слова о преступности геноцида армян в Османской империи в XX в. Тем самым он легитимировал публичное обсуждение вопроса, невыгодное американским политикам из-за партнерства США с Турцией, где были размещены ракеты, направленные на СССР. Р. Рейган прервал традицию замалчивания трагедии армян и поддержал его инициативу.

Наличие у спичрайтеров возможностей влиять на политику Белого дома независимо от их личных отношений с президентом и высокого личного статуса в администрации, подтверждается и фактами ведения против них «аппаратных войн» в 1970-е гг., коалициями таких политических игроков как А. Гринспен, Д. Рамсфилд и Д. Чейни (в администрации Д. Форда) и З. Бжезинский и С. Венс (в администрации Д. Картера) – при отсутствии свидетельств о наличии у президентов и спичрайтеров в те периоды не только доверительных, но и конструктивных взаимоотношений.

XXI В. – ПРИЗНАНИЕ ВЛИЯНИЯ СПИЧРАЙТЕРОВ НА ВНУТРЕННЮЮ И ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США

В американской публичной сфере с 2000-х гг. ведутся дискуссии об ответственности спичрайтеров за их инициативыи проводимую с их участием политику [напр., Guthmann 2019]. Примерами этой тенденции являются, на наш взгляд, три сюжета: относительно М. Герсона, спичрайтера – советника Д. Буша-младшего; относительно Б. Родса, спичрайтера – советника Б. Обамы и относительно С. Миллера, спичрайтера – советника Д. Трампа.

Сюжет о деятельности М. Герсона касается внешней политики администрации Дж. Буша-младшего в период с 2001 по 2005 г. [см. напр. Maloy 2006]. Герсон, разделяющий с Бушем

религиозную интерпретацию политики США как государства, призванного бороться со злом, активно участвовал в кампании по продвижению плана вторжения в Ирак после терактов 11 сентября 2001 г. и популяризации концепции президентской власти в условиях военного времени [Woodward 2002: 30–31, 45]. Манипулируя общественным мнением, он выступил анонимным инсайдером из Белого дома в интервью Times, запустившим в СМИ образ «ядерного гриба», который появится над Нью-Йорком, если не остановить С. Хуссейна; и включил слова про попытку последнего закупить в Африке уран для создания ядерного оружия в речь Буша, транслируемую по телевидению 7 октября 2002 г., хотя такие спекуляции не поддержал глава ЦРУ [Schlesinger 2008: 482].

Герсон продолжил создавать ложную ассоциацию между терактами 11 сентября 2001 г. и иракским режимом, вставив в речь Буша «Положение союза» в январе 2003 г. абзац про «19 террористов, выполнивших атаки 11 сентября, которые могут быть оснащены теперь другим, более опасным оружием и новым планом С. Хуссейна» [Schlesinger 2008: 482]. Поддерживая планы администрации Буша по вторжению в Ирак, Герсон получил повышение – в 2002 г. он по совместительству стал советником президента, а в 2005 г. – помощником в сфере стратегического планирования (назначение сопровождалось публичным признанием со стороны президента его вклада в политику администрации). Его роль как соучастника в развязывании войны наряду с другими членами администрации Буша – младшего рассматривается в журналистском расследовании под названием «Hubris» [Isikoff, Corn 2006].

Следующий кейс связан с деятельностью спичрайтера Б. Обама – Б. Родса. В день теракта 11 сентября 2001 г. студент магистратуры по специальности «история искусств» Б. Родсрешил, что хочет заниматься международными отношениями. Он устроился спичрайтером к конгрессмену Хэмилтону и участвовал в работе сенатской комиссии по расследованию вторжения США в Ирак. Тогда он выработал критическую позицию по отношению к традиционной политической линии США на Ближ-

нем Востоке.С 2007 г., придя в избирательный штаб Б.Обамы спичрайтером, за два его последовавших президентских срока, Родс выстроил карьеру самого влиятельного человека из тех, кто формирует внешнюю политику США (после президента) [Samuels 2016]. Также он получил статус руководителя Отдела по стратегическим коммуникациям и по свидетельству очевидцев, Б.Обама взаимодействовал с Родсом по 2–3 часа ежедневно. Официально Родс отвечал за написание всех выступлений Обамы по внешней политике, неофициально – формировал стратегию внешней политики, несмотря на отсутствие опыта на дипломатической и военной службе.Онполучил должность политического советника, заместителя советника по национальной безопасности и право посещения всех совещаний высшего уровня, при этом президент настолько доверял ему, что его задачей было отслеживать, чтобы проводимый внешнеполитический курс соответствовал принципам Обамы [ThePresidents… 2010: 284]. Родс был единомышленником Обамы в нежелании осуществлять интервенцию в Сирии и являлся защитником и проводником этой политики как внутри исполнительной власти, так и в публичной сфере [Samuels 2016]. Он играл активную роль в заключении сделки с Ираном по вопросу ядерной программы, а также спланировал и осуществил кампанию по ее освещению в СМИ и общественному одобрению [Samuels 2016]. Представители Обамы начали тайные переговоры с иранской стороной еще в 2012 г., но Родс разработал концепцию, согласно которой сделка якобы стала возможной только после прихода к власти в Иране «умеренных» в 2013 г.

Дискуссия о деятельности С. Миллера, спичрайтера президента Трампа, началась в 2017 г. и касается иммиграционной политики [Blitzer 2020]. Миллер с юности известен как политический активист – республиканец с правыми убеждениями. Став спичрайтером Трампа, именно Миллер развивал идеи о необходимости ужесточения иммиграционной политики посредством возведения стены на границе с Мексикой, отмены лотереи «грин кард» и замены ее отбором достойных кандидатов на переезд в США на основе системы, схожей с канадской или австралий-

ской. Миллер лично инициировал и проводит политику против статуса т.н. городов-убежищ (безопасных для оказавшихся там нелегальных мигрантов), среди которых такие мегаполисы как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Филадельфия и др. Предложение Миллера об обязательной проверке легального статуса подозрительных лиц на улицах власти городов-убежищ называют насаждением расовой дискриминации и полицейского государства.

Миллер также стал инициатором реализации т.н. политики «нулевой терпимости» (авторство термина принадлежит ему): эти меры привели к принудительному разделению при задержании детей и родителей, нелегально проникших в США. Раньше наличие детей при нарушении границы спасало семьи от попадания в тюрьму, поскольку закон предусматривает задержание только взрослых нелегалов. Весной 2018 г., когда по инициативе Миллера закон исполнялся буквально, тысячи задержанных детей содержались в неприспособленных для этого центрах для взрослых нелегалов, некоторые дети пострадали. Развернутая ведущими американскими СМИ кампания против негуманного обращения с детьми была адресована и президенту, и С. Миллеру лично [см. напр., Stephen… 2018; Pink 2018]. Спичрайтер в свою очередь продолжает выступать в Конгрессе и в разных СМИ, отстаивая свои взгляды на иммиграцию: одна из последних его инициатив – разрешить лицам, пострадавшим от действий нелегалов в городах-убежищах, подавать в суд на городские власти, допустившие пребывание нелегалов на своей территории.

Рассмотренные в рамках статьи малоизученные аспекты политической деятельности спичрайтеров не отражают всей полноты этого сложного феномена, но позволяют выделить три основных формата осуществления ими такой деятельности: *влияние на президентов, политическая инициатива, участие в разработке и принятии решений.*

Итак, речи президентов и их подготовка имеют обусловленную традициями высокую значимость в политической коммуникации США. Составители этих речей, спичрайтеры, строя свою

карьеру, попадают в команду политика – работодателя преимущественно по идейным соображениям, будучи сторонниками партии, которую он представляет, разделяя с ним ценности и/или полагая его лидером, способным осуществлять политические свершения на благо общества. Получив возможность оказаться в высшем эшелоне власти, многие из них не ограничиваются литературнымтворчеством и редактированием. Они вносят вклад в работу президента и правительства, участвуя в политике в разных форматах, вследствие чего их причастность к ней и ответственность за некоторые политические решения обсуждается в СМИ и становится предметом научных исследований.

Такой формат как непосредственное влияние спичрайтера на президента и через него – на всю государственную политику, вплоть до перехвата управления, является крайним случаем, и казус А. Кендалла можно признать единственным прецедентом. Политическая инициатива, т.е. способность выдвинуть для обсуждения различные проблемы, – более распространенный формат, возникающий по разным причинам, среди которых можно выделить а) право политической инициативы, предоставленное спичрайтерам самим президентом (казус Л. Джонсона); б) проявление личной политической инициативы спичрайтера (казус Р. Рейгана и К. Хачикяна с легитимацией темы геноцида армян), в т.ч. по обострению (ужесточению) проводимого президентом внутри- или внешнеполитического курса (концепция «нулевой терпимости» С. Миллера для Д. Трампа, речь П. Робинсона для Р. Рейгана «Разрушьте эту стену!»); в) заполнение спичрайтером «вакуума», возникшего из-за дефицита инициативы других чиновников (П. Робинсон и разработка образовательной политики США для второго срока Рейгана).

Еще одним распространенным форматом политической деятельности спичрайтеров является участие в разработке и принятии решений, в том числе самого высокого уровня, включая такие задачи как урегулирование кризисов – внутренних (Великая депрессия, «Новый договор» С. Розенмана и Ф. Рузвельта) и международных («Карибский кризис», Т. Соренсен и Д. Кеннеди); контроль за реализацией и поддержкой внешнепо-

литического курса президента (отказ от вмешательства в гражданскую войну в Сирии и «ядерная сделка» с Ираном – Б. Обама и Б. Родс, получение одобрения общества и конгресса на ведение войны в Ираке – Дж. Буш и М. Герсон); изменение считавшихся незыблемыми политических принципов (кампания С. Миллера и Д. Трампа по изменению иммиграционной политики вопреки традициям Америки как иммигрантского государства).

Этот формат, как правило, зависит от выполнения как минимум одного из трех следующих условий: а) высокая оценка президентом профессиональных достоинств спичрайтера не только как составителя текстов, но и как политического аналитика, эксперта и советника, что подкреплялось назначением на соответствующие должности (казусы президента Ф. Рузвельта и С. Розенмана, президента Дж. Кеннеди и Соренсена, Р. Рейгана и К. Хачикяна, Б. Обамы и Б. Родса; б) спичрайтер является единомышленником президента – как минимум по одному из принципиальных вопросов его избирательной кампании, как максимум – разделяя его мировоззренческие основы (так, М. Герсон разделял религиозно-философскую интерпретацию политики как миссии, присущую Д. Бушу, Б. Родс – критическую оценку Обамой прежней политики США на Ближнем Востоке, а С. Миллер – взгляды Д. Трампа по иммиграционной политике); в) между спичрайтером и президентом складываются уникальные отношения полного взаимопонимания и доверия, о которых президент и его окружение оставляют личные свидетельства (Ф. Рузвельт и С. Розенман, Д. Кеннеди и Т. Соренсен, Д. Буш и М. Герсон, Б. Обама и Б. Родс).

Таким образом, спичрайтеры в высшем эшелоне власти функционируют в двух ипостасях. С одной стороны, им принадлежит особенная роль в политической коммуникации США, выстраивающейся вокруг публичных речей президента. С другой стороны, институционализация спичрайтеров в национальной администрации позволяет им, разделяя программу партии, выигравшей президентские выборы, и убеждения избранного президента, явно и неявно участвовать в политике – как минимум в одном из трех установленных форматов такого участия.

ADAMS J. Q. Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848. N.Y., 1970. Vol. 10. P. 366.

BLITZER J. How Stephen Miller Manipulates Donald Trump to Further His Immigration Obsession // New Yorker. February 21, 2020. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2020/03/02/how-stephen-miller-manipulates-donald-trump-to-further-his-immigration-obsession (дата обращения: 1.06.2020).

BUCHANAN P. Nixon's White House Wars: The Battles That Made and Broke a President and Divided America Forever. NY.: Crown Forum, 2017. 448 p.

CODY KEENAN. White House Director of Speechwriting for President Barack Obama (2013–2017) // The Harry Walker Agency.com. URL: https://www.harrywalker.com/speakers/cody-keenan (дата обращения: 1.06.2020).

COLLIER K. Speechwriting in the Institutionalized Presidency: Whose Line Is It? Lanham, MD: Lexington Books, 2018. 254 p.

DEMOCRATIC Orators from JFK to Barack Obama (Rhetoric, Politics and Society) / ed. by Andrew S. Crines, David S. Moon, Robert Lehrman, Philip Thody. 1st ed. Palgrave Macmillan, 2016. 313 p.

ELLIS RICHARD J. The Development of the American Presidency. 1 edition. Routledge, 2012. 608 p.

FITZGERALD S. Peter Robinson: Reagan Almost Did Not Give 'Wall' Speech // Newsmax.com. 10 November 2014. URL: https://www.newsmax.com/newsmax-tv/reagan-berlin-wall-speech-writer/2014/11/10/id/606425/ (дата обращения: 1.06.2020).

FOUR words That Moved the World: 'Tear Down This Wall' 2012 // The Wall street journal. 4 April, 2020. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303753904577454081041366916

GLASS A. Reagan challenges Gorbachev to 'tear down' Berlin Wall, June 12, 1987 // Politico. 6.11.2017. URL: https://www.politico.com/story/2017/06/11/reagan-challenges-gorbachev-to-tear-down-berlin-wall-june-12-1987-239376 (дата обращения: 1.06.2020).

GRAHAM T. Republican bards // World.wnr.org. January 12, 2002. URL: https://world.wng.org/2002/01/republican_bards

GUTHMANN A. Powerful Writing: Presidential Speechwriters Discuss Their Craft // News.wttv.com. October 14, 2019. URL: https://news.wttw.com/2019/10/14/powerful-writing-presidential-speechwriters-discuss-their-craft (дата обращения: 1.06.2020).

HAMPSON R. JFK, Reagan words helped bring down Berlin Wall // USAtoday.com. November, 9, 2014. URL: https://www.usatoday.com/story/news/world/2014/11/09/jfk-reagan-speeches-berlin-wall-25th-anniversary/18421393/ (дата обращения: 1.06.2020).

HARRIS JOHN F. Cooking Up the Word Stew // Washington Post.com. January 19, 1999. URL: https://www.washington-post.com/wp-rv/politics/special/clinton/stories/president011999.htm (дата обращения: 1.06.2020).

ISIKOFF M., CORN D. Hubris: The Inside Story of Spin, Scandal, and the Selling of the Iraq. Reprint edition. War Broadway Books, 2007. 496 p.

KIERAN J. The 'Cabinet' Mr. Roosevelt Already Has // The New York Times. November 20. 1932. P. 22.

LITT D. Thanks, Obama: My Hopey, Changey White House Years. Reprint edition. Ecco, 2017. 317 p.

LATIMER M. Speech-less: Tales of a White House Survivor. Crown, 2009. 316 p.

MALOY S. Wash. Post hired Bush speechwriter Gerson but never corrected Gerson's Iraq falsehoods repeated on its editorial page // Mediamatters. 9.22.06. URL: https://www.mediamatters.org/washington-post/wash-post-hired-bush-speechwriter-gerson-never-corrected-gersons-iraq-falsehoods

MARTIN J. ‘Intellectual blood bank’ of JFK // Financial Times. November 6, 2010. URL: https://www.ft.com/content/a81ab84c-e945-11df-aec0-00144feab49a

NOONAN P. What I Saw at the Revolution: A Political Life in the Reagan Era. Reprint edition Random House Trade Paperbacks, 2003. 384 p.

O'BRIEN, SHANNON BOW. Why Presidential Speech Locations Matter: Analyzing Speechmaking from Truman to Obama. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2018. 208 p.

PATTERSON B. H. To Serve the President: Continuity and Innovation in the White House Staff. Brookings Institution Press, 2010. 450 p.

RHODES B. The World as It Is: A Memoir of the Obama White House. N.Y.: Random House, 2018. 480 p.

RITTER M., MEDHURST J. Presidential Speechwriting: From the New Deal to the Reagan Revolution and Beyond: Presidential Rhetoric and Political Communication. Texas: A&M University Press, 2004.

ROBINSON P. How Ronald Reagan Changed My Life. Reprint edition. William Morrow, 2009. 452 p.

SAMUELS D. The aspiring novelist Who Became Obama's Foreign-Policy Guru // The New York Times. 5.05.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/05/08/magazine/the-aspiring-novelist-who-became-obamas-foreign-policy-guru.html?_r=1

SCHLESINGER R. White House Ghosts. Simon & Schuster, 2008. 966 p.

SORENSEN T. Kennedy. Harper & Row, 1965. 605 p.

SORENSEN T. Kennedy's legacy. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969. 414 p.

The President's Words: Speeches and Speechwriting in the Modern White House / ed. by Nelson Michael, Riley Russell L. Univ. press of Kansas, 2010. 310 p.

THELEN S. Mobilizing a Majority: Nixon's "Silent Majority" Speech and the Domestic Debate over Vietnam // Journal of American Studies. January 2017. No. 51 (3). P. 1–28.

THIESSEN M. A Charge Kept: The Record of the Bush Presidency 2001–2009. Morgan James Publishing, 2009. 133 p.

VAUGHN J.S., VILLALOBOS J. Conceptualizing and Measuring White House Staff Influence on Presidential Rhetoric // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. 36, No. 4 (December). P. 681–689.

WOODWARD B. Bush at War. New York: Simon and Schuster, 2002. 416 p.

АЛЕНТЬЕВА Т. В. Амос Кендалл // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 13–28.

БОДРУНОВА С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. … д-ра полит. наук. СПбГУ, 2015. 498 с.

БОДРУНОВА С. С. Стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 423 с.

БЫКОВ И. Интернет-технологии в избирательной кампании Б. Обамы // Вестник Пермского университа. 2010. № 1. С. 48–58.

ЕРОХИН А. В. Т. Соренсен о Кеннеди и «кеннедизме» // Вопросы истории. 1971. № 8. С. 180–184.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ. 26 основных понятий политического анализа // Полис. Политические исследования. 1993. № 1. С. 77.

КАК Рейган принял геноцид армян // GalaTV. 24.04.2019. URL: https://galatv.am/ru/509096/

КЕННЕДИ Р. 13 дней / пер. И. Брукс. Paris, 1969. 146 с. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/kennedi_13_dnej_1969__ocr.pdf

МАКОВЕЙЧУК А. В., РЫХТИК М. И. Роль социальных медиа в реализации имиджевых стратегий политических деятелей в контексте формирования информационного общества на региональном уровне // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 76–83.

МЕДВЕДЕВА Е. А., СПИЦЫНА Н. А. Использование технологий спичрайтинга в политической лингвистике (на примере речи президента США Барака Обамы «О новой странице в отношениях») // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 117–121.

Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.

Павлова Т. Н. Роль спичрайтера в формировании языковой личности политического лидера // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 181–185.

Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 204–227.

Пшизова С. Н. За спиной партийных вождей: спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М.: ИНИОН, 2010. С. 11–26.

Родионова М.Е. Коммуникационная стратегия при формировании имиджа европейских политиков (на примере Макрона)// Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4, № 2.

Русакова О. Ф., Спасский А. Е. Что такое политический маркетинг? Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2005. 144 с.

Учиров П. Специфика языковой личности спичрайтера (на материале официальных выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2. С. 96–103.

Учиров П. С. Дискурсивные практики Президента РФ: историческая роль спичрайтеров // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 92–102.

Шестова Т., Кузьмин В. Новые медиа в современном политическом процессе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 218–226.

Политическое управление: курс лекций. М.: РАГС, 1999.

Политическая социология / под ред. Т. В. Евгеньевой. М., 2013.

Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопал,

А. В. Селезневой. М.: Росспэн, 2012. (Сер. Библиотека РАПН Российской ассоциации политической науки)

Динамика инноваций / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2011.

Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / под ред. И. М. Бусыгиной, И. Ю. Окунева. М.: Аспект-Пресс, 2015.

К. А. РОГОЖИНА

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ[1]

Аннотация. В последние годы в научно-исследовательском сообществе широкое освещение получили концепция и практики научной дипломатии, которым посвящается все больше работ как за рубежом, так и в нашей стране. Однако публикации по данной теме имеют разрозненный характер, что актуализирует обзор исследований данной темы в отечественной и зарубежной литературе. Научная дипломатия является междисциплинарным направлением, которое определяет возможности взаимодействия науки и дипломатической деятельности.
Ключевые слова: наука, публичная дипломатия, «мягкая сила», акторы

Научная дипломатия, как и публичная дипломатия, является одним из составляющих «мягкой силы» государств, что определяет сближение данных понятий при понимании хронологически более ранней рефлексии практик публичной дипломатии.

Концепция «публичной дипломатии» была введена в научный оборот в 1965 г. деканом Школы права и дипломатии им. А. Б. Флетчера (Университет Тафтса, США) Э. А. Гуллионом и определялась им как способ «влияния общественных установок на осуществление внешней политики страны»[2] и как средства, при помощи которых «правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения»[3]. Ретроспективный анализ позволяет опереться также на позицию главы Центра международных коммуникаций в

[1] Подготовлено в рамках проекта РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31886.

[2] What is Public Diplomacy? URL: http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy

[3] Definitions of public diplomacy. URL: http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions

Бар-Иланском университете профессора Эйтано Гильбоа[1], который выделял традиционную *публичную дипломатию, медиадипломатию и дипломатию журналистов-посредников*.

Историк и директор программы магистратуры в области общественной дипломатии в Анненбергской школе коммуникации и журналистики университета Южной Калифорнии Н. Кулл[2] выделял пять форм публичной дипломатии:

1) изучение общественного мнения и установление диалога с зарубежным обществом или listening;

2) проведение информационных кампаний для формирования положительного мнения в зарубежных странах (advocacy);

3) культурная дипломатия;

4) программы по обмену;

5) международное вещание.

При этом первые две формулировки им были впервые введены в научный оборот.

Дж. Кован и А. Арсенаут из университета Южной Калифорнии[3] предлагают выделять три уровня публичной дипломатии: *монологовый, диалоговый и уровень сотрудничества.*

Поскольку научная дипломатия является одним из инструментов «мягкой силы» государства, она может рассматриваться также как одно из направлений *превентивной дипломатии*, которую генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали, выступая на Генеральной ассамблеи ООН в 1992 г. определил как «действия дипломатов, направленные на предотвращение возникновения разногласий между сторонами»[4].

---

[1] *Gilboa E.* Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616 (1). P. 55–77. DOI: https://doi.org/10.1177/0002716207312142

[2] *Cull N.* Public diplomacy: taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616 (1). P. 31–54. URL: https://www.jstor.org/stable/25097993?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed: 05.01.2019).

[3] *Cowan G., Arsenault A.* Moving from monologue to dialogue to collaboration: the tree layers of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. No. 616. P. 10–30. DOI: https://doi.org/10.1177/0002716207311863

[4] *Boutros-Ghali B.* An Agenda for Peace. New York: United Nations, 1995.

В литературе используется также понятие «*дипломатии второго трека*» (или экспертная дипломатия). Ее суть заключается в оказании услуг «неправительственного характера» при решении вопросов межгосударственного взаимодействия. Решающую роль в развитии данного направления играют аналитические центры, отечественные think tanks, которые организуют мероприятия с участием представителей экспертного сообщества, устанавливают дополнительные каналы коммуникации, ведут исследовательскую деятельность, обеспечивают «информационно-аналитическое сопровождение», в том числе в СМИ.

Решающим шагом в развитии *научной дипломатии* в качестве новой самостоятельной отрасли знания стало учреждение в 2008г. Американской ассоциацией содействия развитию науки (AAAS) Центра научной дипломатии, вслед за чем в 2012 г. Центр начал издавать первый в своей области журнал «Science & Diplomacy»[1]. В 2009 г. в Лондоне прошла международная конференция «Новые горизонты научной дипломатии» («New Frontiers in Science Diplomacy»), организованная совместно Американской ассоциацией по продвижению науки и Лондонским королевским обществом по развитию знаний о природе, в ходе которой была сформулирована современная триединая концепция научной дипломатии[2], нашедшая системное представление в вышедшем спустя год – в 2010 г. – докладе по итогам конференции.

Научная дипломатия рассматривается в качестве одного из элементов soft power, «мягкой силы», и представляет собой единство трех составляющих – *наука в дипломатии, дипломатия для науки и наука для дипломатии.*

Науку в дипломатии можно рассматривать как непосредственное взаимодействие ученых и политиков, когда с опорой на

[1] *Turekian V. C., Neureiter N. P.* Science and Diplomacy: The Past as Prologue // Science & Diplomacy. March 2012. Vol. 1, No. 1. URL: https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2012/science-and-diplomacy.

[2] The Royal Society, New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power. London: The Royal Society, 2010. URL: https://royalsociety.org/~/media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf

результаты научных исследований и научную экспертизу определяется актуальная политическая повестка.

Дипломатия для науки проявляется в поддержке дипломатами международного научно-технического сотрудничества, облегчении контактов между исследователями, несмотря на возможные сложности в политических взаимоотношениях между государствами, которые они представляют.

Использование учеными и дипломатами научных объединений в целях улучшения двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений отражает понятие *науки для дипломатии*. Инструменты научной кооперации помогают восстанавливать, улучшать и поддерживать отношения между странами.

Следующим основополагающим документом в развитии концепта научной дипломатии стал доклад «Научная дипломатия для Франции», изданный Министерством иностранных дел Франции в 2013 г. и по-прежнему остающийся основополагающим документом в этой области.

Коллективным автором данного доклада стало созданное в 2009 г. в структуре МИД Франции Главное управление глобализации, развития и партнерства. В докладе приводится определение концепта «научной дипломатии», данное Воганом Турекьяном, первым директором американского Центра научной дипломатии, как «использования и применения научного сотрудничества для установления и упрочения связей между обществами, в частности, когда может не быть других средств сближения на официальном уровне»[1].

Строго говоря, научная дипломатия не является нововведением. Ряд экспертов обращаются к опыту становления научной дипломатии на международной арене[2] и показывают, что зарождение

[1] Une diplomatie scientifique pour la France. Ministère des Affaires étrangères. Direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats. Rapport 2013. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique/

[2] *Бадмаев В. Н., Демичев Д. М., Хутыз З. А.* Научная дипломатия и вызовы современного мира // Вестник Майкопского государственного университета.

ее практик относится к 1889 г., когда была создана Международная ассоциация академий, на месте которой в 1931 г. был основан Международный совет по науке. В качестве одного из пионеров данного направления можно рассматривать также основанное в 1957 г. Пагуошское движение, выступающее за мир, ядерное разоружение и международную безопасность. В том числе благодаря деятельности Пагуоша в эпоху холодной войны не прекращались контакты между советскими, американскими и европейскими учеными.

На современном этапе развития международных отношений научная дипломатия становится особенно актуальной вследствие сразу нескольких причин:

– после окончания холодной войны государства стали все больше использовать в своей внешней политике «мягкую силу», неотъемлемой частью которой является научная дипломатия;

– появились новые глобальные вызовы, связанные с вопросами климата, здравоохранения, борьбы с бедностью, терроризмом;

– возросло влияние негосударственных акторов на международной арене;

– деятельность ученых вызывает больше доверие граждан по сравнению с политиками и бюрократами;

– именно научная дипломатия становится одним их основных механизмов достижения семнадцати целей устойчивого развития ООН.

Совокупность этих факторов актуализировала запрос на привлечение ученых к развитию межгосударственных отношений. «Научное сотрудничество – это отличный путь к бесконфликтной модели отношений между государствами», – справедливо отмечает Пол Артур Беркман, профессор по профилю научной дипломатии Флетчеровской школы юриспруденции и дипломатии Университета Тафтса, США[1].

Анализ научной дипломатии как компонента современной государственной внешней политики и разновидности публичной

2018. № 1. С. 69–74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-diplomatiya-i-vyzovy-sovremennogo-mira

[1] Арктический путь к бесконфликтным отношениям между государствами. 11 мая 2017 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskiy-put-k-beskonfliktnym-otnosheniyam-mezhdu-gosudarstvami/

дипломатии представляет И. Н. Васильева в работе «Научная дипломатия как разновидность публичной дипломатии в рамках внешней политики РФ»[1]. И. Н. Васильева подробно и содержательно раскрывает триединое понятие концепта «научной дипломатии», сформулированное в упомянутом выше докладе 2010 г. по итогам конференции «Новые горизонты научной дипломатии». В качестве примера эффективной имплементации науки в дипломатии И. Н. Васильева приводит сотрудничество при подготовке доклада о таянии льдов и повышении уровня Мирового океана, подготовленного Межправительственной научной группой для переговоров под эгидой ООН по вопросу об изменении климата. Примерами реализации на практике понятия «дипломатии для науки» служат крупнейшие международные проекты: CERN (Европейская организация по ядерным исследованиям), ITER (Международный экспериментальный термоядерный реактор) и Большой адронный коллайдер. Реализация таких мегапроектов была бы невозможна без активного межгосударственного взаимодействия на высшем уровне. В качестве примера науки для дипломатии рассматривается зонтичное соглашение по сотрудничеству в сфере науки и техники между Китаем и США, подписанное в 1979 г., за которым последовало установление формальных дипломатических отношений.

Анализ экспертами[2] стратегических документов в сфере международного научно-технического сотрудничества (МНТС) 19 стран (шести стран Европы, шести стран АТР, включая США и Канаду, трех стран Латинской Америки и четырех стран БРИКС) позволяет провести их классификацию по трем группам. Ее базовым критерием служит степень формализации нормативно-правовой базы, регламентирующей научно-техническое сотрудничество на общена-

[1] *Васильева И. Н.* Научная дипломатия как разновидность публичной дипломатии в рамках внешней политики РФ // Наука. Инновации. Образование. 2019. Т. 14, № 1. С. 70–101. URL: https://doi.org/10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101.

[2] *Балякин А. А., Задорина А. К., Куклина И. Р., Малышев А. С., Тараненко С. Б.* Позиционирование научно-технического сотрудничества в правовых документах стран-участников научной глобализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, №. 4. С. 651–667. URL: http://journals.rudn.ru/sociology

циональном уровне. В первую группу входят государства, в которых принята стратегия международного научно-технического сотрудничества и ряд дополнительных документов на эту тему. Это Германия, Великобритания, Швейцария, Норвегия и США. Это, по мнению экспертов, «технологические лидеры», сильные акторы МНТС с четкими приоритетами и большими объемами финансирования как национальных, так и международных исследований.

Во вторую группу входят страны, в которых приняты документы о региональном научно-техническом сотрудничестве. Прежде всего, к ним относятся государства – члены Европейского Союза, где развитие МНТС происходит в рамках процесса общеевропейской интеграции с учетом задач общеевропейского характера. Для многих небольших стран – членов ЕС с незначительными объемами финансирования исследовательской деятельности национальную стратегию МНТС заменяют общеевропейские документы. Зачастую их международная научно-исследовательская деятельность финансируется из средств европейских фондов, что характерно для стран Центральной и Восточной Европы. В данную группу входят также Корея, Бразилия и Мексика. Эксперты подчеркивают выраженную региональную составляющую в регламентирующих МНТС нормативно-правовых документах в этих государствах.

К третьей группе относятся государства, политика которых в области международного научно-технического сотрудничества сформулирована в рамках национальных стратегий развития науки и технологий. В данную группу входят Франция, Швеция, Канада, Австралия, Япония, Малайзия, Аргентина, Чили, а также ряд государств – членов БРИКС, включая Китай и Индию.

Сравнительный анализ показывает, что в странах, имеющих государственную стратегию МНТС, существенно выше уровень координации и взаимодействия между органами государственной власти, а также органами власти и научным сообществом и институтами гражданского общества, например, неправительственными организациями в сфере научно-исследовательской деятельности[1].

[1] Политическая социология / под ред. Т. В. Евгеньевой. М., 2013.

Основные направления государственной политики России в сфере научно-технологического сотрудничества определены в Стратегии научно-технологического развития РФ, подписанной Президентом страны 1 декабря 2016 г. На основании проанализированного массива данных об организации механизмов МНТС в различных группах стран исследователями выработан набор рекомендаций в целях оптимизации принятия управленческих решений в сфере международного взаимодействия в научно-исследовательской деятельности и одновременно защиты уникальности российской научной среды и государственных интересов РФ в условиях глобальных интеграционных процессов. Во-первых, повышение эффективности участия России в международной научно-исследовательской деятельности. Во-вторых, принятие рамочного документа, определяющего цели, задачи и механизмы развития международного научно-технического сотрудничества. В-третьих, необходимость целенаправленных усилий со стороны государства по продвижению и развитию научной дипломатии. В-четвертых, необходимость взаимодействия со странами СНГ, ЕАЭС и БРИКС[1]. В-пятых, поддержка научной мобильности, т.е. привлечение в Россию перспективных иностранных исследователей и ученых. В-шестых, усиление финансирования международной научно-исследовательской деятельности со стороны российского государства[2]. В-седьмых, разработка и введение критериев оценки успешности развиваемых механизмов научной кооперации.

Научная дипломатия: национальная специфика

Научно-исследовательская деятельность имеет *национальные особенности*. Так, Бразилия выступает лидером в сфере научно-технического сотрудничества в альянсе со странами Южной Ат-

[1] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / под ред. И. М. Бусыгиной, И. Ю.Окунева. М.: Аспект-Пресс, 2015.

[2] Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной М.: РОССПЭН, 2012. (Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки)

лантики с участием Аргентины, Уругвая, Анголы и Намибии. Канада входит в группу пяти стран, официально заявляющих об особых отношениях между ними (США, Канада, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия), прежде всего в сфере национальной безопасности. Такое тесное взаимодействие на политической арене способствует укреплению научно-технического сотрудничества между этими странами. В Японии деятельность в сфере научной дипломатии подчинена решению внешнеполитических задач и находится в компетенции Министерства иностранных дел. Наоборот, в Чили политика и стратегия в сфере международного научного сотрудничества курируются Чилийским агентством международного сотрудничества в целях развития. В Китае сформирована «дорожная карта» в области научно-технологического развития, в рамках которой правительство КНР ставит перед собой задачу выйти в лидеры мировой науки и технологий к 2050 г. Используя достижения западных стран в области научной деятельности и обладая большими финансовыми возможностями, правительство КНР активно участвует в формировании национального научного сообщества.

Анализ развития научной дипломатии в США, Великобритании и Франции[1] позволяет понять *национальную специфику* этих практик. В США научно-исследовательская деятельность в сфере научной дипломатии в основном ведется в упомянутом ранее Центре научной дипломатии, в издаваемом которым онлайн-журнале Science & Diplomacy публикуются статьи по широкому кругу вопросов взаимосвязи науки и дипломатии.

Закономерное внимание в литературе посвящено также изучению теоретических и институционально-организационных аспектов научной дипломатии во внешней политике Великобритании[2]. Научная дипломатия в Великобритании ведет свое нача-

[1] *Киселев В. Н., Нечаева Е. К.* Новое измерение научной дипломатии // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/

[2] *Харитонова Е. М.* Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая

ло с 1723 г., когда в Лондонском королевском обществе, датой создания которого является 1660 г., был назначен первый секретарь по внешним связям, роль которого в течение длительного времени заключалась в основном в налаживании взаимоотношений и контактов с учеными из зарубежных стран.

В настоящее время научная дипломатия активно развивается в Великобритании при поддержке Министерства иностранных дел Соединенного королевства и парламентского офиса по науке и технологиям.

Можно выделить две основные цели научной дипломатии в современной Великобритании: обеспечение глобального влияния Великобритании и содействие международному устойчивому развитию. Великобритания ведет активную информационную кампанию через свои дипломатические представительства, чтобы подчеркнуть свою роль глобального лидера в области науки и инноваций. В действующих стратегиях научного развития наука и технологии позиционируются в качестве средства обеспечения максимального влияния Великобритании за рубежом. При этом научная дипломатия выступает в качестве средства продвижения национальных интересов, что отличает ее от других форм международного научно-технического сотрудничества.

В данном контексте национальными правительственными структурами востребован интеллектуальный потенциал британских think – tanks. Страну отличает интернационализированный рынок научных кадров. Справедливо замечание, что английский язык иногда называют «самым большим достоянием “мягкой силы”». К компетенции Британского совета, организации, отвечающей за усиление потенциала «мягкой силы», относится продвижение английской культуры и английского как языка международного общения, что существенно повышает конкурентоспособность британских университетов и научно-экспертных центров.

политика. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-diplomatiya-vo-vneshney-politike-velikobritanii-teoreticheskie-i-institutsionalno-organizatsionnye-aspekty/viewer

К настоящему времени идентифицированы несколько областей, в которых научная дипломатия Великобритании используется в качестве эффективного средства реализации внешнеполитических целей:

1. Возрастание «мягкой силы» страны за счет развития научно- исследовательской деятельности в пользу формирования образа Великобритании в качестве современной, высокотехнологичной и инновационной державы.

2. Использование научных сообществ в предотвращении или урегулировании конфликтов.

3. Расширение возможностей научной дипломатии в сфере глобального управления. Британские университеты и аналитические центры участвуют в формировании международной повестки дня и оказывают влияние на мировую политику.

Научная дипломатия упоминается во многих ключевых документах британских правительств на протяжении последних двух десятилетий. Важным рубежом в этом отношении стал конец 1990-х гг., когда с приходом к власти правительства лейбористов под руководством Э. Блэра резко повысилось внимание к имиджу Великобритании за рубежом и публичной дипломатии. Были предприняты попытки изменить распространенные в мире

стереотипы о Великобритании как о консервативной и традиционной стране и представить Соединенное Королевство в качестве современной и динамичной державы. Если в 1990-е гг. научная дипломатия не рассматривалась в качестве самостоятельно направления деятельности, но в составе публичной дипломатии, то впоследствии концепции научной дипломатии было придано самостоятельное значение.

После решения Великобритании о выходе из ЕС правительство пытается сформулировать новое видение внешней политики страны под вывеской «Глобальная Британия». Е. М. Харитонова останавливается на организационно-институциональных аспектах этой проблематики, а именно, стремлении Лондона к лидерству в решении глобальных проблем и упоре на достижения в области науки и инноваций для укрепления «мягкой силы» страны. Вновь создаваемые правительственные агентства тесно вза-

имодействуют с традиционно сильными академическими организациями. Как правило, последние являются независимыми, но получают поддержку государства.

Технологии реализации научной дипломатии Лондона различаются в разных частях света. Сотрудничество с африканскими странами ближе к тематике международного развития. Проекты в АТР скорее ориентированы на продвижение образа Великобритании как одной из ведущих научных держав и расширение возможностей для экономического сотрудничества. В то же время научная дипломатия в отношениях с экономически развитыми странами ЕС и «Большой семерки» относится к теме глобального управления. Можно уверенно заключить, что за последние 10 лет научная дипломатия выделилась в самостоятельное внешнеполитическое направление.

Во Франции научная дипломатия как самостоятельное понятие появилась совсем недавно. В соответствии с упомянутым выше докладом «Научная дипломатия для Франции», изданном Министерством иностранных дел Франции в 2013 г., научная дипломатии во Франции должна быть нацелена на продвижение интересов французских предприятий на международной экономической арене, улучшение имиджа Франции за рубежом, укрепление ее влияния на мировой политической арене и формулирование ответов на глобальные вызовы, стоящие перед Францией и современным миром в целом.

Известный французский ученый Пьера-Бруно Руффини, профессор университета Гавра, автор книги «Наука и дипломатия: новое измерение международных отношений»[1], вышедшей в 2017г., обращается к специфике научной дипломатии во Франции[2]. На основании такого критерия как номинальный ВВП, Франция является седьмой по величине экономикой мира. Ее дипломатическая служба, включающая в себя 178 посольств,

[1] *Pierre-Bruno Ruffini.* Science and Diplomacy // A New Dimension of International Relations. Cham: Springer International, 2017.

[2] *Pierre-Bruno Ruffini*. France's Science Diplomacy // Science & Diplomacy. June 2020. 06/28/2020. URL: https://www.sciencediplomacy.org/article/2020/frances-science-diplomacy

является третьей в мире. Будучи постоянным членом Совета безопасности ООН и имея сильную армию, Франция напрямую оказывает влияние на мировое развитие. Она занимает четвертое место в мире по количеству Нобелевских лауреатов в области науки и седьмое по числу научных публикаций. Кроме того, Франция занимает одно из первых мест в рейтинге стран, успешно применяющих мягкую силу. Однако автор задается вопросом, какое место наука играет в ее внешней политике.

В 2009 г. Франция приняла национальную стратегию в области исследований и инноваций, которая каждые пять лет представляется на рассмотрение парламенту французским правительством. Распространение влияния на международной арене посредством создания исследовательских центров, поддержка инновационных технологий, создаваемых французскими компаниями, вовлечение научного сообщества в исследования в целях устойчивого развития – таковы основные задачи французской дипломатии.

В рамках реализации стратегии научной дипломатии Министерство иностранных дел Франции, координируя свои усилия с Министерством высшего образования, исследований и инноваций, привлекает в страну иностранных ученых, продвигает научную кооперацию и способствует распространению французского языка.

В 2018 г. была одобрена программа «Добро пожаловать во Францию», цель которой – привлечь в страну 500 тыс. иностранных студентов к 2027 г. С 2017 г. на эти цели выделяется около 10 тысяч стипендий в год, что по-прежнему значительно меньше, чем в соседних Великобритании и Германии. Стоит задача привлечения в страну талантливых ученых для создания первоклассных исследовательских университетов. Продолжает развиваться международное научное сотрудничество, которое поддерживается многочисленными межправительственными соглашениями. Совместные публикации с зарубежными исследователями составляют 58% от общего числа работ (2016 г.). Французское правительство смогло создать сеть из 27 научно-образовательных центров за рубежом, в том числе и в России.

Франция традиционно уделяет большое внимание и вкладывает инвестиции в развитие археологии и археологические миссии, ставит задачу возвращения культурного достояния в страны бывшей французской колониальной империи.

Частью официального дискурса во Франции является «дипломатия влияния». Одним из основных ее инструментов является распространение французского языка, прежде всего, через «Международную организацию франкофонных стран». Другим инструментом служит размещение на территории Франции по ее инициативе двадцати восьми международных организаций, включая ЮНЕСКО и Международное космическое агентство.

В 2010 г. Франция учредила должность посла-делегата в области науки, технологий и инноваций, в чьи задачи входит продвижение национальной исследовательской стратегии Франции на международной арене. В 2019 г. в МИДе Франции 5 консулов, 71 атташе и 70 младших сотрудников в дипломатических представительствах в 62 странах отвечали за развитие образования и исследовательской деятельности. Более того, впервые должность научного атташе была создана в 1955 г., а развитие сети началось в 1963 г.

В 2018 г. на научные исследования расходовалось 2,8% ВВП страны, из которых 0,76% были государственными расходами. Практически все университеты являются государственными. Роль органов государственной власти в развитии научной дипломатии во Франции очень велика. Вместе с тем, результаты научных исследований далеко не всегда оптимально используются политиками и сотрудниками органов власти в интересах развития научной дипломатии из-за плохо налаженных взаимоотношений между властью и научным сообществом.

С географической точки зрения французская научная дипломатия ориентируется, прежде всего, на страны ЕС и страны Юга, куда входят франкоговорящие территории Африки и побережья Индийского океана.

Богатая французская культура способствует усилению культурной дипломатии, которая исторически лежала в основе международного влияния Франции. В государственном бюджете фи-

нансирование научной дипломатии осуществляется в рамках программы «Культурная дипломатия и влияние». Вместе с тем, приоритет вопросов культуры приводит к тому, что научная дипломатия оказывается в тени культурной дипломатии. Такая диспропорция является уникальной и характерна только для Франции. Пьер-Бруно Руффини подчеркивает, что Франция, страна великой культуры, должна также быть признана великой научной державой.

Подробный и порой критичный анализ современной французской научной дипломатии представляют известные исследователи А. В. Шестопал и Н. В. Литвак в статье «Научная дипломатия. Опыт современной Франции»[1]. Ими отмечается, что без выделения в отдельное направление научная дипломатия действовала во Франции со времен Великой французской революции, когда в 1792 г. французские энциклопедисты и просветители учредили «Энциклопедический журнал».

В докладе 2013 г. приоритетными задачами научной дипломатии названы улучшение имиджа в глазах мирового сообщества и обеспечение превосходства французской науки в мире. Всё это стало итогом проделанной к настоящему времени значительной работы. С 2007 г. появились французские исследовательские институты за рубежом (Les Instituts français de recherche à l'étranger) под эгидой МИД Франции и Национального центра научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS). С ними кооперируется Агентство по распространению технологической информации, которое было создано в 1993 г. и активно взаимодействует с атташе по науке, служащими во французских дипломатических представительствах. В 2014 г. аналогичные службы десяти европейских стран создали Европейский альянс стратегической разведки.

Отличительная особенность Франции состоит в развитии и строительстве на своей территории сложной научной инфраструктуры в рамках международных научно-исследовательских

[1] *Шестопал А. В., Литвак Н. В.* Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 106–114.

проектов, в которых страна принимает участие. Такие находящиеся на территории Франции крупные научные объекты как Европейский Центр ядерных исследований и Международный экспериментальный термоядерный реактор (ITER), являются «полюсом притяжения мировой научной элиты и повышают конкурентоспособность французской науки и экономики». Реализация этих проектов была бы невозможна без политической воли государств – участников, и это служит примером успешной международной научной кооперации, без которой невозможна борьба с новыми глобальными вызовами, стоящими перед мировым сообществом[1]. В апреле 2011 г. под эгидой МИД Франции было образовано ещё одно новое агентство – Франс экспертиз интернасьональ для продвижения за рубежом французской экспертизы и технической помощи.

А. В. Шестопал и Н. В. Литвак довольно скептически оценивают возможности и перспективы Франции в отношении участия государства в международном научно-техническом сотрудничестве. Главную причину отставания Франции в развитии своего научного потенциала эти авторы видят в слабости научного сообщества, члены которого вынуждены уезжать из страны, прежде всего, в США, что ведет, в свою очередь, к росту конкурентных преимуществ США и «увеличению разницы научно-технических и производственных потенциалов США и остальных стран». Еще одной существенной проблемой для Франции является небольшое количество или вообще отсутствие крупных частных компаний, ведущих свою операционную деятельность в ряде передовых высокотехнологичных отраслей[2].

Франция тратит значительные ресурсы на подготовку элит в странах, ранее входивших в состав французской колониальной империи и готовых по-прежнему ориентироваться на политику бывшей метрополии. Базовой частью такой подготовки служит возможность обучения иностранцев во французских университетах.

---

[1] Политическое управление: курс лекций. М.: РАГС, 1999.
[2] *Шестопал А. В., Литвак Н. В.* Указ. соч.

МИД Франции и иные государственные структуры, занимающиеся развитием научной дипломатии, стремятся к построению так называемого общества знаний в соответствии с концепцией Мирового банка. Страна продолжает активную политику развития франкофонии во всём мире, не отрицая, что, несмотря на прилагаемые усилия, значение французского языка в мире значительно снизилось по сравнению с английским языком, падает его распространение и уровень преподавания даже в государствах, являющихся бывшими французскими колониями.

В России, как и в других странах, научная дипломатия имеет три измерения: наука в дипломатии, дипломатия для науки и наука для дипломатии. Научная дипломатия создает возможности для постановки и разрешения проблем, представляющих собой глобальные вызовы современности и интересных и важных для всего международного научного сообщества. Концепт научной дипломатии востребован и в нашей стране в связи с новыми глобальными вызовами, стоящими перед Россией, особенно на фоне ухудшения отношений между Россией и Западом после воссоединения с Крымом и политики западных санкций.

Наряду с научным сообществом большую роль в развитии научной дипломатии играет дипломатический корпус. Исследования И. Н. Васильевой, К. А. Ибрагимовой и О. Н. Барабанова[1] позволяют выделить основные этапы формирования практик научной дипломатии в России в ходе эволюции ее дипломатической службы. Развитие научной дипломатии в России неотъемлемо связано со становлением системы советской дипломатии, когда политические методы взаимодействия с другими странами были исчерпаны, а культурная дипломатия стала эффективным способом налаживания внешнеполитических связей. В 1925 г. с этой целью было создано Всесоюзное общество культурных

[1] *Васильева И. Н.* Научная дипломатия как разновидность публичной дипломатии в рамках внешней политики РФ // Наука. Инновации. Образование. 2019. Т. 14, № 1. С. 70–101. URL: https://doi.org/10.33873/1996-9953.2019.14-1.70-101; *Ибрагимова К. А., Барабанов О. Н.* О перспективах российской научной дипломатии // Вестник РФФИ. Январь – март 2018. № 1 (97). С. 54–56. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/pdf_read/?objectId=2059986#page=54

связей с заграницей. Помимо ВОКСа работа с иностранцами шла через представительства или проекты, организованные отдельными министерствами и ведомствами. В период холодной войны развитие международного научно-технического сотрудничества оставалось возможным благодаря научным достижениям советских ученых, которые были обусловлены, в том числе, значительной государственной организационной и финансовой поддержкой научной деятельности. Профессор Пол Беркман в своих работах обращает особое внимание на сотрудничество СССР и США в Антарктиде в период Холодной войны, начавшееся с подписания 1 декабря 1959 г. Договора об Антарктиде и ставшее успешным, несмотря на противостояние между двумя странами на политической арене[1]. Советская наука достигла наибольшего расцвета в 1960–1980-е гг., когда окончательно сложилась обширная сеть научных институтов АН СССР с региональными отделениями и филиалами. С конца 1980-х гг. из советской науки начался отток кадров, продолжившийся в 1990-е гг. С середины 2000-х гг. Правительство России проводит последовательную политику, направленную на поддержку науки. В частности, значительно выросли расходы федерального бюджета, направленные на эти цели. Отмечается, что, несмотря на ведение санкционной политики в отношении нашей страны после воссоединения с Крымом, специалисты из России остаются активными участниками европейского пространства высшего образования.

Современным средством повышения эффективности научной дипломатии служит введение в рамках дипломатических миссий ряда государств должности научного атташе. Первыми учредили должность атташе по науке Великобритания и США. В настоящее время по количеству научных атташе в лидерах находятся Франция, Китай, США, Великобритания, Канада и Япония. В структуру МИД РФ входит сеть научных атташе при посольствах РФ по всему миру.

[1] *Berkman P.* Evolution of Science Diplomacy and Its Local – Global Applications // European Foreign Affairs Review. 2019. Vo. 24, Special Issue. P. 63–79. URL: https://www.ingsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Evolution-of-Science-Diplomacy-and-its-Local-Global-Applications_23JUL19.pdf

В настоящее время в России органы государственной власти, ответственные за развитие международного научно-технического сотрудничества подразделяются на две группы:

1) органы, подчиняющиеся Президенту РФ:

– Министерство иностранных дел;

– Министерство внутренних дел;

– Россотрудничество.

2) органы, подчиняющиеся Правительству РФ: Министерство науки и высшего образования РФ, где приоритетная роль в участии России в международной научно-исследовательской деятельности отводится Департаменту государственной научной, научно-технической и инновационной политики и Департаменту международного сотрудничества.

Развитие механизмов научной дипломатии является одним из элементов государственной политики России в области научно-технологического развития, содержание и сущность которой нашли свое отражение в одноименной Стратегии, подписанной Президентом России 1 декабря 2016 г. На территории РФ реализуется ряд крупных международных научных проектов «класса «megascience» (с 2011 г.). К ним относятся реактор «ПИК», комплекс «НИКА», токамак «ИГНИТОР», Центр исследований экстремальных световых полей (ЦИЭС), Супер Чарм-тау фабрика, Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ), источник фотонов «РИФ», синхротрон «ИССИ-4».

Среди рекомендаций и предложений, призванных повысить эффективность научной дипломатии в России для укрепления ее влияния на международной арене, можно выделить следующие: позиционирование Россией своей роли в международном сотрудничестве; привлечение ученых к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством; создание института научных амбассадоров; развитие научной инфраструктуры; участие в крупнейших международных проектах; создание площадок для взаимодействия ученых, политиков и иных акторов научной дипломатии; финансирование программ академических обменов, стажировок российских ученых за рубежом; вовлечение молодых исследователей в научную деятельность;

недопущение политизации науки и манипулирования наукой в политических целях.

К настоящему времени ведущей структурой, которая вносит основной вклад в развитие научной дипломатии в нашей стране, является Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Особое внимание Фонд уделяет поддержке научного сотрудничества с государствами постсоветского пространства. Другим активным участником развития научной дипломатии выступает Российский совет по международным делам (РСМД).

На протяжении последних лет на ведущие позиции в сфере теории и практики научной дипломатии выдвинулся МГИМО (У) МИД России, который, в частности, совместно с Учебным и научно-исследовательским институтом ООН – UNITAR в 2021 г. открыл совместную магистратуру в области научной дипломатии.

В современном мире международные неправительственные научные организации выступают в роли новых субъектов мировой политики, подтверждением чему является деятельность таких организаций, как Межакадемический совет, Группа наблюдателей над землей, научное объединение «Будущее Земли» и др. Их научный вклад в качестве весомой составляющей международной политической деятельности в формулирование ответов на возникшие глобальные вызовы трудно переоценить.

В последнее время все большее распространение в литературе получает новое, глобальное, понимание концепта «научной дипломатии». Успешная реализация целей устойчивого развития, заявленных в Повестке ООН 2030, невозможна без инкорпорирования глобальной повестки в национальную политику государств. Однако ряд автократических и даже демократических режимов продолжают игнорировать эти общемировые вызовы, как то проблемы окружающей среды, социального и экономического развития, бедности, голода, неравного распределения ресурсов и др., предпочитая «win-win» кооперации традиционный подход к международным отношениям как игре с нулевой суммой, «zero-sum game». Вильям Колглазьер, главный редактор журнала «Science & Diplomacy», в своих работах подчеркивает, что совместное решение общемировых проблем устойчивого

развития будет способствовать прогрессу и реализации национальных интересов государств. Инструментом этого является именно наука[1].

Примером этого, по мнению Вильяма Колглазьера, может служить пандемия коронавируса[2], которая показала, что наука, технологии и инновации, в основе которых лежат фундаментальные исследования, в сочетании с международным сотрудничеством и отказ от националистской риторики играют решающую роль в преодолении общемирового кризиса. Это задача, которая стоит перед политиками, дипломатами и общественностью. По убеждению главного редактора «Science & Diplomacy» Америка не достаточно хорошо справлялась с кризисом именно из-за изоляционистской позиции администрации президента Д.Трампа, провозгласившего принцип «Америка прежде всего», «America first».

Поддержание мира на планете является еще одной задачей, где наука и технологии играют решающую роль. Необходим контроль над распространением ядерного и гиперзвукового оружия и традиционных видов вооружений, кибероружием, усиление контроля над запретом химического и биологического оружия. Научное сообщество должно не только, как это было до сих пор, способствовать развитию новых военных технологий, но и стремиться ограничить их распространение и применение. Еще одним примером общемировой угрозы является изменение климата. Борьба с ним затрудняется «узколобыми» национальными экономическими интересами и недостаточной вовлеченностью в решение проблемы использования углеводородов самого научного сообщества.

Решение этих глобальных задач требует постоянных усилий на национальном и международном уровнях. Наука и техноло-

[1] *William E.* Colglazier. National Interest, Global Interest, and Science// Science & Diplomacy. January 2021. Special Issue. 01/22/2021. URL: https://www.sciencediplomacy.org/editorial/2021/national-interest-global-interest-and-science

[2] *William E.* Colglazier. Science Diplomacy after Covid-19// Canadian Science Policy Magazine. November 2020. Issue 02. P. 62–65. URL: https://sciencepolicy.ca/posts/science-diplomacy-after-covid-19/

гии являются как частью самой проблемы, так и частью ее решения. Наука и дипломатия должны совместно на основе научного экспертного мнения изменить дипломатическую повестку, обеспечив международную кооперацию и инкорпорацию глобальной повестки в национальную. Успех научного сообщества в борьбе с пандемией коронавируса может повысить доверие граждан к возможностям науки. А наука может «переформатировать» доверие граждан к власти.

Аналогичную позицию в оценке роли научной дипломатии в современном мире высказывает профессор по профилю научной дипломатии Флетчеровской школы юриспруденции и дипломатии Университета Тафтса Пол Беркман[1]. Артикулируя вопрос, как работает научная дипломатия сегодня, он предлагает три новых категории научной дипломатии, помимо устоявшегося трехмерного понимания этого концепта как науки в дипломатии, дипломатии для науки и науки для дипломатии:

– действия, прямо продвигающие национальные интересы;

– действия, отвечающие трансграничным интересам;

– действия, соответствующие глобальным нуждам и вызовам.

Анализируя роль науки в дипломатии, Пол Беркман формулирует ответы на следующие основополагающие вопросы: каким образом наука помогает и сторонникам и противникам формулировать общие интересы; и как может наука продвигать кооперацию и предотвращать конфликты?

В современном мире все люди и все нации взаимосвязаны, и эти взаимосвязи становятся все теснее. Именно поэтому научная дипломатия должна решать задачи, стоящие перед всем человечеством. Происходит огромный рост численности населения планеты. Прямо пропорционально увеличению численности населения растут выбросы углекислого газа в атмосферу. Решать эти общемировые проблемы призвана наука, поскольку сами государства всегда будут в первую очередь отстаивать свои

[1] *Berkman P.* Evolution of Science Diplomacy and Its Local – Global Applications // European Foreign Affairs Review. 2019. Vol. 24, Special Issue. P. 63–79. URL: https://www.ingsa.org/wp-content/uploads/2019/09/Evolution-of-Science-Diplomacy-and-its-Local-Global-Applications_23JUL19.pdf

национальные интересы. Есть задачи, которые требуют немедленного решения, а есть пролонгированные во времени цели устойчивого развития, и именно наука способна оперировать через этот временной континуум.

Принятие решений акторами, вовлеченными в научную дипломатию, зиждется на двух основах: управленческие механизмы (законы, соглашения и др.) и инфраструктура (сотрудничество, информация, транспортировка, финансовая и иные системы).

Одним из примеров успешного сотрудничества в общемировых интересах служит диалог между Россией и НАТО по освоению Арктики, что подтверждает возможности сотрудничества между конкурирующими государствами благодаря научной дипломатии. Нераспространение национальных юрисдикций на воды Арктики, как один из примеров, увеличивает перспективы создания новых возможностей для человечества, несмотря на стремление прилегающих государства к продвижению своих национальных интересов. Арктика служит примером возможного баланса национальных и общих интересов благодаря возможностям научной дипломатии, которая продвигает сотрудничество и предотвращает конфликты.

Симон Турчетти, сотрудник Центра истории науки, технологий и медицины университета Манчестера (Великобритания), и Роберто Лали, сотрудник Института истории наука им. Макса Планка в Берлине (Германия), также анализируют развитие концепта научной дипломатии и выдвигают предположение о необходимости его пересмотра, что нашло отражение в понятии «научная дипломатия 2.0» в статье «Представляя научную дипломатию 2.0: о данных, глобальных вызовах и многоуровневых сетях»[1].

Данные эксперты, в отличие от практиков, занимают более взвешенную позицию в отношении содержания понятия «научная дипломатия» и эффективности ее применения в связи с тем,

[1] *Simone Turchetti, Roberto Lalli.* Envisioning a “science diplomacy 2.0”: on data, global challenges, and multi-layered networks // Humanities & Social Sciences Communications. 2020. No. 7. P. 144. URL: https://www.nature.com/articles/s41599-020-00636-2.pdf

что этот концепт по-прежнему остается достаточно «бесформенным» и не позволяет выработать единообразного подхода к его имплементации. Не вполне ясно, каким образом научная дипломатия трансформируется в конкретные действия в области научной политики, или как на ее основе формируется конструктивное взаимодействие между учеными и дипломатами.

Актуален вопрос о том, может ли научная дипломатия быть эффективной в поиске решений глобальных вызовов, стоящих перед человечеством. Рассмотрение основных мер, которые позволили бы повысить эффективность научного взаимодействия, тем самым перезагрузив концепт «научная дипломатия 2.0», позволяет предложить использование больших баз данных, метаданных при создании нового научного знания, отвечающего задачам поиска ответов на глобальные вызовы современности. По мнению специалистов, научная дипломатия должна способствовать развитию междисциплинарных подходов, в рамках которых сочетаются «жесткие» и гуманитарные науки.

Вплоть до настоящего момента применение научной дипломатии часто ставило своей целью усилить контроль за научной деятельностью в других странах и/или сбор данных в целях разведки, как это происходило, например, в период холодной войны. Представители прежнего поколения научной дипломатии использовали ее для ассиметричного расширения власти и влияния собственного государства на более слабых партнеров. Для того чтобы повысить роль научной дипломатии необходимо не отрицать ее исторического наследия, в том числе его негативных составляющих, и одновременно сложности ее концептуализации на современном этапе.

Спонсируемые ЕС проекты InsSciDE и S4D4C, работа комиссии, изучающей историю науки, технологий и дипломатии под эгидой подразделения истории науки и технологий Международного союза истории и философии, стремление властей ЕС прислушиваться к инициативам, которые исходят непосредственно от научного сообщества, «снизу вверх» – эти примеры показывают, что научное сообщество и переформатированная научная дипломатия 2.0 должны и призваны сосредоточиться не

на продвижении национальных и наднациональных интересов, а подняться над уровнем национальной повестки для достижения целей устойчивого развития. Примером этого может служить подписанная в 2019 г. Мадридская декларация о научной дипломатии.

Обмен и интеграция данных рассматриваются в качестве основного средства трансформации научной дипломатии, хотя мета-данные только недавно стали использоваться при анализе существующих социетальных и глобальных вызовов. В 1960-е гг. в развивающихся странах, прежде всего Латинской Америки, была сформирована точка зрения, сводящаяся к тому, что для решения общемировых проблем необходимо выйти за пределы западной модели создания научного знания либо применять эту модель иными способами. В 1980-е гг. фокус сместился от создания нового научного знания к циркуляции и обмену этим знанием. Следующее поколение ученых сконцентрировалось на том, как страны и регионы могут получить доступ к научным данным, как будет организован обмен этими данными, и будет ли этот доступ способствовать их социальному развитию. Интеграция данных и мета-данных для изучения сложных научных феноменов получила название омикс-революции, что нашло отражение в названии одноименного журнала OMICS, продвигающего понимание того, как подобная интеграция может способствовать междисциплинарному научному диалогу. Пандемия коронавирусной инфекции стала стимулом для научного сообщества открыто и без ограничений обмениваться новыми данными и новой информацией. Последние достижения в сетевой теории и вычислениях создают базу для нового теоретического подхода, который позволяет соединять и интерпретировать набор данных разного типа, таким образом способствуя интеграции данных и мета-данных.

Научная дипломатия должна продвигать ответственные инновации по всему миру для поиска решений глобальных проблем путем оценки на основе мета-данных исследований, которые отвечают социальным приоритетам и глобальным потребностям. Предлагаемый подход находит отражение в развитии крупных

«обсерваторий», т.е. транснациональных научных программ, являющихся источником огромного массива данных и информации, примером которых служат Глобальная обсерватория по исследованиям и развитию в области здравоохранения, созданная Всемирной организацией здравоохранения (WHO Global Observatory on Health R&D), Рамочная программа ЕС по научным исследованиям и инновациям Горизонт 2020 (RIO). Эти обсерватории должны создаваться при поддержке органов государственной власти, вовлеченных в научную дипломатию, на основе тесного международного сотрудничества в области создания научной инфраструктуры. Научная дипломатия призвана способствовать реализации «win-win» кооперации на международной арене, когда все вовлеченные акторы, ученые, политики, дипломаты и иные заинтересованные лица, оказываются в выигрыше. В этом случает международное научное сотрудничество будет способствовать реализации целей устойчивого развития для борьбы с глобальными вызовами, стоящими перед человечеством на современном этапе развития.

И. В. СИЛАКОВА

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ И КАЧЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПЕРИОДА 2011–2021 гг.[1]

Аннотация. Научная дипломатия, как один из элементов политики «мягкой силы» является инструментом продвижения государственной интересов и национальной науки на международной арене. При этом эффективная реализация ее потенциала нуждается в обобщения и систематизации знаний о данной области деятельности и в создании объяснительных моделей известных практик.
Ключевые слова: наука, политика, международные связи, дипломатия, социальные медиа

В условиях растущей политической и экономической конфронтации между основными геополитическими акторами (как на глобальной арене, так и в региональном разрезе) ресурсы традиционной дипломатии очевидно недостаточны, и государства вынуждены все более активно использовать альтернативные каналы коммуникации.

К числу наиболее перспективных направлений взаимодействия относится научная дипломатия. Научная дипломатия, как и другие элементы «мягкой силы», выступает в качестве инструмента продвижения государственной интересов и национальной науки на международной арене. Однако полноценная реализация ее потенциала предполагает необходимость обобщения и систематизации знаний о соответствующей сфере деятельности и создания описывающих сопутствующие практики объяснительных

[1] Подготовлено в рамках проекта РФФИ-ЭИСИ № 21-011-31886.

моделей. Последнее невозможно без наличия полной картины процесса изучения темы.

Степень научной разработанности темы сложно оценить однозначно. С одной стороны, за последние 10 лет было опубликовано множество работ, посвященных научной дипломатии. В свет вышли многочисленные публикации, посвященные изучению различных моделей научной дипломатии национального уровня и роли данного фактора в реализации конкретных проектов межгосударственного характера[1]. Одновременно понятие «научная дипломатия» было концептуализировано за счет размежевания со смежными и более широкими по объему дефинициями[2]. Также исследователи активно разрабатывают вопросы,

[1] *Бойкова Е. В.* Научная дипломатия как фактор китайско-российско-монгольского взаимодействия в рамках проекта «экономический коридор «Китай–Монголия–Россия» // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 4 (10). С. 182–187; *Гутенев М. Ю.* Научная дипломатия Великобритании в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 2. С. 110–117; *Ибрагимова К. А.* Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 5 (56). С. 151–168; *Харитонова Е. М.* Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10, № 2. С. 61–91; *Шестопал А. В., Литвак Н. В.* Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 106–114; *Krasnyak O.* Russian Science Diplomacy // Diplomatica. 2020. Vol. 2, No. 1. P. 118–134; *Reinhardt R. O.* Russian science diplomacy at a crossroads // MGIMO Review of International Relations. 2021. Vol. 14, No. 2. P. 92–106; *Szkarlat M.* Science diplomacy of Poland //Humanities and Social Sciences Communications. 2020. No. 7 (1). P. 1–10. doi: 10.1057/s41599-020-00555-2; Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. (Сер. Библиотека Российской ассоциации политической науки); Перспективы российской науки как социального и культурного института. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 3–43; Политическое управление: курс лекций. М.: РАГС, 1999; Динамика инноваций / под ред. В. И. Супруна. Новосибирск, 2011.

[2] *Литвак Н. В.* Научная дипломатия в войнах, революциях и конфликтах: философский и социополитический аспекты // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 1. С. 99–108; *Хализева М. Е.* Научная дипломатия как элемент «мягкой силы» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 6. С. 492–499; *Щитов А. Н.* Культурная и научная дипломатия // Вестник дипломатической академии МИД России. Международное право. 2020. № 1 (11). С. 96–109; *Krasnyak O., Ruffini P.* Science Diplomacy //

касающиеся истории, нереализованного потенциала и перспектив развития научной дипломатии[1].

Однако в то же время вне поля научных изысканий остается вопрос о развитии, презентации и популяризации исследований по теме научной дипломатии на поле социальных медиа. Которое в последние годы играет все большую роль в качестве пространства самоорганизации экспертного сообщества, тиражирования результатов новых исследований, выстраивания диалога между исследователями на международном уровне и обеспечения коммуникации в рамках реализации научной дипломатии.

Последнее напрямую свидетельствует о наличии существенных лакун в степени изученности темы и указывает на необходимость проведения дополнительных изысканий в данном направлении.

Целью представленного исследования является оценка количественной и качественной динамики репрезентации темы научной дипломатии в социальных медиа на протяжении периода 2011–2021 гг.

Выбор нижней хронологической границы исследования обусловлен тем, что первое конвенциональное определение научной дипломатии было выработано лишь в 2010 г. совместными усилиями Американской ассоциации содействия развитию науки и Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе.

Методология исследования была выстроена посредством комбинирования контент-анализа с применением киберметрического (автоматизированного) анализа информации социальных медиа при помощи сервиса IQBuzz. Обращение к киберметрии позволило решить проблему малых выборок.

Oxford Bibliographies in International Relations. N.Y.: Oxford University Press, 2020. P. 1–16.

[1] *Fähnrich B.* Science diplomacy: Investigating the perspective of scholars on politics–science collaboration in international affairs // Public Understanding of Science. 2016. No. 26 (6). P. 688–703. doi: 10.1177/0963662515616552. ISSN 0963-6625; *Moomaw W. R.* Scientist Diplomats or Diplomat Scientists: Who Makes Science Diplomacy Effective? // Global Policy. 2018. No. 9. P. 78–80. doi: 10.1111/1758-5899.12520; *Turekian V.* The Evolution of Science Diplomacy // Global Policy. 2018. No. 9 (S3). P. 5–7. doi: 10.1111/1758-5899.12622.

Запросы для формирования рубрик в рамках сервиса IQBuzz составлялись одновременно на русском и польском языках, посредством кириллицы и английского варианта латиницы, с использование сокращенных словоформ. В рамках предварительной обработки выявленных машинным алгоритмом данных из выборки был удален контент, размещенный на русском языке пользователями из Украины, Белоруссии и прочих иностранных государств.

В первую очередь необходимо обратить внимание на динамику размещения в соцмедиа публикаций, посвященных научной дипломатии.

Анализ данных, полученных при помощи системы мониторинга социальных медиа IQBuzz, позволил выявить тренд роста численности соответствующих записей в период 2011–2019 гг.

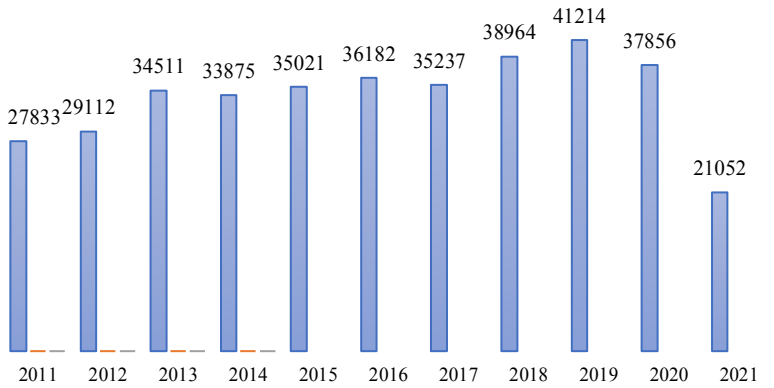

Рис. 1. Динамика численности посвященных научной дипломатии публикаций в русскоязычных социальных медиа, 2011–2021 гг.

Необходимо подчеркнуть, что эта тенденция полностью не соответствует вектору публикационной активности научных периодических изданий по теме научной дипломатии. В качестве примера мы можем сослаться на данные научной электронной библиотеки elibrary.ru. В соответствии с ее базой данных, число

публикаций, напрямую или косвенно затрагивающих научную дипломатию, сократилось с почти 7,4 тыс. в 2011 г. до 1,3 тыс. в 2021 г.

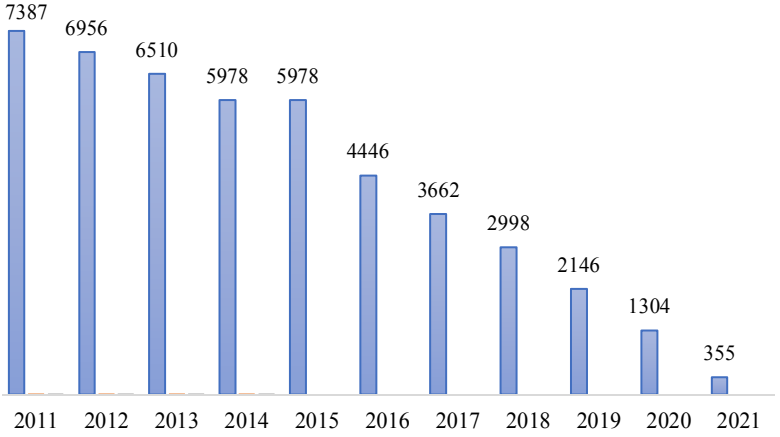

Рис. 2. Динамика численности посвященных научной дипломатии публикаций в русскоязычных периодических научных изданиях по данным elibrary.ru, 2011 2021 гг.

Объяснить расхождение в развитии трендов публикационной активности можно посредством гипотезы относительно содержательной стороны публикаций в научной периодике. В первой половине 2010-х гг. термин «научная дипломатия» достаточно активно использовался в работах, посвященных смежным либо более широким по объему вопросам. В частности, ее зачастую позиционировали как разновидность публичной дипломатии и не подвергали изучению в качестве самостоятельного предмета исследования. В более поздний период начали формироваться авторские коллективы и научные центры, фокусирующие свое внимание непосредственно на научной дипломатии. Как следствие, глубина научной разработки темы (как и степень интереса к ней со стороны экспертных кругов) выросли, в то время как общее количество научных публикаций, в которых упоминается соответствующая дефиниция, сократилось.

Одновременно кибермет рический анализ позволил выявить значимые изменения в тематической структуре посвященных научной дипломатии материалов в социальных медиа.

Нами были составлены две выборки постов – за первую половину 2011 г. и аналогичный период 2021 г. В них вошли материалы с наибольшим уровнем социальной вовлеченности (данный показатель представляет собой сумму «лайков», «репостов» и комментариев к материалу). Сопоставление их тематической структуры дало следующие результаты.

В 2011 г. 68% всех размещенных в соцмедиа публикаций, затрагивающих тему научной дипломатии, были построены преимущественно на описании теоретической стороны соответствующего понятия. Лишь в 32% постов внимание авторов уделялось в первую очередь анализу практики функционирования научной дипломатии.

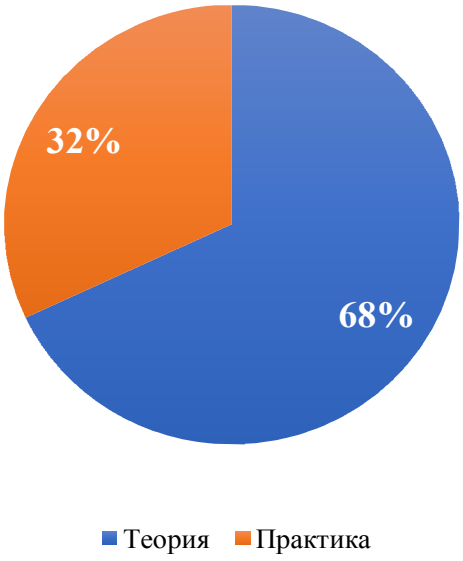

Рис. 3. Соотношение публикаций в соцмедиа о теории и практике научной дипломатии, первая половина 2011 г.

К 2021 г. соотношение между постами теоретического характера и публикациями, посвященными анализу практики научной дипломатии, в целом выровнялось. Однако в целом материалы теоретического плана продолжают преобладать (на их долю приходится 54% размещенных записей).

Параллельно было зафиксировано смещение фокуса внимания аудитории соцмедиа с освещения зарубежного опыта на изучения российских практик.

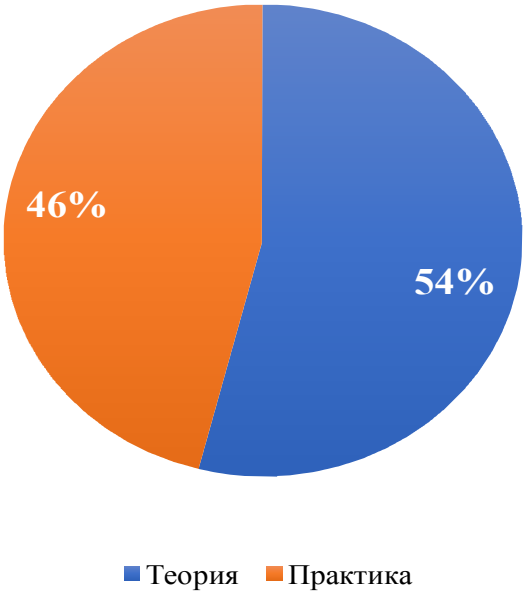

Рис. 4. Соотношение публикаций в соцмедиа о теории и практике научной дипломатии, первая половина 2021 г.

Так, 46% всех размещенных в социальных медиа публикаций о реализации проектов в области научной дипломатии за первую половину 2011 г. были посвящены освещению зарубежного опыта использования соответствующих практик. В рамках 54% материалов был раскрыт о деятельности российских экспертов в рамках развития научного сотрудничества.

За последующие десять лет доля публикаций, посвященных изучению российского опыта использования научной дипломатии либо потенциала ее развития, увеличилась до 71%.

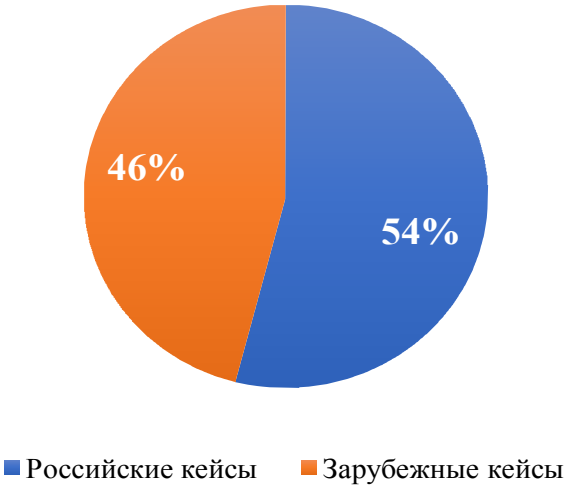

Рис. 5. Соотношение публикаций в соцмедиа о российских и зарубежных кейсах научной дипломатии, первая половина 2011 г.

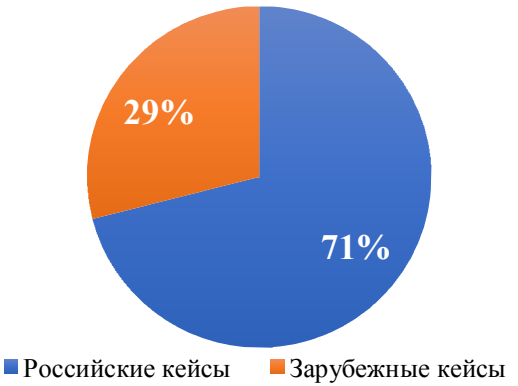

Рис. 6. Соотношение публикаций в соцмедиа о российских и зарубежных кейсах научной дипломатии, первая половина 2021 г.

Последнее, вероятнее всего, объяснялось в первую очередь накоплением достаточно большого объема эмпирического опыта, который было необходимо обобщить, концептуализировать и ввести в научный оборот.

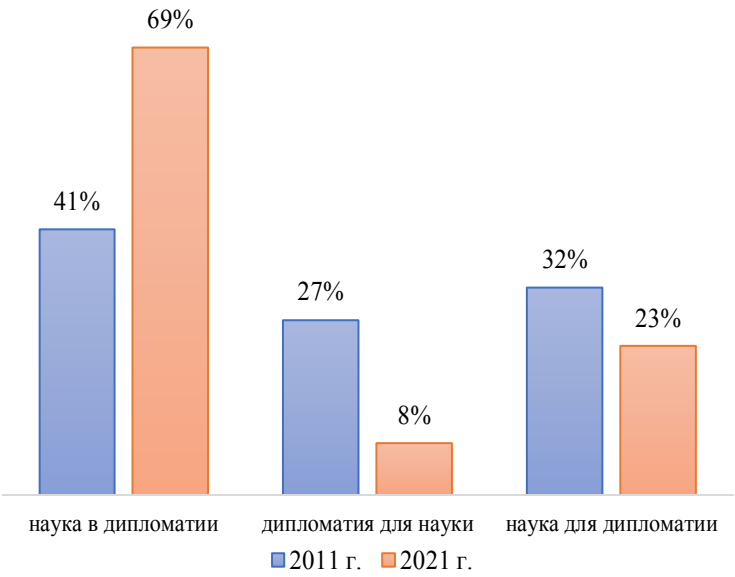

Рис. 7

Также сопоставление данных, полученных посредством киберметрии, позволило выявить динамику моделей интерпретации понятия «научная дипломатия». Необходимо напомнить, что в 2010 г. эксперты Американской ассоциации содействия развитию науки и Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе совместными усилиями сформулировали три базовых направления научной дипломатии:

– наука в дипломатии (Scienceindiplomacy) или помощь со стороны науки (пониманию и) достижениювнешнеполитических целей;

– дипломатия для науки (Diplomacy forscience) – т.е. дипломатическое содействие международному научному сотрудничеству;

– наука для дипломатии (Science fordiplomacy) – применение ресурсов научного сотрудничества для улучшения международных отношений[1].

Таким образом, на протяжении последних 10 лет изучение науки в дипломатии превратилось утратило статус одного из трех равноправных направлений научной дипломатии и приобрело роль доминирующего вектора в развитии темы. Последнее косвенным образом указывает на то, что именно данное направление, с одной стороны, является наиболее актуальным в условиях сложившейся политической конъюнктуры, а с другой – четко коррелируется с представлениями экспертного сообщества о сущностном функционале научной дипломатии.

В целом мы можем заключить, что на протяжении большей части рассматриваемого периода в рамках репрезентации темы научной дипломатии в социальных медиа наблюдался устойчивый рост интереса к соответствующей проблематике. При этом имело место смещение акцентов в сторону большего освещения эмпирических кейсов, в первую очередь – российских. Направление «наука в дипломатии» стало наиболее значимым вектором в рамках обсуждения соответствующей тематики, в первую очередь, вероятно, за счет увеличения масштабов ее прикладной востребованности на фоне ухудшения внешнеполитической конъюнктуры.

Дальнейшее развитие исследований по затронутой нами тематике связано в первую очередь с разработкой вопроса о качественных и количественных характеристиках обратной связи между авторами публикаций на тему научной дипломатии и пользователями, участвующими в обсуждении размещенных материалов.

[1] New frontiers in science diplomacy. London: The Royal Society, 2010. P. 4.

РАЗДЕЛ 3

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКЕ

А. В. ДАХИН

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ТРАНЗИТ КОНЦЕПЦИЙ И ПРАКТИК

Аннотация. Анализ практик региональной политической жизни их теоретических исследований за последние 30 лет в России позволяет отметить тенденцию диверсификации форм региональной политики, а также связанную с этим тенденцию дифференциации предметов исследования политической регионалистики. Обе тенденции представляют собой своеобразный вызов как для политических практик, так и для политический науки. В статье, в частности, рассматриваются основные поворотные моменты развития отечественной политической регионалистики, вопросы концептуально-методологической переклички внутриполитической регионалистики и международных политических исследований, факторы дифференциации систем региональной и муниципальной публичной власти в единой системе публичной власти в России. Представленная концепция самостоятельных ресурсов публичной власти на разных уровнях региональной стратификации политического пространства опирается на концептуальную основу понятий «региональная коллективная идентичность» и «региональная коллективная память». Она позволяет уточнить основные принципы организации систем региональной публичной власти с учётом международных связей регионов. Отвечая на новые вызовы, отечественная политическая регионалистика решает задачи переосмысления понятий «региональный политический режим» «региональное гражданское общество», «региональная публичная политика» и др.

Ключевые слова: политическая регионалистика, собственный потенциал региональной публичной власти, региональная коллективная память, региональная коллективная идентичность, региональная стратификация политического пространства.

Анализ 30-летнего периода становления и развития отечественной политической регионалистики позволяет выявить несколько поворотных моментов, которые формируют актуальные запросы на новые направления концептуально-теоретических исследований. Стартовав в начале 1990-х гг., политическая регионалистика приняла на вооружение западный концептуально-теоретический и инструментальный арсенал, с его помощью вела исследования политических реалий субъектов федерации в России[1]. Становление отечественной политической регионалистики в качестве субдисциплины российской политической науки продолжается в настоящее время[2]. К началу второго десятилетия XXI в. появляются признаки того, что предложенные западной политической наукой концепты нерелевантны по отношению к российским регионально-политическим реалиям и требуют переосмысления[3]. Среди новых явлений российской политики, потребовавших осмысления его связи с региональными политическими процессами, стал государственный суверенитет России. Суверенитет формировался с момента распада СССР, но только к 2005 г. он стал приоритетом Российской власти как «большого мыслящего»[4], но только к 2013–2014 гг. фактор суверенитета приобрёл формы, доступные для наблюдения на уровне регионального политического процесса: с принятием закона об «иностранных агентах» появилась возможность наблюдать соотношение влияния на региональную политику со стороны «автохтонного» регионального гражданского общества и со стороны

[1] *Гельман В. Я.* По ту сторону Садового кольца: опыт политической регионалистики России // Полития. 2001. № 4. С. 65–94.

[2] *Дахин А. В.* Политическая регионалистика. // Тенденции и проблемы российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция, новация / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, С. В. Патрушев. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 185–218. (Политология России)

[3] *Гайворонский Ю. О.* Региональные политические режимы: концептуальные новации и возможные изменения. // Полития. 2015. № 2 (77). С. 21–37; *Туровский Р. Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–79.

[4] *Дахин А. В.* Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. № 3. С. 29–41.

местных акторов – проводников политического действия зарубежных центров политического влияния.

Дополнительные особенности политической регионалистики обусловлены тем, что регионы России интегрированы в поле международных отношений в регистре экономических, культурны, образовательных, экологических, научных и др. контактов. Поэтому на территории любого субъекта федерации действует не только отечественная «вертикаль власти», но и иностранные акторы социально-экономической активности, участие которых создаёт структуру, которая обычно описывалась в терминах «intermestic policy»[1]. Если в поле отношений «федеральный центр – субъект федерации – муниципалитет» предметом исследования выступает баланс различных уровней внутренней системы публичной власти, то в поле концепции «intermestic policy» (интерместная политика) – речь о балансе внешнеполитических и внутриполитических влияний, который проецируется также и на уровень региональной политики. Включение фактора государственного суверенитета России в поле «intermestic policy» требует переосмысления соотношения внутренних и внешних центров влияния на политику российских регионов.

Третий поворот отечественной политической регионалистики связан с тем, что понятия «политический режим» и «региональный политический режим» были завязаны на концепцию и практику представительной демократии[2]. Действительно, в 1990-е гг. «демократизация» понималась исключительно в связи с внедрением механизмов представительной демократии по Р. Далю, Ч. Тилли и др. В свете этого теоретико-методологического подхода все региональные и муниципальные политики в России номинируются в качестве «авторитраных» и встроенных в «вертикаль власти», констатируется тенденция регионального однообразия местных политических режимов, основанных на укрепле-

[1] *Putnam Robert D.* Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. Vol. 42, No. 3 (1988). P 427–460.

[2] *Gel'man V.* Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // International Political Science Review. March, 2008. Vol. 29, No. 2. P. 157–180.

нии «субнационального авторитаризма»[1]. Привычная методология исследования региональных политических режимов приводит к банальному выводу о региональном «авторитаризме» в формате «административной вертикали»[2], что становится причиной ослабления интереса ряда исследователей к политической регионалистике (В. Гельман, А. Макарычев и др., покинувшие это исследовательское поле). Дорожная карта исследований отечественной политической регионалистики, построенная на теоретико-методологических основаниях 1990-х гг., достигла потолка своих возможностей. Теперь требуется новое усилие, чтобы осмыслить это обстоятельство, «пробить» потолок и определить новые перспективные ориентиры.

В этой связи необходимо обратить внимание, что с 2012–2013 гг. в региональной публичной политике России происходит диверсификация демократических механизмов публичной политики за счёт развития механизмов совещательной (deliberative democracy) и механизмов партисипаторной демократии (participatory democracy)[3]. Это и другие обстоятельства позволяют оспаривать тезис об установлении «вертикального» политического однообразия в жизни регионов и заострять вопрос о новых факторах регионального разнообразия в отечественной региональной политике.

Четвёртый поворотный момент состоит в том, что в поле политической регионалистики попадают такие неполитические факторы, как «коллективная память» и «коллективная идентичность». Первые подходы по интеграции проблематики региональной коллективной памяти были предприняты ещё в конце 1990-х гг.[4], однако устойчивым предметом внимания региональ-

---

[1] *Туровский Р. Ф.* Муниципальная политика. // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 216–242. (Серия «Российская политическая наука: История и перспективы).

[2] *Ковалёв В. А.* Издержки федерализма и административной вертикали России: попытка сравнения // Политическая экспертиза. 2018. № 4. С. 104–121.

[3] *Дахин А. В.* «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении // Политэкс. 2019. Т. 15, № 4. С. 461–482.

[4] *Дахин А. В., Распопов Н. П.* Проблема региональной стратификации в России // Полис. 1998. № 4. С. 132–144.

ных политологов фактор коллективной памяти становится только к 2015 г. и сохраняет высокую актуальность по настоящее время, о чём свидетельствует, в частности, программы научно-практических конференций «Рубежи России: геополитика, регионалистика, историческая память» (Калининград, 23–24 августа 2021 г.), «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Формирование региональной идентичности и политика исторической памяти)», прошедшая на базе Алтайского государственного университета 28–29 октября 2021 г., в рамках которых были организованы круглые столы по вопросам политической регионалистики[1].

Наконец, ещё одним поворотным моментом является понятие «единая система публичной власти», которое внесено в текст Конституции РФ в 2020 г.[2] и обостряет вопрос о соотношении федеральных, региональных и муниципальных уровней концентрации публичной власти в России. Именно в этом аспекте возникает необходимость доосмысления проблематики дифференциации уровней публичной власти, а одним из ключевых в предметной области отечественной политической регионалистика представляется вопрос о собственном потенциале региональной власти, который мы рассматриваем в контексте концепции региональной стратификации политического пространства[3].

Включение в поле анализа фактора суверенитета России возвращает, в частности, к повторному анализу ситуации распада СССР, который интересен тем, что позволяет проследить пара-

[1] Круглый стол «Политические процессы в регионах России накануне выборов губернаторов и депутатов Государственной думы ФС РФ 2021 года: диалог власти и общества» в рамках конференции «Рубежи России: геополитика, регионалистика, историческая память» (Калининград, 23–24 августа 2021 г) был организован при поддержке Фонда президентских грантов.

[2] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1, п. 1 (а), п. 44 (г), п. 45(в).

[3] *Дахин А. В.* Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, и политике. Часть 1 // Власть. 2015а. № 10. С. 5–15; *Дахин А. В.* Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, и политике. Часть 2 // Власть. 2015б. № 11. С. 40–48.

доксальные отношения двух субдисциплин политической науки, которые несмотря на известные тенденции «междисциплинарного синтеза», остаются в состоянии некоторого отчуждения и почти непрозрачны для взаимного теоретико-методологического обмена, – внутриполитической регионалистики и поля исследований международных отношений. Особенность контекста распада СССР состоит в том, что союзные республики, изучение которых в тот период было предметом советологической внутриполитической регионалистики, после 1991 г. переходят в ведение «международных отношений». На уровне советологической регионалистики речь велась о новых концепциях для создания свободного союза суверенных государств на месте единого советского государства, в которой предполагалась «передача компетенций нижестоящим организациям», «самоуправление народов и республик»[1]. Понятия «нижестоящие организации» и «самоуправление» явно взяты из глоссария внутриполитической регионалистики, хотя речь ведётся о начальном этапе становления международных отношений в постсоветском пространстве. «Достижение независимости» прибалтийских народов соотносится с провозглашённым М. С. Горбачёвым намерением создания «гражданского общества» и утверждается: «На самом деле создание гражданского общества исключало сохранение… централизованного государства», где «мощное централизованное государство» видится «единственным гарантом «порядка» и «дисциплины»[2]. Понятие «гражданское общество», относится к методологической повестке внутриполитической регионалистики, характеризует участников внутренних политических отношений в государстве, которое может быть более или менее централизованным. Переложенная в контекст дискуссии о распаде СССР, внутриполитическая эпистема «гражданское общество – государство» выворачивается наизнанку, чтобы вывести повествование из «регионалистики» в «международку»: «гражданское общество» представляется как нечто несовместимое с «центра-

[1] *Zimon G.* Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. P. 9.

[2] Ibid. P. 11.

лизованным государством», поэтому делается вывод о неизбежности преобразования прибалтийских республик в самостоятельные государства. Отмечалось и то, что вместо централизованных коммуникаций возникает тенденция формирования «горизонтальных структур» для укрепления политических и экономических связей[1]. Из контекста видно, что понятие «централизованные отношения» (вертикальные структуры) относится к повестке внутриполитической регионалтстики, а рассказ о становлении «горизонтальных структур» – к повестке «международных отношений». Можно заметить также и то, что советологическая внутриполитическая регионалистика, делая акцент на жёсткости централизованного управления (распад государства определяется как «деколонизация»[2]), заметно дискриминировала понятия, указывавшие на существование и состояние горизонтальных экономических связей между республиками СССР (система «совнархозов», экономических административных районов и пр.). С другой стороны, переводя повествование в контекст отношений постсоветских независимых государств, акцент делается на «горизонтальных структурах», а тема «вертикальных отношений» дискриминируется, будто в мире отношений независимых государств не существует систем вертикального подчинения. Все эти странности являются закономерным следствием того, что из теоретико-концептуального арсенала исследований «вынут» один компонент, – концепт государственного суверенитета.

Во всех приведённых примерах, речь идёт о механизме превращения внутриполитических отношений республик СССР по внешнеполитические отношения независимых государств. На уровне взаимоотношений субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения» непрерывное наблюдение за этим предметом трансформации не получается: объект наблюдения «союзная республика» в какой-то момент просто исчезает с радаров «регионалистики», а на радарах «меж-

[1] *Zimon G.* Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. P. 23–24.

[2] Ibid. P. 38.

дународных отношений» в какой-то момент просто появляется некий новый объект постсоветское «независимое государство». Концептуально-понятийный строй субдисциплин «внутриполитическая регионалистика» и «международные отношения» отличается достаточно радикально, между их списками ключевых понятий почти отсутствует механизм конвертации смыслов, за исключением ядра общих для политической науки понятий, таких, как «политический актор», «политический институт» и пр. Ситуация распада СССР и процесс преобразования внутриполитических отношений между республиками СССР в международные отношения независимых государств высвечивает эту парадоксальную взаимную теоретико-методологическую несвязанность и непрозрачность. А между тем, здесь же высвечиваются и некоторые основания для теоретико-методологической переклички, диалога, сближения.

Первое, что позволяет выявить некоторую общую методологическую основу, это принцип системности, в свете которого объект исследования (обобщённо, политический регион) рассматривается как «система», имеющая в своём внутреннем строении «подсистемы», а сама встроена в «мета-систему», то есть в систему более обширную. Отечественная внутриполитическая регионалистика традиционно рассматривает в качестве «системы» субъект федерации, в качестве «подсистемы» – муниципальное самоуправление, а в качестве «мета-системы» российское государство. Теория международных отношений рассматривает в качестве «системы» конкретную страну, «подсистемы» – это различные внутренние акторы, определяющие поведение страны на международной арене, а в качестве «мета-системы» – совокупность международных отношений или союзы государств и т.п. Ситуация распада СССР ставит в этом плане триединую исследовательскую задачу: при изучении процесса трансформации «республики СССР» в «независимое государство»,

А) на уровне «системы» в поле зрения попадает преобразование межрегиональных отношений «республик СССР» в международные отношения «независимых государств»;

Б) на уровне «подсистем» необходимо изучить б) процесс внутриполитической регионализации новой «системы» (независимого государства) и б') процесс выявления внутренних акторов, влияющих на поведение страны на международной арене;

В) на уровне мета-системы предметом изучения становится в) процесс превращения внутриполитических отношений «союзная республика – союзная власть» в международные отношения «независимые государства – Россия», в') процесс встраивания новой «системы» (независимого государства) в мета-систему международных отношений, в частности, – в объединения государств (НАТО, ОДКБ или др.).

Второе, что можно отметить в приведённых выше советологических примерах, – это анализ вертикальных и горизонтальных структур коммуникаций, в которых находится политический регион. В теоретико-методологической повестке внутриполитической регионалистики к вертикальным структурам относятся коммуникации субъекта федерации с федеральным центром политического влияния и с муниципальными объектами собственного влияния. В системе международных отношений, где политический регион – это страна, к вертикальным структурам коммуникаций относятся её связи с внешними глобальными центрами влияния, а также структуры её собственного влияния в мире, которое она транслирует на свои объекты влияния. Применительно к ситуации распада СССР речь идёт о том, что в свете советологической внутриполитической регионалистики республика СССР исследуется как в структуре вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика – области союзной республики», так и в структуре горизонтальных отношений «союзная республика – союзная республика». В свете международных отношений новое «независимое государство» также должно рассматриваттся в структуре вертикальных и горизонтальных отношений, где вертикальные коммуникации – это механизмы, проводящие влияние внешних глобальных (или региональных) центров силы на политику страны и требующих от неё трансляции определённых воздействий на третьи внешние территории. Например, Грузия после распада СССР встраивается в поле вер-

тикальных коммуникаций с США/ НАТО и транслирует их «вертикальное» влияние на территорию Абхазии в форме попытки военного захвата. А механизмы горизонтальных коммуникаций новых государств могут строиться либо с участием России, либо в обход неё. Анализ процесса распада СССР в этом аспекте позволяет высветить целый ряд перекличек теоретико-методологических повесток внутриполитической регионалистики и теории международных отношений:

А) преобразования вертикальных отношений «союзный центр – союзная республика», могут идти как, а') по пути становления горизонтальной структуры «независимое государство – Россия» (Содружество независимых государств), так и а'') по пути становления вертикальной структуры «Россия как центр глобальной силы – независимое государство». Данная дилемма является одной из актуальных в т.ч. для России: какой тип отношений с постсоветскими независимыми государствами Россия стремится сформировать в стратегической перспективе? Если только горизонтальные связи, то это значит, что вопрос о структуре вертикальных коммуникаций отдаётся на попечение иных глобальных центров силы (например, США). Не менее острая дилемма России касается и её самой. Внутриполитическая вертикальная структура «союзный центр – РСФСР», уходит в небытие. Возникает вопрос, в какую вертикальную систему коммуникаций встраивается независимое государство Россия: а''') в имеющуюся и созданную под политическое доминирование США, или а'''') Россия сама формируется в качестве глобального центра силы, конкурирует с США и строит собственные, новые структуры вертикальных коммуникаций в постсоветском пространстве?

Б) Преобразование горизонтальных внутриполитических отношений «союзная республика – союзная республика», – в частности «РСФСР – иные республики», – также может рассматриваться в нескольких концептуальных сценариях: б') они трансформируются в горизонтальные коммуникации России с постсоветскими независимыми государствами, б'') они прекращаются, так как Россия строит свои горизонтальные связи в отношении

иных стран, б''') они прекращаются, так как постсоветские независимые государства строят свои горизонтальные связи в обход России, б'''') они трансформируются в структуры вертикальных коммуникаций постсоветских государств с Россией, как с геополитическим центром силы.

Таким образом эпистемы «системности» и «вертикально – горизонтальных коммуникаций», которые в равной степени работают как в концептуально-методологической рамке внутриполитической регионалистики, так и в концептуально-методо-логической рамке международных отношений, могут рассматриваться в качестве узлов своеобразной взаимной переклички, конвертации ноосфер названных субдисциплин политической науки, также в качестве оснований для концептуально-методо-логических сопоставлений.

В настоящее время многое в этих субдисциплинах выглядит несопоставимым. Например, в поле международных отношений есть понятия «soft and hard power», которыми не пользуется отечественная политическая регионалистика. Однако, их анализ в рамках эпистемы «вертикально – горизонтальных коммуникаций» позволяет заключить, что эти понятия характеризуют механизмы вертикальных коммуникаций, которые используют центры глобальной силы для влияния политику иного независимого государства (государства –мишени). Речь идёт об арсенале силовых методов принуждения объекта вертикального влияния к ведению необходимой политики (hard power) и об арсенале методов «незаметного» приучения объекта влияния к ведению этой же политики (soft power). Поскольку в структуре внутриполитической регионалистики также присутствуют представления о вертикали власти, постольку можно выявить и перекличку концептов. Исследования инструментов построения вертикали власти в СССР отмечают арсенал жёстких методов принуждения союзных республик к централизации (попытки сдерживания военными средствами движения «прибалтийских нардов в направлении достижения независимости» в конце 1980-х гг.[1] «Чем

[1] *Zimon G.* Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. P. 11.

дальше на юг и юго-восток, тем больше проявляется склонность к насилию в ходе межэтнических конфликтов и тем больше жертв, связанных с участием в этих конфликтах советские вооружённых сил» [1]и т.п.), а также арсенал методов приучения союзных республик к нормам порядка централизованной федерации (идеология «социализма с человеческим лицом» и «демократизации партии»[2], «национальная идея»[3], переговоры по для создания идейного консенсуса в рамках нового союзного договора [4] и пр.). Взаимосвязь «жёстких» и «мягких» методов влияния в рамках вертикальных политических коммуникаций действует как в рамке внутриполитической регионалистики, так и в рамке международных отношений. При этом, безусловно, содержательное наполнение «жёсткой» и «мягкой» политики построения вертикали власти внутри суверенного государства будет существенно отличаться от содержания «жёстких» и «мягких» влияний при строительстве или функционировании вертикальных коммуникаций в поле международных отношений. Если рассматривать ситуацию распада СССР в этом аспекте, то можно выделить следующие переливы соотношения «жёсткого» и «мягкого» политических влияний: а) попытка ГКЧП резко форсировать «жёсткий» механизм сохранения централизованного СССР столь же резко обнулила весь потенциал «мягкого» удерживания (идеологического, политико-переговорного), что привело к распаду СССР; б) ослабление как «жёстких», так и «мягких» механизмов централизованной федерации в РСФСР привело к тому, что инерция дезинтеграции СССР продолжилась в Российской Федерации [5]и появился «парад суверенитетов»; в) в

[1] *Zimon G.* Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. P. 30.

[2] О демократизации советского общества и реформе политической системы. Резолюция // XIX Всесоюзная конференция КПСС. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографический отчёт: в 2 т. М.: Издательство политической литературы. 1988. Т. 2. С. 135–145.

[3] *Zimon G.* Die Desintegration der Sowjetunion durch die nation und Republiken. Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. Koln, 1991. P. 11.

[4] Ibid. P. 9.

[5] Ibid. P. 22–23.

1990-е гг. в отношениях «Россия – постсоветские независимые государства» как механизмы «жёсткого», так и механизмы «мягкого» влияния почти исчезли; г) одновременно заработали механизмы как «жёсткого», так и «мягкого» влияния США на постсоветские независимые государства. Таким образом, при преобразовании внутриполитических отношений «союзный центр – союзные республики» в отношения международные произошла радикальная смена структуры «жёстких» и «мягких» механизмов влияния, связанных с этим классом политических регионов: во-первых, само присутствие «жёстких» и «мягких» механизмов сохранилось; во-вторых, после распада СССР центром силы, использующим по отношению к бывшим советским республикам «жёсткие» и «мягкие» механизмы влияния нового формата (формат международных отношений) стали США, Китай, др. государства.

Разметка проблемного поля ситуации распада СССР в свете соотнесения подходов, характерных для внутриполитической регионалистики, и подходов, типичных для международных отношений, позволяет заострить внимание на таких вопросах, как: 1) стремится ли Россия конкурировать с США за строительство вертикальных коммуникаций с постсоветскими независимыми государствами?; 2) если да, то как видится стратегическое соотношение роли «жёстких» и «мягких» механизмов влияния по линии «Россия – постсоветские независимые государства»?, что доминирует, «жёсткая» или «мягкая» сила?; 3) на каком сочетании «жёстких» и «мягких» механизмов влияния (внутриполитический формат) в отношениях «федеральная власть – региональная власть» строится стратегия внутренней устойчивости Российской Федерации?, на доминировании «жёстких» механизмов или на доминировании «мягких»? Несмотря на то, что пп. «1» и «2» относятся к полю международных отношений, а п. «3» к полю внутриполитической регионалистики, между ними существует содержательная перекличка. Например, для реализации механизмов «мягкой» силы в том и другом формате требуется работа собственной идеологической индустрии, которая была бы способна обеспечивать как нужды внешнеполитической «мягкой»

силы, так и нужды внутриполитической. Отсутствие в РФ сколько-нибудь ясной общей идеологии[1] ослабляет оба контура политики «мягкой» силы.

Перспектива теоретико-методологического сближения внутриполитической регионалистики и исследований международных отношений, зарубежного регионоведения видится в рамках совместной, междисциплинарной проработки концепции региональной стратификации политического пространства, в рамках которой могут быть сформированы контуры перекликающихся концептов и ключевых понятий, характеризующих политические регионы разного калибра (объединение стран, отдельная страна, регион в составе станы, муниципалитет в составе региона) во всём многообразии их актуальных и динамично меняющихся отношений. Дальнейшая проработка этих вопросов позволит подойти к созданию более цельной, общей политологической теории региональной стратификации политического пространства в современном обществе.

Представленный беглый анализ проблематики распада СССР позволяет ставить вопрос об отечественном переосмыслении концепции «intermestic policy», где уточнения требует представление о балансе внешнеполитических и внутриполитических ресурсов власти, который проецируется не только на уровень федеральной политики России, но также на региональный и муниципальный уровень. Проблема собственного потенциала власти касается федерального уровня (в т.ч. здесь требуется анализ баланса внутренней политической активности и активности внешних центров политического влияния, выработки отечественных смыслов концепции интерместной политики), регионального уровня (здесь к контуру интерместной политики/intermestic policy добавляются отношения «федеральный центр – регион») и муниципального уровня публичной власти (где к первым двум структурным элементам добавляется специ-

[1] *Аржаных Т. Ф.* Идеологический дискурс в современной России: перспективы формирования российской идентичности. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2017. № 5. С. 216–225.

фика отношений «субъект федерации – муниципальное образование»).

Характеризуя возможности и практики региональных политических исследований в современной России проф. В. А. Авдонин отмечает проблему растущей дифференциации и прогрессирующей сегментации исследовательского поля политической регионалистики. По его оценке, высказанной в рамках дискуссии круглого стола в Н. Новгороде по теме «30-летие отечественной политической регионалистики и регионоведения: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики» (27 мая 2021 г.), в 2000-е гг. в дискуссиях о предметно-тематической и методологической дифференциации и сегментации политической регионалистики стали подчеркиваться ее междисциплинарный характер, слабая интеграция предметного поля, ограниченная концептуализация, проблемы взаимодействия с практикой и др. Тем не менее, определенные надежды на интеграцию этого поля имели место[1]. Но, как показало дальнейшее развитие, подлинной интеграции не получилось. В этой связи В. А. Авдонин выделяет три наиболее заметных расходящихся сегмента исследовательского поля российской политической регионалистики: политико-управленческий, политико-территориальным или политико-пространственный и собственно политологический. По мнению В. А. Авдонина, жесткая централизация власти в 2000-е гг. фактически ликвидировала региональную автономию, что способствовало ревизии концептуального аппарата российской политической регионалистики и, в частности, ослаблению в ней роли политологических категорий, таких как «региональный политический режим» и др. На поле политической регионалистики, с одной стороны, усилился дрейф от политического в сторону управленческо-административного и фор-

[1] *Авдонин В. С., Баранов А. В., Дахин А. В.* Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007). М.: РОССПЭН, 2008. С. 105–125; *Дахин А. В.* Политическая регионалистика в России: На пути к устойчивой научной полноте // Политическая наука. 2016. № 2. С. 132–163.

мально-юридического, а с дугой, – в сторону территориально, социально и культурно специфического. В современных условиях режимный подход будет в основном означать приоритетное внимание к исследованию многообразия авторитарных характеристик региональной политики.

Сходная полемика наблюдается также и на уровне муниципальной публичной власти России. Большой вклад в развитие темы местного самоуправления сделан Р. Туровским и его соавторами[1], работы В. Гельмана, С. Рыженкова и др.[2], О. Моляренко[3], А. Чириковой, В. Ледяева и др.[4] Все исследования позволяют описать многие городские процессы в рамках взаимодействия (конфликтности) местных элит и форм их координации между собой и с системами власти регионов. В рамках дискуссии «30-летие отечественной политической регионалистики и регионоведения: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики» (Н. Новгород, 27 мая 2021 г.) А. Е. Чирикова на основе эмпирического исследования в 5-ти малых российских городах проанализировала проблемное поле малых российских городов, рассмотрела вопрос об уровне мотивации глав городов и их команд. Характеризуя полученные эмпирические данные, А. Е. Чирикова отметила, что основное условие участия любой коммерческой компании в городской политике – это наличие людей со стратегическим мышлением в руководстве

---

[1] *Туровский Р. Ф.* Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro nunc. 2015. № 1. С. 82–98; *Туровский Р., Васеленко Е.* Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления. в больших городах // Регионология. 2019. Т. 27, № 1. С. 13–30.

[2] *Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России. 1991–2001. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. 380 с.

[3] *Моляренко О.* Местное самоуправление в России или Хроники крайней власти // Мир России. Социология. Этнография. 2021. № 1. С. 8–28.

[4] *Чирикова А., Ледяев В.* Власть в моногороде: векторы перемен // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. № 2. С. 111–127; *Чирикова А., Ледяев В.* Власть в малом российском городе. М.: Издательский Дом НИУ-ВШЭ, 2017. 414 с; *Ледяев В.* Социология власти. М.: Издательский Дом НИУ-ВШЭ, 2012. 472 с.

градообразующего предприятия, идентифицирующих себя с городом. Дилемма отношений, – взаимодействие с властью или противодействие ей, – определяется удовлетворенностью/ неудовлетворенностью главой городской администрации и его командой. В качестве позитивного фактора А. Е. Чирикова отмечает перемены спроса со стороны населения к власти.

Обращение к актуальным содержательным результатам исследований В. А. Авдонина, А. Е. Чириковой и др. позволяет уверенно констатировать наличие актуальной проблемы собственного потенциала власти на разных уровнях региональной стратификации политического пространства. Фокусируя внимание на собственном потенциале региональной власти в России, используя в качестве опорного термина понятие «state capacity»[1] и учитывая региональную его модификацию[2], можно показать, что поиск ключа к пониманию собственного потенциала власти региона (субъекта федерации)/ мениципалитета выводит на анализ а) совокупности связей жителей региона /муниципалитета с территорией проживния, с одной стороны, и б) на анализ отношений граждан и институтов региональной/муниципальной власти, с другой стороны.

В *первом* сегменте речь идёт о связях граждан с территорией, обусловленных регистрацией места жительства, правами на объекты недвижимости, размещением предприятий и организаций, на которых работают граждане, местами регистрации гражданина в качестве налогоплательщика и др. Всё это отношения, связывающие граждан с материальными ресурсами сообщества, расположенными на территории; они мотивируют граждан быть заинтересованными участниками (стейкхолдерами) региональной публичной политики. Есть также и связи с нематериальными ресурсами регионального сообщества, основными из которых выступают региональная коллективная память и региональная

[1] *White David*. State capacity and regime resilience in Putin's Russia // International Political Science Review. January, 2018. Vol. 39. No. 1. P. 130–143.

[2] *Gel'man V.* Out of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. // International Political Science Review. March, 2008. Vol. 29, No. 2. P. 157–180.

коллективная идентичность. Эти связи также мотивируют граждан на заинтересованное отношение ко всему, что происходит в жизни регионального сообщества на территории проживания, в т.ч. в публичной политике.

Одним из таких «факторов связи» являются структуры региональной этно-национальной идентичности и памяти. Характерным примером современной ситуации является термин «архаизация транснациональных отношений», применяемый к Северо-Кавказскому региону России. Термин отражает, с одной стороны, возрождение структур местной этно-социальной и этно-религиозной солидарности, а, с другой стороны, то, что без консенсуса местной администрации с этими структурами «невозможна реализация любых управленческих программ». Анализ ситуации позволяет утверждать, что противоречивое отношение к роли этнокультурного фактора в региональной политике вызвано, с одной стороны, недостаточно чётким пониманием значения региональной этнокультурной солидарности в общей системе региональной стратификации публичной власти в России. С другой стороны, оно вызвано недостаточно критическим использованием западной транзитологической методологии, которая редуцирует всё многообразие политических отношений «гражданин – государство» к механизмам представительной демократии. В отношении первого аспекта необходимо отметить, что активная этнокультурная солидарность региональных сообществ свидетельствует о присутствии у регионального/ местного сообщества нескольких качеств субъекта региональной публичной власти, прежде всего:

а) о наличии активных структур коллективной социально-исторической памяти и идентичности, на базе которых действуют качества;

б) проактивного стейк-холдера региональной публичной политики;

в) потенциального заинтересованного инвестора в развитие региональной территории.

В отношении второго аспекта подчеркнём, что отечественной политической регионалистике предстоит переход от методоло-

гии «транзита институтов представительной демократии» к методологии, которая учитывает разнообразие механизмов демократии и учитывает в своих наблюдениях механизмы партисипаторной и совещательной демократии.

Анализ регионально-муниципальной проблематики требует также и определённого переосмысления понятий «политический режим» и «потенциал государства», которые в проекции на систему региональной стратификаци политического пространства трансформируются в понятия «региональный / муниципальный политический режим» и «собственный потенциал региональной / муниципальной власти». Для обоснования муниципальной политики в качестве самостоятельной субдисциплины отечественной политической науки, необходимо ответить на вопрос: обладают ли муниципалитеты собственным потенциалом публичной власти? Принимая во внимание исследования Э. Остром о роли местнвх сообществ в решении местных проблем пользователей «общими ресурсами»[1], можно заключить, что системы муниципального самоуправления могут обладать собственным, неотчуждаемым потенциалом публичной власти, который, однако, в одних случаях, может быть мобилизован и активизирован, а в других случаях заброшен, дискриминирован в пользу иных ресурсов политического влияния.

Устойчивость всей системы публичной власти России в обсуждаемом ракурсе во многом зависит от состояния «муниципальной стопы» системы публичной власти России, которая сводится к пониманию природы собственного потенциала муниципальной публичной власти. Элементы собственного потенциала муниципальной публичной власти связаны, прежде всего, с отношением муниципальных сообществ к территории своего проживания, с «общинными» и гражданскими формами локальной солидарности внутри муниципальных сообществ, с локальными формами поддержания социального порядка, а также с материально-хозяйственными и финансовыми ресурсами, находящими-

[1] *Остром Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.

ся в собственности муниципалитета или граждан-резидентов муниципальной территории[1]. Сильные «общинная» и гражданская формы локальной солидарности создают сильную «муниципальную стопу» публичной власти, факт наличия которой говорит о наличии неотчуждаемого потенциала муниципальной публичной власти. Онтологической основой этого потенциала (municipal capacity) выступают активное состояние структур социально-исторической памяти и идентичности локального сообщества. Примеры высокого уровня «общинной» солидарности дают локальные этнокультурные и конфессиональные сообщества муниципальных территорий, общины народов Севера России, республик Северного Кавказа и др. Примеры высокого уровня гражданской солидарности дают отдельные муниципалитеты России, где действуют живые товарищества общественного самоуправления (ТОСы), реализуются программы партисипаторного бюджетирования (Череповец и т.п.), программы «живых городов» и пр. В этом контексте содержательную рамку понятия «муниципальный политический режим», содержание которого обычно сводилось к описанию механизмов представительной демократии, необходимо расширить его за счёт включения в поле зрения механизмов совещательной демократии и партисипаторной демократии. Расширение обусловлено тем, что интеграция названных выше ресурсов собственного потенциала муниципальной публичной власти (этнокультурная солидарность, религиозно-конфессиональная солидарность и др. «общинные» формы) возможна, прежде всего, посредством механизмов совещательной и партисипаторной демократии.

Дополнительные особенности муниципальной политико-экономической среды связаны с тем, что крупные города России (областные центры и т.п.) интегрированы в поле международных отношений в регистре экономических, культурных, образовательных, экологических, научных и др. контактов. Поэтому на

[1] *Дахин А. В., Балуева И. В., Давыдов С. В., Щетинина О. В.* Система публичной власти и региональная стратификация политического пространства России: институты в поиске социального субъекта // Власть. 2021. Т. 29, № 4. С. 9–21. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8368

территории муниципалитета (и субъекта федерации) действует не только «вертикаль власти», но и «вертикаль» влияния иностранных акторов социально-экономической активности, участие которых создают структуру, которая может стать политической доминантой и описывается в терминах «intermestic policy». В этом случае в рамку муниципальной политики попадает такой новый участник, как «иностранный агент», что косвенно отражает также и фактор государственного суверенитета России на уровне муниципальной (и региональной) политики.

В заключение аналитического обзора проблематики региональной и муниципальной политики в России можно говорить о том, что собственный потенциал власти этих уровней публичной власти необходимо искать в структурах отношений «граждане – территория» и «граждане – институты власти». Сильные связи граждан с материальными и нематериальными ресурсами регионального / муниципального сообщества могут генерировать сильные формы заинтересованности граждан в делах своего региона, причём роль структур памяти и идентичности является определяющей в формировании такой заинтересованности. Если идентичность и коллективная память регионального / муниципального сообщества слабая, травмированная, то ослабляется и энергия заинтересованности граждан в «общих» делах на территории. В этой части можно говорить об альтернативности политики региональной / муниципальной власти по отношению к структурам региональной коллективной памяти и идентичности. Одна стратегия может строиться на принципе «коллективная идентичность и память *мешает* развитию региона/ муниципалитета»; тогда в регионе/муниципалитете можно наблюдать стремительные реновации территорий проживания, разрушение традиционных форм социальной солидарности (распад этно-культурных, конфессиональных и пр. сообществ, в т.ч. традиционной семьи) и пр. Альтернативная стратегия, – именно она представляется нам в качестве приоритетной, – строиться на принципе «коллективная идентичность и память *помогает* развитию региона / муниципалитета»; в этом случае мы будем наблюдать осмотрительные, «медленные» способы преобразования городской среды, а также сохранность и

устойчивое функционирование всех традиционно существующих на территории форм социальной солидарности, в т.ч. традиционной семьи. Названная альтернатива позволяет понять состояние человеческого капитала региона: в русле первой стратегии будет наблюдаться сокращение, ослабление названного капитала, в русле второй – будет наблюдаться рост, усиление.

Во втором сегменте региональных связей, – это, напомним, сегмент отношений «граждане – институты власти», – ключевой вопрос связан с тем, в какой мере региональный / муниципальный институт власти способен или не способен вовлечь, мобилизовать человеческий капитал региона/муниципалитета в свои программы публичной политики, нацеленные на решение различных проблем и задач регионального развития.

Основная альтернатива сводится к следующему: есть губернаторы/ мэры, которые не считают задачи вовлечения человеческого капитала в программы регионального / муниципального развития жизненно необходимыми, а потому для пополнения регионального / муниципального потенциала власти они стремятся плотнее встроиться в «вертикаль власти».

Есть губернаторы / мэры, которые, напротив, понимают жизненную важность задач вовлечения человеческого капитала региона в программы развития территорий. Потому пополнение собственного потенциала региональной / муниципальной власти они осуществляют через создание структур государственно / муниципально-гражданского партнёрства, разнообразных структур социального доверия в отношениях «власть – граждане», работа которых позволяет дополнить бюджетные ресурсы региональной власти самыми разнообразными ресурсами волонтёрской, благотворительной, попечительной и пр. видов общественно-полезной деятельности, в ходе которой граждане выступают в качестве заинтересованных участников конкретных программ и проектов и вкладывают в них свои частные материальные и нематериальные ресурсы.

Обобщая сказанное можно наметить выделение четырёх моделей региональной политики управления собственным потенциалом региональной власти.

Первый: сочетает стратегию ослабления человеческого капитала (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) с попытками мобилизации его ресурсов в структуру региональных проектов и программ.

Второй: сочетает стратегию ослабления человеческого капитала (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) со стремлением встроиться в «вертикаль власти».

Третий: сочетает стратегию сохранения и развития человеческого капитала региона (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) с практиками мобилизации его ресурсов в структуру региональных проектов и программ.

Четвёртый: сочетает стратегию сохранения и развития человеческого капитала региона (в т.ч. потенциала структур идентичности и памяти) со стремлением встроиться в «вертикаль власти».

Беглый анализ практик современной региональной политики позволяет сформулировать гипотезу: наиболее популярными являются модели первая и вторая, тогда как целый ряд федеральных приоритетов формулирует запрос на третью модель. Модель четвёртая характерна для таких регионов, как Чечня, Татарстан и др., на территории которых живут автохтонные этнокультурные сообщества граждан РФ.

Намеченный подход высвечивает новые возможности выявления и анализа разнообразия региональных политик в современной России.

При соответствующей наладке теоретико-методологической системы наблюдения становится видно, что источниками регионального политического разнообразия становятся новые факторы, среди которых и местная идентичность, и иностранные агенты, и механизмы совещательной, партисипаторной демократии и др., т.е. все те факторы, которые ранее оставались «за скобками» исследования. Эта сложная многоуровневая структура отношений может быть описана в свете концепции региональной стратификации политического пространства и представлена в виде «колонны стратификации» у которой есть «муниципальная стопа», региональный, межрегиональный, общероссийский / стра-

новой и международный уровни публичной власти. Основной предмет исследования отечественной политической регионалистики, находясь в теле «колонны стратификации» среди иных территориально определённых уровней публичной власти, собирает в своём политическом пространстве элементы политических отношений с ними. Комплексный анализ предполагает, соответственно, инструментарий, который позволяет изучать весь спектр этих отношений российского региона от регионально – муниципальных до международных.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алейников А. В. – доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии государственного Санкт-Петербургского университета.

Бахлов И. В. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

Бахлова О. В. – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра «Политический анализ территориальных систем» Мордовского государственного университета.

Бирюков С. В. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Брод А. С. – председатель Ассоциации «Независимый общественный мониторинг».

Гаман-Голутвина О. В. – доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологи МГИМО МИД РФ.

Данилова Е. А. – доктор политических наук, доцент департамента политологии, Финансового университета при Правительстве РФ, старший научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета

Дахин А. В. – доктор философских наук, профессор Нижегородского института управления, филиала РАНХиГС при Президенте РФ.

Заславский С. В. – доктор юридических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Зудин А. Ю. – старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ.

Казаринова Д. Б. – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов.

Калачева Е. С. – соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ.

Луцкая А. А. – бакалавр МГИМО МИД РФ.

Мальцева Д.А – кандидат политических наук, доцент факультета политологии государственного Санкт-Петербургского университета.

Михайлова О. В. – доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова.

Осколков П. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ.

Полунов А. Ю. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ имени М. В. Ломоносова.

Рогожина К. А. – кандидат политических наук.

Сенцов А. Э. – кандидат политических наук, исследователь университета Сорбонна, Париж-1 Декарт.

Силакова И. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ.

Сморгунов Л. В. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления государственного Санкт-Петербургского университета.

Соловьев А. И. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шаповалов В. Л. – кандида исторических наук, заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Шиловский Р. С. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Церович М. А. – соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД РФ

Щербинин А. И. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Щербинина Н. Г. – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Научное издание

Мозаичное поле мировой и российской публичной политики

Политическая наука: Ежегодник 2020–2021

Редактор *К. Г. Шилько*
Оригинал-макет *А. И. Лелоюр*
Дизайн обложки *Л. Д. Кривцовой*

Подписано к печати 26.11.2021 г. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 27,5. Усл. печ. л. 33.
Тираж 500 экз. Заказ № 4863.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-46-7

